МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: История и право

Научный журнал

Том 12 № 4 / 2022

Proceedings
of the Southwest State University
Series: History and Law

Scientific Journal

Vol. 12 № 4 / 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право (Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовносоного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Политология: 23.00.05; 5.5.2; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, доцент, Региональный открытый социальный институт (г. Курск, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор**,** Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)
Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)
Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)
Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)
Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)
Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Русскевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)
Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)
Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)
Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)
Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)
Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)
Устинович Елена Степановна, д-р полит. наук, доцент, Курская государственная сельскохозяйственная академия (г. Курск, Россия)
Хисамутдинова Равиля Рахимяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)
Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)
Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)
Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции:
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Юго-Западный государственный университет, 2022

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 31.08.2022.
Дата выхода в свет 10.10.2022. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 31,4.
Тираж 1000 экз. Заказ 46.

Proceedings of the Southwest State University
Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctorial or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Political Studies: 23.00.05; 5.5.2; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Kursk, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)
Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)
Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)
Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)
Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)
Tatiyana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)
Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)
Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)
Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)
Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State Agricultural Academy (Kursk, Russia)
Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)
Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)
Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)
Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Southwest State University, 2022

Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

16+

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 31.08.2022.
Release 10.10.2022. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 31,4.
Circulation 1000 copies. Order 46.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА 10

Историко-правовые исследования и их роль в преодолении социальной энтропии 10

Кузубова А. Ю.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО 26

Реформирование местного самоуправления – шаг вперед? 26

Тихалева Е. Ю.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО 39

Родительство и родители как семейно-правовые категории 39

Гринева А. В.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ 50

Насильственные сексуальные преступления по законодательству Турецкой Республики 50

Бимбинов А. А.

Уголовно-правовая охрана персональных данных в зарубежных странах 62

Хохлова Е. В.

Вопросы квалификации сопряженности преступлений с административными правонарушениями в сфере дорожного движения 79

Баранчикова М. В., Кузнецов Д. Ю.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС 90

К вопросу об обеспечении свободы распоряжения субъективными правами в уголовном процессе России: проблемы правового регулирования и правоприменения 90

Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В.

Отказ подозреваемого от права на телефонный разговор: проблемные аспекты законодательного регулирования и правоприменения 107

Пашутина О. С., Ревина И. В.

ПОЛИТОЛОГИЯ 122

Публичное управление в теории и политико-административной практике 122

Шедий М. В., Малик Е. Н.

Формирование социального государства в условиях развития новых социально-политических рисков в современной России 133

Бочанов М. А.

Роль русских на Северном Кавказе в представлениях полиэтничной молодежи региона 146

Ерохин А. М., Авдеев Е. А., Воробьев С. М.

Возрождение «Талибана» в Афганистане в условиях ухода американских сил: перспективы движения и отношения с Россией 163

Бахадари Абдул Фарук

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ 173

Проблемы санитарного обслуживания войск Центрального фронта накануне и в период Курской битвы 173

Коровин В. В.

География заселения служилыми людьми уездов, расположенных на Белгородской черте 188

Кудланов К. Б.

Политика оккупационных властей в сфере образования на территории Курской области (на примере Бегощанской школы Крупецкого района)…… .....……203

Сойников А. А., Гальченко С. И.

История изменения социальной структуры городского населения в 1920-е годы в трудах современных исследователей (региональный аспект)…… .....……213

Коровин В. В., Петров Н. В.

Проблемы послевоенного восстановления и модернизации отечественной химической промышленности (на примере предприятий по производству фосфоритных удобрений) 231

Головин Е. А.

Профессионально-творческое направление деятельности региональных отделений Всероссийского театрального общества в эпоху позднего социализма (1964–1985 годы) 244

Заельская С. А.

Создание художественной интеллигенцией Байкальской Сибири научно-промышленных выставок во второй половине XIX – начале XX века…… .....……258

Ткачев В. В.

К сведению авторов 270

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW……10

Historical and Legal Studies and their Role in Overcoming Social Entropy……10

Angelina Yu. Kuzubova

CONSTITUTIONAL LAW……26

Is the Reform of Local Self-Government a Step Forward?……26

Elena Ju. Tikhaleva

CIVIL LAW……39

Parenthood and Parents as Family-Legal Categories……39

Anna V. Grineva

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY……50

Violent Sexual Crimes Provided for by the Legislation of the Republic of Turkey……50

Arseniy A. Bimbinov

Criminal Law Protection of Personal Data in Foreign Countries……62

Elena V. Khokhlova

Issues of Qualifying Contingency of Crimes with Administrative Offenses in the Field of Traffic……79

Marina V. Baranchikova, Dmitry Y. Kuznetsov

CRIMINAL PROCESS……90

On the Issue of Ensuring the Freedom of Disposal of Subjective Rights in the Criminal Process of Russia: Problems of Legal Regulation and Law Enforcement……90

Irina N. Chebotareva, Olesya S. Pashutina, Irina V. Revina

Refusal of the Suspect from the Right to Telephone Conversation: Problematic Aspects of Legislative Regulation and Law Enforcement……107

Olesya S. Pashutina, Irina V. Revina

POLITICAL SCIENCES……122

Public Administration in Political and Administrative Practice……122

Maria V. Shediy, Elena N. Malik

Formation of the Welfare State Under the Development of New Socio-Political Risks in Modern Russia……133

Maksim A. Bochanov

The Role of Russians in the North Caucasus in the Views of the Region's Multi-Ethnic Youth……146

Aleksey M. Erokhin, Evgenij A. Avdeev, Sergej M. Vorobev

The Revival of the Taliban in Afghanistan in the Context of the Withdrawal of American Forces: Prospects for the Movement and Relations with Russia……163

Abdul Farooq Bahadari

HISTORICAL SCIENCES……173

Problems of Sanitary Maintenance of the Troops of the Central Front on the eve and During the Battle of Kursk……173

Vladimir V. Korovin

Geography of Settlement by Military Service People of Countries Located on the Belgorod Line……188

Konstantin B. Kudlanov

The Policy of the Occupation Authorities in the Field of Education in the Territory of the Kursk Region (on the Example of the Begoshchanskaya School of the Krupetsky District)…….. ..... …….203

Alexey A. Soynikov, Svetlana I. Galchenko

The History of Changes in the Social Structure of the Urban Population in the 1920s in the Works of Modern Researchers (Regional Aspect)……..... ……213

Vladimir V. Korovin, Nikolay V. Petrov

Problems of Post-War Reconstruction and Modernization of the Domestic Chemical Industry (on the Example of Enterprises Producing Phosphorous Fertilizers)…….…….....……231

Evgeny A. Golovin

Professional and Creative Direction of Activity of the Regional Branches of the All-Russian Theater Society in the era of Late Socialism (1964–1985)…… ..... ……..……..244

Svetlana A. Zaelskaya

Creation of Scientific and Industrial Exhibitions by the Artistic Intelligentsia of Baikal Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries……..... ……258

Vitaliy V. Tkachev

INFORMATION FOR AUTHORS……270

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-10-25

(cc) BY 4.0

Историко-правовые исследования и их роль в преодолении социальной энтропии

А. Ю. Кузубова [1] ✉

[1] Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина 86, г. Воронеж 394043, Российская Федерация

✉ e-mail: angelinakuzubova@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Настоящая публикация посвящена обоснованию значимости историко-правовых исследований, принципиальность анализа которых проистекает из необходимости учета традиции в условиях неизбежной модернизации правовой системы. Актуальность историко-правовых исследований заключена в том, что они позволяют гармонично и постепенно совершенствовать политико-правовую систему, обеспечивают выработку собственного пути модернизации, содействуют выбору научно обоснованных условий, процедур и методов ее проведения.*

Цель *исследования состоит в выявлении научно-практического смысла историко-правовых исследований и установлении их влияния на преодоление социальной энтропии.*

Задачи: *осмысление значения, места и роли историко-правовых исследований с точки зрения современного развития России, изучение природы социальной энтропии и способов ее нивеляции, определение векторов модернизации отечественной правовой системы.*

Методология. *Статья подготовлена на основе использования специально юридических методов: исторического, формально-логического, сравнительного, в то же время историко-юридический характер работы обусловил необходимость привлечения теоретико-правовой интерпретации и оценки государственно-правовых идей, структурного и компаративного методов.*

Результаты *исследования носят теоретико-прикладной характер и содержат предложения в контексте гуманизации права произвести ревизию законодательства на предмет учета комплементарного действия морально-правовых ценностей и норм. Показаны ключевые векторы модернизации, ориентированные на учет сложившихся социальных практик и традиционных правовых ценностей русского общества.*

Выводы. *Аргументируется необходимость экспертизы законопроектов на предмет соответствия их положений традиционным ценностям отечественной правовой системы. Констатируется, что модернизация отечественной правовой сферы с опорой на достижения историко-правовой мысли предполагает конгруэнтность нравственно-правовых ценностей, органичную конвергенцию традиции и новации в существующей цивилизационной матрице. Обосновывается, что нивеляция энтропии в праве возможна именно за счет сохранения культурно-исторических начал, следования сложившимся моделям поведения.*

Ключевые слова: *правовая традиция; правовые ценности; модернизация; социальная энтропия; традиционное правосознание.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Кузубова А. Ю. Историко-правовые исследования и их роль в преодолении социальной энтропии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 10–25. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-10-25.

Поступила в редакцию 27.06.2022 Принята к публикации 01.08.2022 Опубликована 31.08.2022

© Кузубова А. Ю., 2022

Historical and Legal Studies and their Role in Overcoming Social Entropy

Angelina Yu. Kuzubova [1] ✉

[1] Voronezh State Pedagogical University
86 Lenin Str., Voronezh 394043, Russian Federation

✉ email: angelinakuzubova@mail.ru

Abstract

Relevance. *This publication is devoted to substantiating the importance of historical and legal research, the principle of analysis of which stems from the need to take into account tradition in the context of the inevitable modernization of the legal system. The relevance of historical and legal research lies in the fact that they allow harmonious and gradual improvement of the political and legal system, ensure the development of their own path of modernization, promote the choice of scientifically sound conditions, procedures and methods of its implementation.*

The purpose *of the study is to identify the scientific and practical meaning of historical and legal research and to establish their impact on overcoming social entropy.*

Objectives: *understanding the meaning, place and role of historical and legal research from the point of view of modern development of Russia, studying the nature of social entropy and ways of its leveling, determining the vectors of modernization of the domestic legal system.*

Methodology. *The article is prepared on the basis of the use of specially legal methods: historical, formal-logical, comparative, at the same time, the historical-legal nature of the work necessitated the involvement of theoretical-legal interpretation and evaluation of state-legal ideas, structural and comparative methods.*

The results *of the study are theoretical and applied in nature and contain proposals in the context of the humanization of the right to revise legislation to take into account the complementary effect of moral and legal values and norms. The key vectors of modernization focused on taking into account the prevailing social practices and traditional legal values of Russian society are shown.*

Conclusions. *The necessity of examination of draft laws for compliance of their provisions with the traditional values of the domestic legal system is argued. It is stated that the modernization of the domestic legal sphere based on the achievements of historical and legal thought presupposes the congruence of moral and legal values, the organic convergence of tradition and innovation in the existing civilizational matrix. It is proved that the levelling of entropy in law is possible precisely due to the preservation of cultural and historical principles, following established patterns of behavior.*

Keywords: *legal tradition; legal values; modernization; social entropy; traditional legal consciousness.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kuzubova A. Yu. Historical and Legal Studies and their Role in Overcoming Social Entropy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 10–25. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-10-25.

Received 27.06.2022 Accepted 01.08.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

В российской правовой науке актуальность сохраняет рефлексия над опытом последних десятилетий, разработка прогнозов политико-правового будущего государства. Особое значение обретает проблематика направленности развития социальных структур, определения тех ценностных начал, которые смогут содействовать консолидации общества. В контексте предпринятого научного анализа историко-правовые исследования можно рассматривать как механизм защиты от дезорганизационных глобаль-

ных тенденций. Право должно стоять на защите позитивного социального опыта, препятствовать деструктивным процессам, аномии общества. Необходимо обеспечить органичное сочетание индивидуально-личностных и социально-коллективных интересов и потребностей.

Глобальная стандартизация и унификация аксиосферы права в условиях цивилизационно обусловленной инвариантности, неоднородности культурных пространств приводит к хаосу и усилению конфликтных настроений, что актуализирует исследование историко-правового наследия в контексте стратегического обеспечения национальной безопасности России. Современное российское общество столкнулось с утратой социальных связей, сформированных многовековой историей, обострivших идеологический и культурный диссонанс.

Историко-правовые исследования имеют прикладное значение для политико-правовой системы государства в силу наличия в них уникальных идей, концепций, теорий, стратегий развития, учитывающих национальное своеобразие России. Успех модернизации зависит от учета опыта правового развития, установления исторического моста, связующего прошлое и настоящее России. Востребованность историко-правовых исследований объясняется и их потенциалом обеспечения развития понятийно-категориального аппарата, повышения эффективности законотворчества.

Настоящее исследование основывается на концепции органичной конвергенции традиции и новации, права и нравственности в существующей цивилизационной матрице. Авторская гипотеза заключается в том, что, опираясь на исторически сложившиеся модели поведения, можно преодолеть социальную энтропию, рассматриваемую нами как неуправляемость системы, проявляющуюся в конфликте ценностей и интересов. Решение проблемы мы видим в обобщении историко-правового наследия, выделении его позитивных практик в целях включения в современное отечественное политико-правовое пространство.

Методология

Историко-юридический характер работы предопределил использование специально юридических методов: исторического, формально-логического, сравнительного. Специфика работы обусловила необходимость привлечения богатого арсенала специальных методов, в частности: структурного, предполагающего изучение составных частей концепции; компаративного, основанного на сопоставительном анализе (в диахронном и синхронном плане) различных доктрин; теоретико-правовой интерпретации и оценки государственно-правовых идей. При осуществлении научного исследования мы руководствовались требованиями основополагающих гносеологических принципов объективности и всесторонности исследования, восхождения от абстрактного к конкретному, единства логического и исторического в познании.

Результаты и их обсуждение

Проблема историко-правовых исследований как формы изучения многовекового исторического процесса генезиса и развития права в его конкретно-исторических проявлениях является фундаментальной, закладывающей основы правоведения. Обширен и объект таких исследований в виде явлений материального и духовного мира, отражающих трансформацию статусов всего права и его отдельных элементов. Учитывая многогранность проблемы, мы не стремились проанализировать все аспекты выбранной темы: работа посвящена изучению значимости историко-правовых исследований в современном мире. Комплексные работы, посвященные рассмотрению роли историко-правовых исследований и учитывающие актуальные тенденции в предметной сфере, в настоящий момент отсутствуют. Но к отдельным аспектам

проблематики обращались такие авторы, как Т. В. Шатковская [1], Р. С. Тараборин [2], О. А. Егорова [3] и др. Недостаточность и несистематизированный характер научных исследований по заявленной проблематике обусловили выбор темы настоящей публикации, свидетельствуют о ее научной новизне и практической значимости.

Попытки модернизации как процесса целенаправленного усовершенствования социальных институтов, норм, отношений непрерывно предпринимаются в процессе исторического развития. Эволюция человечества закономерно предопределяет необходимость модернизации правовых систем – только благодаря этим шагам потенциально достижимо качественно новое воздействие на правовую сферу. Очевидно, что модернизация должна предваряться уяснением ответа на вопрос: насколько общепринятые парадигмы согласуются с национальной политико-правовой реальностью. Соответственно, решения следует принимать в условиях гармонизации объективных обстоятельств, новых потребностей и сложившихся практик. Подлинная модернизация государства подразумевает эволюцию социальной, экономической, политической и правовой сфер. Успех модернизации обусловлен выбранной программой изменений, ее соответствием цивилизационной матрице. В силу чего нам близка точка зрения А. С. Панарина, отметившего, что «многие неожиданности, которыми оказалась чревата наша реформа, связаны... с непродуманностью ее общих историософских культурологических оснований» [4, с. 75]. В политике постсоветского периода преобладала идея догоняющей Запад модернизации. Ошибочность избрания такого направления развития сейчас представляется очевидной – Россия априори, в силу своей цивилизационной специфики, не может быть Западом.

В предметное поле юриспруденции входит процесс передачи ценностного наследия от одного поколения к другому как фактор непрерывных трансформаций правовой системы. Право – динамично развивающийся многомерный феномен, упорядочивающий общественные отношения и в то же время отражающий и сохраняющий ценности своей цивилизации и культуры. Многие категории обретают характер правовых ценностей только через их признание, т. е. обретение свойств быть не формальностью, а реальной действительностью.

Ценностный релятивизм права невозможен априори, ведь последнее всегда отражает определенную иерархию правовых, религиозных, нравственных ценностей. Отдельные ценности формализуются в нормах права. И в этом контексте соответствие ценностей и правовых установлений обеспечивает эффективность реализации норм права, в противном случае конфронтация ценностных регуляторов дестабилизирует правовую систему. Задача права – своевременно трансформировать в нормы существующие в обществе ценности. Совпадение систем ценностей и норм приводит к максимально полному воплощению разных форм реализации права, а значит, является показателем эффективности последнего. Напротив, несоответствие декларируемых ценностей с фактически существующими правовыми ценностями порождает правовой нигилизм, нивелирует роль права в обществе, инициируя ряд сопутствующих проблем.

Каждая культура имеет свой набор этнических и религиозных ценностей, причем в конкретных временных условиях. Выявление онтологических оснований права невозможно без понимания того, что право всегда является зеркалом определенного культурно-исторического типа. Ведь право не ограничивается совокупностью юридически оформленных предписаний государственной власти, оно объединяет все разнообразие видов правового мышления в контексте определенной культуры. Прав А. И. Селиванов,

обращающий внимание на необходимость актуализации российской правовой традиции и феноменов нынешнего правового пространства: «Европейский либерализм и современные теории права (и философии права) в Европе – это их ответ на запрос их культуры и современности, и отечественные исследователи сделали многое для понимания этой позиции. Но нам нужен наш ответ на запрос российской культуры» [5, с. 12].

К. Г. Юнг определял коллективное бессознательное как родовую память человечества, в совокупности представляющую «архетипы», т. е. необходимые априорные детерминанты всех психических процессов [6]. Назначение архетипов, согласно концепции швейцарского философа, передача из поколения в поколение культурного коллективного опыта человечества. Это происходит путем наслоения бессознательно существующего архетипа на соответствующую ему практическую ситуацию. Обращение к теории правовых архетипов приближает к осмыслению своеобразия национальных правовых систем. В данном контексте К. Г. Юнг выделял два типа мышления: логический, присущий западной культуре, выраженный понятийным мышлением, и иррациональный, свойственный восточной культуре, который носит интуитивный характер. Отечественное правосознание характеризуется в большей степени иррациональной методологией, реализуемой через обращение к культурному опыту, заложенному в бессознательном.

Существование правовых ценностей происходит в значительной степени на так называемом архетипном уровне, т. е. глубинном или первичном уровне, позволяющем проникнуть в природу причин, целей, оснований права. Архетип как культурный код, наследуемый от предыдущих поколений, предопределяет ценностную структуру личности, проявляясь в системе ценностей. Правовые архетипы являют собой особый вид культурных архетипов, воплощая базисные элементы правовой культуры, «живущие» в сознании. И в данном контексте можно говорить как о существовании общих для человечества правовых архетипах, так и национальных, присущих отдельным государствам и культурам.

А. В. Сергеева в своей работе «Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность» отмечает ряд архетипов, исторически присутствующих в правосознании жителей России. К ним автор относит: «любовь к свободе и высшему ее выражению – внутренней свободе, свободе духа»; патриотизм, культ власти и сильного государства; «государственническое сознание и патриархально-семейное отношение к власти»; персонификация власти в лице ее конкретных представителей, а не в государстве и законе; коллективизм или чувство братства; «консервативный синдром», проистекающий из установки «действовать вместе и сообща»; склонность к рецепции привлекательных черт других культур при сохранении своего архетипа и др. [7]

Историко-правовые исследования отражают все цивилизационное своеобразие России, что позволяет скептически относиться к идее приоритета системы европейских правовых ценностей над какими-либо другими, включая отечественные. Можно согласиться с мнением В. Н. Синюкова, обосновывающего как критерий выделения славянской правовой семьи в качестве самостоятельной группы национальных правовых систем значительную культурно-историческую специфику правовых ценностей славянских стран, обусловленную не столько дифференциацией в формально-юридической плоскости, а в большей степени отличиями социально-культурного и государственного уклада [8, с. 171–174].

Посредством накопления и осмысления коллективного опыта деятельности правовые ценности формируют правовые традиции. Непрерывные правовые традиции выступают своеобразным «вмести-

лищем» правовых ценностей, передаваемых последующим поколениям. Очевидна детерминация правовых ценностей и атмосферы эпох, политических систем, семейных установлений и др. Так, к наиболее древним принято относить иудейскую религиозно-правовую традицию, регламентирующую широкую группу общественных отношений. Исламские правовые традиции, воплощенные в шариате, также претендуют на проникновение во все сферы жизнедеятельности общества, начиная от легитимации верховной власти и заканчивая семейно-бытовыми отношениями.

Западная правовая традиция, восходящая к римской культуре, расчленена на романо-германскую и англо-саксонскую правовые системы. Обе системы ориентированы в контексте рациональной парадигмы на закон, правовое государство, свободу и естественные права, гражданское общество. Иные правовые ценности характерны для правовой семьи славянских народов. И хотя формально российская правовая система имеет ряд признаков континентальной правовой семьи, в содержательном аспекте она абсолютно своеобразна, что добавляет веса аргументам сторонникам подобной эндемичности.

Следует отметить, что при исследовании правовых феноменов важно учитывать своеобразие понятий и категорий, методологии, форм и результатов рефлексии в рамках национального мышления. Традиционное правосознание подразумевало синтетическую перцепцию правовой реальности, включающую православную интуицию добра, правды, порядка, справедливости и само правовое знание. Нравственно-правовое чувство предопределяло выбор в конкретных практических ситуациях между добром и злом, истинным и ложным, порядком и хаосом, гармонией и дисгармонией и др.

Эволюция политико-правовой сферы происходит в соответствии с особенностями матрицы развития отечественной культурной модели. Так, С. Л. Франк разработал формулу национального интуитивного мышления, ориентированного на нерациональные способы познания: «Национальное мировоззрение, понимаемое как некое единство, ни в коем случае, конечно, не является национальным учением или национальной системой – таковых вообще не существует; речь идет, собственно, о национальной самобытности мышления самого по себе, о своеобразных духовных тенденциях и ведущих направлениях, в конечном счете о сути самого национального духа, которая постигается лишь посредством некоей изначальной интуиции» [9]. С. Л. Франк подчеркивал, что в русской философской традиции религиозная этика является одновременно онтологией и социальной философией.

Способ юридического мышления, по утверждению А. И. Гусейнова, «определяет границы правовой рефлексии для каждой конкретной цивилизации» [10, с. 21]. Стабильность правовой системы невозможна без взаимодействия нормативной основы права и правовых ценностных отношений социальных субъектов. Дифференциация политико-правовых доктрин представляется в русле анализа их ключевых ценностей, понятийно-категориального аппарата, методологии. Особое значение имеет антропологическая модель, лежащая в основе любого учения, как представление о прошлом, настоящем и будущем человека. Политико-правовые теории оперируют категориями соотношения доброго и злого начал в человеке, в религиозной философии проблема обсуждается с позиций греховности и перспектив спасения.

Анализ каких бы то ни было философско-правовых концепций невозможен вне рассмотрения исходных культурно-исторических типов, порождающих особые формы правосознания. Право – феномен определенного типа культуры, последняя определяет его ценностные доминанты. Аксиологическое осмысление процессов эволюции правосознания поз-

воляет сделать вывод, что начиная с древнейших времен нормы поведения, санкционированные обществом и/или государством, были тесным образом связаны с религиозными ценностями.

Характер нации обусловлен ее религиозной культурой, поэтому самоидентификация русского общества в качестве православного определяет его культурно-цивилизационную парадигму. Теоцентризм предопределяет своеобразие отечественной политико-правовой мысли, обосновывает специфику ее методологических подходов, отрицающих универсальность рационалистических способов познания, актуализирует проблему противостояния духовной благодати и формального закона. Принятие христианства наполнило смыслом бытие русского человека, обозначив в качестве средства спасения духовное совершенствование. Православие открыло горизонты приоритета духовного над материальным, направило на поиск правды, устремило к справедливости и внутренней свободе, соборности и общинной ответственности. Христианство как ценностно-нормативная система включало в свою сферу все социально значимое поведение, ориентировало людей в их взаимодействии с государственно-правовыми институтами, в силу чего мыслители русского традиционализма обосновывали мысль, что утрата религиозного чувства неизбежно влечет за собой потерю правопорядка, разрушение государственно-правовых институтов.

Геополитический статус России обусловливает вечность проблематики «Запад – Восток», причем в западной культурной традиции Россию часто причисляют к восточным державам, тогда как для стран восточной цивилизации характерно восприятие России как государства Запада. Цивилизационная конфронтация начинается с религиозных отличий, развиваясь в других сферах. Так, православная церковь считает одной из своих главных заслуг то, что она, в отличие от католицизма, со времен первых семи вселенских соборов не добавила ни одного догмата к своему вероучению и не отказалась ни от одного, как это имело место в протестантизме, что свидетельствует о верности первоначальному христианству. Диаметральность подходов характеризует стили мышления православия, католицизма и протестантизма. Если в православии особая роль отводится иррациональному, мистическому созерцанию, интуитивному восприятию первооснов бытия, то в католицизме на первый план выдвинут рационалистический тип понимания, особое внимание придается формально-логической разработанности категорий. Это порождает специфику подходов к сущности права: в отечественной культуре она раскрывается через его религиозный смысл, являющийся исходным условием существования права; в западноевропейской традиции на первый план выходит практическая обусловленность права, его прагматизм.

Отечественное социокультурное пространство сформировалось вокруг идеи духовного единства, нашедшей отражение в эстетических образах и этических представлениях, издревле функционирующих в сознании русского человека. Русская историко-правовая мысль с помощью интуитивных метафизических знаний размышляла о создании «всечеловечности», «онтологического всеединства», построенных на началах правды, справедливости, веры и любви. Эта идея воплотилась в категории «соборность», в рамках которой широкое распространение получил тезис о том, что присущий русскому духу поиск целостности выступает руководством к построению социального пространства.

Христианским идеалом общественного устройства выступало соборное братство верующих. В этой системе право и государство представлялись как вспомогательные институты, призванные в условиях существования зла охранять коллективные структуры и их ценности.

Считалось, что духовное совершенствование на пути к Богу нереализуемо в государстве, оно возможно в Церкви, общине, семье. Сущность православия, предполагающего единство разума и веры, признание непостижимости для человеческого ума единосущности Бога и возможности познания его только посредством единения с ним во Христе, можно постичь только в соборности, в единении во множестве.

В современной науке соборность характеризуется как «понятие русской философии, означающее свободное, духовное единение людей, как в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви» [11]. Термин «соборность» означает целостность, собранность, единство, но лишенные обезличивания и единообразия. Это единство, основанное на свободной воле человека, вступающего в лоно Церкви. Соборная Церковь рассматривается, в соответствии с библейской традицией, как собрание Господне.

Воплощение религиозного идеала соборности в практику общественной жизни России связывают с именем св. Сергия Радонежского, показавшего путь бытия в любви и согласии через моральную сплоченность. Соборность русского народа – это жизнь в виде большой семьи не в силу законодательного установления и государственного принуждения, а по причине органичного существования в общем ритме, с едиными ценностями и установками. Русскому человеку присуще чувство коллективизма и стремление растворить свое единичное «я» во всеобщем, направленное в конечном счете на спасение в конце человеческой истории.

Русская соборность исключала существование автономной личности, напротив, она подразумевала полновластие большинства. Церковь объединила всех и собрала единое во всех. В таком обществе каждый нес бремя служения другим людям, был преисполнен чувствами любви и сострадания. Соборность как русский идеал, по мнению Н. М. Зернова, представляет собой «общность или единство жизни, не связанной какими-либо юридическими или интеллектуальными рамками, но подчиняющейся исключительно водительству Святого Духа и обретающей радость единения в абсолютной свободе» [12, с. 41]. Мыслитель акцентировал внимание на том, что соборная жизнь не соотносима с формально-юридическими регуляторами.

В учении о соборности большое внимание уделялось общине как форме интеграции отдельных личностей в единую систему общественных отношений, выполняющей функции связи и преемственности поколений, организации общественного самоуправления. На основе православной веры, национальных традиций, исходя из духа «внутренней» правды и правовых обычаев, здесь осуществлялось мирное регулирование общественных отношений.

А. С. Хомяков ввел в научный оборот термин «соборность», первоначально восходящий к церковной традиции, под ним он подразумевал «единство свободное и органическое, живое начало которого есть божественная благодать взаимной любви» [13, с. 101]. Хомяков выделил и главные характеристики соборности, такие как естественное единение, духовная свобода, сплочение в Боге и любви. Приобщение к вере здесь происходило свободно, через свободу раскрывалось духовное единение людей, обретала выражение идея «единства во множестве». Благодать, любовь и свобода – основы соборного мира Церкви, сама же соборность, в представлении А. С. Хомякова, – это осуществление взаимной благодатной любви и обретение свободы.

Составной частью соборности была народность как некое единство людей по происхождению, языку, религии и культуре, имеющих одни исторические формы общественного устройства. Идея народности, по убеждению славянофилов, была ведущим компонентом само-

идентификации народа, основой его духовной общности. Отдельная личность могла почувствовать свою цельность только через причастность к народу, т. е. к существующей длительное время общности людей, органично связанных единством истории, культуры, религии, происхождения, языка, мировоззрения. В отечественных историко-правовых исследованиях народ не просто население, дифференцированное по этническому составу и территории проживания. Это органическое целое, объединенное общим прошлым и потенциальным будущим, имеющее особые качества, обусловленные только ему присущими этапами становления и развития в уникальных условиях.

Соборные начала в общественной жизни воплощала сельская община, которой удавалось гармонично сочетать личные и общественные интересы. Соборность должна заключать в себе свободу духа и личной совести. Без внутренней свободы соборность неотделима от коллективизма как искусственного, внешнего, как правило, насильственного объединения через принуждение. Способность соборности быть «единством во множестве» развита в концепции Всеединства, к которой обращались русские консерваторы конца XIX – начала XX в., в том числе Вл. Соловьев и С. Трубецкой.

Исходной ценностью, формирующей универсальность иных правовых ценностей, в цивилизационном политико-правом учении Н. Я. Данилевского признается историческая этнополитическая общность людей. Именно народность, по мнению мыслителя, является той основой, которая вершит прогресс в его позитивном смысле, призвание же государства – выступать хранителем «народности и всех тех задатков развития, которые в ней заключаются, для возможно полного проявления всех сторон всечеловеческой жизни» [14, с. 510]. Данилевский подчеркивал, что идея народности образует, объединяет, заставляет функционировать и сохраняет государство. Тем самым мыслитель демонстрировал, что ему ближе тип правопонимания с преобладанием не индивидуальных и автономных (ориентированных на личность, ее права и свободы), а коллективных начал.

Современная отечественная аксиосфера права наполнена противоречиями, обусловленными столкновением западноевропейской и российской систем правовых ценностей. Указанное противостояние существенно тормозит правовую жизнь, разрывая общество на части, ведь, с одной стороны, предлагаются свобода, индивидуальные права и свободы, конкуренция, демократические процедуры, а с другой – предстают исходящие из многовековой истории русской, российской и советской государственности справедливость, правда, равенство, сильное государство и др. Подобный диссонанс неизбежно приводит к отрицанию ценности права, неверию в его регулирующий потенциал, снижению авторитета правоохранительных структур.

В данном контексте уместно вести речь о вариации социальной энтропии как меры отклонения социальной системы либо ее подсистемы от эталонного состояния, когда аномалия проявляется в снижении уровня организации, эффективности функционирования, темпов развития системы [15, с. 271–272]. Изначально возникшая в естественных науках категория «энтропия», буквально означающая меру естественной склонности тепловой энергии к рассеиванию, становится все более актуальной в гуманитарных науках. Применительно к праву она подразумевает нестабильность, неуправляемость системы, проявляющиеся в конфликте ценностей и интересов, несогласованность намерений. Нивеляция энтропии в праве возможна именно за счет сохранения культурно-исторической матрицы, следования сложившимся моделям поведения. Очевидно, что инокультурные ценности с трудом поддаются освоению и включению в общественную

практику не только из-за сложностей их понимания, но и по причине отсутствия опыта применения. Национальное право должно сохранять свои особенности, вытекающие из культуры, традиций и обычаев конкретного общества, уровня развития его социально-экономической сферы, истории становления и развития.

Российские историко-правовые исследования всегда характеризовались особым интересом к проблематике мотивации поведения человека, соотношения и взаимодействия права, религии и нравственности. При этом право воспринималось не в его формальном, а в идеальном аспекте, как целеполагающее начало поведения человека, организующее определенный алгоритм действий. В частности, в рамках указанных исследований были рассмотрены ценностные компоненты соборности в виде солидарности и справедливости, актуальные в наши дни. Индивидуализм XXI в. не способствует укреплению идеи социального государства. Рынкам постиндустриальной эпохи необходимы индивидуалисты-потребители, легко управляемые с помощью новых ценностных ориентиров, технологий манипулирования сознанием. В данном контексте намеренно девальвируются христианские ценности, представления о добре и зле, правде и справедливости. Параллельно агрессивный индивидуализм успешно наступает на семью, разрушая систему семейных коммуникаций.

Востребованность идеи новой солидарности обусловлена многими факторами, в первую очередь тем, что она подразумевает слияние нравственных и юридических начал, ориентацию на социальное служение, соизмерение своих действий с религиозной ценностно-нормативной системой. Солидарность представляет собой общественный феномен, гармонизирующий разнонаправленные интересы субъектов на платформе духовно-нравственного и культурного единства. Потенциал новой солидарности заключен в ее возможности стабилизировать элементы социальной системы в период трансформаций посредством сохранения духовно-нравственного базиса через концепты «всеединства» и «соборности».

На международном уровне уже давно высказываются идеи о том, что именно русская культура с ее фундаментальными ценностями, опытом общинной соборности и советского коллективизма может дать цивилизации новые модели социального взаимодействия. Достижения историко-правовых исследований способны стать платформой для концепции социальной солидарности как инструмента объединения интересов разных субъектов, «принятия» чужих интересов, построения на базе единых ценностей особых общностей.

Бесспорно, солидарность является условием стабильности государства, воплощаемой в органической коррелятивности, осознании общности интересов, единстве ценностных ориентаций, наличии действенных механизмов взаимопомощи и сотрудничества, совместной ответственности. Потенциал солидарности по сглаживанию социальных противоречий еще не раскрыт в полной мере. В узкоправовой плоскости солидарность может быть сконструирована в виде системы правовых средств, обеспечивающих достижение общественного согласия и единства, сотрудничества в условиях социальной стратификации.

В. Д. Зорькин в обращении к участникам VII Петербургского международного юридического форума напомнил, что «для русской философии конца XIX – начала XX в. (с ее учениями о соборности, всеединстве, всечеловечности и т.д.) было характерно стремление соединить идею абстрактного, обезличенного формально-правового равенства с идущей от раннего христианства идеей ответственности каждого не только за себя, но и за других, – стремление, как говорят специалисты, согласовать в рамках понятия права разум и дух, свободу и милосердие,

право и правду, индивидуальное и социальные начала» [16, с. 12]. Мы согласны с мнением председателя Конституционного Суда РФ об особой актуальности данных идей в контексте современных тенденций по формированию глобального правопорядка, глобального права, глобального правопонимания. И подобные процессы не должны основываться на приоритете либеральной парадигмы, вне учета идей и принципов солидаризма как идеологической платформы, потенциально аккумулирующей ценности субъектов глобального взаимодействия.

В условиях модернизации права законодателям следует ориентироваться на исторически сложившиеся особенности российского правосознания и правовой ментальности. На это все чаще обращают свое внимание отечественные исследователи. Так, А. И. Овчинников акцентирует внимание на том, что России свойственна ценностно-рациональная легитимация власти и закона, а не формально-рациональная, характерная для европейской правовой культуры. В силу чего абсолютно иной является роль духовно-нравственных ценностей, предопределяющих историческую судьбу России, ее политико-правовой статус. Ценностные предпочтения в праве не всегда поддаются анализу, логическому обоснованию и рациональному оправданию: зачастую выбор носит чувственно-эмоциональный характер. Поэтому А. И. Овчинников предлагает на уровне закона определять общественную нравственность как совокупность «традиционных ценностей, духовных и моральных представлений народов России о благе общества, семьи и человека, милосердии, сострадании, уважении к ближним, терпимости, правде и справедливости» [17, с. 104]. Легитимация правил поведения возможна в условиях, когда долженствования обладают рационально непостижимой способностью изменять социальную действительность в соответствии с определенными целями. Всегда следует помнить о внутреннем нравственном законе как главном социальном регуляторе, без воздействия которого обречены на провал любые нормативно-правовые акты. Именно нравственность призвана вычленить и осмыслить индивидуально-ответственный характер совершаемого выбора. Для религиозного человека (христианина) этот нравственный императив исходит из Евангелия и не требует ни объяснений, ни обсуждений в силу того, что дан он Иисусом Христом. Для светского сознания пределы разрешенного определяются в большей степени правом.

В наши дни совершенно очевидной стала глобальная секуляризация общества, углубление фрагментированности ценностного поля морали. Специфика перехода к светским моделям нормирования заключена в том, что в подобных условиях не происходит приращение и трансляция духовного опыта, не воспроизводятся высшие ценности. Вместе с тем отдельные правовые ценности, например, равенства, достоинства человека, проистекают именно из христианской культуры. Религия на протяжении нескольких тысячелетий была источником духовности и морали, упорядочивала социальные взаимодействия. Утрата религиозного единства, заповедей и ценностей оборачивается деструктивными изменениями в виде аномии, потери целей и смыслов.

Нравственность является многоаспектным явлением, представляющим собой общепризнанную систему ценностей, воплощенную в виде норм поведения, основанных на представлениях о чести, долге, справедливости, добре и зле. С другой стороны, это совокупность общественных отношений, отражающих нормы и правила поведения, идеи, традиции, взгляды, существующие в конкретном обществе в определенный период. Обобщение нравственного опыта общества актуально в процессе законотворчества. Необходимость нравственной экспертизы законопроектов обусловлена потребно-

стями обеспечения эффективных правореализационных механизмов, что невозможно вне соответствия содержания документов существующим ценностям. Уровень совершенства законодательного акта предопределен его корреляцией технико-юридическим, политическим, экономическим, управленческим, социальным и этическим критериям. Как правило, формой оценки качества законопроектов и законодательных актов является экспертиза, проводимая авторами законопроектов, экспертами, субъектами законодательной инициативы, депутатами, профильными комитетами (комиссиями) органов законодательной власти, учеными и иными субъектами [18, с. 315–316].

Потребность формирования целостного представления о человеке и обществе предопределяет необходимость изучения права и морали в их связи и взаимодействии. Продолжение традиций предков в национальной культуре и государственности представлялось вполне естественным в контексте обусловленности настоящего прошлым. В связи с этим весьма актуальным представляется высказывание А. А. Королькова: «Следует осваивать и усваивать опыт традиционного нравственно-правового уклада России, позволившего ей сохранить здоровье нации, наращивать державность в течение столетий до тех пор, пока она не споткнулась на попытках привить западнические идеи общественного устройства к российскому дереву…

В России всегда искали правду жизни, не удовлетворялись полезностью и умозрительностью. Правда не может быть чисто юридической регламентацией поведения граждан, правда – это стремление к справедливости, к истинности человеческих отношений, к добру и совершенству. “Русская Правда” как юридический памятник, открытый В. Н. Татищевым и по истокам восходящий к древнейшей истории Руси, свидетельствует о глубине слияния в России юридических, нравственных и религиозных категорий» [19, с. 6–7].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. 400, сформулирован важный тезис: «Российская Федерация рассматривает свои базовые, формировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности, в качестве основы российского общества, которая позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности»[1]. В данном аспекте правовые нормы должны представлять собой не что иное, как преломление моральных и нравственных воззрений законодателей. Только в единстве правовых и нравственных ценностей, синтезированных волей законодателя, видится потенциал подлинно высокого уровня развития права.

Модернизация не должна носить догоняющий характер, следует конструировать свои модели усовершенствования при учете отдельных достижений иностранных государств. Очень точно эту идею сформулировал Вл. Соловьев, который предопределял успешность реформирования не просто заимствованием позитивного опыта, задачу он видел в том, чтобы «понять чужие формы, опознать и усвоить положительную сущность чужого духа и нравственно соединиться с ним во имя высшей всемирной истины» [20, с. 314].

Необходим синтез исторического наследия в виде идей, достижений и традиций отечественной политико-правовой

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 17.06.2022).

мысли, позитивной правовой практики и неизбежных эволюционных изменений в целях качественно нового воздействия на правовую жизнь общества. Движущими силами подобных процессов должны стать социальная справедливость, стабильность общества, развитие человека, учет культурной специфики. Устремленность модернизации в будущее не исключает необходимости интернализации опыта прошлого.

Выводы

Значимость результатов проведенного исследования предопределена следующим. Актуализация историко-правового наследия позволяет наполнять нравственно-правовым содержанием современную государственно-правовую сферу, вместе с тем аксиологическое ядро русской политико-правовой мысли может стать базисом для восстановления ценностного суверенитета России в диалоговом взаимодействии позитивного права с правовыми ценностями справедливости, правды, ответственности и свободы.

Успех реформирования правовой сферы обусловлен степенью включенности в этот процесс национальных правовых традиций и ценностей. Представляется, что необходимо проводить экспертизу законопроектов на предмет соответствия их положений исторически сложившимся догмам отечественной правовой системы; на уровне федерального закона закрепить основные идеологические установки-ориентиры для соответствующей работы институтов гражданского общества; предпринимать шаги по гуманизации права в контексте комплементарного действия морально-правовых ценностей и норм в условиях ревизии законодательства и социальных практик.

Преодоление социальной энтропии подразумевает конгруэнтность нравственно-правовых ценностей, органичную конвергенцию традиции и новации в существующей цивилизационной матрице. Значимость историко-правовых исследований в решении актуальных правовых проблем современности связана с многогранностью права, неоднозначностью ценностно-ориентированного восприятия правовой реальности. Право без ценностного содержания остается пустой формой, бессмысленной и не используемой по назначению. Концепция «живого права» предполагает совместное действие права с другими феноменами общественной жизни, в первую очередь с нравственностью. Единство правовых и нравственных ценностей, получившее теоретическое обоснование в отечественной историко-правовой мысли, способно приблизить к достижению подлинно высокой ступени развития права.

Список литературы

1. Шатковская Т. В. Смысл и назначение современных историко-правовых исследований // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 2. С. 10–15.

2. Тараборин Р. С. Системный подход в историко-правовых исследованиях: особенности применения // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2011. № 2 (15). С. 246–250.

3. Егорова О. А. Принципы юридического познания: исторический и логический аспекты // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19, № 3. С. 47–66.

4. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством): монография. М.: ИФРАН, 1995. 261 с.

5. Селиванов А. И. Введение в российскую философию государства и права // История государства и права. 2010. № 17. С. 8–15.

6. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное: [пер. с англ.: сборник]. СПб.: Унив. кн.; М.: АСТ, 1997. 536 с.

7. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность: монография. М.: Флинта: Наука, 2005. 313 с.

8. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов: Полиграфист, 1994. 496 с.

9. Франк С. Л. Русское мировоззрение. URL: https:// www.patriotica.ru/religion/ frank_rus_mir_.html (дата обращения: 20.03.2022).

10. Гусейнов А. И. Проблема ценностей в праве // Право и политика. 2007. № 7. С. 14–22.

11. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. 696 с.

12. Зернов Н. М. Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьев. М.: Московский рабочий, 1995. 214 с.

13. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова: [в 4 т.]. Т. 2. Сочинения богословские / под ред. Ю. Самарина. Прага: Тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1867. 492 с.

14. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Де'Либри, 2015. 768 с.

15. Тетерина Е. В., Пискорская С. Ю. К вопросу о понятии социальной энтропии // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2011. Т. 2, № 7. С. 271–272.

16. Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 5–16.

17. Овчинников А. И. Юридическая формализация понятия «Общественная нравственность» // Философия права. 2016. №6 (79). С. 100–106.

18. Кузубова А. Ю. Потенциал влияния нравственно-правовых ценностей на законотворческий процесс // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73), № 4. С. 313–317.

19. Корольков А. А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / сост.: А. П. Альбов, Д. В. Масленников. СПб.: Алетейя, 1997. С. 6–7.

20. Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // Сочинения: в 2 т. / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.

References

1. Shatkovskaya T. V. Smysl i naznachenie sovremennyh istoriko-pravovyh issledovanij [The meaning and purpose of modern historical and legal research]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*, 2015, no. 2, pp. 10–15.

2. Taraborin R. S. Sistemnyj podhod v istoriko-pravovyh issledovaniyah: osobennosti primeneniya [A systematic approach in historical and legal research: application features]. *Nauchnyj vestnik Ural'skoj akademii gosudarstvennoj sluzhby: politologiya, ekonomika, sociologiya, pravo = Scientific Bulletin of the Ural Academy of Public Administration: Political Science, Economics, Sociology, Law,* 2011, no. 2 (15), pp. 246–250.

3. Egorova O. A. Principy yuridicheskogo poznaniya: istoricheskij i logicheskij aspekty [Principles of legal cognition: historical and logical aspects]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law,* 2019, vol. 19, no. 3, pp. 47–66.

4. Panarin A. S. Rossiya v civilizacionnom processe (mezhdu atlantizmom i evrazijstvom) [Russia in the Civilizational Process (between Atlanticism and Eurasianism)]. Moscow, IFRAN Publ., 1995. 261 p.

5. Selivanov A. I. Vvedenie v rossijskuyu filosofiyu gosudarstva i prava [Introduction to the Russian Philosophy of State and Law]. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the state and law,* 2010, no. 17, pp. 8–15.

6. Yung K. G. Soznanie i bessoznatel'noe [Consciousness and the unconscious]. St. Petersburg, Univ. kn. Publ.; Moscow, AST Publ., 1997. 536 p.

7. Sergeeva A. V. Russkie: stereotipy povedeniya, tradicii, mental'nost' [Russians: stereotypes of behavior, traditions, mentality]. Moscow, Flint Publ., Nauka Publ., 2005. 313 p.

8. Sinyukov V. H. Rossijskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu [The Russian legal system. Introduction to general theory]. Saratov, Polygraphist Publ., 1994. 496 p.

9. Frank S. L. Russkoe mirovozzrenie [Russian worldview]. Available at: https://www.patriotica.ru/religion/frank_rus_mir_.html (accessed 20.03.2022).

10. Gusejnov A. I. Problema cennostej v prave [The problem of values in law]. *Pravo i politika = Law and Politics,* 2007, no. 7, pp. 14–22.

11. Novaya filosofskaya enciklopediya [The New Philosophical Encyclopedia]. Moscow, Mysl Publ., 2010, vol. 3. 696 p.

12. Zernov N. M. Tri russkih proroka: Homyakov, Dostoevskij, Solov'ev [Three Russian prophets: Khomyakov, Dostoevsky, Solovyov]. Moscow, Moskovskij Rabochij Publ., 1995. 214 p.

13. Homyakov A. S. Polnoe sobranie sochinenij Alekseya Stepanovicha Homyakova. T. 2. Sochineniya bogoslovskie [The complete works of Alexei Stepanovich Khomyakov. Theological works. Vol. 2. Teological Wraitings]. Prague, Dr. F. Skreyshovsky Publ., 1867. 492 p.

14. Danilevskij N. Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, De'libri Publ., 2015. 768 p.

15. Teterina E. V., Piskorskaya S. Yu. K voprosu o ponyatii social'noj entropii [On the question of the concept of social entropy]. *Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavtiki = Actual problems of aviation and cosmonautics*, 2011, no. 7, pp. 271–272.

16. Zor'kin V. D. Sut' prava [The essence of the right]. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*, 2018, no. 1, pp. 5–16.

17. Ovchinnikov A. I. Yuridicheskaya formalizaciya ponyatiya "Obshchestvennaya nravstvennost'" [Legal formalization of the concept of "Public morality"]. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2016, no. 6 (79), pp. 100–106.

18. Kuzubova A. Yu. Potencial vliyaniya nravstvenno-pravovyh cennostej na zakonotvorcheskij process [The potential of the influence of moral and legal values on the legislative process]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*, 2021, no. 4, pp. 313–317.

19. Korol'kov A. A. Oduhotvorennaya nauka o prave [The spiritual science of law]. Russkaya filosofiya prava: filosofiya very i nravstvennosti: Antologiya [Russian Philosophy of Law: Philosophy of Faith and Morality: Anthology]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 1997, pp. 6–7.

20. Solov'ev V. S. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo [Three speeches in memory of Dostoevsky]. Moscow, Thought Publ., 1988, 822 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Кузубова Ангелина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: angelinakuzubova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6903-1628

Angelina Yu. Kuzubova, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Philosophy, Economics and Social and Humanitarian Disciplines, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: angelinakuzubova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6903-1628

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-26-38

(cc) BY 4.0

Реформирование местного самоуправления – шаг вперед?

Е. Ю. Тихалева[1] ✉

[1] Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ул. Панчука 1, г. Орел 302001, Российская Федерация

✉ e-mail: columbijka@mail.ru

Резюме

Актуальность. *На фоне происходящих изменений в политической и экономической сферах жизни возрастает значение института местного самоуправления как базиса для удовлетворения потребностей граждан на местах, оперативного решения текущих проблем. Современный этап развития Российского государства отмечен активной правотворческой деятельностью, связанной с регулированием статуса системы органов публичной власти, одним из уровней которой выступает муниципальный. Трансформация данного уровня оказывает непосредственное влияние на жизнедеятельность местного населения.*

Целью *статьи является выявление тенденций развития института местного самоуправления в контексте происходящих изменений законодательства.*

Задачи: *рассмотреть правовую базу проводимой реформы, мнения ученых по данной теме, включая авторскую позицию; выявить возможные нововведения в институте местного самоуправления и соотнести их с действующим законодательством.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались различные общенаучные и частнонаучные методы, в частности: описание, анализ, синтез; формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы.*

Результаты*. В настоящей статье рассматриваются тенденции развития местного самоуправления в свете конституционных поправок и принятия детализирующих их федеральных законов и подзаконных актов. Автором дается обзор и характеристика принятых и предлагаемых изменений в действующее законодательство о местном самоуправлении. Делается акцент на проводимое укрупнение муниципальных образований и его последствия.*

Вывод*. Автор предлагает расширить возможные формы ответственности органов местного самоуправления перед населением, а также представляет необходимым скорейшее принятие акта, конкретизирующего основы государственной политики в отношении муниципального уровня власти на современном этапе, и вынесение законопроекта о местном самоуправлении на общественное обсуждение.*

Ключевые слова: *публичная власть; местное самоуправление; одноуровневая модель; муниципальные образования.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Тихалева Е. Ю. Реформирование местного самоуправления – шаг вперед? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 26–38. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-26-38.

Поступила в редакцию 23.06.2022 Принята к публикации 27.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Тихалева Е. Ю., 2022

Is the Reform of Local Self-Government a Step Forward?

Elena Ju. Tikhaleva[1] ✉

[1] Central Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
1 Panchuka Str., Orel 302001, Russian Federation

✉ e-mail: columbijka@mail.ru

Abstract

Relevance. *Against the background of the ongoing changes in the political and economic spheres of life, the importance of the institution of local self-government as a basis for meeting the needs of citizens on the ground, promptly solving current problems is increasing. The modern stage of the development of the Russian state is marked by active law-making activities related to the regulation of the status of the system of public authorities, one of the levels of which is municipal. The transformation of this level has a direct impact on the livelihoods of the local population.*

The purpose *of the article is to identify trends in the development of the institution of local self-government in the context of ongoing legislative changes.*

Objectives: *to consider the legal basis of the ongoing reform, the opinions of scientists on this topic, including the author's position; to identify possible innovations in the institute of local self-government and correlate them with the current legislation.*

Methodology. *The research used various general scientific and private scientific methods, in particular: description, analysis, synthesis; formal-legal, comparative legal and statistical methods.*

Results. *This article examines the tendencies in the elaboration of local self-government in the light of constitutional amendments and the enactment of federal laws and by-laws detailing them. The author gives an overview and characteristics of the adopted and proposed amendments to the current legislation of local self-government. The emphasis is placed on the ongoing consolidation of municipalities and its consequences.*

Conclusios. *The author proposes to expand possible forms of responsibility of local self-government bodies to the public and makes it necessary to adopt as soon as possible an act specifying the foundations of state police in relation to the municipal level of government at the present stage and to introduce the bill of local self-government for public discussion.*

Keywords: *public power; local self-government; one-level model; consolidation of municipalities.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tikhaleva E. J. Is the Reform of Local Self-Government a Step Forward? *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 26–38. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-26-38.

Received 23.06.2022 Accepted 27.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

Внесение изменений в Конституцию Российской Федерации, затрагивающих основы и принципы организации публичной власти, привело к принятию ряда законодательных актов, детализирующих данные вопросы, в том числе непосредственно в отношении единой системы публичной власти и ее уровней.

Определение дефиниции «единая система публичной власти» в современных условиях сформулировано в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (ч. 1 ст. 2)[1]. В нее входят все

[1] О Государственном Совете Российской Федерации: федер. закон от 8 дек. 2020 г. № 394-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 50, ч. III, ст. 8039.

существующие в России уровни власти, включая федеральный, региональный и местный (и соответствующие им органы власти, а также иные государственные органы). В указанном Законе конкретизируются пределы осуществления полномочий данных органов (конституционно установленные), принципы (связанные с обеспечением согласованного функционирования системы, а также осуществлением не только организационно-правового, функционального, но и финансово-бюджетного взаимодействия ее элементов) и цели их деятельности (среди основных выделены имеющие непосредственное отношение как к личности (соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина), так и к государству в целом (создание условий для социально-экономического развития государства).

На сегодняшний день издан Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[1] (далее – Федеральный закон № 414-ФЗ), который в целостном виде вступит в законную силу только с 2023 г. Это повлекло за собой необходимость обновления законодательства, напрямую регулирующего институт муниципальной власти. В 2022 г. Государственная Дума Российской Федерации уже одобрила в первом чтении Проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[2] (далее – Проект № 40361-8).

Еще в 2020 г. Президентом Российской Федерации был утвержден перечень поручений, сформированный как итог проведения заседания Совета по развитию местного самоуправления. На Правительство Российской Федерации была возложена задача по разработке проекта основ государственной политики Российской Федерации в области развития местного самоуправления до 2030 г.[3] В настоящее время работа над подготовкой этого акта ведется под руководством Министерства юстиции Российской Федерации при участии финансовых органов (проект был представлен Правительству Российской Федерации весной 2021 г., но до сих пор не принят) [1, с. 77]. Сегодня продолжает действовать Указ Президента РФ от 15 октября 1999 г. № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Указ № 1370) [2, с. 45].

Методология

При рассмотрении тенденций развития правового регулирования института местного самоуправления в качестве методов исследования применялись такие, как анализ, синтез, формально-юридический метод. Определение соотношения действующего законодательства о местном самоуправлении с предполагаемыми изменениями потребовало использования сравнительно-правового метода исследования. Кроме того, анализ тенденций укрупнения муниципальных образований совершался с помощью статистического метода исследования.

Применение автором указанных методов позволило исследовать имеющийся

[1] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ: [ред. от 14.03.2022] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 52, ч. I, ст. 8973.

[2] Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2022. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/4036111-8?ysclid=l4nyh8u76p796290793/ (дата обращения: 21.06.2022).

[3] Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию местного самоуправления: [утв. Президентом РФ 01.03.2020 № Пр-354] // Администрация Президента России. 2022. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62919/. (дата обращения: 11.06.2022).

в распоряжении материал в целях формулирования результатов статьи и обоснованных выводов.

Результаты и их обсуждение

Если в отношении организации системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации, их полномочий, а также механизма осуществления взаимодействия между ее структурами Федеральным законом № 414-ФЗ достаточно подробно прописываются правовые аспекты, укрепляющие единство существующей системы публичной власти, то, что касается вопросов о формах взаимодействия местных и государственных органов, фактически ничего нового не предлагается [3, с. 56]. В основном повторяются общие формулировки Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ), касающиеся принципов деятельности органов, входящих в единую систему; участия региональных властей в решении задач, относящихся к местному уровню (в том числе посредством влияния на состав местных органов с помощью возможности их формирования и их установленного права делегирования органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий (ст. 6)) [4, с. 28].

Также в исключительную компетенцию органов государственной власти субъектов Российской Федерации включены новые полномочия применительно к местному уровню власти. Так, законодательный орган уполномочен заслушивать информацию, посвященную исполнению органами местного самоуправления своих обязанностей, если данные органы территориально располагаются в данном регионе (ранее такое право имелось только в отношении сведений о реализации полномочий территориальных органов федеральных органов исполнительной власти).

Высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации теперь предоставлено право выносить предупреждение либо объявлять выговор как главе муниципального образования, так и главе местной администрации в ситуации, когда вообще не исполняются или ненадлежащим образом реализуются их обязанности по обеспечению выполнения органами местного самоуправления предоставленных государственных полномочий, что впервые отражено именно на законодательном уровне.

Кроме того, высшее должностное лицо наделено правом обращения в представительный орган, действующий на местном уровне, при реализации ответственности в отношении главы муниципального образования (при наличии инициативы об удалении главы в отставку, в частности при систематическом недостижении показателей, применяемых с целью определения эффективности деятельности местных органов (ст. 18.1)[2] в порядке, определяемом Федеральным законом № 131-ФЗ (ст. 74.1), к которому и сделана эта отсылка.

Данное нововведение, таким образом, спроецированное на формы взаимоотношений региональной и местной властей, содержится в ч. 13 ст. 25 Закона № 414-ФЗ, предусматривающей рычаги влияния высшего должностного лица субъекта Российской Федерации на муниципальные власти (конкретно здесь

[1] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ: [ред. от 30.12.2021]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 13.06.2022).

[2] Следует подчеркнуть, что сами показатели содержатся в Указе Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76576/ (дата обращения: 13.06.2022).

выделяется право отрешения от должности как главы муниципального образования, так и главы местной администрации, если в установленный срок (1 месяц со дня вынесения им предупреждения, объявления выговора) согласно ч. 12 ст. 25 указанными лицами не были предприняты меры по устранению причин, явившихся основаниями для вынесения такого предупреждения, объявления выговора). Участие региональных органов в формировании и прекращении полномочий органов и должностных лиц местного самоуправления, следовательно, превращается в одобрение окончательного решения по этому вопросу [5, с. 24]. Тем самым законодатель делает акцент на усиление ответственности органов местного самоуправления перед государством.

В Федеральном законе № 414-ФЗ отдельная глава посвящена принципам разграничения полномочий не только между федеральными и региональными органами, но и в отношении органов местного самоуправления. Подробно (в отличие от предыдущего акта) изложен порядок наделения местных органов отдельными государственными полномочиями (ст. 52), что имеет важное значение при обзоре компетенции органов местного самоуправления и возможностей ее реализации в практической плоскости.

Что касается внесенного в Государственную Думу Проекта № 40361-8, в его содержании можно выделить следующие изменения по сравнению с действующим законодательством.

Новшеством акта является включение в него очевидного положения о том, что муниципальные образования не являются административно-территориальными единицами (ч. 9 ст. 4). Возникает вопрос, последует ли за этим принятие законодательного акта, определяющего четкие критерии административно-территориального устройства Российской Федерации. Пока соответствующее регулирование осуществляется в основном на подзаконном уровне[1].

В исследуемом Проекте № 40361-8 ознаменован переход к одноуровневой модели местного самоуправления, который проводится под эгидой полного возврата к прямым выборам представительного органа местного самоуправления. Как известно, в настоящее время возможность отсутствия прямых выборов имеет место применительно к порядку создания представительного органа муниципального района. Это предусмотрено в случае, если состав представительного органа образуется из таких должностных лиц, как главы поселений или депутаты представительных органов этих поселений, если они относятся к данному муниципальному району (Республика Татарстан, Ивановская область, и др.).

Ученые-исследователи неоднократно подчеркивали, что такая модель образования представительного органа влечет за собой вероятность уменьшения потенциала прямой демократии, проистекающей из самой природы и сущности местного самоуправления [6; 7; 8; 9]. На практике подобная ситуация допустима и обусловлена складывающимися противоречиями применительно к положениям о необходимости непосредственного участия населения в формировании местных органов власти и отсутствия такой возможности при данной модели, вследствие чего жители поселений отстранены от выборов представительного органа, имеют меньше шансов, что их нужды будут приняты во внимание на уровне муниципального района. Кроме того, не в полной мере могут соблюдаться пропорции равного представительства граждан, поскольку учет численности населения возможен только при наличии соответствующего закона субъекта Российской Фе-

[1] См.: ОК 019-95. Общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления (утв. Постановлением Госстандарта России от 31.07.1995 № 413).

дерации. Рассматриваемая модель приводит к бюрократизации власти, отстаиванию главами и депутатами поселений собственных интересов или интересов подведомственных им структур. Соответственно в самом представительном органе могут возникать разногласия, влекущие за собой концентрацию власти в исполнительно-распорядительном органе, на который население также не вправе напрямую воздействовать.

Тем не менее Конституционный Суд Российской Федерации в своих актах подтвердил законность данной модели. Обозначенная модель на практике применяется на основании решений представительных органов всех поселений, входящих в состав района, при обязательном выявлении мнения местных жителей по данному вопросу[1]. Здесь подразумевается реализация механизма косвенных выборов: население избирает депутатов своего представительного органа населения, следовательно, представители местных жителей уполномочены осуществить выборы в представительный орган муниципального района от своего поселения.

Помимо этого, в последние годы косвенные выборы были введены для городских округов с внутригородским делением (этот вид муниципальных образований также не предусматривается новым законопроектом), где представительный орган формировался посредством делегирования депутатов из представительных органов внутригородских округов (Челябинск, Махачкала, Самара).

Возврат к прямым выборам представительных органов – несомненно, позитивная инициатива для демократического развития местного самоуправления, если бы не связанные с ним перспективы. Вводимые поправки потребуют внесения существенных изменений в действующую территориальную структуру на местном уровне. Предполагается, что поселенческий уровень будет ликвидирован вообще [10]. Эти же действия будут относиться и к муниципальным районам. Речь идет об укрупнении существующих муниципальных образований, преобразовании их статуса, что не может не иметь существенных последствий как в правовом (пересмотр огромного массива региональной и муниципальной правовой базы, снижение возможностей самоорганизации граждан), так и в финансовом плане (перераспределение бюджетных средств, возможное ухудшение уровня обеспеченности бывших сельских поселений).

Ранее Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно подчеркивал значимость поселенческого уровня местного самоуправления[2]. Исключение термина «поселение» из Конституции Российской Федерации привело к возможной ликвидации таких видов муниципальных образований на основе

[1] См.: По делу о проверке конституционности положений пункта 1 части 4 и части 5 статьи 35 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н. М. Савостьянова: постановление Конституционного Суда РФ от 18 мая 2011 г. № 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 22, ст. 3239.

[2] См.: По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»: постановление Конституционного Суда РФ от 24 янв. 1997 г. № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 5, ст. 708; По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 1 дек. 2015 г. № 30-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 50, ст. 7226.

федерального законодательства[1]. На важность данного уровня указывается в Заключении Комитета по региональной политике и местному самоуправлению на рассматриваемый законопроект[2].

Однако, как говорится все в том же Заключении, к числу безусловных достоинств законопроекта можно отнести положения главы 5, подробно характеризующие такие значимые для местного уровня институты, как: территориальное общественное самоуправление (акцент делается на предложение о закреплении для территориального общественного самоуправления организационно-правовой формы некоммерческой организации (как юридического лица), инициативные проекты и староста сельского населенного пункта. Тем не менее, если мы обратимся к действующему Федеральному закону № 131-ФЗ, увидим, что используются практически идентичные фразы. В то же время у соответствующих структур не вызывает сомнений исключение таких непосредственных форм осуществления местного самоуправления, как: правотворческая инициатива граждан (к сожалению, на практике сложно реализуемая форма, в первую очередь из-за дотационности многих муниципальных образований) или, например, конференция граждан (возможно, законодатель здесь усмотрел элементы косвенного представительства граждан). В Федеральном законе № 414-ФЗ право законодательной инициативы граждан субъекта Российской Федерации из положения федерального законодательства перешло на усмотрение региональных властей, которые могут не включать его в свои законодательные акты (ч. 2 ст. 10). Таким образом, у граждан на местах остается только возможность проведения референдума по вопросам своей жизнедеятельности.

Вызывают сомнения формулировки, содержащиеся в пояснительной записке к Проекту № 40361-8. Речь идет о реализации принципа привязки местного самоуправления к населению, который на практике довольно сложно осуществим в малонаселенных, труднодоступных или отдаленных местностях (например, в Республике Саха (Якутия), Камчатском крае, Ямало-Ненецком автономном округе, Иркутской области) [11]. Необходимые гражданам организации (больницы, банки и т.п.) находятся не во всех населенных пунктах, расположенных в границах муниципального образования. Имеющаяся социальная инфраструктура вызывает неудобства для местного населения [12, с. 19–20]. Отсутствует возможность получения муниципальных услуг в непосредственной близости к месту проживания. Это в том числе способствует оттоку местных жителей, их желанию переехать в легкодоступные административные центры. В итоге укрупнение приводит к отрыву власти от населения, отсутствию понимания потребностей жителей в решении давно назревших проблем [13, с. 20].

Укрупнение муниципальных образований выступает в качестве тенденции последних лет. Так, на 1 января 2010 г. в Российской Федерации имелось 23 907 муниципальных образований, а на 1 января 2022 г. – 19 655. В целом за эти годы

[1] См. ст. 131 Конституции Российской Федерации в предыдущей редакции.

[2] Заключение комитета-соисполнителя (Комитет Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению) на законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2022. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/4036111-8?ysclid=l4nyh8u76p796290793/ (дата обращения: 11.06.2022).

количество муниципальных образований сократилось почти на 20%. Однако преобладающим видом муниципальных образований оставались сельские поселения (15 742)[1]. Отдельные субъекты Российской Федерации в этот период самостоятельно инициировали упразднение двухуровневой структуры местного самоуправления, в первую очередь, с целью экономии финансовых средств (Калининградская, Магаданская, Московская, Сахалинская и Свердловская области и т.д.) [14, с. 60]. Для решения данных задач в законодательство о местном самоуправлении был внедрен новый вид муниципальных образований – муниципальный округ (инициативу подхватили многие субъекты Российской Федерации, например, Пермский и Ставропольский края) [15; 16]. Однако это не решение существующих проблем, а подмена имеющихся понятий.

Одновременно Проектом № 40361-8 исключается такая форма ответственности органов местного самоуправления перед населением, как отзыв выборных должностных лиц (ст. 24 Федерального закона № 131-ФЗ). Параллельно предусматриваются дополнительные способы оказания влияния на местный уровень: вводится новый вариант занятия поста главы муниципального образования посредством осуществления выборов представительным органом из числа кандидатур, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (взамен назначения по результатам конкурса). Тем самым усиливается ответственность перед государством, централизация власти, что прямо предусмотрено обновленной ст. 131 Конституции Российской Федерации (ч. 1.1) [17, с. 70]. Это ли не огосударствление местного самоуправления?

Конституционный Суд Российской Федерации многократно подтверждал в своих решениях, что надлежащее исполнение органами местного самоуправления своих обязанностей перед гражданами выступает в качестве императива демократического правового государства в области формирования муниципального уровня публичной власти[2].

В правовой базе и субъектов Российской Федерации, и входящих территориально в их состав муниципальных образований ранее также можно было увидеть преобладание форм отчетности высшего должностного лица муниципального образования перед государством, а не перед населением [18, с. 14]. Сейчас же это воплощается в тенденцию на федеральном уровне.

Для стимулирования вовлеченности населения в те или иные формы осуществления местного самоуправления очевидна необходимость оказания влияния местными жителями как на работу депутатов представительного органа, так и главы муниципального образования посредством использования института отзыва, а также с помощью иных средств

[1] Статистический бюллетень «Формирование местного самоуправления в Российской Федерации» // Федеральная служба государственной статистики. 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13263/ (дата обращения: 11.06.2022).

[2] См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева: постановление Конституционного Суда РФ от 2 апр. 2002 г. № 7-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 14, ст. 1374.

[19]. Соответствующие примеры имеются в ряде муниципальных образований. Так, в главе 6 Устава Сосновоборского городского округа, посвященной главе муниципального образования, определено, что к обязанностям главы относится предоставление ежегодного отчета перед населением, а также при наличии требований со стороны жителей городского округа, избравших главу (должны быть поддержаны в размере не менее 1% избирателей городского округа) (ч. 6 ст. 38)[1]. Данное положение представляется обоснованным, вследствие чего подобную практику можно взять на вооружение и в других муниципальных образованиях, вплоть до включения подобных формулировок в новый закон о местном самоуправлении (т. е. обязательное закрепление отчетности на федеральном уровне, а ее форм – в местных актах).

В настоящее время назрела необходимость принятия нового документа, определяющего основы проведения политики в отношении института местного самоуправления и отвечающего реалиям современности [20, с. 58]. Примечательно, что в качестве одного из принципов осуществления государственного политического курса применительно к местному уровню власти в Указе № 1370 прописано невмешательство государственных структур в исключительную компетенцию органов местного самоуправления. Однако в рассматриваемом Проекте № 40361-8 данный принцип слабо реализован (по всей видимости, он не войдет в разрабатываемый Министерством юстиции Российской Федерации основополагающий документ).

Выводы

Местное самоуправление как форма народовластия, его ключевые характеристики находят свое непосредственное воплощение, на наш взгляд, в институте ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением, что придает ему особое значение в аспекте эффективной деятельности по достижению намеченных на местном уровне целей, а также учета и обеспечения прав, свобод и законных интересов местного населения.

Целесообразно, на наш взгляд, сначала принять документ, устанавливающий базовые принципы реализуемой политики, и уже на его основе приступать к разработке законопроекта о местном самоуправлении. Но о поступательном развитии института местного самоуправления, видимо, в современных условиях речь не идет.

Кроме того, разъяснительная работа среди населения ведется в крайне усеченном виде. Информация о принятии Проекта № 40361-8 в полном объеме не освещается в прессе. В Интернете размещена петиция об отклонении данного проекта (на момент написания статьи – «за» проголосовало 2 084 человек). В среде ученых мнения также разделились.

Поскольку местное самоуправление – наиболее близкий к населению уровень власти, а рассматриваемый проект вносит существенные коррективы в механизм его реализации, полагаем необходимым его вынесение на общественное обсуждение для налаживания диалога властей с населением и повышения уровня доверия последних.

[1] Устав муниципального образования Сосновоборский городской округ Ленинградской области: [утв. решением Совета депутатов муниципального образования Сосновоборский городской округ Ленинградской области от 28 окт. 2021 № 125: ред. от 25.03.2022]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home#doc/SPB/249523/4294967295/0/ (дата обращения: 11.06.2022).

Список литературы

1. Изутова О. В. Дискуссия об основах госполитики в области местного самоуправления // Бюджет. 2021. № 2. С. 76–79.

2. Будаев А. М. Президент и местное самоуправление в России: теория и практика взаимодействия // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 41–47.

3. Кравцова Е. А. Взаимодействие законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации с населением // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 52–57.

4. Старостина И. А. Новое в российской практике правового регулирования взаимодействия органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления // Законодательство. 2022. № 2. С. 27–36.

5. Закон об «обнулении» сроков полномочий губернаторов: что ждет российский федерализм и местное самоуправление / Е. Гриценко, В. Кряжков, О. Брежнев, И. Лексин, Н. Малютин // Закон. 2021. № 12. С. 20–32.

6. Герасимова М. А. Модели местного самоуправления и Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 5. С. 38–40.

7. Садовникова Г. Д. Представительная демократия: от идеи к реализации: монография. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 240 с.

8. Бялкина Т. М. Роль науки муниципального права в реализации прав граждан на местное самоуправление // Омбудсмен. 2012. № 1. С. 22–25.

9. Васильев В. И. Местное самоуправление на пути централизации и сокращения выборности // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 149–161.

10. Болдырев О. Ю. Проект нового Закона о местном самоуправлении без самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 65–70.

11. Колодина Е. А. Исследование тенденций развития местного самоуправления в современной России // Известия Байкальского государственного университета. 2017. № 2. С. 162–170.

12. Дементьев А. Н., Бондарь В. Н. Проблемы административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации в контексте предстоящей реформы местного самоуправления // Гражданин и право. 2022. № 3. С. 16–25.

13. Хлуднев Е. И. Проблема отдаления местной власти от населения в свете тенденции к укрупнению муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2021. № 1. С. 20–22.

14. Баженова О. И. Муниципальный округ: новое решение старой проблемы или новая проблема организации местного самоуправления в России? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 58–66.

15. Киреева Е. Ю., Нудненко Л. А. Конституционно-правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти в системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 62–67.

16. Малявкина Н. В., Алексикова О. Е., Ястребов А. Е. Муниципальный округ как средство укрупнения муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 1. С. 19–22.

17. Афанасьев А. А. Местное самоуправление и конституционная реформа – 2020 // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 5. С. 69–71.

18. Багмет А. М., Бычкова Е. И. Некоторые аспекты совершенствования института ответственности главы муниципального образования // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 13–15.

19. Тихалева Е. Ю. Тенденции развития института ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 6. С. 40–44.

20. Чеботарев Г. Н. Муниципальная власть в единой системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 57–60.

References

1. Izutova O. V. Diskussiya ob osnovakh gospolitiki v oblasti mestnogo samoupravleniya [Discussion of the Basics of State Policy in the Field of Local Self-Government]. *Byudzhet = Budget,* 2021, no. 2, pp. 76–79.

2. Budaev A. M. Prezident i mestnoe samoupravlenie v Rossii: teoriya i praktika vzaimodeistviya [The President and Local Government in Russia: The Theory and Practice of Interaction]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law,* 2020, no. 12, pp. 41–47.

3. Kravtsova E. A. Vzaimodeistvie zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) organov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii s naseleniem [Interaction of Legislative (Representative) Bodies of the Subjects of the Russian Federation with the Population]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Science,* 2021, no. 6, pp. 52–57.

4. Starostina I. A. Novoe v rossiiskoi praktike pravovogo regulirovaniya vzaimodeistviya organov vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii i organov mestnogo samoupravleniya [New in the russian practice of legal regulation of interaction between the authorities of the subjects of the Russian Federation and local self-government bodies]. *Zakonodatel'stvo = Legislation,* 2022, no. 2, pp. 27–36.

5. Gritsenko E., Kryazhkov V., Brezhnev O., Leksin I., Malyutin N. Zakon ob "obnulenii" srokov polnomochii gubernatorov: chto zhdet rossiiskii federalizm i mestnoe samoupravlenie [The law on zeroing the terms of office of governors: what awaits russian federalism and local self-government]. *Zakon = Law,* 2021, no 12, pp. 20–32.

6. Gerasimova M. A. Modeli mestnogo samoupravleniya i Federal'nyi zakon ot 6 oktyabrya 2003 g. N 131-FZ "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii" [Models of Local Self-Government and Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 “On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation”]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government,* 2006, no 5, pp. 38–40.

7. Sadovnikova G. D. *Predstavitel'naya demokratiya: ot idei k realizatsii* [Representative Democracy: from Idea to Imlementation]. Moscow, Izd-vo gumanitarnoi literatury Publ., 2008. 240 p.

8. Byalkina T. M. Rol' nauki munitsipal'nogo prava v realizatsii prav grazhdan na mestnoe samoupravlenie [Role of a science of the municipal right in realization rights of citizens to local government]. *Ombudsmen = Ombudsman,* 2012, no. 1, pp. 22–25.

9. Vasil'ev V. I. Mestnoe samoupravlenie na puti tsentralizatsii i sokrashcheniya vybornosti [Local self-government on the way to centralization and reduction of lectivity]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law,* 2015, no. 9, pp. 149–161.

10. Boldyrev O. Yu. Proekt novogo Zakona o mestnom samoupravlenii bez samoupravleniya [The draft of a new law on local self-government without self-government]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law,* 2022, no. 2, pp. 65–70.

11. Kolodina E. A. Issledovanie tendentsii razvitiya mestnogo samoupravleniya v sovremennoi Rossii [Research of trends in the development of local self-government in modern Russia]. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Baikal State University*, 2017, no 2, pp. 162–170.

12. Dement'ev A. N., Bondar' B. N. Problemy administrativno-territorial'nogo ustroistva sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v kontekste predstoyashchei reformy mestnogo samoupravleniya [Problems of the administrative-territorial structure of the subjects of the russian federation in the context of the upcoming reform of local self-government]. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law,* 2022, no. 3, pp. 16–25.

13. Khludnev E. I. Problema otdaleniya mestnoi vlasti ot naseleniya v svete tendentsii k ukrupneniyu munitsipal'nykh obrazovanii [The problem of distancing of local government from the population in view of the tendency for consolidation of municipal structures]. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: Legal Issues,* 2021, no. 1, pp. 20–22.

14. Bazhenova O. I. Munitsipal'nyi okrug: novoe reshenie staroi problemy ili novaya problema organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossii? [Municipal district: a new solution of the old problem or a new problem of local self-government arrangement in Russia?]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law,* 2020, no. 1, pp. 58–66.

15. Kireeva E. Yu., Nudnenko L. A. Konstitutsionno-pravovye osnovy vzaimodeistviya organov mestnogo samoupravleniya s organami gosudarstvennoi vlasti v sisteme publichnoi vlasti [Constitutional law grounds for the interaction between local self-government authorities and government authorities in the public government system]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law,* 2022, no. 3, pp. 62–67.

16. Malyavkina N. V., Aleksikova O. E., Yastrebov A. E. Munitsipal'nyi okrug kak sredstvo ukrupneniya munitsipal'nykh obrazovanii [A municipal district as a means of enlargement of municipal structures]. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: Legal Issues,* 2020, no. 1, pp. 19–22.

17. Afanas'ev A. A. Mestnoe samoupravlenie i konstitutsionnaya reforma – 2020 [Local self-government and the constitutional reform of 2020]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law,* 2021, no. 5, pp. 69–71.

18. Bagmet A. M., Bychkova E. I. Nekotorye aspekty sovershenstvovaniya instituta otvetstvennosti glavy munitsipal'nogo obrazovaniya [Some aspects of improving the institute of responsibility of the head of a municipality]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice,* 2020, no. 4, pp. 13–15.

19. Tikhaleva E. Yu. Tendentsii razvitiya instituta otvetstvennosti organov i dolzhnostnykh lits mestnogo samoupravleniya pered naseleniem [Tendencies of development of the institute of responsibility of agencies and officials of local self-government before population]. *Gosudar-*

stvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government, 2015, no. 6, pp. 40–44.

20. Chebotarev G. N. Munitsipal'naya vlast' v edinoi sisteme publichnoi vlasti [Municipal government in the single public government system]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law,* 2022, no. 1, pp. 57–60.

Информация об авторе / Information about the Author

Тихалева Елена Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и уголовного права, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: columbijka@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-4612-4722

Elena Ju. Tikhaleva, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Criminal Law, Central Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russian Federation,
e-mail: columbijka@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-4612-4722

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-39-49

(cc) BY 4.0

Родительство и родители как семейно-правовые категории

А. В. Гринева [1,2] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

[2]Арбитражный суд Московской области
проспект Академика Сахарова 18, г. Москва 107053, Российская Федерация

✉ e-mail: annagrin@rambler.ru

Резюме

***Актуальность**. В статье представлена характеристика правоотношений по семейному воспитанию детей в контексте преобладания социального родительства при сохранении преимущественного права на воспитание детей лицами, записанными в качестве родителей. В настоящее время рассматриваемые категории подвергаются переосмыслению, а в зарубежных странах коренному видоизменению, что приводит к извращению смысла и сущности родительских правоотношений. Обосновывается тезис о необходимости восприятия категорий «родители» и «родительство» как самостоятельных.*

***Цель** заключается в теоретическом осмыслении таких понятий, как «родители» и «родительство», через призму социального родительства.*

***Задачи**: выявить природу родительства и соотнести ее с понятием «родители»; дать характеристику социальному родительству; выявить сложности и различия, возникающие в правоотношениях по семейному воспитанию детей в зависимости от того, кто записан в качестве родителей ребенка и кто непосредственно осуществляет права и обязанности по воспитанию и содержанию ребенка.*

***Методология**. Исследование проводилось на основе общенаучного (диалектического) метода научного познания, методов анализа, сравнения, формально-юридического, формально-логического методов.*

***Результаты** исследования отличают прикладной характер с элементами научной новизны в выявленных подходах и выводах. Выявленные варианты семейных правоотношений свидетельствуют о конгруэнтности понятий «родители» и «родительство».*

***Вывод**. Автор утверждает о самостоятельности правовых категорий «родительство» и «родители», опровергает полную их тождественность в правоотношениях по семейному воспитанию детей. Отличительной чертой социального родительства выступает то, что для социума родителями выступают лица, непосредственно воспитывающие ребенка (усыновители, опекуны, попечители и др.) и даже позиционирующие себя как родители.*

***Ключевые слова**: семейные правоотношения; воспитание в семье; социальное родительство; биологическое родительство; родители; ребенок.*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Гринева А. В. Родительство и родители как семейно-правовые категории // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 39–49. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-39-49.

Поступила в редакцию 01.07.2022 Принята к публикации 28.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Гринева А. В., 2022

Parenthood and Parents as Family-Legal Categories

Anna V. Grineva[1,2] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

[2] Arbitration court of the Moscow region
18 Akademika Sakharova Ave., Moscow 107053, Russian Federation

✉ e-mail: gpkursk@yandex.ru

Abstract

***Relevance**. The article presents the characteristics of legal relations on the family upbringing of children in the context of the predominance of social parenthood while preserving the preferential right to raise children by persons registered as parents. Currently, the categories under consideration are being reinterpreted, and in foreign countries radically modified, which leads to a perversion of the meaning and essence of parental legal relations. The thesis about the necessity of perception of the categories "parents" and "parenthood" as independent is substantiated.*

***The purpose** is to theoretically comprehend such concepts as "parents" and "parenthood" through the prism of social parenthood.*

***Objectives**: to identify the nature of parenthood and correlate it with the concept of "parents"; to give a characterization of social parenting; to identify difficulties and differences arising in legal relations on family upbringing of children, depending on who is registered as the child's parents, and who directly exercises the rights and responsibilities for the upbringing and maintenance of the child.*

***Methodology**. The research was conducted on the basis of the general scientific (dialectical) method of scientific cognition, methods of analysis, comparison, formal legal, formal logical methods.*

***Results**. The results of the study are distinguished by an applied nature with elements of scientific novelty in the identified approaches and conclusions. The revealed variants of family legal relations testify to the congruence of the concepts of "parents" and "parenthood".*

***Conclusion**. The author asserts the independence of the legal categories of parenthood and parents, refutes their complete identity in the legal relations on the family upbringing of children. A distinctive feature of social parenthood is that for society, parents are persons who directly raise a child (adoptive parents, guardians, trustees, etc.) and even position themselves as parents.*

***Keywords**: family relations; upbringing in the family; social parenthood; biological parenthood; parents; child.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Grineva A. V. Parenthood and Parents as Family-Legal Categories. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 39–49. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-39-49.

Received 01.07.2022 Accepted 28.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

Современная нам семья находится на очередном этапе своего развития как социальный и правовой институт. Новые формы организации семейной жизни и построения семейных отношений, инициируемые гражданами, в определенной степени провоцируют государство на внесение изменений в механизм семейно-правового регулирования. Самым ярким по сути и кардинальным по уровню совершенствования законодательства, регулирующего отношения с участием чле-

нов семьи, стало внесение поправки в Конституцию Российской Федерации[1].

Представители юриспруденции, общественные деятели в большей степени ориентированы на обсуждение нормы, фактически формально закрепляющей понятие брака как союза мужчины и женщины. При этом необоснованно вне поля научной дискуссии находится ряд норм Конституции РФ, свидетельствующих о формировании нового направления в государственной политике, важнейшим приоритетом которой должны стать дети.

Представляется, усиление публичного интереса в этой части семейных правоотношений отнюдь не случайно, дети были, есть и будут нашим будущим, в связи с чем государственный контроль за семейным воспитанием, несмотря на частноправовой характер родительского правоотношения, вполне обоснован. В то же время существующая модель правоотношения по семейному воспитанию, где участниками выступают родители и дети, на наш взгляд, в большей степени, нежели отношения между супругами (будущими и бывшими супругами), подверглась трансформации, в том числе и вследствие несовершенства действующего законодательства.

Методология

Методологической основой исследования выступил комплекс общенаучных и частнонаучных (юридических) методов научного познания. Применялись методы анализа, синтеза нормативных правовых актов, научных и правоприменительных данных, метод сравнения и логический метод интерпретации нормативных и теоретических положений, касающихся объекта исследования. Системный метод использовался для выделения установления признаков, позволяющих дифференцировать категории «родительство» и «родитель». Формально-юридический метод заключался в изучении судебной практики. Формально-логический метод применялся при формулировании выводов результатов проведенного исследования.

Результаты и их обсуждение

«Традиционные семейные ценности» – понятие, получившее иное звучание в контексте обсуждения конституционных новшеств, имеет самое непосредственное значение и в плане совершенствования семейного и смежного законодательства, регулирующего отношения по семейному воспитанию детей родителями. Пропаганда «бесполого» воспитания детей, характерная для многих зарубежных государств, в том числе обозначение родителей как участников спортивного мероприятия под номерами «родитель 1» и «родитель 2», явно не соответствуют истории российской семьи как социального и правового институтов, традициям отечественной педагогики и юриспруденции и в принципе здравому смыслу и разуму.

Кроме того, стремительное развитие вспомогательных репродуктивных технологий [1; 2; 3; 4], которые нельзя не признать необходимыми и востребованными, может привести и к еще более извращенным конструкциям родительского правоотношения. В частности, речь идет о так называемом «тройном родительстве» или применении технологии митохондриальной замены [5, с. 41–42].

Вспомогательные репродуктивные технологии различных вариаций и типов, экстракорпоральное оплодотворение и суррогатное материнство как наиболее распространенные из них не только стремительно совершенствуются с точки зре-

[1] О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. URL: https://www.consultant.ru/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 16.06.2022).

ния медицины, но и активно применяются нашими гражданами. Не секрет и то, что не всегда основанием для заключения соответствующего возмездного договора выступает медицинский диагноз «бесплодие» как мужчин, так и женщин. Зачастую исключительно личные амбиции и эгоизм мужчин и женщин выступают предпосылкой использования на-званных медицинских технологий для последующего приобретения статуса: а) одного из родителей; б) единственного родителя; в) одного из трех родителей (как перспектива). В. В. Богдан указывает на такие опасные стороны распространения технологии суррогатного материнства, как «превращение "вспомогательной репродуктивной технологии" в коммерческую деятельность, нивелирование института семьи и искажение нравственных представлений о роли женщины в обществе как матери» [6, с. 18–19].

Безусловно, это противоречит традициям семьи и семейного воспитания детей обоими родителями, если не состоящими в браке между собой, но, как правило, проживающими совместно.

Представляется, что в настоящее время нуждаются в теоретическом осмыслении такие понятия, как родители и родительство. Безусловно, общий корень «род» означает преобладание общих признаков в социальном восприятии соответствующих терминов. На первый взгляд, демонстрирует это и законодатель. Аксиоматичный характер нормы: «Права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке», содержащейся в ст. 47 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), как бы иного варианта и не предполагает. Мужчина и женщина, происхождение ребенка от которых удостоверено в установленном законом порядке, являются его родителями и вследствие этого имеют родительские права и обязанности.

Согласимся с Н. Н. Тарусиной, которая утверждает, что факт происхождения сам по себе не характеризуется как необходимое и достаточное обстоятельство для возникновения правоотношений между родителями и детьми [7, с. 251]. Наличие генетической (биологической) связи с каждым из предполагаемых родителей должно быть формально подтверждено.

В рамках настоящей статьи мы не будем обращаться к соответствующим нормам законодательства о порядке установления отцовства и (или) материнства с учетом наличия семейно-правовой связи между женщиной, родившей ребенка, и мужчиной – предполагаемым отцом. Но стоит признать, что этот вопрос в юриспруденции относится к числу постоянно исследуемых. Как заявляет О. В. Купцова, «в отношении родителей биологический подход дополняется социальным. Правовая связь "родитель-ребенок" основывается не только на кровном родстве, но и на иных юридических фактах» [8]. В частности, автор указывает на супруга матери ребенка, при этом известно, что супруг не является отцом ребенка, на суррогатную мать. «Поэтому, – пишет О. В. Купцова, – в определении родителя (родителей) должно содержаться указание не только на факт кровного родства, но и на иные юридические факты либо на установление происхождения ребенка как основание возникновения родительских прав и обязанностей» [8].

Представляется, что данный автор, как и некоторые другие, допускает смешение категорий «родитель» и «родительство». Мы полностью согласны с тем, что в равной степени и мужчина, и женщина могут быть записаны родителями при отсутствии кровной связи с ребенком, однако для получения статуса родителя необходимо соблюдение формальности – запись в качестве родителя при регистрации рождения ребенка или впоследствии, если для этого есть основания, например, при удовлетворении ис-

ка об установлении отцовства, при усыновлении ребенка и т.п.

Родительство же, биологическое или социальное, имеет иную природу, речь идет именно об осуществлении родительских прав и обязанностей, осознании ответственности за надлежащее воспитание ребенка. Учитывая, что родители при определенных обстоятельствах могут по собственной воле либо на основании решения органа опеки и попечительства или суда передавать частично или в полном объеме полномочия по воспитанию ребенка третьим лицам, возникает вопрос о соотношении статуса родителя и функции родительства.

Таким образом, даже при наличии кровной связи с ребенком родители могут пребывать в отношениях социального родительства, например, при назначении ребенку опекуна (попечителя).

Заметим, что в науке семейного права социальное родительство исследуется исключительно в контексте юридических оснований для совершения записи о родителях в акте о рождении ребенка. В науке семейного права социальным родством называют отношения, возникшие на основании удочерения/усыновления [9], признание со стороны мужчины ребенка своим, не состоящего с ним в генетической связи [10], рассматривают родство, в том числе и кровное, как общественную связь, предлагая вовсе не использовать термин «кровное родство» [11, с. 32]. Р. Е. Телегин [12, с. 141–142] упоминает о наличии следующих научных подходов в развитии направлений Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., утверждённой распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р: социальное родительство с введением терминологии «социальное отцовство», «социальное материнство» и «модель партнерских отношений» [13; 14; 15; 16].

Полагаем, что такой подход является узким, поскольку не позволяет оценить сущность родительства как социальной миссии. В связи с этим полагаем возможным заявить об отсутствии тождественности понятий «родители» и «родительство», присущей науке семейного права.

Применяемый в настоящее время механизм административной и судебной процедур установления происхождения ребенка достаточно консервативный и устоявшийся, хотя и корректируемый в постоянном режиме так или иначе правоприменительной практикой, о чем речь пойдет ниже.

Конечно же, в первую очередь необходимо отметить позицию Верховного Суда Российской Федерации, выраженную в Постановлении Пленума от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»[1].

Заметим, что акцент, сделанный законодателем в п. 4 ст. 51 СК РФ посредством упоминания слова «только», способствовал однозначному толкованию и изложенной нормы: супруги, которые в письменной форме дали согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями родившегося ребенка только с согласия суррогатной матери. Следовательно, если суррогатная мать не дала согласия на запись супругов в качестве родителей, то ребенок уже никогда ни при каких обстоятельствах не может быть им передан.

Приоритет так называемого социального родительства (среди представителей науки семейного права впервые это понятие упомянула в своих исследованиях М. В. Антокольская [17, с. 184]) фактически исключал защиту прав и интере-

[1] О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16: [ред. от 26.12.2017]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/ (дата обращения: 16.06.2022).

сов мужчины и женщины, имеющих генетическую (биологическую) связь с ребенком, выношенным суррогатной матерью. Более того, такой подход, думается, противоречит и интересам ребенка, нарушает его право знать своих родителей и воспитываться ими.

Итак, Пленум Верховного Суда РФ в п. 31 названного постановления разъяснил: «…судам следует иметь в виду, что в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями указанных выше лиц (потенциальных родителей), то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и о передаче им ребенка на воспитание». Кстати, некоторые ученые предлагают вообще кардинально изменить действующий порядок установления происхождения детей, рожденных суррогатной матерью: исключить из СК РФ правило о необходимости получения согласия суррогатной матери на запись родителей ребенка [18, с. 31]; установить запрет для суррогатной матери по предъявлению иска об установлении отцовства к генетическому отцу ребенка – заказчику по договору о суррогатном материнстве [19, с. 186] и т.п.

Не стоит оставлять без внимания и факт обсуждения соответствующих вопросов на уровне Конституционного Суда Российской Федерации еще, так скажем, на заре активного применения суррогатного материнства. В частности, судья Конституционного Суда РФ С. Д. Князев считает, что «законодательное» равнодушие к интересам доноров, отдача исключительного права на наделение правовым статусом родителя суррогатной матери нарушает баланс прав и интересов лиц, предоставивших свой генетический материал [20, с. 89–94].

Родители ребенка – это мужчина и женщина, записанные в качестве таковых в установленном законом порядке. Отметим, что в эту запись также в установленном законом порядке могут быть внесены изменения, следовательно, и статус родителя может быть утрачен/приобретен не только при регистрации рождения ребенка, но и впоследствии.

При этом особого внимания заслуживает п. 6 ст. 137 СК РФ: «Правовые последствия усыновления ребенка, предусмотренные пунктами 1 и 2 настоящей статьи, наступают независимо от записи усыновителей в качестве родителей в актовой записи о рождении этого ребенка». Таким образом, соответствующие личные неимущественные и имущественные правоотношения возникают даже при сохранении прежней записи о родителях ребенка [21, с. 13–18]. На наш взгляд, это исключение, нежели правило в практике усыновления, усыновители обычно записываются в качестве родителей ребенка. Однако законодатель в этой ситуации придает правовое значение не только желанию и воле усыновителей, поскольку в соответствии с п. 2 ст. 136 СК РФ для совершения такой записи в отношении ребенка, достигшего возраста десяти лет, необходимо его согласие, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 ст. 132 СК РФ.

Вышеизложенное позволяет нам продемонстрировать отношения по воспитанию ребенка в семье, при этом родителями и лицами, непосредственно воспитывающими ребенка, могут быть совершенно разные мужчины и женщины. Следовательно, понятие «родители» в этой ситуации, на первый взгляд, абсолютно не связано с понятием «родительство». При соблюдении тайны усыновления, очевидно, осуществление родительских прав и обязанностей усыновителями будет в полной мере соотноситься с записью именно их в качестве родителей усыновленного ребенка и, более того, предполагается наличие кровного родства в данной семье.

В то же время среди лиц, имеющих право требовать отмены усыновления, названы родители ребенка (ст. 142 СК РФ), т. е. лица, состоящие в кровном (биологическом) родстве с ребенком. Означает ли это, что законодатель фактически пожизненно сохраняет за ними соответствующий статус? Очевидно, да, что подтверждает заявленный нами тезис о необходимости восприятия как самостоятельных категорий «родители» и «родительство».

Приведем еще один пример, позволяющий определить участие родителей в отношениях социального родительства. В случаях и порядке, предусмотренных законом, ребенок может быть признан оставшимся без попечения родителей, что влечет за собой возможность установления над ним опеки или попечительства. Не исключено, что основанием возникновения соответствующих правоотношений станет и волеизъявление родителей (единственного родителя). В связи с этим представляется важным правильно определить субъектный состав и содержание правоотношений по воспитанию ребенка.

Как следует из п. 2 ст. 148.1 СК РФ: «Если иное не установлено федеральным законом, родители ребенка или лица, их заменяющие, утрачивают свои права и обязанности по представительству и защите прав и законных интересов ребенка с момента возникновения прав и обязанностей опекуна или попечителя».

Именно так законодатель очерчивает круг полномочий опекуна или попечителя как лиц, которые временно воспитывают ребенка, т. е. в течение определенного срока выполняют миссию социального родительства.

Согласно п. 6 этой же статьи, опекун или попечитель ребенка имеет право и обязан воспитывать ребенка, заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка. Эти субъекты также вправе самостоятельно определять способы воспитания ребенка при соблюдении требований, предусмотренных п. 1 ст. 65 СК РФ, как принципы осуществления родительских прав.

При этом любые действия (бездействие) по осуществлению опеки или попечительства опекуном или попечителем ребенка могут быть обжалованы родителями ребенка (п. 3 ст. 148.1 СК РФ), тем самым законодатель сохраняет преимущественное право родителей на воспитание своих детей перед всеми третьими лицами (п. 1 ст. 63 СК РФ).

Вышеизложенное позволяет нам утверждать, что правоотношения по семейному воспитанию детей могут различаться в зависимости от того, кто записан в качестве родителей ребенка и кто непосредственно осуществляет права и обязанности по воспитанию и содержанию ребенка.

Итак, классический вариант: семья, где родители ребенка состоят с ним в кровном родстве, записаны в качестве таковых и, осуществляя одну из своих естественных функций, воспитывают ребенка.

Не исключен и формат родительского правоотношения, где родители (один из родителей) не состоят в кровном родстве с ребенком, но записаны в качестве таковых и осуществляют в полной мере надлежащим образом свои родительские права и обязанности.

Полагаем, что оба варианта свидетельствуют о конгруэнтности понятий «родители» и «родительство», при этом так называемое биологическое родительство как наличие генетической связи родителей (одного из них) с ребенком не имеет значения, поскольку совершена запись акта о рождении.

Совершенно иной формат имеют родительские правоотношения, где при сохранении не только записи о родителях, но и преимущественного права родителей на воспитание своего ребенка ребенок находится на воспитании у третьих лиц (усыновление, опека и попечительство или иные формы временного нахождения ребенка у третьих лиц). Вот именно в таких ситуациях, по нашему мнению, и возникает социальное родительство. Отличительной его чертой выступает то, что для социума родителями выступают лица, непосредственно воспитывающие ребенка (усыновители, опекуны, попечители и др.) и даже позиционирующие себя как родители. В то же время, как было нами установлено, мужчина и женщина, записанные в качестве родителей ребенка, сохраняют свое преимущественное право на воспитание ребенка перед всеми третьими лицами.

Выводы

Таким образом, ключевым моментом в определении категории «родители» выступает запись мужчины и женщины в акте о рождении ребенка, при этом понятие «биологическое родительство», как правило, превалирует. Термин же «социальное родительство» не может быть использован как понятие при отсутствии кровного родства между ребенком и родителями (одним из них) при государственной регистрации рождения ребенка и совершении записи о родителях, поскольку выполнение социальной функции по воспитанию детей иными лицами, наделенными полномочиями, не может быть соотнесено с понятием «родитель».

Список литературы

1. Богданова Е. Е., Белова Д. А. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 66–75.

2. Бычков А. Правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий // Юридический справочник руководителя. 2021. № 12. С. 66–75.

3. Горбунова О. В. К вопросу о репродуктивных правах мужчин и женщин в России // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 9–11.

4. Романовский Г. Б. Правовая охрана материнства и репродуктивного здоровья. М.: Проспект, 2020. 216 с.

5. Носкова М. С. Проблема легализации метода митохондриальной замены и процедуры установления происхождения детей, рожденных от трех родителей // Правовой журнал Президент. 2020. № 2. С. 37–43.

6. Богдан В. В. Суррогатное материнство как частноправовой институт и общественные интересы // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник статей по материалам I Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2017. С. 15–19.

7. Тарусина Н. Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна. Ярославль: Яросла в. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2009. 615 с.

8. Купцова О. В. Семейно-правовой статус родителя: отдельные вопросы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 3–6.

9. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах граж-

данского состояния» / О. Г. Алексеева, В. В. Андропов, А. А. Бухарбаева [и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. 654 с.

10. Кодификация российского частного права / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало [и др.]; под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2008. 336 с.

11. Веберс Я. Р. Понятие родства как основания возникновения прав и обязанностей // Вестник МГУ. Серия X: Право. 1962. № 4. С. 29–34.

12. Телегин Р.Е. Правовой статус участников семейных правоотношений: дис. … канд. юрид. наук. Курск, 2022. 207 с.

13. Тагаева С. Н., Бодурова Г. Г. Особенности процессуальных вопросов установления отцовства по российскому законодательству // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 23–27.

14. Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex russica. 2019. № 5. С. 40–48.

15. Шахова Е. С. Соотношение родительских и усыновительских правоотношений: актуальные проблемы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 75–82.

16. Усачева Е. А. Социальное отцовство (материнство): постановка проблемы // Российский юридический журнал. 2019. № 6. С. 115–120.

17. Антокольская М. В. Семейное право. М.: Юристъ, 1996. 431 с.

18. Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex Russica. 2019. № 1 (146). С. 29–37.

19. Сухарева Е. Р. Обеспечение интересов ребенка и его родителей в свете совершенствования законодательства об установлении происхождения детей и его оспаривания // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 1. С. 183–188.

20. Кузнецова О. В. Защита прав отцов по семейному законодательству // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17. С. 89–94.

21. Ильина О. Ю. Судебное решение как основание возникновения семейных прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 13–18.

Reference

1. Bogdanova E. E., Belova D. A. Aktual'nye problemy reformirovaniya zakonodatel'stva o surrogatnom materinstve [Actual problems of reforming the legislation on surrogacy]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2021, no. 4, pp. 66–75.

2. Bychkov A. Pravovoe regulirovanie vspomogatel'nyh reproduktivnyh tekhnologij [Legal regulation of assisted reproductive technologies]. *Yuridicheskij spravochnik rukovoditelya = Legal guide of the head*, 2021, no. 12, pp. 66–75.

3. Gorbunova O. V. K voprosu o reproduktivnyh pravah muzhchin i zhenshchin v Rossii [On the issue of reproductive rights of men and women in Russia]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2018, no. 5, pp. 9–11.

4. Romanovskij G. B. Pravovaya ohrana materinstva i reproduktivnogo zdorov'ya [Legal protection of maternity and reproductive health]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 216 p.

5. Noskova M. S. Problema legalizacii metoda mitohondrial'noj zameny i procedury ustanovleniya proiskhozhdeniya detej, rozhdennyh ot trekh roditelej [The problem of legalizing the method of mitochondrial replacement and the procedure for establishing the origin of chil-

dren born from three parents]. *Pravovoj zhurnal Prezident = Legal Journal President*, 2020, no. 2, pp. 37–43.

6. Bogdan V. V. [Surrogate motherhood as a private legal institution and public interests]. *Aktual'nye problemy yurisprudencii. Sbornik statej po materialam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Actual problems of jurisprudence. Collection of articles based on the materials of the I International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, Sibirskaya akademicheskaya kniga 2017, pp. 15–19.

7. Tarusina N. N. Semejnoe pravo: Ocherki iz klassiki i moderna [Family Law: Essays from Classics and Modernity]. Yaroslavl', Yaroslav. gos. un-t im. P. G. Demidova, 2009. 615 p.

8. Kupcova O. V. Semejno-pravovoj status roditelya: otdel'nye voprosy teorii i praktiki [Family and legal status of a parent: some issues of theory and practice]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2021, no. 1, pp. 3–6.

9. Alekseeva O. G., Andropov V. V., Buharbaeva A. A., eds. Postatejnyj kommentarij k Semejnomu kodeksu Rossijskoj Federacii, Federal'nomu zakonu "Ob opeke i popechitel'stve" i Federal'nomu zakonu "Ob aktah grazhdanskogo sostoya-niya" [Article-by-article commentary on the Family Code of the Russian Federation, the Federal Law "On Guardianship and Guardianship" and the Federal Law "On Acts of Civil Status"]; ed. by P. V. Krasheninnikov. Moscow, Statut Publ., 2012. 654 p.

10. Vitryanskij V. V., Golovina S. Yu., Gongalo B. M., eds. Kodifikaciya rossijskogo chastnogo prava [Codification of Russian private law]; ed. by D. A. Medvedev. Moscow, Statut Publ., 2008. 336 p.

11. Vebers Ya. R. Ponyatie rodstva kak osnovaniya vozniknoveniya prav i obyazannostej [The concept of kinship as the basis for the emergence of rights and obligations]. *Vestnik MGU. Seriya X: Pravo = Bulletin of Moscow State University. Series X: Law*, 1962, no. 4, pp. 29–34.

12. Telegin R. E. Pravovoj status uchastnikov semejnyh pravootnoshenij. Diss. kand. yurid. nauk [Legal status of participants in family legal relations. Cand. legal sci. diss.]. Kursk, 2022. 207 p.

13. Tagaeva S. N., Bodurova G. G. Osobennosti processual'nyh voprosov ustanovleniya otcovstva po rossijskomu zakonodatel'stvu [Features of procedural issues of establishing paternity under Russian law]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2021, no. 6, pp. 23–27.

14. Tarusina N. N. Sudebnaya praktika po semejnym delam: problemy usmotreniya na grani pravotvorchestva [Judicial practice in family cases: problems of discretion on the verge of law-making]. *Lex russica*, 2019, no. 5, pp. 40–48.

15. Shahova E. S. Sootnoshenie roditel'skih i usynovitel'skih pravootnoshenij: aktual'nye problemy semejnogo prava [The ratio of parental and adoptive legal relations: actual problems of family law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2016, no. 7, pp. 75–82.

16. Usacheva E. A. Social'noe otcovstvo (materinstvo): postanovka problemy [Social fatherhood (motherhood): statement of the problem]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal = Russian Law Journal*, 2019, no. 6, pp. 115–120.

17. Antokol'skaya M. V. Semejnoe pravo [Family law]. Moscow, Yurist" Publ., 1996. 431 p.

18. Momotov V. V. Bioetika v kontekste zakonodatel'stva i pravoprimeneniya (surrogatnoe materinstvo) [Bioethics in the context of legislation and law enforcement (surrogacy)]. *Lex Russica*, 2019, no. 1 (146), pp. 29–37.

19. Suhareva E. R. Obespechenie interesov rebenka i ego roditelej v svete sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob ustanovlenii proiskhozhdeniya detej i ego osparivaniya [Ensuring the interests of the child and his parents in the light of the improvement of legislation on the establishment of the origin of children and its challenge]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 1, pp. 183–188.

20. Kuznecova O. V. Zashchita prav otcov po semejnomu zakonodatel'stvu [Protection of fathers' rights under family law]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2015, no. 17, pp. 89–94.

21. Il'ina O. Yu. Sudebnoe reshenie kak osnovanie vozniknoveniya semejnyh prav i obyazannostej [Judicial decision as the basis for the emergence of family rights and obligations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2016, no. 8, pp. 13–18.

Информация об авторе / Information about the Author

Гринева Анна Владимировна, соискатель кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация; судья Арбитражного суда Московской области, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: annagrin@rambler.ru,
ORCID: 0000-0001-8576-3522

Anna V. Grineva, Applicant at the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation; Arbitration Court of the Moscow Region, Moscow, Russian Federation,
e-mail: annagrin@rambler.ru,
ORCID: 0000-0001-8576-3522

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-50-61

(cc) BY 4.0

Насильственные сексуальные преступления по законодательству Турецкой Республики

А. А. Бимбинов[1] ✉

[1] Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская 9, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: bimbinov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В последние годы вновь актуализировался вопрос о совершенствовании уголовной ответственности за сексуальные преступления. В план работы Государственной Думы РФ включены соответствующие темы с обсуждением возможности заимствования наиболее предпочтительных решений законодателей зарубежных государств.*

Цель *– определение признаков составов насильственных сексуальных преступлений по законодательству Турецкой Республики для выявления качества и эффективности правового регулирования.*

Задачи: *определить круг насильственных сексуальных преступлений; установить их объективные и субъективные признаки; проанализировать квалифицирующие признаки; изучить практику применения соответствующих норм.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались традиционные для уголовно-правового исследования частнонаучные и общенаучные методы.*

Результаты*. Видовым объектом насильственных сексуальных преступлений (статьи 102-103 Уголовного кодекса Турции) является сексуальная неприкосновенность. В действующем уголовном законе изменилась социально-правовая ценность, подлежащая охране: ныне во главу угла поставлены интересы личности. Этот шаг свидетельство того, что на государственном уровне признано право человека самостоятельно и свободно определять свое сексуальное поведение.*

Общественно опасное деяние состоит в совершении сексуального насилия либо сексуальных прикосновений. Сексуальным насилием является сексуальное поведение, нарушающее физическую неприкосновенность другого человека. При этом под сексуальным поведением подразумеваются действия, направленные на удовлетворение сексуальной потребности, не образующие половой акт в традиционном словоупотреблении. Действия сексуального характера с проникновением в тело образуют квалифицированные составы преступлений.

Сексуальные прикосновения, в отличие от действий сексуального характера, непродолжительны и состоят лишь в прикосновении к различным частям тела потерпевшего, в том числе поверх одежды или посредством каких-либо предметов.

Вывод. *Результаты исследования способны благоприятным образом сказаться на отечественном праве, в том числе путем рецепции наиболее удачных решений турецкого законодателя.*

Ключевые слова: *половые преступления; изнасилование; насильственные действия; сексуальный характер; сексуальные посягательства; половая свобода; половая неприкосновенность.*

Финансирование: *Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-4898.2021.2*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Бимбинов А. А. Насильственные сексуальные преступления по законодательству Турецкой Республики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 50–61. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-50-61.

Поступила в редакцию 30.06.2022 Принята к публикации 28.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Бимбинов А. А., 2022

Violent Sexual Crimes Provided for by the Legislation of the Republic of Turkey

Arseniy A. Bimbinov[1] ✉

[1] Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: bimbinov@yandex.ru

Abstract

Relevance. *In recent years, the issue of improving criminal liability for sexual crimes has become relevant again. The work plan of the State Duma of the Russian Federation includes relevant topics with discussion of the possibility of borrowing the most preferred decisions of legislators of foreign states.*

The purpose. *The work is devoted to determining the signs of violent sexual crimes under the legislation of the Republic of Turkey in order to identify the quality and effectiveness of legal regulation.*

Objectives: *to determine the range of violent sexual crimes; to establish their objective and subjective signs; to analyze qualifying signs; to study the practice of applying the relevant norms.*

Methodology. *In the process of working on the study, traditional private scientific and general scientific methods were used for criminal law research.*

Results. *The specific object of violent sexual crimes (Articles 102-103 of the Criminal Code of Turkey) is sexual inviolability. The current criminal law has changed the socio-legal value to be protected: now the interests of the individual are at the forefront. This step is evidence that the right of a person to independently and freely determine his sexual behavior is recognized at the state level.*

A socially dangerous act consists of committing sexual violence or sexual touching.

Sexual violence is sexual behavior that violates the physical integrity of another person. At the same time, sexual behavior refers to actions aimed at satisfying sexual needs that do not form a sexual act in traditional usage. Acts of a sexual nature with penetration into the body form qualified elements of crimes. Sexual touching, unlike sexual acts, is short-lived and consists only of touching various parts of the victim's body, including over clothes or through any objects.

Conclusion. *The results of the study can have a favorable effect on domestic law, including by receiving the most successful decisions of the Turkish legislator.*

Keywords: *Middle Ages; customary law; Syntagama of Matthew Vlastar; Code of Basil Lupu; minorat; sinisfora.*

Funding*: The work was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists No. MK-4898.2021.2*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Bimbinov A. A. Violent Sexual Crimes Provided for by the Legislation of the Republic of Turkey. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 50–61. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-50-61.

Received 30.06.2022 Accepted 28.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

Ответственность за сексуальные преступления в Турции установлена Уголовным кодексом (далее – УК) Республики от 26 сентября 2004 г.[1] Большая часть таких посягательств, в том числе насильственные преступления, зафиксированы в главе 6 «Преступления против сексуальной неприкосновенности» раздела 2

[1] Уголовный кодекс Турецкой Республики от 26 сентября 2004 года № 5237. URL: https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat?MevzuatNo=5237&MevzuatTur=1&MevzuatTertip=5 (дата обращения: 16.06.2022).

«Преступления против личности» книги 2 «Особенная часть» УК Турции.

Видовым объектом насильственных сексуальных преступлений (ст. 102-103 УК Турции) является сексуальная неприкосновенность. Этот, казалось бы, очевидный факт является значимым достижением турецкого законодателя.

Ранее действовавший УК Турции 1926 г. определял изнасилование, совращение малолетних и посягательство на половую неприкосновенность как преступления против общественной нравственности и семейного уклада [1, с. 268]. Под уголовно-правовую охрану нормами об ответственности за сексуальные преступления были поставлены отношения, составляющие элемент общественного блага. В действующем же уголовном законе изменилась социально-правовая ценность, подлежащая охране: ныне во главу угла поставлены интересы личности. Этот шаг свидетельство того, что на государственном уровне признано право человека самостоятельно и свободно определять свое сексуальное поведение.

Кроме того, новый УК отказался от понятия «изнасилование женщины» как пережитка патриархального подхода [2, с. 4]. По действующему УК гендерные признаки потерпевшего больше не имеют значения, что позволяет рассматривать сексуальные посягательства как преступления против человека независимо от пола.

В уголовном праве Турции общепринятым является понимание сексуальной неприкосновенности как сексуальной свободы человека [3, с. 34; 4, с. 57; 5; 6; 7]. При этом сексуальная свобода – это право человека самостоятельно определять свое место в сексуальных отношениях в пределах, установленных законом и моралью [8, с. 3286].

Методология

Исследование признаков составов насильственных преступлений, а также практики их применения осуществлялось посредством сопоставления действующих положений турецкого законодательства, доктринальных воззрений ученых-криминалистов и выводов, сделанных Верховных судом Турции по конкретных уголовным делам.

В работе использовались следующие частноюридические методы: правовой аналитики, законодательной техники, правовой компаративистики, экспертных оценок, правового моделирования.

Метод правовой аналитики предполагает рассмотрение проблем на основе их деления на системно связанные части, выявления причинных взаимоотношений, учета сопутствующих факторов, прогнозирования и оценивания последствий.

Законодательная техника представляет собой совокупность средств и приемов, используемых при выработке и систематизации предложений по совершенствованию нормативно-правовых предписаний.

Правовая компаративистика предполагает сопоставление одноименных государственных и правовых институтов, их основных принципов и категорий, существующих в зарубежных государствах.

Метод экспертных оценок заключается в изучении мнений специалистов, обладающих глубокими знаниями или практическим опытом, в том числе в сфере смежных наук.

Особое место в методологии исследования предоставлено методу правового моделирования, посредством которого делаются выводы относительно квалификации конкретных форм преступного поведения.

Результаты и их обсуждение

Статья 102 УК Турции устанавливает ответственность за сексуальное насилие. Часть 1 указанной статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет за нарушающие физическую неприкосновенность действия сексуального характера (простое сексуальное насилие) и на срок от

двух до пяти лет – за сексуальные прикосновения.

Основным непосредственным объектом данного преступления является сексуальная неприкосновенность человека. Дополнительным объектом выступает физическая неприкосновенность человека. В качестве потерпевшего может выступать лицо любого пола, достигшее восемнадцатилетнего возраста.

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 102 УК Турции, формальный. Общественно опасное деяние состоит в совершении сексуального насилия либо сексуальных прикосновений.

Сексуальным насилием является сексуальное поведение, нарушающее физическую неприкосновенность другого человека. При этом под сексуальным поведением подразумеваются действия, направленные на удовлетворение сексуальной потребности, не образующие половой акт в традиционном словоупотреблении [9, с. 67] (например, мастурбация и другие формы петтинга).

Обязательными признаками рассматриваемого деяния являются физический контакт с телом потерпевшего (в том числе через одежду) и отсутствие его согласия на указанные действия, предопределяющее, как правило, применение насилия или различных угроз. Несмотря на то, что в диспозиции статьи нет на этот счет прямого указания, вывод о несогласии потерпевшего на совершаемые в отношении него действия сексуального характера очевиден. В противном случае такие действия не образуют состава преступления ввиду отсутствия объекта уголовно-правовой охраны.

Согласие исключает уголовную ответственность по ч. 1 ст. 102 УК Турции. При этом важно иметь в виду, что такое согласие должно существовать до начала физического контакта или, по крайней мере, должно возникнуть в этот момент. Согласие не должно быть отменено впоследствии в процессе продолжающихся действий сексуального характера, иначе последующие действия можно рассматривать как сексуальное насилие [10, с. 290, 296].

Сексуальные прикосновения, в отличие от действий сексуального характера, непродолжительны и состоят лишь в прикосновении к различным частям тела потерпевшего, в том числе поверх одежды или посредством каких-либо предметов [11, с. 213]. Так, Четырнадцатая уголовная палата Верховного суда Турции постановила пересмотреть наказание, назначенное виновному, в связи с уменьшением верхнего предела санкции. По делу установлено, что подсудимый, проходя мимо потерпевшего, внезапно коснулся бедра последнего, а затем ударил его в спину. Изначально он обвинялся и был признан виновным в совершении простого сексуального насилия (действия сексуального характера) по ч. 1 ст. 102 УК Турции. Однако апелляционная инстанция переквалифицировала его действия, определив их как сексуальные прикосновения[1].

Выделение этой формы сексуального насилия, вероятно, связано с распространенной в Турции и некоторых других государствах моделью поведения отдельных лиц мужского пола, позволяющих себе прикасаться к сексуально желаемым частям тела других граждан. Законом не предусмотрены какие-либо ограничения относительно пола виновного, поэтому в качестве такового может быть и лицо женского пола.

По мнению ряда ученых [11, с. 218], ответственность за сексуальные прикосновения невозможна для лиц, совершивших указанные действия в отношении своих супругов. Солидаризируясь с данной позицией, следует также подчеркнуть, что согласно ч. 1 ст. 102 УК Турции возбуждение уголовного дела за простое сексуальное насилие возможно только по заявлению потерпевшего. Этим же прин-

[1] Yargıtay 14. Ceza Dairesi 2015/7567 Esas, 2019/7839 Karar.

ципом надлежит руководствоваться при принятии решения о возбуждении дела за сексуальные прикосновения, поскольку данная форма деяния является привилегированной по отношению к простому сексуальному насилию [2, с. 15]. Так, Четырнадцатая уголовная палата Верховного суда Турции прекратила уголовное дело в отношении подсудимого, который, работая унтер-офицером полицейского участка, трогал половые органы своих коллег. В процессе рассмотрения дела содеянное подсудимым было квалифицировано как сексуальные прикосновения, привлечение к уголовной ответственности за которые возможно лишь по заявлению потерпевших, которое в суд не поступило[1].

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Виновному достаточно осознавать, что совершаемые им действия имеют сексуальный характер и нарушают сексуальную неприкосновенность потерпевшего. В целом в турецкой уголовно-правовой науке сомнения на этот счет не возникают.

Дискуссионным вопросом является наличие обязательных для состава мотива и цели преступления. Так, М. Артюк, А. Гекчен и А. Енидюнья полагают, что обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 102 УК Турции, является цель или мотив удовлетворения сексуальной потребности. В обосновании своей позиции авторы пишут, что в противном случае любое физическое насилие (затягивание щеки, вырывание волос, нанесение щелчка по лицу) будет рассматриваться как сексуальное [11, с. 221]. В. Езбек, М. Камбур, К. Доган, П. Баджаксыз и И. Тепе, напротив, считают, что цель не является криминообразующим признаком рассматриваемого преступления. Совершаемые виновным действия объективно имеют сексуальный характер, поэтому они нарушают сексуальную неприкосновенность человека при их совершении вопреки его воле [12]. По мнению С. Чалишкана (прокурора Республики в прошлом), в случае любого насильственного действия сексуального характера, совершенного в том числе ради шутки, будет предъявлено обвинение в сексуальном насилии [13, с. 5].

Тем не менее Верховный суд Турции придерживается позиции, согласно которой простое сексуальное насилие (ч. 1 ст. 102 УК Турции) образует состав преступления только при наличии цели удовлетворения сексуальной потребности[2].

Мотивы сексуального насилия могут быть любыми: желание удовлетворить сексуальную потребность, месть, ревность и так далее, – на квалификацию они не влияют [14].

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо любого пола, как правило достигшее пятнадцатилетнего возраста. Согласно ч. 2 ст. 31 УК Турции лица, достигшие двенадцатилетнего возраста, могут подлежать уголовной ответственности, если они осознают правовое значение и последствия совершенного ими деяния, а также способны руководить своим поведением в полном объеме.

Часть 2 ст. 102 УК Турции предусматривает ответственность за нарушающие физическую неприкосновенность действия сексуального характера, совершенные путем введения части тела или иного предмета в тело другого человека (квалифицированное сексуальное насилие). Наказание за такое преступление назначается от двенадцати лет лишения свободы. При этом согласно ч. 1 ст. 49 УК Турции максимальное наказание не может превышать двадцати лет лишения свободы.

Данный квалифицированный состав отличается от основного характеристикой деяния и содержанием отдельных субъективных признаков преступления.

[1] Yargıtay 14. Ceza Dairesi 2015/7901 Esas, 2019/7828 Karar.

[2] Yargıtay 14. Ceza Dairesi 2012/6573 Esas, 2014/7876 Karar.

Общественно опасное деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 102 УК Турции, предполагает введение какой-либо части тела или иного предмета во влагалище, анальное отверстие или ротовую полость другого человека. Относительно иного предмета, который может быть использован при совершении указанного деяния, как правило, споры не возникают: в качестве такового может быть любой овеществленный предмет в твердом состоянии, например, фаллоимитатор, овощи, бутылки или палки [15, с. 32]. Относительно частей тела нет ясности применительно к их введению в ротовую полость.

Турецкая уголовно-правовая наука пока не выработала единой позиции по правовой оценке введения в ротовую полость пальцев, языка или других органов, не относящихся к репродуктивной системе человека. Тем не менее для целей судебно-следственной практики можно ориентироваться на решение Верховного суда Республики, согласно которому квалифицированным сексуальным насилием надлежит считать только введение в ротовую полость гениталий, т. е. внешних половых органов[1].

В другом уже упоминавшемся решении Верховного суда Турции, касающемся цели сексуального насилия, отмечается, что применительно к квалифицированному сексуальному насилию (ч. 2 ст. 102 УК Турции) цель удовлетворения сексуальной потребности не является криминообразующим признаком, т. к. предусмотренные составом действия объективно имеют сексуальный характер[2].

Согласно закону квалифицированное сексуальное насилие может быть совершено по отношению к своему супругу, однако в таком случае уголовное дело подлежит возбуждению только по заявлению потерпевшего. Специальное указание в УК Турции на возможность совершения сексуального насилия в браке призвано сделать очевидным факт того, что брачные отношения не возлагают на человека абсолютного обязательства по удовлетворению сексуальных потребностей своего супруга. При этом важно иметь в виду, что в законе подразумевается только официальный брак, к которому не относится сожительство или религиозный брак.

Часть 3 ст. 102 УК Турции предусматривает несколько особо квалифицирующих признаков (пп. «a» – «e»), при наличии которых наказание, назначенное в соответствии с предыдущими частями, увеличивается вдвое.

Использование беспомощного состояния потерпевшего (п. «a) предполагает совершение действий сексуального характера или сексуальных прикосновений в отношении лица, не способного оказать сопротивление вследствие известных виновному особенностей физического или психического состояния. Такие особенности могут иметь как постоянный (престарелый возраст, хроническое психическое расстройство), так и временный характер (временное психическое расстройство, инвалидность, болезнь).

Дискуссионным вопросом является возможность вменения данного квалифицирующего признака в случаях алкогольного или наркотического опьянения потерпевшего. Некоторые ученые считают это необходимым только в ситуациях, когда соответствующее опьянение потерпевшего было достигнуто без его участия [16, с. 307]. Другие же полагают, что при опьянении потерпевшего квалификация должна осуществляться без рассматриваемого признака, т. к. указанное состояние лица свидетельствует только об отсутствии его согласия на сексуальный контакт, что, как было указано выше, характеризует лишь основной состав преступления [17, с. 16].

Злоупотребление положением (п. «b») представляет собой использование положения потерпевшего, зависимого от ви-

[1] Yargıtay 14. Ceza Dairesi 2014/3281 Esas, 2014/7140 Karar.

[2] Yargıtay 14. Ceza Dairesi 2012/6573 Esas, 2014/7876 Karar.

новного в силу его государственной должности, опеки или служебных полномочий.

Ярким примером использования служебного положения является сексуальное насилие преподавателя по отношению к своему студенту, основанное на учебно-аттестационной зависимости последнего от виновного [12, с. 329]. Правомочия из отношений по опеке подробным образом урегулированы в ст. 369–494 Гражданского кодекса Турции от 22 ноября 2001 г.[1] Использовать положение, обусловленное государственной должностью, могут лица, состоящие на государственной службе, в полномочия которых входит принятие решений, имеющих важное значение для потерпевшего. Так, Генеральная ассамблея по уголовным делам Верховного суда Турции квалифицировала содеянное подсудимым по п. «b» ч. 3 ст. 102 УК Турции. По делу установлено, что подсудимый, являясь судьей, дополнительно вызвал на встречу потерпевшую, чье дело находилось в его производстве, во время которой схватил последнюю, поцеловал в щеку и шею, после чего, прижимая к себе и говоря комплименты, намекал, что решит дело в ее пользу при соответствующем поведении с ее стороны[2].

По п. «c» ч. 3 ст. 102 УК Турции надлежит квалифицировать сексуальное насилие, совершенное в отношении родственника до третьей степени либо отчимом, мачехой, сводными братом или сестрой, усыновителем или усыновленным. Для квалификации по указанному пункту достаточно формального наличия соответствующих родственных связей, причем не обязательно кровных.

К лицам до третьей степени родства относятся: прадеды, прабабушки, дедушки, бабушки, мать, отец, дети, братья, сестры, внуки, правнуки, тетки, дяди и племянники. Кузены и кузины к этому кругу не относятся, т. к. являются родственниками четвертой степени.

Альтернативно-обязательный признак, предусмотренный пунктом «d» ч. 3 ст. 102 УК Турции, состоит в совершении преступления с применением огнестрельного оружия или группой лиц.

Применение огнестрельного оружия не требует стрельбы из него, достаточным является его демонстрация для преодоления сопротивления со стороны потерпевшего [10, с. 301]. Указанный признак подлежит вменению, в том числе в случаях, когда используется негодное или ненастоящее оружие, воспринимаемое потерпевшим в качестве готового к производству выстрела.

Использование обстановки вынужденного совместного проживания (пункт «e»), как правило, имеет место в случаях сексуального насилия в казармах, рабочих и студенческих общежитиях, стационарах больниц и других местах, в которых потерпевшие вынуждены сосуществовать и вести совместный быт со своими насильниками. Сексуальное насилие в местах, где виновный вместе с потерпевшим пребывает ограниченное количество времени (например, отель или тренажерный зал), не подлежит квалификации по указанному пункту.

В ч. 4 ст. 102 УК Турции установлено, что в случаях причинения тяжких последствий вследствие умышленного причинения вреда в процессе сексуального насилия необходима квалификация по совокупности со ст. 87 УК Турции, предусматривающей ответственность за такие последствия.

Наиболее тяжкий состав рассматриваемого преступления зафиксирован в ч. 5 ст. 102 УК Турции, согласно которой назначается пожизненное лишение свободы с отягчающими обстоятельствами,

[1] Гражданский кодекс Турецкой Республики от 22 ноября 2001 года № 4721. URL: https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat?MevzuatNo=4721&MevzuatTur=1&MevzuatTertip=5 (дата обращения: 16.06.2022).

[2] Yargıtay Ceza Genel Kurulu 2013/97 Esas, 2013/331 Karar.

если сексуальное насилие повлекло причинение смерти потерпевшему или доведение его до вегетативного состояния.

В соответствии со ст. 23 УК Турции психическое отношение виновного к указанным общественно опасным последствиям может быть только неосторожным. Умышленное причинение смерти требует дополнительной квалификации по нормам о преступлениях против жизни.

Пребывающим в вегетативном состоянии признается лицо, потерявшее мозговую деятельность, но продолжающее при внешней поддержке осуществлять дыхание [17, с. 16].

Статья 103 УК Турции предусматривает ответственность за сексуальное насилие в отношении несовершеннолетнего. В ч. 1 данной статьи установлено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет за действия сексуального характера и от трех до восьми лет за сексуальные прикосновения. Этой же нормой предусмотрено усиление наказания в случае посягательства в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста: от десяти лет – за действия сексуального характера и от пяти лет – за сексуальные прикосновения.

Основным непосредственным объектом является сексуальная неприкосновенность несовершеннолетнего, содержание которой близко по значению таковой в российском уголовном праве: она корреспондирует обязанность воздержаться от сексуальных отношений с несовершеннолетними.

Дополнительным непосредственным объектом выступает физическая неприкосновенность личности. Некоторые ученые считают, что указанное благо не всегда подвергается нарушению, т. к. в отличие от предыдущей статьи в ст. 103 УК Турции отсутствует характеристика действий сексуального характера как нарушающих физическую неприкосновенность [16, с. 10]. Физическая неприкосновенность в сексуальных преступлениях нарушается при контактных формах воздействия на потерпевшего. Несмотря на то, что в ст. 103 УК Турции она не упоминается, ее нарушение предполагается, поскольку все действия, образующие состав рассматриваемого преступления, осуществляются путем физического контакта с телом потерпевшего. Именно поэтому Верховный суд Турции не рассматривает в качестве сексуального насилия бесконтактные формы воздействия на несовершеннолетнего[1].

Турецкий законодатель выделяет три группы потерпевших (до 12 лет, до 15 лет и до 18 лет), возрастные характеристики которых влияют на наказуемость и объективные признаки анализируемого преступления.

Объективная сторона сексуального насилия в отношении несовершеннолетних в целом соответствует признакам преступления, предусмотренного ст. 102 УК Турции. Отличительной чертой посягательства против несовершеннолетних является более широкое содержание сексуального насилия, которое, как отмечают турецкие правоведы [18, с. 281; 19], правильнее называть сексуальным злоупотреблением. Такое деяние включает в себя любые действия сексуального характера с лицами, не достигшими пятнадцатилетнего возраста (в том числе при их согласии) или не осознающими фактическую сторону происходящего, а также действия сексуального характера с остальными несовершеннолетними, совершенные с применением насилия, угроз, обмана или другого способа, ограничивающего волю потерпевшего.

[1] Yargıtay 5. Ceza Dairesi 18.3.2008, 38/2115.

Турецкое право не признает действительным согласие лиц, не достигших пятнадцатилетнего возраста, на вступление в сексуальные отношения, поэтому любые действия сексуального характера с такими несовершеннолетними являются сексуальным насилием по смыслу ст. 103 УК Турции. Действия сексуального характера с лицами, достигшими пятнадцатилетнего возраста, признаются сексуальным насилием только в случае применения насилия, угроз, обмана или другого способа, ограничивающего волю несовершеннолетнего. В отсутствии таких способов определенные действия сексуального характера могут повлечь ответственность по ст. 104 УК Турции.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется виной в форме прямого умысла и целью удовлетворения сексуальной потребности. Интеллектуальный элемент вины среди прочего должен включать осознание несовершеннолетнего возраста потерпевшего. Так, Четырнадцатая уголовная палата Верховного суда Турции оставила в силе обвинительный приговор в отношении лица, указавшего в жалобе на решение предыдущей инстанции о его заблуждении относительно возраста потерпевшего, обусловленном внешним видом последнего. По делу было установлено, что подсудимого в заблуждение относительно возраста потерпевшего никто не вводил, они давно друг друга знают, встречались за три года до инцидента, длительное время состояли в сексуальной связи, что не могло повлечь обоснованных сомнений в части возрастных характеристик[1].

Характеристика субъекта совпадает с признаками состава, предусмотренного ст. 102 УК Турции. В соответствии с законом уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, совершившего сексуальное насилие против другого несовершеннолетнего, может быть возбуждено только по заявлению потерпевшего или его законных представителей.

Ч. 2 ст. 103 УК Турции предусматривает аналогичный сексуальному насилию (ст. 102 УК Турции) квалифицированный состав. Согласно закону установлено наказание в виде лишения свободы на срок не менее шестнадцати лет за действия сексуального характера с несовершеннолетним, совершенные путем введения части тела или иного предмета в тело другого человека, и не менее восемнадцати лет – за указанные действия с лицом, не достигшим двенадцатилетнего возраста.

Единственным отличием рассматриваемого состава от квалифицированного сексуального насилия в отношении совершеннолетних (ч. 2 ст. 102 УК Турции) является то, что он охватывает в том числе добровольные (псевдодобровольные) действия сексуального характера, если они совершены с лицами, не достигшими пятнадцатилетнего возраста или не осознающими фактическую сторону осуществляемых с ними действий.

В ч. 3 ст. 103 УК Турции перечислены особо квалифицирующие признаки (пп. «a» – «e»), при наличии которых наказание, назначенное в соответствии с предыдущими частями, увеличивается наполовину.

Групповой способ (п. «a») совершения сексуального насилия в отношении несовершеннолетнего предполагает участие двух или более лиц в выполнении объективной стороны преступления. Совершение преступления при наличии подстрекателя или пособника на дает оснований для квалификации содеянного по данному пункту [20, с. 243].

Использование обстановки вынужденного совместного проживания (п. «b»)

[1] Yargıtay 14. Ceza Dairesi 2014/8385 Esas, 2017/388 Karar.

может иметь место в случаях совершения сексуального насилия в пенитенциарных учреждениях, государственных и частных общежитиях и больницах.

По п. «c» ч. 3 ст. 103 УК Турции квалифицируется сексуальное насилие, совершенное в отношении родственника до третьей степени либо отчимом, мачехой, сводным братом, сводной сестрой или усыновителем.

Квалифицирующие признаки, предусмотренные п. «d» ч. 3 ст. 103 УК Турции, также характеризуют специальный субъект преступления. К таковому относятся опекун или попечитель (после решения суда в соответствии с Гражданским кодексом Турции), воспитатель, учитель (в том числе работающий в рамках дополнительного образования), няня, приемные родители и лица, оказывающие медицинские услуги потерпевшему либо обязанные иметь о нем заботу или осуществлять за ним надзор.

Применительно к указанному перечню Верховный суд Турции отмечает, что не состоящие в официальном браке сожители законных представителей несовершеннолетних, постоянно проживающие вместе с ними, относятся к кругу лиц, предусмотренных п. «d» ч. 3 ст. 103 УК Турции[1]. Напротив же, родственники, за исключением близких, постоянно не проживающие с несовершеннолетним, не относятся к числу лиц, обязанных иметь о нем заботу или осуществлять за ним надзор[2].

Содержание признака злоупотребления положением (п. «e») в целом соответствует содержанию признака, предусмотренного п. «b» ч. 3 ст. 102 УК Турции.

Как уже было отмечено, ненасильственные действия сексуального характера с лицами, не достигшими пятнадцатилетнего возраста или не осознающими фактическую сторону происходящего, квалифицируются по ч. 1 ст. 103 УК Турции. В случае же применения насилия или угроз указанные действия подлежат квалификации по ч. 4 ст. 103 УК Турции. По этой же части квалифицируются насильственные действия сексуального характера с применением оружия в отношении остальных несовершеннолетних. В обоих случаях наказание, которое может быть назначено в соответствии с предыдущими частями, увеличивается вдвое.

Ч. 5 ст. 103 УК Турции определяет, что в случаях причинения тяжких последствий вследствие умышленного причинения вреда в процессе сексуального насилия необходима квалификация по совокупности со ст. 87 УК Турции.

В случаях же причинения по неосторожности смерти или доведения потерпевшего до вегетативного состояния в процессе сексуального насилия содеянное образует преступление, предусмотренное ч. 6 ст. 103 УК Турции, в соответствии с которой назначается пожизненное лишение свободы с отягчающими обстоятельствами.

Выводы

Представленные результаты исследования правового регулирования ответственности за насильственные сексуальные преступления и практики их квалификации способны благоприятным образом сказаться на отечественном праве, в том числе путем рецепции наиболее удачных решений турецкого законодателя. Так, отказ от состава преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ, позволил бы по примеру Турции сбалансировать уголовную ответственность за сексуальные посягательства, исключив зависимость таковой от конкретной формы сексуального контакта и половых признаков субъекта.

[1] Yargıtay 5. Ceza Dairesi 2010/1 Esas, 2010/2654 Karar.

[2] Yargıtay 14. Ceza Dairesi 2011/20297 Esas, 2012/1901 Karar.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Турции / предисловие Н. Сафарова и Х. Аджара; науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 374 с.

2. Kizildere Ö. Ceza Hukuku Özel Hükümler Dersi. Türk Ceza Kanunu'nda Cinsel Dokunulmazliğa Karşi Suçlar. İstanbul, TC; İstanbul Medipol Üniversitesi, 2017.

3. Taner F. G. Türk Hukukunda Cinsel Özgürlüğe Karşı Suçlar Doktora Tezi / Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Kamu Hukuku Ceza ve Ceza Muhakemesi Hukuku Anabilim Dalı. Ankara, 2012.

4. Toroslu N. Ceza Hukuku Özel Kısım. Ankara: Savaş Yayınevi, 2012.

5. Yurtcan E. Yargıtay Kararları Işığı Altında Cinsel Suçlar // Türkiye Barolar Birliği Yayınları. 2015. Ekim.

6. Yokuş Sevük H. 5237 Sayılı Türk Ceza Kanunu'nda Cinsel Saldırı ve Cinsel Taciz Suçları // TBB Dergisi. 2005. Sayı. 57.

7. Yaşar O., Gökcan H.T., Artuç M. Türk Ceza Kanunu Cilt III. Ankara: Seçkin Yayınevi, 2004.

8. Yenidünya A. C. 5237 Sayılı Türk Ceza Kanunu'nda Cinsel Dokunulmazlığa Karşı Suçlar // Legal Hukuk Dergisi. Eylül. 2005. Yıl. 3. 33.

9. Artuk M. E., Gökçen A., Yenidünya A. C. 5237 Sayılı Kanuna Göre Hazırlanmış Ceza Hukuku Özel Hükümler. Ankara: Turhan Kitabevi, 2005.

10. Koca M., Üzülmez İ. Türk Ceza Hukuku Özel Hükümler. Ankara: Adalet Yayınevi, 2013.

11. Artuk M. E., Gökçen A., Yenidünya, A. C. Ceza Hukuku Özel Hükümler. Ankara: Turhan Kitabevi, 2011.

12. Türk Ceza Hukuku Özel Hükümler / V. Ö. Özbek, M. N. Kanbur, K. Doğan, P. Bacaksiz, İ. Tepe. Ankara: Seçkin Yayınevi, 2015.

13. Çalişkan S. Cinsel Dokunulmazlığa Karşı Suçlar ve Cinsel Amaçlı Hürriyetten Yoksun Kılma Suçu. Ankara: Adalet Yayınevi, 2003.

14. Can C. Toplumsal İnsanın Evrensel Doğası ve Cinsel Suçlar. Ankara: Siyasal Yayınevi, 2012.

15. Gündüz R. Cinsel Dokunulmazlığa Karşı Suçlar. Ankara. Bilge Yayınevi, 2015.

16. Tezcan D., Erden M. R., Önok M. Teorik ve Pratik Ceza Özel Hukuku. Ankara: Seçkin Yayınevi. 2008.

17. Gündel A. 5237 Sayılı TCK'da Cinsel Saldırı-Cinsel İstismar. Ankara: Seçkin Yayınevi. 2009.

18. Sevük Yokuş H. 5237 sayılı TCK'da Çocukların Cinsel İstismarı ve Reşit Olmayanla Cinsel İlişki Suçları // Hukuk ve Adalet Dergisi. Nisan. 2005. Sayı 5.

19. Kiliç A. Cinsel Hakimiyet ve Yeni Türk Ceza Kanunu'nda Cinsel Saldırı Suçu // TBB Dergisi. 2008. Sayı. 78.

20. Nişanci D. 6545 Sayılı Kanun İle Getirilen Yenilikler Işığında 5237 Sayılı Türk Ceza Kanununda Çocukların Cinsel İstismarı Suçu // Türkiye Barolar Birliği Dergisi. 2015.

References

1. The Criminal Code of Turkey [Ugolovnyj kodeks Turcii]; ed by N. Safarov, H. Babaev. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 2003. 374 p.

2. Kizildere E. Criminal law special provisions course. Crimes against sexual immunity in the Turkish Criminal Code. Istanbul, TC, Istanbul Medipol University, 2017. (In Turk.)

3. Taner F. G. Crimes against sexual freedom in turkish law. Doctoral Thesis. Ankara, Ankara University Institute of Social Sciences Department of Public Law Criminal and Criminal Procedure Law, 2012. (In Turk.)

4. Toroslu N. The special part of criminal law. Ankara, War Publishing House, 2012. (In Turk.)

5. Yurtcan E. Sexual crimes in the light of the decisions of the court of cassation. *Publications of the Union of Turkish Bar Associations*, 2015, October. (In Turk.)

6. Yokush Sevuk H. Sexual assault and sexual harassment crimes in the Turkish Criminal Code No. 5237. *TBB Dergisi*, 2005, no. 57. (In Turk.)

7. Yashar O., Gokchan H.T., Artuk M. Turkish Criminal Code. Volume III. Ankara, Distinguished Publishing House, 2004. (In Turk.)

8. Yenidunya A.C. Crimes against sexual inviolability in the Turkish Criminal Code No. 5237. *Legal Hukuk Dergisi*, 2005, September. (In Turk.)

9. Artuk M. E., Gokchan A., Yenidunya A. C. Special provisions of criminal law Prepared in Accordance with Law No. 5237. Ankara, Turhan Bookstore, 2005. (In Turk.)

10. Koca M., Uzlmez I. Special provisions of Turkish Criminal Law. Ankara, Justice Publishing House, 2013. (In Turk.)

11. Artuk M. E., Gokchan A., Yenidunya A. C. Special provisions of criminal law. Ankara, Turhan Bookstore, 2011. (In Turk.)

12. Ozbek V. O., Kanbur M. N., Dogan K., Bacaksiz P., Tepe I. Special provisions of Turkish Criminal Law. Ankara, Distinguished Publishing House, 2015. (In Turk.)

13. Chalishkan S. Crimes against sexual inviolability and deprivation of liberty for sexual purposes. Ankara, Justice Publishing House, 2003. (In Turk.)

14. Can C. The universal nature of social man and sexual crimes. Ankara, Political Publishing House, 2012. (In Turk.)

15. Gunduz R. Crimes against sexual inviolability. Ankara, Wise Publishing House, 2015. (In Turk.)

16. Tezcan D., Erden M. R., Pref. Theoretical and practical criminal private law. Ankara, Distinguished Publishing House, 2008. (In Turk.)

17. Gundel A. Sexual assault-sexual abuse in TCK No. 5237. Ankara, Distinguished Publishing House, 2009. (In Turk.)

18. Sevuk Yokush H. Sexual abuse of children and crimes of sexual intercourse with a minor in the Criminal Code No. 5237. *Journal of Jurisprudence and Justice*, 2005, Is. 5. (In Turk.)

19. Kilich A. Sexual dominance and the crime of sexual assault in the new Turkish Criminal Code. *TBB Dergisi*, 2008, no. 78. (In Turk.)

20. Nishanci D. The crime of sexual abuse of children in the Turkish Criminal Code No. 5237 in the Light of the Innovations Introduced by the Law No. 6545. *Journal of the Union of Bar Associations of Turkey*, 2015. (In Turk.)

Информация об авторе / Information about the Author

Бимбинов Арсений Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: bimbinov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7440-293X

Arseniy A. Bimbinov, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation,
e-mail: bimbinov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7440-293X

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-62-78

(cc) BY 4.0

Уголовно-правовая охрана персональных данных в зарубежных странах

Е. В. Хохлова[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: khokhlova1975@bk.ru

Резюме

Актуальность. *В связи со значительным ростом во всем мире преступлений, связанных с персональными данными, многие государства дальнего зарубежья приняли специальное регулятивное законодательство, направленное на защиту конфиденциальной информации – личной, семейной, врачебной, банковской тайны и др. В этой части кардинальным изменениям подверглось и иностранное уголовное право. Опыт зарубежных стран представляет теоретическую и практическую значимость для разработки эффективных уголовно-правовых средств предупреждения преступлений, что делает актуальным поиск оптимальной концепции обеспечения безопасности персональных данных в России с помощью уголовного права. В этой связи представляется необходимым рассмотреть основные модели систематизации преступлений, посягающих на неприкосновенность персональных данных, применяемые иностранным законодателем подходы к описанию уголовно-правовых запретов, выявить особенности составов преступлений в отношении персональных данных, неизвестных российскому уголовному закону.*

Целью исследования *является определение существующей системы преступлений, осуществляющих защиту персональных данных в зарубежном уголовном праве, и выявление ее особенностей.*

Задачи*: изучить составы преступлений, охраняющие неприкосновенность персональных данных в зарубежных странах; выявить особенности их конструкции с учетом современной редакции; сформулировать предложения по возможной оптимизации аналогичных норм российского Уголовного кодекса с учетом зарубежного опыта.*

Методология*. В процессе работы над компаративистским исследованием использовались как общенаучные методы (системный, анализ и синтез, индукции и дедукции, аналогии), так и методы юридической науки (сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный и другие).*

Результаты исследования *заключаются в определении и классификации моделей уголовно-правового запрета в отношении персональных данных в странах дальнего зарубежья.*

Вывод. *По итогам исследования автор пришёл к выводу о разности уголовно-правовых моделей обеспечения безопасности персональных данных и юридико-техническом оформлении конкретных составов преступлений. Сформулированы предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства по образцам норм иностранных уголовных законов.*

Ключевые слова: *зарубежный опыт; европейские страны; неприкосновенность частной жизни; персональные данные; уголовная ответственность.*

Финансирование*: Работа выполнена в рамках государственного задания на 2022 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-2020-0033). Работа подготовлена под научным руководством кандидата юридических наук, доцента М.Н. Урда.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Хохлова Е. В. Уголовно-правовая охрана персональных данных в зарубежных странах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 62–78. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-62-78.

Поступила в редакцию 29.06.2022 Принята к публикации 28.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Хохлова Е. В., 2022

Criminal Law Protection of Personal Data in Foreign Countries

Elena V. Khokhlova[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: khokhlova1975@bk.ru

Abstract

Relevance. *Due to the significant increase in crimes related to personal data around the world, many non-CIS countries have adopted special regulatory legislation aimed at protecting confidential information – personal, family, medical, banking secrets, etc. In this part, foreign criminal law has also undergone drastic changes. The experience of foreign countries is of theoretical and practical importance for the development of effective criminal legal means of preventing crimes, which makes the search for the optimal concept of ensuring the security of personal data in Russia with the help of criminal law relevant.*

In this regard it is obviously necessary to consider the main models of systematization of the crimes encroaching on inviolability of personal data, approaches to the description of the criminal bans applied by the foreign legislator, to reveal features of corpora delicti concerning the personal data unknown to the Russian criminal law.

The purpose *of the study is to determine the existing system of crimes protecting personal data in foreign criminal law, and to identify its features.*

Objectives: *study of the composition of crimes protecting the inviolability of personal data in foreign countries; identification of peculiarities of their design taking into account the modern version; formulating proposals for possible optimization of similar norms of the Russian Criminal Code taking into account foreign experience.*

Methodology. *In the process of working on comparativist research, general scientific methods (systemic, analysis and synthesis, induction and deduction, analogy) and methods of legal science (comparative legal, formal legal, system structural and others) were used.*

Results *of a research consist in definition and classification of models of the criminal ban concerning personal data in foreign countries.*

Conclusion. *Based on the results of the study, the author came to the conclusion about the difference between the criminal law models for ensuring the security of personal data and the legal and technical design of specific elements of crimes. Proposals are formulated to improve domestic criminal legislation based on the standards of foreign criminal laws.*

Keywords: *foreign experience; European countries; violation of human privacy; personal data; criminal liability.*

Funding: *The work was carried out as part of the state task for 2022. "Transformation of private and public law in the context of an evolving society and state" (No. 0851-2020-0033). The work was prepared under the scientific supervision of the candidate of legal sciences, associate professor M.N. Urda.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Khokhlova E. V. Criminal Law Protection of Personal Data in Foreign Countries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 62–78. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-62-78.

Received 29.06.2022 Accepted 28.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

Многие государства мира в последнее десятилетие реформировали национальное уголовное право в связи с высоким ростом распространенности способов совершения преступлений в отношении персональных данных человека. При этом концепция уголовно-правового противодействия преступлениям с персональными данными европейских стран формировалась, *во-первых*, под влиянием принятого Европейским союзом Общего регламента по защите персональных данных (далее GDPR) (по содержанию это

Регламент (EU) 2016/679 и Директива (EU) 2016/680)[1]. Его основными целями объявляются защита персональных данных, защита прав и свобод людей в защите их данных и ограничение перемещения персональных данных в рамках Евросоюза. Нормы GDPR стали применяться во всех государствах-членах ЕС с 25 мая 2018 г. *Во-вторых*, новеллы в уголовные кодексы стран дальнего зарубежья последовали после принятия национальных законов о правовом регулировании защиты персональных данных. При этом в одних странах уголовно-правовые средства изложены только в кодифицированных законах, а в других – уголовные нормы систематизируются в специальных законах о защите персональных данных, действующих вместе с кодексом, или только самостоятельно.

В целях достоверности результатов оговоримся, что российскую систему преступлений в отношении персональных данных включают запреты, связанные с различными видами тайны: нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ); нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ); разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ); незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173^2 УК РФ), незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ); разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ). Она и будет положена в основу компаративистского анализа уголовного законодательства, ориентированного на защиту персональных данных человека и других государств.

Методология

Особое значение в методологии придавалось сравнительно-правовому методу. Он позволил исследовать аналоги норм зарубежного уголовного закона, направленных на защиту персональных данных человека, установить модели противодействия нарушениям, связанным с персональными данными в зарубежных уголовных кодексах, достоинства и недостатки соответствующих составов преступлений, что решило целый ряд исследовательских задач. Системный метод, методы индукции и дедукции позволили комплексно и логически верно систематизировать имеющийся обширный материал в виде уголовного и регулятивного законодательства. Системно-структурный метод использовался при характеристике глав и разделов уголовных законов и совокупности составляющих их преступлений.

При помощи методов анализа и синтеза, аналогии осуществлялось сопоставление уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления, связанные с посягательствами в отношении персональных данных. Формально-юридический метод заключался в изучении иностранного уголовного права, элементов и признаков рассматриваемых составов преступлений, научных публикаций и способствовал описанию полученных при проведении исследования результатов.

Результаты и их обсуждение

Исследование иностранного уголовного законодательства позволило выделить *две модели*, ориентированные на

[1] О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных: регламент (EU) 2016/679 от 27.04.2016. URL: https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679; О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных компетентными органами в целях предотвращения, расследования уголовных преступлений, ведения розыскных или судебных действий или исполнения уголовных наказаний, а также за свободное перемещение таких данных: директива (EU) 2016/680 от 27.04.2016. URL: https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-680 (дата обращения: 21.05.2022).

защиту персональных данных. Согласно *первой модели,* используемой и в отечественном уголовном праве, действует система норм об ответственности за нарушения неприкосновенности различного вида тайны (личной, семейной, переписки, врачебной, банковской и др.), на основе расширительного толкования которой одной из тайн признаются персональные данные человека.

В Дании действует Закон № 502 от 23 мая 2018 г. о защите персональных данных, а в Уголовном кодексе Королевства Дания[1] предусмотрена ответственность за достаточно ограниченный круг деяний, признаваемых посягательством на неприкосновенность персональных данных. Здесь следует отметить содержащуюся в главе 27 «Преступления против личной чести и определенных личных прав» ст. §264d о незаконном использовании информации, касающейся частной жизни человека и его персональных данных, и его изображений. Виновным признается тот, «кто незаконно передает информацию или изображения, касающиеся частной жизни другого лица, или другие изображения лица при обстоятельствах, которые могут очевидно предполагаться в качестве удерживаемых от общества». Диспозиция содержит оговорку о том, что §264d применяется и в случае, если информация или изображение касаются умершего лица. В этой связи Л. А. Букалерова и А. В. Остроушко предлагают российскому правотворцу криминализировать аналогичные деяния для противодействия незаконному обороту изображений человека [1, с. 44].

В разделе V «Преступные деяния, посягающие на частную сферу и нарушающие служебную тайну», Уголовного кодекса Лихтенштейна[2] содержатся три состава преступления, непосредственно связанные с незаконным получением и использованием персональных данных. Это нарушение тайны переписки и сокрытие корреспонденции (§118); нарушение коммуникационной тайны (§119) и злоупотребления со звукозаписывающими и прослушивающими устройствами (§120). Иными словами, право на защиту конфиденциальных данных о человеке здесь состоит в запрете передачи информации от одних частных лиц к другим.

Говоря об особенностях уголовно-правовой охраны рассматриваемой категории информации в княжестве Лихтенштейн, А. В. Серебренникова и А. А. Трефилов указывают на то, что кодекс признает самостоятельным преступлением обнародование звукозаписи высказывания лица против его воли, когда виновный записал на диктофон голос собеседника и затем распространил его, не имея согласия на это [2, с. 118]. По этому поводу теоретиками предложена имплементация аналога этой нормы в УК РФ для ее применения, прежде всего, к пранкерам, имитирующим голоса государственных деятелей и должностных лиц. Пранкер, оставаясь анонимом, в диалоге с жертвой получает, а затем публикует личную (конфиденциальную) информацию (видео-, аудиозапись), которая компрометирует собеседника [3, с. 43]. Эта новелла может быть заимствована российским законодателем ввиду нарушения права на защиту персональной информации и причинения вреда репутации потерпевшего.

В Кодексе о наказаниях Королевства Нидерланды[3] книги 2 раздела V «Пре-

[1] Уголовный кодекс Королевства Дания (Danish Criminal Code): [ред. от 11.08.2021]. URL: http://www.unodc.org/tldb/pdf/Denmark_Criminal_Code_2016.pdf (дата обращения: 12.03.2022).

[2] Уголовный кодекс Лихтенштейна / под ред. А. В. Серебренниковой. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 69.

[3] Уголовный кодекс Королевства Нидерланды (Wetboek van Strafrecht van Nederland): [ред. от 14.04.2020]. URL: http://www.wetboek-online.nl/wet/Sr.html (дата обращения: 12.03.2022).

ступления против общественного порядка» (ст. 138-139g) охрана права на неприкосновенность персональных данных человека связывается не с его конституционным статусом, а со способом его нарушения. Законодатель Нидерландов придает статус преступления сбору личных данных, только если подслушивание, подсматривание, запись совершаются с использованием специальных технических средств[1]. Так, по ч. 1 ст. 139a специально конкретизируются способы сбора сведений: когда лицо «в жилом доме, изолированной комнате или в помещении с помощью технического приспособления» умышленно подслушивает (1) или (2) осуществляет запись разговора, не являясь его участником, без согласия собеседников. По ч. 2 наказывается лицо, использующее технические средства, для перехвата и записи данных, которые передаются другим лицом в каком-то жилом помещении «с помощью компьютерного устройства или системы». В ст. 139b законодатель описывает аналогичные ст. 139a действия, совершенные умышленно тайно не в жилом помещении (доме, изолированной комнате), а «в любом другом месте».

Выделены в самостоятельный состав конкретные действия в отношении незаконно полученной информации о частной жизни человека, включая его персональные данные. Субъектом здесь признается тот, кому эти данные, добытые запрещенным способом, были переданы, и кто знает или предполагает преступный характер их происхождения. В пп. 1-3 ч. 1 ст. 139e приводится описание трёх уголовно наказуемых деяний. По п. 1 предусматривается ответственность за наличие в распоряжении лица изображений и материалов, полученных в результате «незаконного подслушивания или записи разговора, телесвязи или другого типа передачи информации компьютерным устройством или системой»), т. е. за их хранение; по п. 2 – за умышленное сообщение таких данных другому лицу; по п. 3 – за их умышленное распространение.

К двум составам из группы преступлений, связанных с незаконным получением персональных данных, относятся также ст. 139f и ст. 139g. Российского аналога этих составов преступлений, предусматривающих ответственность за незаконные создание, хранение и демонстрацию чужого изображения, нет. Объективная сторона первой из них – ст. 139f – сформулирована по образцу усеченного состава преступления. Она устанавливает в ч. 1 наказание для того, кто «с помощью технического приспособления, обмана или хитрости умышленно создает изображение лица, присутствующего в жилом помещении и комнате, закрытых для публики, что может причинить вред законным интересам этого лица». По второй ее части виновным в хранении («имеет в своем распоряжении») изображения другого человека признается лицо, достоверно знающее или обоснованно предполагающее незаконность получения чужого видео- или фотоизображения. Во второй, 139g статье, преступлением признается демонстрация изображения другого человека, полученного при обстоятельствах, изложенных в ст. 139f.

В Уголовном уложении Федеративной Республики Германия[2] раздел 15 «Нарушение неприкосновенности частной жизни и частных тайн» предусматри-

[1] Примечательно, что суд Гааги в Нидерландах еще в 2015 г. признал закон о сборе и хранении провайдерами и телефонными компаниями персональных данных пользователей интернета и телефонных сетей, аналогичный закону Яровой 2016 г., нарушающим право на частную жизнь. Согласно решению суда запрет на хранение личных данных «может повлиять на расследование преступлений, однако это не оправдывает нарушения права клиентов компаний на частную жизнь».

[2] Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия (German criminal code): [ред. от 19.06.2019]. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/ (дата обращения: 12.05.2022).

вает защиту не только частной жизни лица (переговоров, изображения, тайны частной жизни, тайны коммерческой), но и данных, в том числе технически защищенных, законного доступа к которым у посягателя нет [4]. По мнению исследователей, немецкий опыт уголовно-правовой охраны личной информации граждан основан на детальном и достаточно жестком европейском регулировании порядка обращения персональных данных, их широком определении, что подчеркивает важность и значимость недопущения нарушений при сборе персональной информации, ее хранении, передаче, разглашении и использовании [5, с. 24].

Наказуем и незаконный доступ к информации, ее оборот, перехват данных, оборот предназначенных для данных действий устройств. Так, к первой группе преступлений против частной жизни относится нарушение конфиденциальности слова, когда виновный, «не имея соответствующих полномочий», записывает «на носитель звукозаписи непублично сказанную устную речь другого лица, или использует сделанную таким образом запись или создаёт доступ к ней третьему лицу» (абз. 1 §201). Это деяние признается преступным, если оно может причинить вред правомерным интересам другого лица. В абз. 2 введена ответственность за несанкционированную запись непубличной устной речи другого лица с помощью подслушивающего устройства и публичное распространение ее содержания. При этом содеянное вменяется тому, кто нарушает конфиденциальность слова другого лица, будучи должностным лицом или лицом, принявшим на себя специальные обязанности, связанные с государственной службой.

В §201а самостоятельно выделен запрет, выраженный в «нарушении неприкосновенности сугубо личной сферы частной жизни и прав личности посредством снимков с изображением другого лица», неизвестный УК РФ. Подразумевается любая (обычная или цифровая) фото-, кино-, видеосъёмка, съёмка посредством инфракрасных или рентгеновских лучей и пр., кроме картин, рисунков или карикатур [6, с. 187]. Наказывается тот, кто незаконно изготавливает, использует или публикует (распространяет) снимки, запечатлевшие другое лицо, находящееся в жилище или в ином непубличном помещении, а также его беспомощное состояние, и умершее лицо (абз.1-4). Снимки могут быть изготовлены и без нарушения закона, однако виновный без соответствующих полномочий обеспечивает третьим лицам доступ к ним, чем нарушает частную жизнь отображённого человека (абз. 5).

В абз. 1 §203а «Нарушение частных тайн» подробно описан род деятельности распространителя персональных данных, полученных при осуществлении им профессиональной деятельности (врач, ветеринар, аптекарь, психолог, адвокат, нотариус, аудитор, присяжный бухгалтер-ревизор, специалист по вопросам, связанным с беременностью, консультант по вопросам брака, семьи, воспитания, по делам несовершеннолетних, налогам, социальный работник, педагог, сотрудник частной страховой компании). По абз. 2 §203а за распространение чужой тайны о частной жизни наказываются должностные лица, лица, находящиеся на государственной службе, члены следственного комитета, эксперты, научные сотрудники при осуществлении научно-исследовательских работ и др., которым она была доверена или стала известной иным образом, и обязанные ее сохранять, и в том числе после смерти лица. Квалифицирующим признаком является цель деяния – получение вознаграждения, личной выгоды, обогащение другого лица или нанесение вреда другому лицу.

По немецкому законодательству к преступлениям против частной жизни отнесены и нарушения тайны переписки, почтовой и телекоммуникационной тайны (§202 и §206) с дифференциацией ответственности в зависимости от субъекта

преступления. По §202 им является любое лицо, ознакомившееся с корреспонденцией, в том числе с помощью различных технических средств, без законных оснований, а в §206 – лицо, осуществляющее деятельность почтового или телекоммуникационного характера.

Что касается именно персональных данных, то в кодексе ФРГ есть одна норма о наказании за сокрытие или предоставление ложных сведений о гражданском состоянии другого лица или родителях ребенка (§169 «Фальсификация актов гражданского состояния»). Объектом охраны являются только данные, подлежащие регистрации в государственном учреждении, ответственном за ведение книги записей гражданского состояния.

Вторая группа преступлений включает техническую защиту конфиденциальной информации о частной жизни другого человека. Уголовным законом ФРГ преследуются действия, связанные с незаконным получением для себя или другого лица данных, которые «хранятся или передаются электронным, магнитным или иным непосредственно не воспринимаемым способом» (§202a «Выведывание данных»; §202b «Перехват данных»). Неправомерный доступ осуществляется посредством преодоления защиты данных (§202a) или применения специальных технических средств (§202b). Изготовление, покупка, продажа, передача и иное распространение и обнародование кодовых слов или иных защитных кодов, компьютерных программ, открывающих доступ к данным, признаются «подготовкой выведывания и перехвата данных» (§202c). В §202d «Скупка краденных данных» криминализованы приобретение в корыстных целях или для нанесения ущерба другому лицу закрытых данных, использование доступа к ним, распространение и иные способы придания им публичности (абз. 1 § 202d). В диспозиции оговаривается, что сами данные получены другим лицом и противоправно. Очевидно, что уголовный закон ФРГ, как справедливо отмечают исследователи, характеризуется максимально широким подходом к определению объема охраны персональных данных независимо от факта их последующего использования [7, с. 127].

Согласно ст. 179 novies Третьего раздела «Уголовные преступления против чести и тайны или частной жизни» Уголовного кодекса Швейцарской Конфедерации[1] ответственности подлежит любое лицо, которое без разрешения получает в результате сбора данных защищаемые личные данные или профили о личности, которые являются особо конфиденциальными и не находятся в открытом доступе. Этой нормой осуществляется охрана персональных данных, относительно которых в российском Уголовном кодексе нет четких указаний. Преступлениями признаются подслушивание и запись чужих переговоров (ст. 179bis) и незаконная запись разговоров (ст. 179ter). Т. Н. Нуркаева и И. Р. Диваева пишут, что по ст. 179 bis УК Швейцарии самостоятельным составом преступления является подслушивание и запись чужих разговоров, если виновный при помощи подслушивающего устройства подслушивает или записывает на магнитофон чужой неофициальный разговор без согласия участвующих в нем лиц [8, с. 52].

По ст. 179quater «Нарушение тайной и частной сферы путем использования звукозаписывающей и съемочной аппаратуры» виновным признается тот, кто наблюдает или снимает при помощи такой аппаратуры или съемочного аппарата факты из частной жизни другого человека или без его согласия, которые не должны быть доступны каждому.

Очевидно, что уголовный закон Швейцарии имеет много общего с рос-

[1] Уголовный кодекс Швейцарской Конфедерации (Swiss Criminal Code): [ред. от 01.07.2020]. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8991/file/SWITZ_Criminal%20Code_as%20of%202020-07-01.pdf (дата обращения: 12.03.2022).

сийской системой преступлений против конституционных прав и свобод граждан в части охраны персональных данных. Вместе с тем объем сведений о частной жизни по УК Швейцарии отличается от ст. 137 УК РФ: в ст. 179novies осуществляется охрана особо защищаемых персональных данных или прочих сведений о личности, не являющихся общедоступными.

Согласно ст. 13 и 35 Конституции Японии ее граждане обладают правом на защиту частной жизни (право на приватность), составной частью которого является защита неприкосновенности персональных данных [9, с. 21]. Еще в 1964 г. суд г. Токио по резонансному делу экс-министра иностранных дел Арита Хатиро признал законным право на частную жизнь и его гарантию от умышленного раскрытия общественности личной или семейной тайны. Это решение суда о праве на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных стало судебным прецедентом, применяемым к делам этой категории[1]. Через сорок лет институт неприкосновенности персональных данных получил свое развитие в Законе 2003 г. «О защите персональных данных», действующем с 1 апреля 2005 г., положения которого направлены на обеспечение защиты приватности сферы частной жизни, в том числе уголовно-правовыми средствами.

В самом же Уголовном кодексе Японии[2] нет специальной нормы о защите персональных данных, поскольку оно не считается самостоятельным. Главу 13 «Преступления, состоящие в нарушении тайны» образуют два состава преступления, посягающие на неприкосновенность частной жизни. Ими являются ст. 133 «Вскрытие корреспонденции» и ст. 134 «Разглашение профессиональной тайны» с перечислением субъектов нарушения врачебной, нотариальной, адвокатской тайны, ставшей им известной «в связи с осуществлением ими своей профессиональной деятельности».

Второй является модель, в соответствии с которой вместе с общими нормами об ответственности за нарушение неприкосновенности различных видов тайны в самостоятельных нормах вводится уголовно-правовой запрет незаконных действий с персональными данными. При этом в уголовных законах ряда государств используется максимально широкий подход при определении правовых средств охраны неприкосновенности персональных данных [10, с. 73]. Примером здесь служит Великобритания [11, с. 74]. Ввиду отсутствия кодифицированного уголовного закона нормы об уголовной ответственности за посягательства на персональные данные содержатся в специальном парламентском акте – Законе о защите данных 2018 г. (Data Protection Act 2018, далее DPA). Этот статут заменил закон Соединенного Королевства с аналогичным названием 1998 г. и имплементировал в национальную правовую систему положения Общего регламента о защите данных ЕС (GDPR).

В соответствии с DPA Великобритании каждый, кто несет ответственность за использование персональных данных, должен соблюдать строгие правила или «принципы защиты данных». Исходя из этого правила, систематизируются составы преступлений, охраняющие персональные данные. Правоведы предлагают разную их классификацию [12, с. 165], однако, на наш взгляд, все перечисленные в DPA посягательства делятся на две группы: состоящие в нарушении установленного порядка защиты персональных данных и связанные с их утечкой.

[1] Речь шла о книге Юкио Мисима «После банкета», в которой писатель накануне выборов Арита Хатиро на должность губернатора Токио рассказал о его сексуальных развлечениях с официанткой.

[2] Уголовный кодекс Республики Японии (Criminal code of the Republic of Japan): [ред. от 23.11.2019]. URL: http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf (дата обращения: 12.03.2022).

1. *К первой группе преступлений* относятся:

– обработка персональных данных, которые были повторно идентифицированы: a) без согласия оператора, ответственного за обезличивание персональных данных, и b) в случае, если повторная идентификация являлась незаконной (ст. 171 DPA);

– требование о предоставлении персональных данных: a) при найме виновным сотрудника, b) в трудовых отношениях, когда виновный является работодателем, c) при заключении договора на оказание услуг, заказчиком по которому выступает виновный, d) в связи с оказанием виновным услуг населению и если это требование является условием оказания услуг (ст. 184 DPA).

2. *Вторая группа преступлений* включает:

– незаконное использование персональных данных, совершенное умышленно или по неосторожности: a) получение или распространение персональных данных без согласия оператора; b) хранение персональных данных без согласия оператора; c) продажа персональных данных (ст. 170 DPA). Эти действия наказуемы, если они или причинили, или могли причинить существенный вред правам и свободам человека;

– изменение, уничтожение или сокрытие персональных данных с целью воспрепятствовать предоставлению информации, которую субъект персональных данных имел право получить (ст. 173 DPA).

В разделе X «Преступления против неприкосновенности частной жизни, права на собственное изображение и неприкосновенности жилища» книги II Уголовного кодекса Испании[1] ст. 202 под посягательством на неприкосновенность частной жизни лица понимает публичное использование его образа без его согласия (ч. 1), либо совершенное против несовершеннолетнего или недееспособного (ч. 2). Это преступление неизвестно уголовным кодексам других стран и России, в связи с чем в теории предлагается криминализация использования изображения человека, в том числе публичных людей, без его согласия в средствах массовой информации, социальных сетях, по ТВ (фото, видео), когда такие материалы сопровождаются неприличными, порочащими подписями и комментариями в отношении изображенного лица [13, с. 189]. Наряду с посягательствами на тайну частной жизни безопасность персональных данных обеспечивается путем запрета незаконных присвоения, использования, изменения конфиденциальной информации или данных личного или семейного характера другого лица, хранящихся в государственных или частных электронных файлах, в электронных или телекоммуникационных сетях, что наносит ущерб субъекту данных или третьему лицу. Испанским уголовным законом подвергаются наказанию и те, кто осуществляет незаконный сбор (перехват) электронных сообщений, файлов или других коммуникационных сигналов, содержащих закрытые персональные данные, передачу данных, незаконно полученных обработчиком персональных данных. К «чувствительным» персональным данным относятся сведения об идеологии, религии, убеждениях, состоянии здоровья, сексуальной ориентации. Их сбор и передача сами по себе образуют состав преступления, а отягчает наказание их совершение в отношении инвалидов и несовершеннолетних, а также цель получения прибыли [14, с. 77].

Учитывая особую уязвимость персональных данных, судебная практика Великобритании демонстрирует жесткий подход к наказанию виновных в посягательствах на персональные данные. Ответственности подлежат, к примеру, журналисты за публикацию сведений,

[1] Уголовный кодекс Испании (Codigo Penal de Espana): [ред. от 13.03.2019]. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Penal/lo10-1995.html (дата обращения: 13.06.2022).

полученных на законных основаниях [15, с. 96].

Существует сходство в национальных подходах ряда государств, которые касаются так называемой «кражи личности» (англ. Identity theft). В этом случае незаконно используются чужие персональные данные для совершения новых преступлений или в целях избегания уголовной ответственности (США, Канада, Австралия), либо с целью нарушения покоя, посягательств на честь и достоинство (Франция), причинение ущерба или создание жизненных препятствий, когда виновный действует от имени другого человека (Финляндия) [16, с. 71].

В Своде законов Соединенных Штатов Америки преступление, именуемое «присвоением личности», было введено в раздел 18 «Преступления и уголовный процесс» (§ 3571 разд. 18 СЗ США), а первыми штатами, уголовным законом которых впервые была криминализирована «кража (подмена) личности», стали Алабама и Калифорния. Эти новеллы последовали после принятия в 1998 г. Конгрессом первого закона «О предотвращении кражи личных данных и предполагаемом сдерживании». Федеральным уголовным преступлением были признаны умышленные незаконные передача и использование идентификационной информации. Эти действия совершаются без законных полномочий в отношении средств идентификации другого лица «с намерением совершить или помочь или подстрекать любую незаконную деятельность, которая представляет собой нарушение федерального закона или является преступлением в соответствии с любым применимым законодательством штата или местным законодательством» (§1028). Отягчающим обстоятельством хищения личных данных являлось их использование для совершения любого преступления. Как отмечают исследователи, информация о личности, являющаяся предметом похищения, в разных странах отличается. Так, в США понятие «средство идентификации» определяется чрезмерно широко, а именно как «любое имя или номер, которые могут использоваться отдельно или в сочетании с любой другой информацией для идентификации конкретного лица» (§18 U.S.C. §1028 (a)). К ней относится любая идентифицирующая информация, в том числе имя, номер социального страхования потребителя (SSN), номер водительских прав, дата рождения, регистрационный номер иностранца, номер государственного паспорта, идентификационный номер работодателя или налогоплательщика; уникальные биометрические данные, отпечаток пальца, отображение сетчатки или радужной оболочки глаза и другие физиологические характеристики человека (b), уникальный электронный идентификационный номер, адрес или код маршрута (c), номер учетной записи, пароль (IP-адрес компьютера и телефона) (d) [17, с. 56]. Информацией конфиденциального характера в штате Нью-Йорк признаются сведения из карточки читателя в библиотеках.

В 2004 г. второй закон «Об усилении наказания за кражу личных данных», критикуемый американскими учеными за «символическую криминализацию», изменил понятие отягчающего обстоятельства. Им было признано совершение нового преступления, связанного с кражей личных данных. Наказанию теперь подлежало лицо, которое «сознательно передает, владеет или использует без законных полномочий средство идентификации другого лица» во время и в связи с совершением конкретных преступлений. Их перечень дается в 18 U.S.C. §1028A «Кража личных данных при отягчающих обстоятельствах» (c): кража государственных денег, имущества или записей; кража, растрата или неправильное использование денег сотрудником банка; ложное предоставление гражданства; ложные заявления в связи с приобретением огнестрельного оружия; мошенничество с почтовыми и банковскими перево-

дами; получение информации о потребителях под ложным предлогом; нарушения, связанные с национальностью и гражданством, с паспортами и визами; нарушения, касающиеся умышленного отказа покинуть Соединенные Штаты после депортации и создания поддельной регистрационной карточки иностранца и др.

Уголовный кодекс Франции[1] содержит систему составов преступлений, предметом которых выступает и частная жизнь, и упоминаемая в диспозициях «именная информация» (или персональные данные). Она характеризуется достаточно высоким уровнем детализации преступных деяний [18, с. 129]. В главе VI «О посягательствах на личность» деяния, связанные с причинением вреда частной жизни человека, даны в разделах о посягательствах: на частную жизнь (отдел I), на изображение лица (отдел II) и на тайну (отдел IV). Нарушения, связанные с персональными данными, находятся в разделах о посягательствах на права лица, возникающие в связи с ведением картотек и обработкой информации (отдел V), на человека, связанных с исследованием его генетических свойств или идентификацией посредством его генетических признаков (отдел VI).

Преступления, направленные против персональных данных, условно представлены в следующей классификации:

1. *Посягательства, связанные с нару-шением установленного режима персональных данных:*

1.1. Сбор персональных данных обманным, самоуправным или запрещенным законом способом, в том числе при автоматизированной обработке, касающейся здоровья, при отсутствии персонального информирования человека о его праве определять содержание передаваемой информации и ее получателей, либо вопреки его возражениям о распространении этих данных (ст. 226-18).

1.2. Идентификация какого-либо человека посредством его генетических признаков в медицинских целях без его согласия (ст. 226-27), либо при отсутствии медицинских, научных целей, а также вне рамок уголовного судопроизводства (ст. 226-28).

1.3. Распространение персональных данных другого лица без его согласия, выразившееся в ознакомлении с этими сведениями третьих лиц, не имеющих на это права (ст. 226-22).

1.4. Использование не по назначению сведений, полученных о каком-либо человеке путем изучения его генетических свойств в медицинских целях или в рамках научного исследования (ст. 226-26).

2. *Посягательства, связанные с нарушениями правил обработки, хранения и передачи персональных данных:*

2.1. Нарушение, умышленное или по неосторожности, правил при осуществлении или организации осуществления автоматизированной обработки (ст. 226-16).

2.2. Нарушение мер обеспечения безопасности персональных данных, включающих несанкционированное изменение, повреждение или передачу третьим лицам (ст. 226-17).

2.3. Нарушение правил уведомления надзорного органа о несанкционированном доступе к персональным данным (ст. 226-17-1)[2].

[1] Уголовный кодекс Французской Республики (Code pénal France): [ред. от 01.06.2020]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719 (дата обращения: 21.06.2022).

[2] Здесь преследуется нарушение защиты персональных данных. Им считается «любое нарушение безопасности, случайное или намеренное, повлекшее за собой разрушение, утрату, изменение, обнародование или неправомерный доступ к персональным данным, являющимся объектом обработки в рамках предоставления электронно-коммуникационных услуг». Поставщик услуг обязан сообщить о нарушении защиты персональных данных в Национальную комиссию ин-

2.4. Нарушение правил обработки персональных данных, выразившееся в использовании оператором персональных данных в целях проведения исследований и опросов, при несогласии на то лица (ст. 226-18.1).

2.5. Нарушение цели сбора персональных данных, когда эти данные используются вопреки законодательным положениям или регламенту (ст. 226-21).

2.6. Нарушение правил передачи персональных данных в международные организации или государства, не являющиеся членами Европейского союза (ст. 226-22-1).

2.7. Нарушение срока хранения персональных данных, за исключением их использования для исторических, статистических или научных исследований (ст. 226-20).

3. *Посягательства, связанные с нарушениями правил обработки и хранения специальных персональных данных. Нарушение установленных правил касается:*

3.1. Обработки персональных данных, включающих идентификацию человека (регистрационный номер физического лица, содержащийся в национальном справочнике) (ст. 226-16-1).

3.2. Обработки персональных данных, целью которой являются медицинские исследования (ст. 226-19-1)[1].

3.3. Хранения в памяти компьютера персональных данных, касающихся расового или этнического происхождения, политических, религиозных взглядов, принадлежности к профсоюзам, состояния здоровья либо интимной жизни, лица без его согласия (ст. 226-19).

3.4. Хранения в памяти компьютера без согласия лица персональных данных о правонарушениях, обвинительных приговорах или мерах безопасности (ст. 226-19) [19, с. 152].

В Швеции идея закрепления наказания за нарушение правил обработки персональных данных получила развитие после принятия специального Закона от 29 апреля 1998 г. «О персональных данных» (Personuppgiftslagen), нормы которого по защите информации частного характера действуют самостоятельно, за рамками шведского Уголовного кодекса[2]. Эта модель уголовно-правовой защиты конфиденциальной информации о человеке похожа на французскую. Аналогично УК Франции по ст. 49 шведского закона от полугода до двух лет лишения свободы наказывается тот, кто с использованием своего служебного положения или профессиональных навыков умышленно или по небрежности осуществляет обработку персональных данных посредством нарушения установленного порядка. Им может быть, к примеру, неполучение разрешения об использовании персональных данных в Комитете по научной этике. Субъектами содеянного признаются сотрудники научно-исследовательских организаций, учреждений здравоохранения, социального обеспечения, статистики и др., которые используют личные данные для научных целей.

При тех же условиях наказуема и обработка личных данных о правонарушителях. Она включает информацию о самом преступлении, мерах уголовно-процессуального принуждения, приговоре и наказании по нему. Преступлением по ст. 49 считается и передача персональных данных шведских подданных другим государствам, присоединившимся к Конвенции Совета Европы «О защите

форматики и свободы, иначе он подлежит тюремному заключение на пять лет и штрафу в размере 300 тыс. евро.

[1] К примеру, во Франции в 2020 г. разразился скандал: интернет-сайт "Doctissimo" собирал конфиденциальную информацию с онлайн-тестами о состоянии здоровья граждан, которая затем передавалась третьим лицам для использования в рекламных целях.

[2] Уголовный кодекс Швеции (Criminal code of the Kingdom of Sweden): [ред. от 12.03.2021]. URL: http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes (дата обращения: 12.04.2022).

физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных», у которых, по мнению законодателя, нет надлежащего уровня защиты персональных данных. Оценка степени защищенности передачи конфиденциальной информации производится с учетом характера личных данных, цели их обработки и ее продолжительности, страны происхождения, страны назначения и установленных правил обработки данных в государстве, куда они передаются Швецией. В самом же УК по ст. 11 части 2 главы 4 «О преступлениях против свободы человека» преступлением признается нарушение частной жизни, поскольку «уважение к частной жизни есть один из аспектов индивидуальной свободы» [20, с. 149].

Выводы

1. *Нарушение права на неприкосновенность персональных данных имеет разный видовой объект*.

Иностранные законодатели европейских стран и стран дальнего зарубежья придерживаются отличного от УК РФ подхода к местоположению рассматриваемых преступлений. Нормы об ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни и персональных данных, как правило, размещаются в специальных главах или разделах с одноименным названием, в том числе объединяя с ними прочие посягательства на тайну. Так, в УК Испании раздел X именуется преступлениями против неприкосновенности частной жизни, права на собственное изображение и неприкосновенности жилища; раздел V УК Лихтенштейна – преступными деяниями, посягающими на частную сферу и нарушающими служебную тайну; раздел 15 УК ФРГ – нарушением неприкосновенности частной жизни и частных тайн; отдел I УК Франции – посягательствами на частную жизнь; раздел 3 УК Швейцарии – преступлениями против чести и тайны или частной жизни; глава 13 УК Японии – преступлениями, состоящими в нарушении тайны. И только законодатели Дании, Нидерландов и Швеции, в отличие от российского права, определяют объект по-другому. Эти структурные элементы кодексов названы преступлениями против личной чести и определенных личных прав (глава 27, Дания), общественного порядка (книга 2, раздел V, Нидерланды) и свободы человека (ч. 2 главы 4, Швеция).

2. *Нет унифицированного приема оформления диспозиции соответствующих норм в части запрещенных действий*. Иностранные уголовные законы стран дальнего зарубежья снабжены нормами, предусматривающими наказание непосредственно за нарушение порядка совершения определенных действий с персональными данными, в том числе обработку, сбор, трансграничную передачу, хранение, обезличивание, разглашение, использование, изменение, уничтожение и оборот (продажа). К числу преступлений отнесены и деяния, нарушающие доступ к информации, а именно отказ в ее предоставлении либо предоставление заведомо ложной информации.

3. *Разнится позиция зарубежного законодателя по субъекту преступления: в одних уголовно-правовых источниках он общий, в других – специальный*. В уголовных законах значительного числа государств отягчающим ответственность обстоятельством признается использование должностного или служебного положения, профессиональной деятельности (Германия, Швеция, Япония). Кодексы некоторых государств конкретизируют субъектный состав: это лицо, кому эти данные, добытые запрещенным способом, были переданы, и кто знает или предполагает преступный характер их происхождения (Нидерланды); работодатель, заказчик услуги или лицо, оказывающее услуги населению (Великобритания); лицо, осуществляющее деятельность почтового или телекоммуникаци-

онного характера (Германия); сотрудники научно-исследовательских организаций, учреждений здравоохранения, социального обеспечения, статистики и др. (Швеция).

4. *Зарубежный законодатель в субъективной стороне выделяет не одну, как в УК РФ, а две формы вины*. Он усматривает неосторожность в таких деяниях, нарушающих конфиденциальность информации, как незаконный доступ, сбор, хранение, использование, изменение или распространение личных данных, а также правил их обработки, хранения и использования уполномоченными на то субъектами либо юридическими лицами (Великобритания, Испания, Канада, Франция).

5. *В ряде стран дальнего зарубежья имеются концептуальные идеи, аналогов которых в российской уголовно-правовой модели нет*. Многие новации представляются вполне обоснованными и могут быть введены в российскую юридическую практику. Среди них использование изображения человека без его согласия в средствах массовой информации, социальных сетях, по ТВ (фото, видео); присвоение, использование, изменения конфиденциальной информации или данных личного или семейного характера другого лица; опубликование компрометирующей личной (конфиденциальной) информации (видео-, аудиозапись), полученной из разговора с ним, когда запись производилась в ходе телефонного пранка.

Список литературы

1. Букалерова Л. А., Остроушко А. В. Информация, содержащая фотографии (изображения) человека, нуждается в уголовно-правовой защите // Правовые вопросы связи. 2007. № 1. С. 39–45.

2. Серебренникова А. В., Трефилов А. А. Преступления против личности по уголовному кодексу княжества Лихтенштейна: общая характеристика // Lex Russica. 2016. № 12 (121). С. 113–124.

3. Латыпова Э. Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // Oeconomia et Jus. 2019. № 2. С. 35–45.

4. Филатова М. А. Уголовно-правовая охрана персональных данных. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mGyIkYEYn2Y&t=5714s (дата обращения: 10.05.2022)

5. Вабищевич В. В. Опыт уголовно-правовой охраны персональных данных Казахстана и Германии // Борьба с преступностью: теория и практика: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Могилев: Могилев. ин-т МВД Республики Беларусь, 2020. С. 22–25.

6. Головненков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам: Universitätsverlag Potsdam, 2021. 311 с.

7. Сапранкова Т. Ю. Особенности регламентации уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни в законодательстве зарубежных стран // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 4. С. 124–127.

8. Нуркаева Т. Н., Диваева И. Р. Нарушение неприкосновенности частной жизни: вопросы толкования и совершенствования законодательства // Вестник ВЭГУ. 2015. № 1(75). С. 45–56.

9. Савинцева М. И. Конституционно-правовые проблемы регулирования информационных отношений в Японии: история и современность: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.

10. Макаров А. В., Вологдина Е. С. Персональные данные как объект преступных посягательств на неприкосновенность частной жизни: законодательный опыт в России и зарубежных странах // Российский следователь. 2019. № 5. С. 71–75.

11. Жарова А. К. Опыт правового обеспечения безопасности персональных данных в Великобритании // Государство и право. 2017. № 6. С. 70–78.

12. Озерова А. С. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны персональных данных: опыт некоторых зарубежных стран // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1. С. 163–168.

13. Павлинов А. А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 187–191.

14. Вабищевич В. В. Зарубежный опыт уголовно-правовой охраны персональных данных // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019. № 1. С. 72–80.

15. Перова Н. А. Ограничения свободы слова в целях предотвращения разглашения личной и государственной тайны в праве США и Великобритании // Право и управление. XXI век. 2012. № 1. С. 93–99.

16. Хуаде А. Х. Механизм обеспечения права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 69–73.

17. Кузьмин Ю. А. Кража персональных данных (криминологический аспект) // Oeconomia et Jus. 2020. № 3. С. 48–57.

18. Говенко Ю. А. Уголовно-правовая охрана тайны частного характера. Пятигорск: РИА КМВ, 2014. 188 с.

19. Талапина Э. В. Правовая защита персональных данных во Франции // Право. 2012. № 4. С. 152–162.

20. Мачковский Л. Г. Ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 5 (250). С. 147–161.

References

1. Bukalerova L. A., Ostroushko A. V. Informaciya, soderzhashchaya fotografii (izobrazheniya) cheloveka, nuzhdaetsya v ugolovno-pravovoj zashchite [Information containing photographs (images) of a person needs criminal legal protection]. *Pravovye voprosy svyazi = Legal issues of communication*, 2007, no. 1, pp. 39–45.

2. Serebrennikova A. V., Trefilov A. A. Prestupleniya protiv lichnosti po ugolovnomu kodeksu knyazhestva Lihtenshtejna: obshchaya harakteristika [Crimes against the person under the criminal code of the Principality of Liechtenstein: general characteristic]. *Lex Russica = Lex Russica*, 2016, no. 12 (121), pp. 113–124.

3. Latypova E. Yu. Nekotorye aspekty ugolovnoj otvetstvennosti za deyaniya, posyagayushchie na neprikosnovennost' chastnoj zhizni [Some aspects of criminal liability for acts that infringe on privacy]. *Oeconomia et Jus*, 2019, no. 2, pp. 35–45.

4. Filatova M. A. Ugolovno-pravovaya ohrana personal'nyh dannyh [Criminal law protection of personal data]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=mGyIkYEYn2Y&t=5714s (accessed 10.05.2022)

5. Vabishchevich V. V. [Experience in criminal law protection of personal data of Kazakhstan and Germany]. *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Fighting Crime: Theory and Practice. Materials of the International scientific and Practical Conference]. Mogilev, Mogilev in-t MVD Recpubliki Belarus Publ., 2020, pp. 22–25. (In Russ.)

6. Golovnenkov P. V. Ugolovnoe ulozhenie (Ugolovnyj kodeks) Federativnoj Respubliki Germaniya: Strafgesetzbuch (StGB): nauchno-prakticheskij kommentarij i perevod teksta zakona [Criminal Code (Penal Code) of the Federal Republic of Germany: scientific and practical commentary and translation of the text of the law]. Postdam, Universitätsverlag Potsdam, 2021, 311 p.

7. Saprankova T. Yu. Osobennosti reglamentacii ugolovnoj otvetstvennosti za narushenie neprikosnovennosti chastnoj zhizni v zakonodatel'stve zarubezhnyh stran [Specifics of the regulation of criminal liability for violation of privacy in the legislation of foreign countries]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki = Problems of economics and legal practice*, 2016, no. 4, pp. 124–127.

8. Nurkaeva T. N., Divaeva I. R. Narushenie neprikosnovennosti chastnoj zhizni: voprosy tolkovaniya i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva [Violation of privacy: issues of interpretation and improvement of legislation]. *Vestnik VEGU = Bulletin of VEGU*, 2015, no. 1(75), pp. 45–56.

9. Savinceva M. I. Konstitucionno-pravovye problemy regulirovaniya informacionnyh otnoshenij v Yaponii: istoriya i sovremennost'. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Constitutional and legal problems of regulating information relations in Japan history and modernity. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2007. 26 p.

10. Makarov A. V., Vologdina E. S. Personal'nye dannye kak ob'ekt prestupnyh posyagatel'stv na neprikosnovennost' chastnoj zhizni: zakonodatel'nyj opyt v Rossii i zarubezhnyh stranah [Personal data as an object of criminal infringements on privacy: legislative experience in Russia and foreign countries]. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*, 2019, no. 5, pp. 71–75.

11. Znarova A. K. Opyt pravovogo obespecheniya bezopasnosti personal'nyh dannyh v Velikobritanii [Experience of legal security of personal data in the UK]. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, 2017, no. 6, pp. 70–78.

12. Ozerova A. S. Social'naya obuslovlennost' ugolovno-pravovoj ohrany personal'nyh dannyh: opyt nekotoryh zarubezhnyh stran [The social condition of the criminal law protection of personal data: the experience of some foreign countries]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The rule of law: theory and practice,* 2022, no. 1, pp. 163–168.

13. Pavlinov A. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie neprikosnovennosti chastnoj zhizni [Criminal liability for violation of privacy]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation,* 2013, no. 6, pp. 187–191.

14. Vabishchevich V. V. Zarubezhnyj opyt ugolovno-pravovoj ohrany personal'nyh dannyh [Foreign experience in criminal law protection of personal data]. *Znurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Journal of the Belarusian State University. Right*, 2019, no. 1, pp. 72–80.

15. Perova N. A. Ogranicheniya svobody slova v celyah predotvrashcheniya razglasheniya lichnoj i gosudarstvennoj tajny v prave SSHA i Velikobritanii [Restrictions on freedom of speech in order to prevent the disclosure of personal and state secrets in the law of the USA and

Great Britain]. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Law and administration. XXI century*, 2012, no. 1, pp. 93–99.

16. Huade A. H. Mekhanizm obespecheniya prava na neprikosnovennost' chastnoj zhizni v Rossijskoj Federacii [Mechanism for ensuring the right to privacy in the Russian Federation]. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of Maykop State Technological University*, 2014, no. 3, pp. 69–73.

17. Kuz'min Yu. A. Krazha personal'nyh dannyh (kriminologicheskij aspekt) [Identity theft (criminological aspect)]. *Oeconomia et Jus* 2020, no. 3, pp. 48–57.

18. Govenko Yu. A. Ugolovno-pravovaya ohrana tajny chastnogo haraktera [Criminal protection of a mystery of private character]. Pyatigorsk, RIA KMV, 2014, 188 p.

19. Talapina E. V. Pravovaya zashchita personal'nyh dannyh vo Francii [Legal protection of personal data in France]. *Pravo = Law*, 2012, no. 4, pp. 152–162.

20. Machkovskij L. G. Otvetstvennost' za narushenie neprikosnovennosti chastnoj zhizni v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii i zarubezhnyh stran [Responsibility for violation of privacy in the criminal legislation of Russia and foreign countries]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie = Izvestia of higher educational institutions. Jurisprudence*, 2003, no. 5 (250), pp. 147–161.

Информация об авторе / Information about the Author

Хохлова Елена Васильевна, аспирант кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: khokhlova1975@bk.ru,
ORCID: 0000-0002-0743-4667

Elena V. Khokhlova, Post-Graduate Student of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: khokhlova1975@bk.ru,
ORCID: 0000-0002-0743-4667

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-79-89

(cc) BY 4.0

Вопросы квалификации сопряженности преступлений с административными правонарушениями в сфере дорожного движения

М. В. Баранчикова[1] ✉, Д. Ю. Кузнецов[1]

[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
ул. Игнатова 2, г. Орел 302027, Российская Федерация

✉ e-mail: marina-baranchikova@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В статье рассматривается институт сопряженности преступлений с административными правонарушениями, анализируется его содержание и влияние на квалификацию дорожно-транспортных преступлений. В связи с внесением в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации квалифицирующего признака в виде сопряженности преступных нарушений правил дорожного движения с оставлением места их совершения рассматриваются его предпосылки и целесообразность, раскрываются проблемные вопросы, возникающие в связи с конкуренцией норм, регламентирующих ответственность за оставление места дорожно-транспортного преступления лицом, управляющим транспортным средством.*

Цель исследования *состоит в раскрытии особенностей квалификации сопряженности дорожно-транспортных преступлений с административными правонарушениями, сформулированной в статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации как квалифицирующий признак.*

Задачи*: определение целесообразности введения категории сопряженности криминальных нарушений правил дорожного движения с другими правонарушениями; определение особенностей ее правовой оценки при оставлении места совершения дорожно-транспортного преступления, специфики уголовно-правовой квалификации действий водителя при оставлении в опасности пострадавших на месте ДТП.*

Методология. *В процессе исследования использовались методы анализа и синтеза, индукции, дедукции, формально-юридический метод, диалектический, герменевтический методы.*

Результаты. *Юридическая оценка сопряженности нарушений правил дорожного движения, повлекших криминальные последствия, с административными правонарушениями в сфере дорожного движения в современной судебной практике имеет особенности. Они связаны со спорными моментами в действующей редакции квалифицированных составов статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, когда неосторожное преступление становится более опасным при его сопряженности с умышленным административным правонарушением. Введение признака сопряженности повлекло изменение правил квалификации, но окончательно не разрешило конкуренцию со смежными преступлениями.*

Вывод. *По результатам исследования определено, что сопряженность дорожно-транспортных преступлений и правонарушений призвана обеспечить неотвратимость ответственности за факты оставления водителями места дорожно-транспортного происшествия, управления транспортными средствами в состоянии опьянения. Являясь новой категорией, она оказалась востребованной правоприменителем, но необходимость ее единообразного и справедливого применения при квалификации требует дополнительного изучения и официального толкования.*

Ключевые слова: *дорожно-транспортное преступление; сопряженность преступлений; место совершения преступления; правила дорожного движения; квалификация.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Баранчикова М. В., Кузнецов Д. Ю. Вопросы квалификации сопряженности преступлений с административными правонарушениями в сфере дорожного движения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 79–89. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-79-89.

Поступила в редакцию 04.07.2022 Принята к публикации 01.08.2022 Опубликована 31.08.2022

© Баранчикова М. В., Кузнецов Д. Ю., 2022

Issues of Qualifying Contingency of Crimes with Administrative Offenses in the Field of Traffic

Marina V. Baranchikova[1] ✉, Dmitry Y. Kuznetsov[1]

[1] Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova
2 Ignatova Str., Orel 302027, Russian Federation

✉ e-mail: marina-baranchikova@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The article discusses the institution of conjugation of crimes with administrative offenses, analyzes its content and influence on the qualification of road traffic crimes. In connection with the introduction into Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation of a qualifying sign in the form of conjugation of criminal violations of traffic rules with leaving the place of their commission, its prerequisites and expediency are considered, problematic issues that arise in connection with the competition of the norms governing responsibility for leaving the place of a road traffic crime by a person managing a transport vehicle are disclosed. means.*

The purpose *of the study is to reveal the features of the qualification of the contingency of road traffic crimes with administrative offenses, formulated in Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation as a qualifying sign.*

Objectives*: to determine the feasibility of introducing the category of contingency of criminal violations of traffic rules with other offenses; determination of the features of its legal assessment when leaving the scene of a traffic crime, the specifics of the criminal-legal qualification of the driver's actions when leaving the injured at the scene of an accident in danger.*

Methodology. *In the process of research, methods of analysis and synthesis, induction, deduction, formal legal method, dialectical, hermeneutic methods were used.*

Results. *The legal assessment of the contingency of traffic violations that entailed criminal consequences with administrative offenses in the field of traffic in modern judicial practice has some peculiarities. They are connected with controversial issues in the current wording of the qualified compositions of Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, when a careless crime becomes more dangerous when it is associated with an intentional administrative offense. The introduction of the conjugacy sign led to a change in the qualification rules, but did not finally resolve the competition with related crimes.*

Conclusion. *According to the results of the study, it was determined that the conjugation of road traffic crimes and offenses is designed to ensure the inevitability of responsibility for the facts of leaving the scene of a traffic accident by drivers, driving while intoxicated. Being a new category, it turned out to be in demand by the law enforcer, but the need for its uniform and fair application in qualification requires additional study and official interpretation.*

Keywords: *traffic crime; contingency of crimes; crime scene; violation of traffic rules; qualification.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Baranchikova M. V., Kuznetsov D. Y. Issues of Qualifying Contingency of Crimes with Administrative Offenses in the Field of Traffic*. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 79–89. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-79-89.

Received 04.07.2022 Accepted 01.08.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

В современной науке уголовного права и правоприменительной практике значительные проблемы связаны с уголовно-правовой оценкой возможной сопряженности преступлений и административных правонарушений. В этой связи, очевидно, возникающие спорные вопросы квалификации сложных деяний зачастую не ограничиваются отдельными уголовными делами или материалами соответствующих проверок, поскольку их

решение требует системного подхода и зачастую восходит к необходимости анализа концептуальных изменений уголовного законодательства.

Наиболее ярко указанную проблему иллюстрируют правовые конструкции, содержащиеся в квалифицирующих признаках ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Данная статья претерпела в 2019 г. значительные изменения, связанные с ее дополнением квалифицирующим признаком в виде сопряженности преступлений, указанных в чч. 1, 3, 5 ст. 264 УК РФ, с оставлением места их совершения, а также ужесточением ее санкции. Преследуя цели установления справедливого наказания, законодатель не остановился даже перед реформированием норм Общей части Уголовного кодекса РФ, изменив одну из наиболее стабильных норм о категориях преступлений.

Отправной точкой такого радикального реформирования уголовно-правовых норм стало во многом знаковое Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2018 г. № 17-П[1]. Указанным судебным актом было признано неконституционным примечание к ст. 264 УК РФ в части, создающей привилегию для совершивших указанное преступление водителей, скрывшихся с места происшествия, перед аналогичными лицами, прошедшими в установленном порядке процедуру освидетельствования на предмет выявления состояния опьянения. Конституционный Суд в этой связи справедливо посчитал, что в первом случае было бы неправомерно полагать, что скрывшийся с места происшествия преступник отказался проходить освидетельствование, поскольку такой отказ сам по себе является юридически значимым действием, требующим должного документального оформления.

Закономерным итогом последующего реформирования стало установление равных по санкции квалифицирующих признаков указанного состава преступления, совершенного «лицом, находящимся в состоянии опьянения», а также «сопряженного с оставлением места его совершения»[2]. В обоих случаях речь идет, по сути, о совершении преступления, неразрывно связанного с административным правонарушением, причем в первом случае административный деликт как бы обусловливает преступное поведение, а во втором является элементом постпреступной деятельности. Законодатель придал обоим вариантам квалифицированных преступлений одинаковую степень общественной опасности, прекратив ранее имевшие место споры о привилегированном положении скрывшихся с места происшествия водителей. Однако проблемы дифференциации ответственности за оставление места дорожно-транспортного преступления, а также специфика квалификации связанных друг с другом нарушений правил дорожного движения разной общественной опасности и наказуемости не получили однозначного освещения ни в доктрине, ни в судебной практике. Законодательное оформление нового вида сопряженности криминальных нарушений правил дорожного движения с административно наказуемым деянием требует единообразных подходов к ее квалификации. Отграничение нового признака от смежных правонарушений, его соотношение со ст. 125 УК РФ имеют принципиальное значение для качества уголовно-

[1] По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 25 апр. 2018 г. № 17-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296806/ (дата обращения: 16.06.2022).

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326883/ (дата обращения: 16.06.2022).

правового противодействия дорожно-транспортным происшествиям.

Методология

Методология исследования включает общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции – при толковании признаков преступлений и правонарушений, формально-юридический – при выявлении соотношения норм, квалификации преступлений и правонарушений; диалектический, герменевтический – при оценке уголовно-правовых явлений и норм в развитии и взаимосвязи, при разрешении противоречий между разными видами ответственности за нарушения в сфере дорожного движения, уяснении смысла правового текста.

Результаты и их обсуждение

Сопряженность преступления и административного правонарушения представляет собой относительно новое явление, отличное от «традиционного» института сопряженности преступления с другим преступлением. При этом в обоих случаях сопряженность в уголовном законе образует его квалифицированный состав.

Существующий институт сопряженности преступлений с другим преступлением часто называли сомнительным и нецелесообразным для современной уголовной политики, отмечалась неоправданность расширения перечня статей, в содержании которых использовался бы признак сопряженности, а также усиления ответственности за счет сопряженности [1, с. 17]. Подобный подход может быть применим к новому, складывающемуся институту сопряженности преступлений и административных правонарушений. Критика его целесообразности уже находит отражение в юридической литературе, где ставится под сомнение его право на существование.

Идея сочетания преступления и административного правонарушения в законодательных конструкциях составов дорожно-транспортных преступлений выглядит нестандартной. В таких ситуациях вопросы квалификации и дальнейшей реализации соответствующих норм уголовного закона являются далеко не очевидными, не всегда предсказуемыми.

Отмеченная проблема связана с достаточно активной в последние годы реализацией в рамках уголовной политики элементов административной преюдиции, что, по мнению ученых, увеличивает профилактический потенциал соответствующего уголовно-правового запрета; предоставляет законодателю более широкие возможности в плане межотраслевой дифференциации уголовной и административной ответственности; позволяет осуществлять «мягкую» криминализацию деяний» [2, с. 78]. Данное направление уголовной политики является прогрессивным, создает предпосылки для значительной оптимизации уголовного закона.

Однако взаимосвязь преступлений и административных правонарушений сегодня отмечается и в принципиально иных формах. Их сопряженность друг с другом может наблюдаться в ситуациях, когда нарушение норм Кодекса об административных правонарушениях является элементом постпреступной деятельности либо вовсе неотъемлемым элементом состава преступления.

Признак сопряженности оставления места нарушения правила дорожного движения с его фактом в качестве отягчающего обстоятельства нашло отражение в пункте «б» второй, четвертой и шестой частей ст. 264 УК РФ. В его формулировке указано нарушение, обладающее особой характеристикой, отягченное связью с преступным нарушением правил дорожного движения. При этом обстоятельством, повышающим общественную опасность такого деяния, является не сам факт оставления места ДТП, а его предполагаемая связь с опьянением водителя [3, с. 42]. Именно это обстоятельство послужило поводом к изменению ст. 264

УК РФ, уравниванию в ее редакции преступлений, совершенных лицами, управляющими автотранспортом в состоянии опьянения, и теми, кто скрылся с места их совершения.

Профессора А. И. Коробеев и А. И. Чучаев критически оценили позицию законодателя о размещении в одной части статьи в качестве квалифицирующих разных по сути и значению в этиологии транспортного преступления обстоятельств, признание их типовыми, одинаково повышающими степень его опасности. По их мнению, «опьянение, действительно свидетельствует о состоянии лица, не способного надлежащим образом обеспечивать безопасность функционирования механического транспортного средства. Оставление же места дорожно-транспортного происшествия не входит в механизм последнего, оно характеризует постпреступное поведение лица» [4].

Традиционно считается, что квалифицирующий признак должен служить средством дифференциации наказания, выступать инструментом в руках законодателя [5, с. 124]. В то же время такой признак обычно присущ некоторому массиву преступлений одного вида, он не должен носить единичного, эпизодического характера [6, с. 137]. Соответственно признание оставления места преступления квалифицирующим признаком автомототранспортного преступления ставит «проблему того, почему это делается по отношению к лицу, совершившему преступление по неосторожности, и не учитывается по отношению к иным виновным, например, убийцам, насильникам и т.д.» [4].

Закрепление в ст. 264 УК РФ нового типа сопряженности криминального с административным правонарушением меняет привычные принципы построения квалифицирующих признаков преступлений. Так, отличается своеобразием временная связь преступления и следующего за ним правонарушения, где оставление выступает логическим продолжением криминального ДТП. Его содержание, будучи самостоятельным нарушением, предусмотренным ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ, влияет на уголовно-правовую квалификацию.

А. И. Чучаев отмечает, что оставлению места дорожно-транспортного происшествия «в уголовном праве придано значение квалифицирующего и особо квалифицирующего признака, предназначенного для дифференциации уголовной ответственности, тогда как оно является, по сути, обстоятельством, влияющим на выбор вида и размера наказания», что порождает проблему вины, образуя сочетание неосторожной вины с умышленной» [7]. Такое отягощение преступной неосторожности постпреступным умышленным деянием признается самым спорным моментом в конструировании нового квалифицирующего признака, но лишь с теоретических позиций.

Результаты опроса практических работников показывают иное мнение. Большинство из них считают, что, хотя оставление места ДТП происходит после окончания преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, и умысел на оставление аварии с тяжкими последствиями возникает после совершения последней, формулировка нового квалифицирующего признака является удачным вариантом обеспечения неотвратимости ответственности за него. Правоприменитель не видит проблем в том, что оставление места аварии совершается умышленно, следует после неосторожного преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, отягчая ответственность.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации предписывает квалифицировать по ст. 125 УК РФ действия водителя, поставившего потерпевшего в результате ДТП в опасное для жизни и здоровья состояние и в нарушение требований правил (п. 2.5) не оказавшего ему необходимую помощь, если он имел воз-

можность это сделать[1]. Согласно данной рекомендации такие действия могли влечь ответственность по совокупности ст. 264 и 125 УК РФ. Условием квалификации как оставления в опасности являлось то, что потерпевший должен быть поставлен в опасное для жизни и здоровья состояние неосторожными действиями виновного [8]. Совершение преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, будучи неосторожным, могло быть сопряжено с последующим умышленным оставлением места его совершения как с пострадавшими, так и без них.

Сегодня в законе анализируемый квалифицирующий признак не сформулирован как «сопряженность с оставлением потерпевшего без помощи в опасном для жизни или здоровья состоянии», т. е. само по себе оставление места происшествия не тождественно оставлению потерпевшего без помощи в опасности, а потому в одних случаях требует совокупного вменения указанного деяния, а в других – не нуждается в дополнительной квалификации [9]. Аналогично мнение, что «если водитель не оказал соответствующую помощь, не предпринял мер, направленных на спасение жизни потерпевшего, то вменение совокупности ст. 264 (ч. 2, 4, 6) и ст. 125 УК РФ исключать нельзя [10].

Уголовная ответственность по ст. 125 УК РФ должна исключаться лишь в ситуации, когда лицо, оставившее потерпевшего в опасном для жизни или здоровья состоянии, по обстоятельствам дела добросовестно заблуждалось относительно его способности и возможности принять меры к самосохранению» [11, с. 126]. Такими случаями обычно признавались действия водителя, скрывшегося с места аварии, когда он убедился, что пострадавшему оказывают помощь посторонние лица, что его состояние вне опасности.

До законодательного закрепления анализируемой сопряженности правоприменитель часто лишь попутно указывал на оставление виновным места ДТП. При этом ни административной, ни уголовной ответственности за данный факт водитель не подлежал, не получало правовой оценки его отношение к оставшимся в беспомощном состоянии потерпевшим [3]. Игнорирование обязанности оставаться на месте ДТП, оказывать помощь пострадавшим требовало новых форм противодействия таким фактам.

Целесообразность ужесточения ответственности была связана с распространенностью фактов уезда водителей с мест криминальных аварий, сложностями их наказуемости. Официальные данные о значительном увеличении в последние пять лет случаев оставления места совершения ДТП водителями и рост связанной с ними динамики аварийности привели специалистов к выводу о том, что происшествия данного подвида могут в перспективе стать прогрессирующими [12, с. 180]. Наблюдается тенденция к повышению их распространенности и усугублению их опасности.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что в 61% случаев способом совершения оставления в опасности при ДТП является ситуация, когда совершивший его водитель, не останавливая свой автомобиль, скрывается на нем, оставляет пострадавшего [13]. Такие действия, кроме сложности их раскрытия, имеют и медицинские последствия, когда неоказание помощи жертвам автопроисшествий приводит к усугублению травматизма.

Считается, что принятая в 2019 г. редакция ст. 264 УК РФ призвана снизить тяжесть последствий аварий, особенно в

[1] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 дек. 2008 г. № 25. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 25.07. 2022).

случаях причинения тяжкого вреда жизни и здоровью людей, которым медицинская и иная помощь будет оказана более своевременно, повысится состояние защищенности иных участников дорожного движения и его безопасности в целом [14, с. 114]. Но возникает вопрос: справедливо ли признание законодателем сопряженности преступления и административного правонарушения однозначно более тяжким с точки зрения общественной опасности и противоправности деянием?

Само по себе сочетание преступления с административным правонарушением не всегда свидетельствует о повышении степени его общественной опасности и не должно рассматриваться «однобоко», поскольку указанные действия лица, совершившего преступление, могут быть обусловлены совершенно различными мотивами. Побуждение скрыться с места аварии часто связано с желанием избежать ответственности за ее последствия или за нахождение за рулем в состоянии опьянения [15]. Такое «сопряженное» правонарушение водителя в виде оставления водителем в нарушение Правил дорожного движения места ДТП может скрывать следы основного преступления или другого административного правонарушения. Однако в определенных случаях водитель может просто забыть об обязанности не оставлять место ДТП, участником которого он был, покинуть его в силу паники, забывчивости или растерянности.

В текущей редакции закона все лица, оставившие места совершения ДТП, приравнены к лицам, находящимся в состоянии опьянения [16], но фактически оставление места дорожно-транспортного происшествия может иметь противоположные причины. Оно может совершаться водителем с целью спасения раненого пассажира либо вовсе сочетаться с элементами уголовно-правовой ошибки в последствиях совершенного деяния [17].

В этой связи вызывает сомнение сама возможность законодательного отождествления многовариантных способов оставления места дорожно-транспортного преступления без учета фактических обстоятельств и мотивов, обусловивших подобное поведение водителей. Признание такого оставления квалифицированным составом логично учитывать при попытке виновного лица таким образом скрыть сам факт совершения им преступления, для чего важно оценивать обстановку, отсутствие уважительных причин покинуть его место.

Анализ приговоров по делам рассматриваемой категории показал преобладание в них при описании действий виновного водителя указания на то, что водитель «не выполнил обязанности, предусмотренные п. 2.5, 2.6 Правил дорожного движения, в связи с дорожно-транспортным происшествием, участником которого он являлся, и оставил место совершения преступления». Соответственно часто отмечается неисполнение двух обязанностей: не только остаться на месте ДТП, но и оказать помощь потерпевшему.

Проблема оставления места ДТП сопряжена с нарушением административного и уголовного законодательства [18], носит межотраслевой характер, требует дифференцированного подхода. Ее осложняет «противоречивость терминологии, принятой, с одной стороны, в ПДД и КоАП РФ, с другой – в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25. В последнем случае на официальном уровне вопрос оставления места ДТП водителем, причастным к нему, оставлен без внимания: речь идет о нем как лице, скрывшемся с места ДТП, а не как об его участнике» [19].

А. И. Чучаев считает, что при отсутствии вины водителя или причинно-следственной связи между деянием и

наступившими последствиями лицо может нести и административную ответственность за оставление места ДТП, поскольку для этого достаточно двух обстоятельств: быть участником дорожно-транспортного происшествия и покинуть место автоаварии [5, с. 111].

На наш взгляд, уголовно-правовая квалификация может осуществляться альтернативно по пункту «б» соответствующей части ст. 264 УК РФ или ст. 125 УК РФ. Попытки вменить совокупность пункта «б» второй, четвертой или шестой частей ст. 264 УК РФ со ст. 125 УК РФ в судебной практике последних лет заканчивались исключением последней из квалификации. Вышестоящими судами указывалось, что такого рода совокупность нарушает принцип справедливости в части наказуемости дважды за одно преступление, конкретно за оставление в опасности потерпевших.

К сожалению, мнение о том, что «компенсаторную роль в борьбе с бегством незаконопослушных водителей с места ДТП, повлекшим причинение потерпевшему вреда, продолжает успешно решать ст. 125 УК РФ "Оставление в опасности", и ее вполне достаточно для решения вопроса о неотвратимости уголовной ответственности» [20], не доказывает практика ее применения. Охранительный потенциал данной нормы с появлением признака сопряженности криминальных нарушений правил дорожного движения с оставлением места их совершения еще более снижается.

Выводы

Представляется, что сделанный законодателем шаг в части реформирования положений ст. 264 УК РФ является одной из первых попыток урегулирования случаев сочетания преступления с административными правонарушениями, имеющих существенное уголовно-правовое значение. При этом концептуальные изменения уголовного закона в связи с оформлением категории сопряженности преступного и административного деяний вызывают значительные вопросы с точки зрения правоприменительной практики, а также сугубо теоретико-правовых конструкций. Думается, что сочетание правонарушений и преступлений имеет множество принципиально различных проявлений и не может рассматриваться категорично, оно требует дополнительной законодательной регламентации и обоснования на уровне официальных разъяснений их квалификации и применения.

Сегодня практика квалификации следующих последовательно совершенных дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений, их сопряженности друг с другом должна соответствовать отраслевым и межотраслевым принципам, ориентироваться на неотвратимое, законное и справедливое наказание за каждый факт противоправного поведения. Обеспечение ее системности и единообразия является важным направлением повышения эффективности уголовной политики в сфере дорожного движения.

Список литературы

1. Бавсун М. В., Векленко В. В. Влияние категории «сопряженность» на квалификацию преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. С. 16–18.

2. Капинус О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78–86.

3. Баранчикова М. В. Проблемы квалификации преступных нарушений правил дорожного движения, сопряженных с оставлением места их совершения // Уголовное зако-

нодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД РФ, 2019. С. 37–42.

4. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Транспортные преступления: исправление ошибок или движение по кругу? // Уголовное право. 2019. № 5. С. 48–58.

5. Кругликов Л. Л. О понятии преступлений с квалифицированными составами // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 120–126.

6. Мотин А. В. Дифференциация ответственности за преступления против личности посредством квалифицирующих признаков, отражающих элементы института множественности в структуре состава преступления // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 3 (41). С. 137–142.

7. Чучаев А. И. Оставление места совершения дорожно-транспортного происшествия // Уголовное право. 2020. № 1. С. 105–112.

8. Тюнин В. И., Огарь Т. А. Оставление в опасности – через призму судебной практики // Уголовное право. 2018. № 5. С. 73–81.

9. Зубцов А. А., Зубцова А. О. Оставление места ДТП как квалифицирующий признак преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ // Уголовное право. 2020. № 4. С. 21–28.

10. Кольцова Е. Ю. Оставление места преступления как квалифицирующий признак преступления, предусмотренного статьей 264 УК РФ // Уголовному кодексу Российской Федерации 25 лет: история, проблемы, перспективы: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Рязань: Рязан. гос. ун-т, 2022. С. 64–66.

11. Сорокин А. И. Уголовная ответственность за оставление места ДТП // Наука и практика. 2014. № 1 (58). С. 123–127.

12. Состояние и тенденции безопасности дорожного движения в Российской Федерации в 2011–2020 годах: аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2022. 368 с.

13. Зубенко Е. В. Криминалистическая характеристика дорожно-транспортных преступлений, сопряженных с оставлением потерпевших в опасности // Академическая мысль. 2018. № 1 (2). С. 19–23.

14. Волошин А. И., Деревянкина С. А. Ответственность за оставление места ДТП: административная или уголовная // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5, № 3. С. 110–115.

15. Гольчевский В. Ф. Правовые и технические аспекты выявления водителей, скрывшихся с места происшествий // Полицейская деятельность. 2022. № 2. С. 8–19.

16. Заболотнов А. А., Медведев С. С. Оставление места совершения дорожно-транспортного происшествия как уголовно наказуемое деяние // Colloquium-journal. 2019. № 26(50), ч. 10. С. 47–48.

17. Балябин В. Н. О совершенствовании статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский судья. 2018. № 11. С. 32–34.

18. Кузьминова Е. Ю. Правовые особенности привлечения к ответственности за оставление места дорожно-транспортного преступления // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 67–68.

19. Ямашева Е. В., Левоненкова Т. А. Оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия: подходы судебной практики // Комментарий судебной практики / отв. ред. К. Б. Ярошенко. М.: ИЗиСП, КОНРАКТ, 2019. С. 215–224.

20. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Транспортные преступления: новые шаги законодателя и Конституционного Суда РФ // Уголовное право. 2018. № 4. С. 73–82.

Reference

1. Bavsun M. V., Veklenko V. V. Vliyanie kategorii "sopryazhennost'" na kvalifikaciyu prestuplenij [The influence of the category "conjugacy" on the qualification of crimes]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2014, no. 5, pp. 16–18.

2. Kapinus O. S. Administrativnaya preyudiciya v ugolovnom prave: problemy teorii i praktiki [Administrative prejudice in criminal law: problems of theory and practice]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 6, pp. 78–86.

3. Baranchikova M. V. [Problems of qualification of criminal violations of traffic rules associated with leaving the place of their commission]. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra. Materialy ezhegodnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow. Materials of the annual All-Russian scientific and practical conference]. St. Petersburg, St.-Peterb. un-t MVD RF Publ., 2019, pp. 37–42. (In Russ.)

4. Korobeev A. I., Chuchaev A. I. Transportnye prestupleniya: ispravlenie oshibok ili dvizhenie po krugu? [Traffic crimes: correcting mistakes or moving in a circle?]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 5, pp. 48–58.

5. Kruglikov L. L. O ponyatii prestuplenij s kvalificirovannymi sostavami [On the concept of crimes with qualified compositions]. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2014, no. 2, pp. 120–126.

6. Motin A. V. Differenciaciya otvetstvennosti za prestupleniya protiv lichnosti posredstvom kvalificiruyushchih priznakov, otrazhayushchih elementy instituta mnozhestvennosti v strukture sostava prestupleniya [Differentiation of responsibility for crimes against the person by means of qualifying features reflecting elements of the institution of plurality in the structure of the corpus delicti]. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2020, no. 3 (41), pp. 137–142.

7. Chuchaev A. I. Ostavlenie mesta sovershenіya dorozhno-transportnogo proisshestviya [Leaving the scene of a traffic accident]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2020, no. 1, pp. 105–112.

8. Tyunin V. I., Ogar' T. A. Ostavlenie v opasnosti – cherez prizmu sudebnoj praktiki [Leaving in danger – through the prism of judicial practice]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2018, no. 5, pp. 73–81.

9. Zubcov A. A., Zubcova A. O. Ostavlenie mesta DTP kak kvalificiruyushchij priznak prestupleniya, predusmotrennogo st. 264 UK RF [Leaving the scene of an accident as a qualifying sign of a crime under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2020, no. 4, pp. 21–28.

10. Kol'cova E. Yu. [Leaving the crime scene as a qualifying sign of a crime under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii 25 let: istoriya, problemy, perspektivy. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Criminal Code of the Russian Federation 25 years: history, problems, prospects. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference]. Ryazan', Ryazan St. Univ. Publ., 2022, pp. 64–66. (In Russ.)

11. Sorokin A. I. Ugolovnaya otvetstvennost' za ostavlenie mesta DTP [Criminal liability for leaving the scene of an accident]. *Nauka i praktika = Science and Practice*, 2014, no. 1 (58), pp. 123–127.

12. Sostoyanie i tendencii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii v 2011–2020 godah. Analiticheskij obzor [The state and trends of road safety in the Russian Federation in 2011-2020. Analytical review]. Moscow, FKU "NC BDD MVD Rossii", 2022. 368 p.

13. Zubenko E. V. Kriminalisticheskaya harakteristika dorozhno-transportnyh prestuplenij, sopryazhennyh s ostavleniem poterpevshih v opasnosti [Criminalistic characteristics of road traf-

fic crimes involving the abandonment of victims in danger]. *Akademicheskaya mysl' = Academic thought*, 2018, no. 1 (2), pp. 19–23.

14. Voloshin A. I., Derevyankina S. A. Otvetstvennost' za ostavlenie mesta DTP: administrativnaya ili ugolovnaya [Responsibility for leaving the scene of an accident: administrative or criminal]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*, 2019, vol. 5, no. 3, pp. 110–115.

15. Gol'chevskij V. F. Pravovye i tekhnicheskie aspekty vyyavleniya voditelej, skryvshihsya s mesta proisshestvij [Legal and technical aspects of identifying drivers who fled from the scene]. *Policejskaya deyatel'nost' = Policing*, 2022, no. 2, pp. 8–19.

16. Zabolotnov A. A., Medvedev S. S. Ostavlenie mesta sovershenija dorozhno-transportnogo proisshestviya kak ugolovno nakazuemoe deyanie [Leaving the scene of a traffic accident as a criminally punishable act]. *Colloquium-journal*, 2019, no. 26(50), pt. 10, pp. 47–48.

17. Balyabin V. N. O sovershenstvovanii stat'i 264 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [On improving Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Rossijskij sud'ya = Russian judge*, 2018, no. 11, pp. 32–34.

18. Kuz'minova E. Yu. Pravovye osobennosti privlecheniya k otvetstvennosti za ostavlenie mesta dorozhno-transportnogo prestupleniya [Legal features of bringing to responsibility for leaving the scene of a traffic crime]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Public service and personnel*, 2021, no. 4, pp. 67–68.

19. Yamasheva E. V., Levonenkova T. A. Ostavlenie voditelem mesta dorozhno-transportnogo proisshestviya: podhody sudebnoj praktiki [Leaving the scene of a traffic accident by the driver: approaches of judicial practice]. Kommentarij sudebnoj praktiki [Commentary of judicial practice]; ed. by K. B. Yaroshenko. Moscow, IZiSP, KONRAKT Publ., 2019, pp. 215–224.

20. Korobeev A. I., Chuchaev A. I. Transportnye prestupleniya: novye shagi zakonodatelya i Konstitucionnogo Suda RF [Transport crimes: new steps of the legislator and the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2018, no. 4, pp. 73–82.

Информация об авторах / Information about the Authors

Баранчикова Марина Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: marina-baranchikova@yandex.ru,
ORCID: 0000-003-2707-9874

Кузнецов Дмитрий Юрьевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: demetrio@yandex.ru

Marina V. Baranchikova, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Psychology, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russian Federation,
e-mail: marina-baranchikova@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2707-9874

Dmitry Y. Kuznetsov, Cand. of Sci. (Juridical), Lecturer, Department of Criminal Law, Criminology and Psychology, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russian Federation,
e-mail: demetrio@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-90-106

(cc) BY 4.0

К вопросу об обеспечении свободы распоряжения субъективными правами в уголовном процессе России: проблемы правового регулирования и правоприменения

И. Н. Чеботарева[1] ✉, О. С. Пашутина[1], И. В. Ревина[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ cheb_irina@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Нормы уголовно-процессуального закона, охватывающие определение прав участников уголовного процесса, отстаивающих в деле личный интерес, обеспечены гарантиями как их защиты, так и реализации, однако анализ правоприменительной практики обнажает существование проблем, связанных с недостатками правового регулирования и имеющими место случаями нарушения прав личности, что обусловливает необходимость нового научного осмысления проблематики создания надлежащих условий использования субъективных прав или отказа от них.*

Целью *исследования является изучение проблем в части обеспечения свободы выражения воли субъекта при производстве по уголовным делам, когда он может как реализовать свое право на что-либо, так и не использовать его, внесение предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.*

Задачи: *выявление проблемных аспектов законодательного регулирования и правоприменения, разработка научных предложений, направленных на совершенствование уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоприменителя по обеспечению возможности участникам уголовного судопроизводства добровольно и осознанно принимать решение о реализации/нереализации принадлежащих им субъективных прав.*

Методология. *Методологической основой исследования являются положения общенаучного диалектического метода познания окружающей действительности. В процессе работы использовались общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также формально-логический, формально-юридический методы познания, метод наблюдения и анкетирование.*

Результаты. *Законодательная регламентация в части обеспечения правообладателю возможности принимать решение о выборе одного из вариантов вытекающего из наличия субъективного права поведения остается во многом недостаточной, что не позволяет обеспечить должный уровень правовой защищенности личности.*

Вывод. *Случаи нарушений прав участников уголовного судопроизводства, допускаемых со стороны правоприменителя, в том числе и обусловленных ненадлежащей процессуальной регламентацией их деятельности, требует от законодателя дальнейших последовательных действий на пути создания реальных гарантий свободы распоряжения субъективными правами.*

Ключевые слова*: субъективное право; уголовное судопроизводство; отказ от субъективного права; гарантии прав и свобод личности; уголовно-процессуальная деятельность.*

Финансирование: *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.*

© Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В., 2022

***Конфликт интересов**: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В. К вопросу об обеспечении свободы распоряжения субъективными правами в уголовном процессе России: проблемы правового регулирования и правоприменения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 90–106. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-90-106.

Поступила в редакцию 24.06.2022 Принята к публикации 28.07.2022 Опубликована 31.08.2022

On the Issue of Ensuring the Freedom of Disposal of Subjective Rights in the Criminal Process of Russia: Problems of Legal Regulation and Law Enforcement

Irina N. Chebotareva[1] ✉, Olesya S. Pashutina[1], Irina V. Revina[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: cheb_irina@mail.ru

Abstract

***Relevance.** The norms of the criminal procedure law, covering the definition of the rights of participants in the criminal process defending personal interest in the case, are guaranteed both their protection and implementation, however, the analysis of law enforcement practice reveals the existence of problems related to the shortcomings of legal regulation and the cases of violations of individual rights that take place, which necessitates a new scientific understanding of the problems of creating appropriate conditions. use of subjective rights or refusal of them.*

***The purpose** of the study is to study the problems in terms of ensuring the freedom of expression of the will of the subject in criminal proceedings, when he can both exercise his right to something and not use it, making proposals for improving criminal procedural legislation.*

***Objective:** identification of problematic aspects of legislative regulation and law enforcement, development of scientific proposals aimed at improving criminal procedural legislation and the activities of the law enforcement officer to enable participants in criminal proceedings to voluntarily and consciously make a decision on the implementation/non-realization of their subjective rights.*

***Methodology.** The methodological basis of the research is the provisions of the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality. In the course of the work, general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as formal-logical, formal-legal methods of cognition, observation method and questionnaire were used.*

***Results.** Legislative regulation in terms of providing the right holder with the opportunity to make a decision on choosing one of the options arising from the existence of a subjective right of behavior remains largely insufficient, which does not allow ensuring the proper level of legal protection of the individual.*

***Conclusion**. Cases of violations of the rights of participants in criminal proceedings allowed by the law enforcement officer, including those caused by improper procedural regulation of their activities, require further consistent actions from the legislator on the way to creating real guarantees of freedom of disposal of subjective rights.*

***Keyword**: subjective rights; court proceedings; waiver of the right; guarantees of right and freedom of persons; increased-process activity.*

***Funding:** The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00858.*

***Conflict of interest:** The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Chebotareva I. N., Pashutina O. S., Revina I. V. On the Issue of Ensuring the Freedom of Disposal of Subjective Rights in the Criminal Process of Russia: Problems of Legal Regulation and Law Enforcement. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 90–106. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-90-106.

Received 24.06.2022 Accepted 28.07.2022 Published 31.08.2022

Введение

В современной России права и свободы человека признаются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства. Конституционное положение, закрепленное в ст. 2 Основного Закона, определяет одно из главных направлений современной государственной политики и представляет собой отправную точку конструирования уголовного судопроизводства, в определении назначения которого законодатель на первое место ставит защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, защиту от незаконного и необоснованного уголовного преследования и осуждения лиц, обвиняемых в совершении преступления, и защиту прав и свобод других участников уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ). Установление приоритета личности определяет смысл уголовно-процессуального закона и положительным образом сказывается на изменении его содержания и направленности [1, с. 143]. Права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего выступают «важнейшим фактором, определяющим назначение, содержание и формы уголовно-процессуальной деятельности» [2, с. 105].

Российский законодатель как представитель демократического правового государства предоставляет лицам, отстаивающим в уголовном деле личный интерес, значительный круг прав, которые обеспечивают им возможность влиять на выводы органов предварительного расследования и суда относительно их виновности в совершенном преступлении, гарантируют им социальную защищённость (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый), возможность активно осуществлять защиту своих нарушенных преступлением гражданских прав и свобод, способствуют их восстановлению (потерпевший). Закрепляя права и обязанности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и потерпевшего, он отошел от разрешительного типа их регулирования, предоставив возможность участникам уголовного процесса делать выбор своих действий по реализации того или иного субъективного права в рамках данных правом возможностей или отказу от этого. Однако возможность реализации прав участниками уголовного судопроизводства, в том числе и отказа от субъективного права, как присущего ему полномочия, иллюзорна без надлежащих средств защиты. Да, в настоящее время законодатель предусматривает систему средств и способов, обеспечивающих возможность лица выбрать один из вариантов вытекающего из наличия субъективного права поведения, в том числе и отказаться от предоставляемого ему блага, однако анализ правоприменительной практики и действующего уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что существующий институт обеспечения прав лиц, отстаивающих при производстве по уголовному делу личный интерес, далек от совершенства, и данное обстоятельство, в свою очередь, определяет декларативность характера назначения уголовного судопроизводства.

Исходя из этого, целью данной статьи является исследование системных проблем в сфере уголовного судопроизводства, связанных с недостатками уголовно-процессуального закона в части обеспечения свободы выражения воли субъекта при производстве по уголовным делам, когда он может как реализовать свое право на что-либо, так и не использовать его, и имеющими место случаями нарушения прав личности, допускаемыми со стороны правоприменителя, формулирование предложений по совершенствованию нормотворческой и правореализационной деятельности в данной части.

Для достижения заявленной цели авторами изучаются полномочия должностных лиц и государственных органов по обеспечению реализации прав участниками уголовного процесса как элемен-

та системы гарантий их прав и свобод, выявляются проблемные аспекты правоприменения, формулируются научные предложения, направленные на совершенствование уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоприменителя по обеспечению возможности участников уголовного судопроизводства добровольно и осознанно принимать решение о реализации/нереализации принадлежащих им субъективных прав.

Методология

В основе проведенного исследования лежит всеобщий диалектический метод научного познания. Для достижения поставленных задач авторами также были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Так, посредством метода логического и системного анализа была исследована роль правовой обеспеченности возможной правомерной реализации предоставляемых участникам процесса субъективных прав в системе средств и способов охраны и защиты прав лиц, попавших в сферу уголовного судопроизводства. Методом синтеза изучены элементы правореализационной деятельности, препятствующие должной работе механизма, обеспечивающего возможность, в частности, потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому, подсудимому сделать свой осознанный, добровольный выбор по реализации субъективного права в рамках предоставляемых этим правом возможностей, в том числе и отказу от него, и претворить его в жизнь, а методы дедукции и индукции позволили обозначить причины сложившейся ситуации. Кроме того, авторами были использованы некоторые частнонаучные методы познания. Применялись, в частности, формально-юридический метод (при обращении к тексту уголовно-процессуального закона, в части, относящейся к теме исследования), формально-логический метод (он был положен в основу формулирования основных выводов по результатам проводимого исследования), метод наблюдения (применялся при изучении материалов уголовных дел), анкетирование (авторами при помощи сервисов Google, конкретно Google forms, были проведены анонимные опросы 108 судей, 45 сотрудников органов прокуратуры, 162 сотрудников органов следствия и дознания, 291 адвоката Архангельской, Белгородской, Курской, Московской, Орловской, Ростовской, Тульской областей, г. Москвы, 187 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Курской области, результаты которых приводятся в исследовании при обосновании формулируемых выводов).

Результаты и их обсуждение

Подтверждая приверженность России институту правового государства, современный законодатель предоставил участникам уголовного судопроизводства, отстаивающим свои интересы в деле, широкий перечень прав, позволяющий им непосредственно влиять на деятельность правоприменителя. Однако, каким бы прогрессивным ни был современный уголовно-процессуальный закон в данной части по сравнению с ранее действовавшим, система закрепленных в нем прав – пустая декларация без существования надлежащего механизма, обеспечивающего возможность, в частности, потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому, подсудимому сделать свой осознанный, добровольный выбор по реализации субъективного права в рамках предоставляемых этим правом возможностей, в том числе и отказу от него, и претворить его в жизнь.

В «Заметках об Англии» Ш. Монтескье писал: «Когда я путешествую по стране, я не спрашиваю, есть ли в ней хорошие законы, а применяются ли те, которые в ней есть, ибо везде есть хорошие законы» [3]. Высказывание великого правоведа и философа эпохи Просвещения актуально и на сегодняшний день. Наличие процессуальных прав само по себе не

сможет создать для лица, попавшего в сферу уголовного судопроизводства, «климат наибольшего благоприятствования», обеспечить ему возможность их использования по собственному усмотрению. Только совокупность таких прав и эффективного механизма их защиты может служить надлежащим фундаментом обеспечения прав и законных интересов личности как одного из основополагающих принципов правового государства.

Применительно к сфере уголовного судопроизводства правовая обеспеченность возможной реализации прав, предоставляемых участникам процесса, отстаивающим в деле личный интерес, выражается в установлении соответствующих гарантий, базирующихся на гуманизме, законности, справедливости и равноправии. Защита прав и законных интересов личности, по сути, является важнейшим направлением, которое определяет назначение уголовного судопроизводства. Применительно к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому и потерпевшему это означает, что им разъяснены их права и, кроме того, должностным лицом или государственным органом, осуществляющим производство по делу, созданы надлежащие условия для реализации последних, обеспечены добровольность и осознанность отказа от них. При этом правообладатель должен оставаться свободным в выборе линии поведения.

Слово «реализация» происходит от позднелатинского realis (вещественный, действительный) и означает осуществление какого-либо плана, замысла, идеи и т. п. [4] Исходя из его этимологии и положений теории права [5, с. 93; 6, с. 249–251; 7, с. 400–401], реализация субъективного права участником уголовного судопроизводства, отстаивающим в деле личный интерес, представляет собой конкретное правомерное поведение субъекта, направленное на претворение составляющих его содержание правомочий [8, с. 9] в жизнь при производстве по уголовному делу, к которым, в частности, относится и отказ от права, который, как мы ранее указывали в своих исследованиях, является выражением многомерности возможностей, предоставляемых субъективным правом, и который в своей основе предполагает свободу выбора правомочного субъекта по их использованию [9, с. 111].

Реализация субъективного права, т. е. практическое осуществление лицом, попавшим в сферу уголовного судопроизводства, принадлежащего ему права (в том числе и отказа от него), невозможна без существования совокупности юридических средств целенаправленного их претворения, которая позволяет перевести право из категории «возможность» в категорию «конкретное благо» [10, с. 211]. Как справедливо подчеркивает В. С. Шадрин: «Отсутствие или недостаточность обеспечения может свести на нет права личности. Без обеспечения они могут обернуться пустым звуком, декларацией или даже ширмой для притеснения личности» [11, с. 32].

Среди многочисленных гарантий реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства исследователи справедливо выделяют и соответствующую процессуальную деятельность должностных лиц, государственных органов, осуществляющих производство по делу, права и обязанности правоприменителя, корреспондирующие правам лиц, отстаивающим в деле личный интерес [12, с. 258–259; 13, с. 102; 14, с. 12–13]. Так, в частности, в соответствии с ч. 1 ст. 11 УПК РФ суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять лицам, попавшим в сферу уголовного судопроизводства, их права, обязанности, ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Приведенное правовое положение не только составляет содержание принципа уголовного процесса, оно, по сути, является требованием, «без реализации кото-

рого невозможно достижение цели деятельности» [15, с. 65].

Осведомленность подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего о своих правах и их содержании (в том числе и возможности распоряжаться ими по своему усмотрению) с момента появления в уголовном судопроизводстве и создание со стороны правоприменителя надлежащего процессуального режима их полной и всесторонней реализации имеет первоочередное значение для обеспечения процессуальных прав данных участников уголовного судопроизводства, обеспечивает их доступ к правосудию.

Однако результаты проведенного нами анкетного опроса показывают, что правоприменитель нередко формально подходит к процедуре разъяснения прав. Так, следователи (дознаватели), как правило, зачитывают перечень прав и предлагают расписаться об ознакомлении, поясняя что-либо лишь в том случае, если от соответствующего участника уголовного процесса поступают вопросы. Кроме того, 17% респондентов указали, что в своей деятельности они ограничиваются лишь предложением прочитать права в постановлении/протоколе самостоятельно и расписаться об ознакомлении. Только 28% опрошенных из числа сотрудников органов следствия и дознания отметили, что они не только зачитывают перечень прав, но и по собственной инициативе разъясняют сущность каждого из них в отдельности.

О фактах ненадлежащего осуществления процедуры разъяснения прав участникам уголовного судопроизводства свидетельствуют и результаты анкетного опроса осужденных: в частности, только 29,9% респондентов указали, что при ознакомлении с материалами уголовного дела следователи подробно разъяснили им особенности рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей (коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции), основания проведения предварительных слушаний, а 14,9% указали на то, что правоприменитель лишь разъяснил им право ходатайствовать об этом; 5,3% опрошенных прочитали о праве заявления соответствующих ходатайств в протоколе самостоятельно и в дальнейшем сущность предоставленных законом прав им разъяснил защитник[1].

Случаи формального подхода к требованию законодателя по разъяснению прав лицам, вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства, имеют место и при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции: только 33% опрошенных нами судей отметили, что они не только зачитывают перечень прав, но и сразу разъясняют сущность каждого из них. Оставшиеся ограничиваются либо зачитыванием прав и ответами на вопросы, поступившими в этой связи от подсудимого, потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, либо просто зачитывают эти права и предлагают расписаться об этом (при этом 19% прямо указывают на то, что разъяснение содержания прав, зачитанных в порядке ст. 267 и 268 УПК РФ, они оставляют на откуп защитнику или адвокату – представителю потерпевшего).

[1] В этой связи следует признать положительной существующую в настоящее время практику изложения в протоколе ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела не только указания на право ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, в случаях, предусмотренных пп. 2, 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, о рассмотрении уголовного дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции, в случаях, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, о применении особого порядка судебного разбирательства, в случаях, предусмотренных ст. 314 УПК РФ или о проведении предварительных слушаний, в случаях, предусмотренных ст. 229 УПК РФ, но и содержания соответствующих норм уголовно-процессуального закона, позволяющих уяснить их сущность.

Правоприменительная практика идет по пути признания существенным нарушением уголовно-процессуального закона невыполнение обязанности по разъяснению прав участникам уголовного процесса, но только в том случае, если отсутствовал сам факт ознакомления с предоставляемыми законом правами, независимо от выбранной следователем, дознавателем или судьей формы разъяснения (письменная или устная)[1]. Однако, обращаясь не только к лексическому, но и к этимологическому значению слова «разъяснить», мы можем говорить о том, что выполнение возложенной обязанности будет иметь место только в том случае, когда лицам, попавшим в сферу уголовного судопроизводства, станет понятным содержание каждого из прав, которым они могут воспользоваться, и каким образом они могут это сделать. Кроме того, лицам, отстаивающим в деле свой интерес, должно быть понятно, как можно отказаться от реализации предоставляемого блага и какие последствия могут наступить в случае отказа от использования субъективного права. При этом, на наш взгляд, разъяснение последствий неиспользования участником уголовного судопроизводства его прав, равно как и разъяснения преимуществ их использования, должно производиться в каждом случае заявления отказа от субъективного права (данную позицию разделяет и большинство опрошенных нами респондентов из числа сотрудников органов следствия и дознания и судей: только 5,5% следователей (дознавателей), 13,8% судей отметили, что в случае отказа участника уголовного процесса от реализации принадлежащего ему права они ничего не будут делать, т. к. это его право и он может самостоятельно распоряжаться им. Среди адвокатов пассивную позицию в данном вопросе занимает только 1% опрошенных).

Ненадлежащее исполнение правоприменителем возложенной на него обязанности, основанной в первую очередь на ст. 2, 18, 45, 46 Конституции РФ, как мы уже указывали выше, придает назначению уголовного судопроизводства, закрепленному в ч. 1 ст. 6 УПК РФ, декларативный характер, что, естественно, никак не способствует повышению эффективности защиты прав лица, отстаивающего личный интерес, при возбуждении, расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел. Лицо, вовлеченное в сферу уголовного судопроизводства, не может в полном объеме осуществлять защиту своих интересов, если оно не знает о своих реальных возможностях и последствиях выбора линии поведения (так, например, не зная о том, что действие права на заявление ходатайства о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей имеет временные границы, обвиняемый может отказаться от него на этапе ознакомления с материалами дела, рассчитывая на то, что он сможет сделать это в дальнейшем).

Учитывая, что обеспечение прав участников уголовного судопроизводства в обязательном порядке должно включать в себя не только информирование данных лиц об обладании ими определённым перечнем процессуальных прав, но и предполагает понимание их смысла, а равно сложившуюся негативную практику в данной части, мы считаем целесообразным закрепить в уголовно-процессуальном законе развернутую формулировку данной обязанности правоприме-

[1] См., например: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 февраля 2015 г. N 158-П14. URL: https://www.vsrf.ru/files/14937/ (дата обращения: 12.05.2022); Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 апреля 2016 г. N 33-АПУ16-5. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15042016-n-33-apu16-5/ (дата обращения: 12.05.2022); Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22-2239/2020 от 20 мая 2020 г. по делу № 1-35/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ND0YHghcMTx7/ (дата обращения: 12.05.2022)

нителя, которая, на наш взгляд, будет способствовать ее надлежащему толкованию и, как следствие, единообразному применению закона. Мы предлагаем дополнить ст. 5 УПК РФ п. 32.1 и изложить его в следующей редакции:

«32.1) разъяснение прав участнику уголовного судопроизводства – деятельность должностного лица, государственного органа, осуществляющего производство по делу, по изложению и доведению до сведения участника уголовного судопроизводства перечня и содержания принадлежащих ему прав. В случае заявления участником уголовного судопроизводства отказа от субъективного права должностное лицо, государственный орган обязаны в понятной для участника форме уведомить его о правовых последствиях неиспользования права».

Проблемы, связанные с вопросом о знании участниками процесса объема и содержания своих субъективных прав, созданием надлежащих условий для свободного выражения волеизъявления по их реализации/нереализации, обусловливаются не только ненадлежащей деятельностью правоприменителя, но и нередко порождаются несовершенством нормотворческого процесса. В частности, как показывает анализ правоприменительной практики, при задержании лица в порядке ст. 91, 92 УПК РФ последнее часто находится в состоянии, исключающем адекватное восприятие им разъяснения прав. К сожалению, современный российский законодатель не содержит указания на то, как в таких случаях надлежит поступать следователю или дознавателю. Часть 1 ст. 92 УПК РФ предписывает, что после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок *не позднее 3 часов* должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ. А что, если подозреваемый находится в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии опиоидной интоксикации, вызванной действием морфия, героина и других опиоидов, кокаиновом опьянении, опьянении галлюциногенами и психоделиками и т.п., при которых наблюдается изменение их сознания вплоть до полного его выключения, ждать, пока он придет в себя? Но правоприменитель ограничен сроками. Все равно разъяснять задержанному его права и делать об этом отметку в протоколе? Но разъяснение прав лицу, находящемуся в состоянии измененного сознания, в большинстве случаев – чистая формальность. Кроме того, состояние опьянения может представлять собой благодатную почву для злоупотребления со стороны правоприменителя, т. к. появляется возможность оказания воздействия на подозреваемого, в том числе и в целях принятия последним решения о реализации/нереализации принадлежащего ему субъективного права вопреки личным интересам.

В этой связи значительный интерес для нас представляет законодательное регулирование вопроса о порядке разъяснения прав задержанному, неадекватно воспринимающему окружающую его действительность в силу опьянения, в Республике Казахстан. Так, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 131 УПК РК, в случае если задержанный не может в момент задержания в силу алкогольного, наркотического, токсикоманического опьянения адекватно воспринимать разъяснение ему прав, то права подозреваемого разъясняются ему соответственно в присутствии защитника до начала допроса в качестве подозреваемого, о чем делается отметка в протоколе допроса [15].

Нельзя не согласиться с тем, что участие защитника при задержании в данных случаях создает дополнительные гарантии обеспечения прав и законных интересов лица, находящегося под влиянием веществ, снижающих его способность мыслить и формировать суждения и, следовательно, исключающих возможность надлежащего осознанного выбора лицом

одного из вариантов вытекающего из наличия субъективного права поведения. Участие защитника в данном случае минимизирует возможность оказания со стороны правоприменителя воздействия на волю лица, не оставляющего за ним свободу выбора той или иной линии поведения и обусловливающего принятие им вынужденного, не отвечающего личным интересам решения. Представляется бесспорным значение интегрирования данного положительного опыта в российское уголовно-процессуальное законодательство, однако, как нам представляется, это все-таки больше относится к случаям, когда речь, например, идет об алкогольном опьянении легкой степени, т. к. опьянение средней и сильной степени характеризуется прогрессивным снижением четкости восприятия окружающего, нарушением целостности мышления, затрудненностью понимания речи и ситуационной обстановки, провалами в памяти и т. п., поэтому разъяснение прав лицу, находящемуся в дистимической или атактичной фазе, а тем более в адинамической, полностью теряет свою целесообразность. Также это не относится к острой интоксикации после применения наркотических средств и т. п., влекущей за собой значимые нарушения уровня сознания, когнитивных функций, восприятия, эмоционального состояния или поведения.

В настоящее время при возникновении подобных ситуаций правоприменителю приходится самостоятельно находить из них выходы, и они, следует признать, не всегда законны. Так, нередко при наличии оснований для задержания в порядке ст. 91, 92 УПК РФ находящееся в состоянии сильного алкогольного, наркотического или токсического опьянения лицо задерживают в порядке, предусмотренном КоАП РФ за совершение, например, мелкого хулиганства (если оно было застигнуто в общественном месте), а уже потом, спустя определенное время, когда оно приходит в себя, производят процессуальное задержание. Имеют место случаи, когда лицо после ограничения его свободы просто помещают в комнату для содержания задержанных лиц, где оно находится до того момента, когда, учитывая его состояние, можно приступить к процедуре задержания в порядке, предусмотренном УПК РФ. Иногда лицо, находящееся в состоянии сильного алкогольного, наркотического или токсического опьянения, направляют в медицинское учреждение, в котором после оказания ему соответствующей помощи и производится впоследствии его фактическое задержание.

Учитывая сложившуюся негативную практику, обусловленную отсутствием должной законодательной регламентации, в целях создания надлежащих условий реализации прав подозреваемого, в том числе и обеспечения свободы волеизъявления по распоряжению субъективными правами ему принадлежащими, мы предлагаем урегулировать следующий порядок действий должностного лица в случаях, когда состояние алкогольного, наркотического или токсикоманического опьянения подозреваемого, задержанного в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, делает невозможным выполнение правоприменителем обязанности по разъяснению ему прав. Во-первых, правоприменитель обязан обеспечить участие защитника с момента фактического задержания, который будет выступать гарантом законности производимого задержания. Во-вторых, в обязательном порядке должно быть произведено освидетельствование данного лица. Если по результатам освидетельствования будет установлено, что лицо находится в состоянии опьянения, угрожающего его жизни и здоровью, необходимо принять меры для оказания ему неотложной медицинской помощи и, при необходимости, госпитализировать по факту в отделение реанимации или токсикологии территориальной организации здравоохранения. В-третьих, в протоколе должна быть сделана запись о невозмож-

ности разъяснения прав подозреваемому, которая удостоверяется подписью должностного лица, составившего протокол, а также подписью защитника. В-четвертых, после того, как подозреваемый сможет адекватно воспринимать разъяснение ему прав, следователь (дознаватель) обязан выполнить возложенную на него обязанность и составить протокол разъяснения прав подозреваемому, который должен быть удостоверен подписями лица, составившего данный уголовно-процессуальный акт, подозреваемого и защитника.

Кроме того, необходимо внести соответствующие изменения в п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ и дополнить его после слов «…обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу» словами «выполнения процедуры разъяснения прав подозреваемому, предусмотренных статьей 46 настоящего Кодекса, если на момент задержания лицо находилось в состоянии алкогольного, наркотического, токсикоманического опьянения, исключающим производство данного процессуального действия».

При изучении проблем обеспечения свободы распоряжения субъективными правами нельзя не остановиться и на следующем. Ш. Монтескье писал: «Свобода… состоит в беспрепятственном проявлении нашей воли, или по крайней мере… в нашем убеждении, что мы ее проявляем беспрепятственно» [16, с. 178]. Свобода выражения волеизъявления при осуществлении производства по уголовным делам состоит в возможности участника уголовного процесса делать все, что не запрещено законом, и не быть принуждаемым к действиям (бездействию) против своего желания.

Однако практика показывает, что реализация субъективного права или отказ от него нередко связаны с оказанием со стороны правоприменителя воздействия на волю лица, не оставляющего за ним возможность выбора той или иной линии поведения и обусловливающего принятие им вынужденного, не отвечающего личным интересам решения. Убеждение участника процесса в целесообразности неиспользования им какого-нибудь права, если это будет способствовать процессу расследования, считают допустимым 27,7% опрошенных респондентов из числа сотрудников органов следствия и дознания, отмечая при этом, что цель оправдывает средства, да и в конечном счете решение об отказе от субъективного права принимает сам участник. 1,85% допускают такое убеждение в целях сокращения срока предварительного расследования и устранения бумажной волокиты. Такое же количество респондентов (1,85%) считают его приемлемым при условии, если убеждение не нарушает нормы федерального закона.

В своих предыдущих исследованиях мы уже проводили разграничение отличия убеждения от принуждения применительно к отказу от субъективного права и продолжаем стоять на позиции, согласно которой убеждение лица в необходимости данного поведения в процессе производства по уголовному делу следует признавать психологическим давлением [17, с. 82]. Поэтому, на наш взгляд, такая позиция правоприменителя идет вразрез с требованием, содержащимся в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ – защита личности от незаконного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, предполагающим обязательность разъяснения лицу, попавшему в сферу уголовного судопроизводства, предоставляемых ему прав и создание правоприменителем надлежащих условий для их реализации. Добровольность – обязательный признак отказа от субъективного права и, как справедливо отмечается в научной литературе, обман со стороны должностного лица, осуществляющего производство по делу, должен влечь за собой признание процессуальных решений незаконными, а к следователю или иному должностному лицу уголовного судопроизводства дол-

жны быть применены меры юридической ответственности, вплоть до уголовной [18, с. 32].

Вынужденный отказ от реализации субъективного права, а не отказ как правомочие, присущее ему, имеет место и в случаях нарушения права на заявление, рассмотрение и разрешение ходатайств – одного из наиболее важных процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, отстаивающих в деле личный интерес, посредством которых они могут влиять на ход и результаты производства по уголовному делу (п. 5 ч. 2 ст. 42, п. 4 ч. 4 ст. 44, ч. 3 ст. 45, п. 5 ч. 4 ст. 46, п. 5 ч. 4 ст. 47, п. 8 ч. 1 ст. 53, п. 5 ч. 2 ст. 426 УПК РФ). В частности, в соответствии с положениями ст. 159 УПК РФ, подозреваемому, обвиняемому, его защитнику не может быть отказано в производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела[1]. При этом, как показывают результаты проведенного нами изучения следственно-судебной практики, нередко судьи при рассмотрении уголовных дел по существу приходят к выводу о том, что органами предварительного расследования не в полном объеме были приняты меры к установлению всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу[2], что, в частности, связано и с отказами в удовлетворении заявленных в ходе досудебного производства ходатайств о назначении судебной экспертизы в случаях, когда разрешения вопросов, имеющих значение для дела, требуется использование специальных знаний. Нарушения норм процессуального закона, выражающиеся в ограничении в возможности реализации права на исследование доказательств, встречаются и в ходе судебного разбирательства [19].

Однако недостатки уголовно-процессуального закона, ненадлежащее исполнение должностными лицами органов государственной власти, осуществляющими производство по уголовному делу, своих полномочий (неразъяснение, ненадлежащее разъяснение участникам процесса их прав) или злоупотребление ими (проявляющееся, в частности, в необоснованном отказе в удовлетворении заявленного лицом ходатайства), а равно превышение данными лицами своих должностных полномочий (например, принуждение субъекта к отказу от реализации права) – это далеко не полный перечень причин, обусловливающих необходимость совершенствования механизма, обеспечивающего возможность на-

[1] Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно указывал на то, что по смыслу содержащихся в УПК РФ нормативных предписаний в их взаимосвязи с положениями ст. 45, 46 (ч. 1), 50 (ч. 2) и 123 (ч. 3) Конституции Российской Федерации такой отказ возможен лишь в случаях, когда соответствующее доказательство не имеет отношения к уголовному делу и не способно подтверждать наличие или отсутствие события преступления, виновность или невиновность лица в его совершении, иные обстоятельства, подлежащие установлению при производстве по уголовному делу, когда доказательство, как не соответствующее требованиям закона, является недопустимым либо когда обстоятельства, которые призваны подтвердить указанное в ходатайстве стороны доказательство, уже установлены на основе достаточной совокупности других доказательств, в связи с чем исследование еще одного доказательства оказывается с позиций принципа разумности избыточным. См., например, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 467-О, от 29 сентября 2011 г. № 1189-О-О, от 25 января 2012 г. № 173-О-О, от 21 мая 2015 г. № 1128-О, от 16 июля 2015 г. № 1569-О, от 22 декабря 2015 г. № 2757-О, от 18 июля 2017 г. № 1532-О, от 23 ноября 2017 г. № 2787-О, от 26 ноября 2018 г. N 2805-О, от 28 февраля 2019 г. № 505-О и др.

[2] Архив Ленинского районного суда г. Курска, 2020. Дело № 1-192/24-2020 г.; Архив Ленинского районного суда г. Курска, 2022. Дело № 1-45/24-2022 г.

длежащего выражения свободы волеизъявления лица, попавшего в сферу уголовного судопроизводства, по распоряжению принадлежащего ему субъективного права.

Как мы уже указывали ранее, особенностью современного уголовного процесса является то, что законодатель, помимо широкого перечня прав, предоставляет участникам, отстаивающим в деле личный интерес, и определенную свободу поведения по их реализации, подразумевающую возможность выбора ими из всех возможных вариантов поведения такого, который кажется им наиболее приемлемым в конкретной ситуации. Учитывая значимость волеизъявления личности, законодатель в ряде случаев ставит охраняемый законом личный интерес выше иных социальных ценностей. В то же время дозволительный метод правового регулирования, имеющий в своей основе постулат о том, что любое право личности предполагает определенную свободу поведения, предполагает, что данная свобода не должна создавать возможность утраты обеспечения прав граждан публичными началами, злоупотребления правомочными субъектами принадлежащими им правами. Однако изучение следственно-судебной практики позволяет нам говорить о том, что правообладатели нередко злоупотребляют правом в форме отказа от него, что, в свою очередь, создает определенные трудности, мешающие нормальному ходу производства по уголовному делу, затрудняет реализацию прав других участников уголовного судопроизводства и в целом противоречит интересам общества и государства. Так, ярким примером злоупотребления правом на защиту следует признать случаи, когда подсудимый, имея цель неоправданно затянуть ход судебного следствия, неоднократно, без указания мотивов отказывается от услуг адвокатов, осуществляющих его защиту на основании соглашения, заключает соглашения с другими адвокатами и затем вновь отказывается от их услуг.

На существование проблемы злоупотребления правом, в том числе и правом на защиту, обращал внимание Верховный Суд РФ, изложив свое видение разрешения вопроса в Постановлении Пленума от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» (п. 18)[1]. Данную позицию в дальнейшем развил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю. Ю. Кавалерова»[2].

Как справедливо отмечают исследователи, злоупотребление правом (и, в частности, таким его правомочием, как отказ от права. – *Прим авт*.), «становится возможным из-за того, что законодатель не смог правильно закрепить баланс различных интересов в действующем законодательстве, чем и воспользовался управомоченный субъект» [20, с. 223], что вновь заставляет нас говорить о необходимости дальнейшей работы по теоретическому осмыслению гарантий свободы распоряжения субъективными правами в уголовном процессе и созданию на его основе соответствующего надлежащего нормативно-правового фундамента.

---

[1] О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. N 29. URL: http://www. consultant.ru/document/cons-doc_LAW_181898/ (дата обращения: 13.06.2022).

[2] По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2019 г. N 28-П. URL: http://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329281/ (дата обращения: 13.06.2022).

Процесс совершенствования положений уголовно-процессуального закона, в части, относящейся к теме нашего исследования, положительным образом скажется и на преодолении правового нигилизма и правового инфантилизма, которые нередко лежат в основе принятия лицом, отстаивающим в деле личный интерес, решения об отказе от принадлежащего ему субъективного права. В частности, 19,7% респондентов из числа осужденных отметили, что они не воспользовались правом обжалования решений, действий следователя (дознавателя) в ходе предварительного следствия, т. к. не видели в этом смысла. Индифферентное отношение к праву, неверие в него, отрицание его возможности и значимости способствуют беззаконию и произволу, злоупотреблению правами со стороны должностных лиц и государственных органов и, как следствие, ведут к еще большему разрастанию негативного отношения к праву в обществе в целом.

Кроме того, устранение негативных социальных явлений, которым свойственны изменения состояния правосознания, повысят уровень проявления активности участников уголовного процесса, что положительным образом скажется на достижении задач уголовного судопроизводства. Отметим, что активность участников уголовного судопроизводства, отстаивающих в деле частный интерес, не всегда находит одобрение у правоприменителя. Так, всего 44% респондентов из числа сотрудников органов предварительного следствия и дознания считают, что активность потерпевшего при производстве по уголовному делу положительно сказывается на достижении задач уголовного судопроизводства. Данную позицию разделяют 66,7% сотрудников прокуратуры. На отрицательное влияние неиспользования прав потерпевшим указали 33% опрошенных судей. Несколько иная картина складывается относительно активности лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. В частности, лишь 22% следователей и дознавателей отметили, что активность данного участника необходима. При этом, что касается опрошенных сотрудников органов прокуратуры, их мнение разделилось: за активность обвиняемого (подозреваемого) высказалось 40% респондентов, а за активность подсудимого – 33%. Только 28% судей отметили негативное влияние неиспользования прав подсудимым на достижение назначения уголовного процесса (при этом 2,7% из общего числа респондентов данной категории указали, что пассивность подсудимого имеет только положительное значение).

Да, возможно, что столь настороженное отношение правоприменителя к активности лиц, отстаивающих в деле личный интерес, связано, в частности, и с тем, что, как мы уже указывали выше, участники уголовного процесса (например, лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование) нередко злоупотребляют принадлежащими им правами, что негативно сказывается на сроках расследования и т.д. Однако в целом нельзя не признать, что именно надлежащее активное участие обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) в процессе доказывания не только обеспечивает защиту его законных интересов, но и способствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, а активное участие потерпевшего, в частности, обеспечивает ему возможность влияния на формирование внутреннего убеждения правоприменителя, характер и содержание его выводов, необходимого для восстановления нарушенных прав.

Выводы

В современной России законодатель предоставляет участникам уголовного процесса, отстаивающим в деле частный интерес, большой спектр прав, как позволяющих им активно влиять на выводы должностных лиц и государственных ор-

ганов, осуществляющих производство по делу относительно их причастности к совершенному общественно опасному деянию, так и гарантирующих их социальную защищенность, возможность активно осуществлять защиту своих нарушенных прав и свобод и способствующих их восстановлению. Однако любое субъективное право – пустой звук без существования надлежащей системы процессуальных средств и способов, обеспечивающих возможность его реализации и, кроме того, создающих реальную возможность для лица выбрать один из вариантов вытекающего из наличия субъективного права поведения, в том числе и отказаться от предоставляемого ему блага.

К сожалению, как показывают результаты нашего исследования, существующая на сегодняшний день система процессуальных средств и способов, обеспечивающих возможность лицам, попавшим в сферу уголовного судопроизводства, беспрепятственно пользоваться своими правами и свободами на любой стадии движения уголовного дела, далека от совершенства и вызывает замечания уже на моменте разъяснения им их прав, обусловливает декларативность характера предоставляемых обвиняемому (подозреваемому, подсудимому), потерпевшему благ. Нереализация права зачастую происходит по независящим от воли правообладателя причинам, что, естественно, отрицательно сказывается на положении личности в уголовном судопроизводстве.

Отсутствие надлежащих условий для реализации субъективных прав или добровольного и осознанного отказа от них, должного регулирования в уголовно-процессуальном законе возможности лица выбрать один из вариантов вытекающего из наличия субъективного права поведения и отказаться от предоставляемого ему блага, недостатки в деятельности правоприменителя, входящие в противоречие с идеей охраны прав и свобод лиц, отстаивающих в деле личный интерес, негативным образом сказываются на достижении задач уголовного судопроизводства, обостряют кризис недоверия к его деятельности и являются благодатной почвой для правового нигилизма.

Изучение вопросов обеспечения участникам процесса, отстаивающим в деле частный интерес, свободы распоряжения субъективными правами, позволяет нам обозначить значимые проблемы, свидетельствующие о том, что от законодателя требуются дальнейшие активные последовательные действия на пути создания реальных гарантий возможности лица, попавшего в сферу уголовного судопроизводства, принимать добровольно и осознанно решение о целесообразности самостоятельной или при помощи уполномоченных на то должностных лиц и государственных органов реализации принадлежащих ему субъективных прав или отказа от них, т. к. возможность обладателя права выбирать – использовать принадлежащее ему право или нет – имеет не меньшее значение, чем сама возможность его реализации.

Список литературы

1. Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере уголовного судопроизводства / А. В. Гриненко, Г. А. Гуджабидзе, В. Д. Потапов, Н. С. Железняк // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 139–147.

2. Козявин А. А. Гарантии прав личности в уголовном процессе / Юго-Зап. гос. ун-т. 2-е изд., перераб. и доп. Курск, 2013. 341 с.

3. Stewart I. Montesquieu in England: his ‘Notes on England’, with commentary and translation // Oxford University comparative law forum. 2002. Vol. 6. URL: https://ouclf.law.

ox.ac.uk/montesquieu-in-england-his-notes-on-england-with-commentary-and-translation-commentary/ (дата обращения: 12.06.2022)

4. Савченко В. Н., Смагин В. П. Начала современного естествознания. Тезаурус. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 336 с.

5. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 186 с.

6. Морозова Л. А. Теория государства и права. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. 510 с.

7. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. 559 с.

8. Резер Т. М., Кузнецова Е. В., Лихачев М. А. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина / под общ. ред. Т. М. Резер; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 110 с.

9. Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В. Соотношение понятий «отказ от субъективного права» и «ограничение права» в российском уголовном процессе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 109–119.

10. Крылатова И. Ю. Механизм реализации и защиты прав человека в Российской Федерации: понятие, сущность, структура, формы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 210–223.

11. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 1997. 220 с.

12. Терегулова А. А. Гарантии прав подозреваемого в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина: материалы: в 2-х т / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; гл. ред.: В. В. Запарий. Екатеринбург, 2014. С. 258–259.

13. Заводнова С. В. Обязанности властных субъектов уголовного судопроизводства, направленные на обеспечение прав участников // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3(29). С. 101–110.

14. Стройкова А. С. Гарантии прав обвиняемого на предварительном следствии: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 24 с.

15. Барабаш А. С., Дробышевский С. А. О специфике принципов уголовного процесса // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 2. С. 63–71.

16. Монтескье Ш. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.

17. Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В. Отказ от субъективного права как феномен в уголовном процессе России: монография. Курск: Университетская книга, 2020. 250 с.

18. Попов К. И. Назначение уголовного судопроизводства // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2016. № 4. С. 31–33.

19. Павлова З. Ограничение права на защиту повлекло отмену обвинительного приговора // Адвокатская газета. 2020. 15 октября.

20. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2007. 428 с.

References

1. Grinenko A. V., Gudzhabidze G. A., Potapov V. D., Zheleznyak N. S. Kategorii prav i zakonnyh interesov lichnosti i ih ispol'zovanie v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva [Categories of personal rights and legitimate interests and their use in criminal proceedings]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 139–147.

2. Kozyavin A. A. Garantii prav lichnosti v ugolovnom processe [Guarantees of individual rights in criminal proceedings]. 2th ed. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2013. 341 p.

3. Stewart I. Montesquieu in England: his 'Notes on England', with Commentary and Translation. Oxford University comparative law forum, 2002, vol. 6. Available at: https://ouclf.law.ox.ac.uk/montesquieu-in-england-his-notes-on-england-with-commentary-and-translation-commentary/ (accessed 12.06.2022)

4. Savchenko V. N., Smagin V. P. Nachala sovremennogo estestvoznaniya [The beginnings of modern natural science]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2006. 336 p.

5. Alekseev S. S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1966. 186 p.

6. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and law]. 4th ed. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 510 p.

7. Rasskazov L. P. Teoriya gosudarstva i prava: uglublennyj kurs [Theory of State and law: an in-depth course]. Moscow, RIOR Publ., INFRA-M Publ., 2015. 559 p.

8. Rezer T. M., Kuznecova E. V., Lihachev M. A. Mekhanizmy realizacii i zashchity prav cheloveka i grazhdanina [Mechanisms for the implementation and protection of human and civil rights]; ed. by T. M. Rezer. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2019. 110 p.

9 Chebotareva I. N., Pashutina O. S., Revina I. V. Sootnoshenie ponyatij "otkaz ot sub"ektivnogo prava" i "ogranichenie prava" v rossijskom ugolovnom processe [Concepts of "waiver of subjective rights" and "restriction of rights" in the Russian enlarged process]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 6, pp. 109–119.

10. Krylatova I. Yu. Mekhanizm realizacii i zashchity prav cheloveka v Rossijskoj Federacii: ponyatie, sushchnost', struktura, formy [Mechanism of realization and protection of human rights in the Russian Federation: concept, essence, structure, forms]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk = Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2014, vol. 14, is. 3, pp. 210–223.

11. Shadrin V. S. Obespechenie prav lichnosti pri rassledovanii prestuplenij [Ensuring the rights of the individual in the investigation of crimes]. Volgograd, Volgogr. yurid. in-t MVD Rossii Publ., 1997. 220 p.

12. Teregulova A. A. [Guarantees of the rights of a suspect in the Statute of criminal proceedings of 1864]. *Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya: industrial'naya modernizaciya Urala v XVIII–XXI vv. VII Vserossijskaya nauchnaya konferenciya, posvyashchennaya 90-letiyu zasluzhennogo deyatelya nauki Rossii, doktora istoricheskih nauk, professora Aleksandra Vasil'evicha Bakunina. Materialy* [Ural Industrial. Bakunin readings: industrial modernization of the Urals in the XVIII–XXI centuries. VII All-Russian Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the Honored Scientist of Russia, Doctor of Historical Sciences, Professor Alexander Vasilyevich Bakunin. Materials]; ed. by. V. V. Zaparij. Ekaterinburg, Ural'skij federal'nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina Publ., 2014, pp. 258–259. (In Russ.)

13. Zavodnova S. V. Obyazannosti vlastnyh sub"ektov ugolovnogo sudoproizvodstva, napravlennye na obespechenie prav uchastnikov [Duties of the powerful subjects of criminal

proceedings aimed at ensuring the rights of participants]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*, 2014, no. 3(29), pp. 101–110.

14. Strojkova A. S. Garantii prav obvinyaemogo na predvaritel'nom sledstvii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Guarantees of the rights of the accused during the preliminary investigation. Cand. legal sci. abstract diss.]. Krasnodar, 2005. 24 p.

15. Barabash A. S., Drobyshevskij S. A. O specifike principov ugolovnogo processa [About the specifics of the principles of the criminal process]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*, 2012, no. 2, pp. 63–71.

16. Montesk'e Sh. O duhe zakonov [About the spirit of the laws]. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 672 p.

17. Chebotareva I. N., Pashutina O. S., Revina I. V. Otkaz ot sub"ektivnogo prava kak fenomen v ugolovnom processe Rossii [Rejection of subjective law as a phenomenon in the criminal process of Russia]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2020. 250 p.

18. Popov K. I. Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva [Purpose of criminal proceedings]. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava = Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*, 2016, no. 4, pp. 31–33.

19. Pavlova Z. Ogranichenie prava na zashchitu povleklo otmenu obvinitel'nogo prigovora [Restriction of the right to defense led to the cancellation of the guilty verdict]. *Advokatskaya gazeta = Advocate newspaper*, 2020, October 15.

20. Malinovskij A. A. Zloupotreblenie sub"ektivnym pravom (teoretiko-pravovoe issledovanie) [Abuse of subjective law (theoretical and legal research)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 428 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Чеботарева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: cheb_irina@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2130-3102

Irina N. Chebotareva, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: cheb_irina@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2130-3102

Пашутина Олеся Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Olesya S. Pashutina, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Ревина Ирина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ivrevina@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9982-8833

Irina V. Revina, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ivrevina@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9982-8833

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-107-121

CC BY 4.0

Отказ подозреваемого от права на телефонный разговор: проблемные аспекты законодательного регулирования и правоприменения

О. С. Пашутина[1] ✉, И. В. Ревина[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Право задержанного на телефонный разговор как гарантия защиты его прав и законных интересов часто является предметом научных дискуссий, однако отказ от данного права лишь подразумевается в контексте его научного осмысления в целом. Отсутствие данной части научного знания негативно сказывается на эффективности охраны прав задержанного, плодотворности научных разработок в области обеспечения его свободы по распоряжению субъективным правом.*

Цель *исследования – создать эффективную модель обеспечения условий для осознанного и добровольного отказа от права на телефонный разговор, в результате чего разработать предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства в соответствующей части.*

Задачи: *раскрыть значение права на телефонный разговор, рассмотреть признаки отказа от данного права как его правомочия; выявить и проанализировать нарушения положений уголовно-процессуального закона, относящихся к предмету исследования, и разработать предложения по его совершенствованию.*

Методология. *Методологической основой исследования являются положения общенаучного диалектического метода познания окружающей действительности в ее связи и взаимодействии, общенаучный системный подход. В процессе работы использовались формально-юридический, сравнительно-правовой методы, метод наблюдения и анкетирование.*

Результаты. *В настоящее время законодатель не предусматривает надлежащих гарантий свободы волеизъявления лица при решении вопроса о реализации/нереализации права на телефонный разговор. В этой связи разработаны предложения по внесению изменений в уголовно-процессуальный закон в части, относящейся к предмету исследования.*

Вывод. *Создание надлежащего процессуального режима реализации права на телефонный разговор и надлежащих условий отказа от него имеет первоочередное значение для обеспечения процессуальных прав подозреваемого, что обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального закона.*

Ключевые слова: *право; подозреваемый; телефонный разговор; субъективное право; законодательство.*

Финансирование: *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Пашутина О. С., Ревина И. В. Отказ подозреваемого от права на телефонный разговор: проблемные аспекты законодательного регулирования и правоприменения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 107–121. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-107-121.

Поступила в редакцию 27.06.2022 Принята к публикации 29.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Пашутина О. С., Ревина И. В., 2022

Refusal of the Suspect from the Right to Telephone Conversation: Problematic Aspects of Legislative Regulation and Law Enforcement

Olesya S. Pashutina[1] ✉, Irina V. Revina[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The detainee's right to a telephone conversation, as a guarantee of the protection of his rights and legitimate interests, is often the subject of scientific discussions, but the waiver of this right is only implied in the context of its scientific understanding as a whole. The absence of this part of scientific knowledge has a negative impact on the effectiveness of the protection of the rights of the detainee, the fruitfulness of scientific developments in the field of ensuring his freedom at the disposal of subjective law.*

The purpose *of the study is to create an effective model for providing conditions for a conscious and voluntary refusal of the right to a telephone conversation, as a result of which to develop proposals for improving the current criminal procedure legislation in the relevant part.*

Objective: *to reveal the meaning of the right to telephone conversation, to consider the signs of refusal of this right as its competence, to identify and analyze violations of the provisions of the criminal procedure law related to the subject of research and to develop proposals for its improvement.*

Methodology. *The methodological basis of the research is the provisions of the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality in its connection and interaction, the general scientific systematic approach. In the course of the work, formal legal, comparative legal methods, the method of observation and questionnaire were used.*

Results. *Currently, the legislator does not provide adequate guarantees of the freedom of expression of a person's will when deciding on the implementation/non-realization of the right to a telephone conversation. In this regard, proposals have been developed to amend the Criminal procedure Law in the part related to the subject of the study.*

Conclusion. *The creation of a proper procedural regime for the exercise of the right to a telephone conversation and appropriate conditions for refusing it is of primary importance for ensuring the procedural rights of the suspect, which necessitates further improvement of the criminal procedure law.*

Keywords: *right; suspect; telephone conversation; subjective rights; legislation.*

Funding: *The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00858.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Pashutina O. S., Revina I. V. Refusal of the Suspect from the Right to Telephone Conversation: Problematic Aspects of Legislative Regulation and Law Enforcement. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 107–121. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-107-121.

Received 27.06.2022 Accepted 29.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

Провозгласив в качестве назначения современного уголовного судопроизводства в том числе и защиту личности от ограничений ее прав и свобод в ходе осуществления уголовного преследования, российский законодатель вывел обеспечение прав и законных интересов личности, попавшей в сферу уголовного судопроизводства, на кардинально новый качественный уровень. В этой связи важное значение приобрели вопросы обеспечения реализации прав лицом, задержанным по подозрению в совершении преступления в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, т. к. именно оно вовлекается в уголовно-

процессуальные отношения при крайне неблагоприятных для целей соблюдения его прав условиях.

Предоставляемые задержанному права, в том числе и право на телефонный разговор на русском языке в присутствии правоприменителя в целях уведомления родственников или близких о своем задержании и месте нахождения и возможность распоряжаться им по своему усмотрению, представляют собой один из элементов процессуального статуса подозреваемого, без установления которого невозможно достижение назначения уголовного судопроизводства, указанного в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ. Однако простое декларирование прав, без создания надлежащих условий их позитивной реализации, может свести предоставленные законом блага на нет. Только надлежащее обеспечение прав, в том числе и со стороны должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, – залог их реального и полноценного осуществления. Вместе с тем практика показывает, что должностные лица и государственные органы, осуществляющие производство по делу, нередко отступают от требований закона по созданию возможности подозреваемому свободно выражать свою волю по претворению принадлежащего ему блага в жизнь или принятия решения так и не использовать его.

Как следует из доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, жалобы на нарушения прав в сфере уголовного судопроизводства в 2021 г. занимают первую строчку в рейтинге видов обращений (более 13 тыс. – 27% от общего количества зарегистрированных обращений)[1]. О проблемах в сфере уголовного судопроизводства, связанных с обеспечением прав и законных интересов граждан, позволяют говорить и данные прокурорской статистики: за 2021 г. в порядке надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства было выявлено 5 172 609 случаев нарушения закона, что на 1,7% больше по сравнению с 2020 г.[2] За первые пять месяцев 2022 г. количество выявленных нарушений составило 2 235 758, что на 2,7% больше за аналогичный период 2021 г.[3] В общем массиве обращений и выявленных нарушений большую долю занимает ненадлежащее обеспечение реализации прав, предоставляемых задержанным лицам.

Исходя из этого, целью данной статьи является исследование системных проблем, связанных с обеспечением условий для осознанного и добровольного отказа подозреваемого, задержанного в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, от права на телефонный разговор, внесение соответствующих конкретных предложений по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения заявленной цели авторами изучаются сущность и значение права на телефонный разговор, понятие и признаки отказа от данного права как его правомочия, выявляются и анализируются нарушения положений уголовно-процессуального закона, относящихся к предмету исследования, разрабатываются предложения по совершенствованию законодательства в части установления гарантий соблюдения законных интересов

[1] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г. URL: https://rg.ru/2022/06/06/doklad-za-2021-god.html (дата обращения: 14.06.2022).

[2] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2021 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=71671102 (дата обращения: 14.06.2022).

[3] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за май 2022 г. // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=74844744 (дата обращения: 14.07.2022).

лица при принятии им решения о нереализации права на телефонный разговор.

Методология

В основе проведенного исследования лежит всеобщий диалектический метод научного познания. Для достижения поставленных задач авторами также были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Так, посредством метода логического и системного анализа были исследованы роль правовой обеспеченности возможности добровольного и осознанного отказа от права подозреваемого на телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя или следователя в целях уведомления родственников или близких о своем задержании и месте нахождения, как правомочия, входящего в структуру субъективного права задержанного, предусмотренного ст. 96 УПК РФ. Методом синтеза изучены элементы правоприменительной деятельности, которые создают препятствия для добровольного выбора по реализации данного права в рамках предоставляемых им возможностей, в том числе и отказу от него. Методы дедукции и индукции позволили выявить и охарактеризовать причины, создающие указанные трудности. Сравнительно-правовой метод позволил обозначить сходство и принципиальные различия позиций российского законодателя и законодателей стран ближнего зарубежья в определении круга лиц, имеющих право на уведомление родственников или иных близких лиц о своем задержании и месте их нахождения и возможность отказаться от него, и указать на недостатки отечественной законодательной регламентации данного вопроса. Формально-юридический метод применялся при обращении к тексту уголовно-процессуального закона в части, относящейся к теме исследования. Использование формально-логического метода позволило заложить фундамент для дальнейшего формулирования основных выводов по результатам проводимого исследования. Метод наблюдения, в частности, применялся при изучении выборочных материалов уголовных дел из архивов судов Курской и Белгородской областей за период 2016–2021 гг. Кроме того, авторами был проведен анонимный анкетный опрос 187 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Курской области, результаты которого приводятся в исследовании при обосновании формулируемых выводов (анкетирование).

Результаты и их обсуждение

Право на телефонный разговор в законодательстве Российской Федерации появилось относительно недавно. Впервые оно было закреплено в ч. 7 ст. 14 Федерального закона «О полиции»[1], в соответствии с которой каждое задержанное лицо наделялось правом в кратчайший срок, но не позднее трех часов с момента задержания (если иное не предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации) на один телефонный разговор с близкими родственниками или близкими лицами в целях уведомления о своем задержании и месте нахождения[2]. Как справедливо отмечают исследователи, решение законодателя о наделении лица, задержанного по подозрению в совершении преступления в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, таким правом предоставило последнему возможность в полном объеме реализовы-

[1] О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ. URL: http://www. consultant.ru/document/cons-doc_LAW_110165/ (дата обращения: 13.06.2022).

[2] Впоследствии, в соответствии Федеральным законом № 12-ФЗ, ч. 7 ст. 14 была изложена в новой редакции, однако в целом изменения существенно не затронули сути самого права. См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции»: федер. закон от 6 февр. 2020 г. N 12-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons-doc_LAW_344777/ (дата обращения: 13.06.2022).

вать свои права в соответствии со ст. 45 и 55 Конституции РФ [1, с. 114]. Закрепление данного права в полной мере соответствовало и требованиям международных правовых актов: в частности, ч. 2 ст. 10 Декларации о защите всех лиц от насильственных исчезновений, которая содержит требование о незамедлительном предоставлении точной информации о задержании лиц членам их семей, адвокату или другому лицу, имеющему законный интерес к данной информации, если лица, находящиеся в задержании, не высказывают иного[1].

К сожалению, на тот момент вне прогрессивного взгляда законодателя оставалось уголовно-процессуальное законодательство, что ставило в неравное положение в правах всех задерживаемых и доставляемых в правоохранительные органы лиц. Сложившаяся ситуация вполне закономерно повлекла за собой выдвижение в 2013 г. важной инициативы, направленной на охрану конституционных прав граждан, попавших в поле зрения правоохранительных органов, – законопроекта, направленного на создание дополнительных гарантий законности при задержании подозреваемого, в том числе и предоставления права на телефонный разговор[2], которая в дальнейшем (что и понятно) с особым одобрением была воспринята многими представителями адвокатского сообщества [2; 3; 4]. Потребность в создании надлежащей гарантии принципа равенства, дальнейшего совершенствования института задержания, обусловило принятие в декабре 2015 г. Федерального закона № 437-ФЗ, закрепляющего в уголовно-процессуальном законе право лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, на телефонный разговор[3]. Значимость внесенных изменений трудно переоценить: предоставленное право не только дополнило правовой статус подозреваемого, но и позволило расширить перечень средств и способов обеспечивания защиты его прав и законных интересов, в том числе и потенциально обеспечило более действенную реализацию права каждого на получение квалифицированной юридической помощи (например, зная о задержании, родственники подозреваемого могут оперативно связаться с адвокатом), позволило минимизировать факты злоупотребления со стороны правоприменителя при осуществлении процедуры задержания. Кроме того, внесенные изменения наполнены и глубоким нравственным содержанием, причем не только по отношению к подозреваемому, но и к членам его семьи, иным близким ему лицам: как справедливо указывали инициаторы идеи, иногда при задержании семья может узнать об этом спустя значительное количество времени, «предварительно обежав все окрестные отделения полиции, морги и больницы. И хорошо, если у …родных здоровое сердце – в жизни бывает по-разному»[4].

В соответствии с ч. 1 ст. 96 УПК РФ, после произведенного в порядке ст. 91, 92 УПК РФ задержания лицо, вовлеченное в сферу уголовного судопроизводства (подозреваемый), наделяется правом на один телефонный разговор на русском

[1] Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений: [принята резолюцией 47/133 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года]. URL: https://www.un.org/ru (дата обращения: 12.06.2022).

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об уточнении порядка задержания подозреваемого): законопроект № 388255-6. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/388255-6 (дата обращения: 12.06.2022).

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 дек. 2015 г. № 437-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191477/ (дата обращения: 13.06.2022).

[4] Добрынин К. Э. Пять минут на звонок из полиции. URL: http://council.gov.ru/ services/ discussions/blogs/36882/ (дата обращения: 12.06.2022).

языке в присутствии дознавателя или следователя в целях уведомления родственников или близких о своем задержании и месте нахождения (ч. 1 ст. 96 УПК РФ). Воспользоваться правом на телефонный разговор или отказаться от него – этот вопрос каждый подозреваемый решает для себя сам. Реализация данного права зависит только от самого лица и претворяется в жизнь под воздействием собственного интереса [5, с. 23–24]. Учитывая, что воля субъекта служит толчком для его волеизъявления [6, с. 25], отказ задержанного от права на телефонный разговор также полностью зависит от его усмотрения.

Результаты анализа правоприменительной практики Курской и Белгородской областей позволяют нам говорить о том, что отказ от права на телефонный разговор не такое уж редкое явление: в 34,6% изученных нами протоколов о задержании имелась отметка о нем. Причины, побуждающие подозреваемого, обладающего рассматриваемым нами субъективным правом, которым он может воспользоваться, намеренно от него отказаться, различны. Опираясь на данные анкетного опроса, проведенного нами среди осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Курской области, для которых при производстве предварительного расследования юридическим основанием их появления в уголовном деле в качестве подозреваемого послужило задержание в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, мы можем разделить причины отказа от права на телефонный разговор на две основные группы. Первая – внутренние, предопределяемые желанием подозреваемого реализовать или не реализовать принадлежащее ему право. Они могут быть обусловлены сложным и сильным эмоциональным переживанием – стыдом, имеющим в основе страх перед порицанием, которое может выразиться в утрате хороших отношений с родственниками и иными близкими, потере авторитета в глазах людей, мнение которых подозреваемый уважает, реакцией на возникшую стрессовую ситуацию. Да и в целом сообщать новости такого характера непросто, поэтому подозреваемый и принимает для себя решение отказаться от телефонного разговора, «перекладывая» бремя сообщения информации о своем задержании на правоприменителя (17,1% респондентов указали на данное как на причину отказа от принадлежащего права). Вторая – объективные, не зависящие от воли субъекта и не связанные с оказанием внешнего воздействия на него. Сюда, например, следует отнести отсутствие у подозреваемого лиц, с которыми ему законодателем разрешено связаться (9,6%), и ненадлежащую деятельность правоприменителя.

Отказ от права на телефонный разговор, как и любой отказ от субъективного права, характеризуется признаками добровольности и осознанности. Исходя из ранее данных нами определений указанных признаков [7, с. 66, 68; 8, с. 79–88], отказ от права на телефонный разговор следует признавать добровольным, когда он совершается по собственному желанию правообладателя, исходя из личных представлений о целесообразности или нецелесообразности уведомления указанных в законе лиц о его задержании и месте нахождения для достижения значимых для него целей и удовлетворения собственных интересов. Признак добровольности выражается в свободном, а не вынужденном волеизъявлении отказа от права. Следовательно, решение об отказе от права на телефонный разговор должно быть принято задержанным без принуждения, обмана и введения в заблуждение, не должно зависеть от злоупотреблений со стороны следователя или дознавателя, в производстве которых находится уголовное дело.

Принуждение к отказу от рассматриваемого субъективного права будет иметь место в случае оказания со стороны следователя, дознавателя или иных лиц, участвующих в производстве задержания, на волю и поведение подозревае-

мого противоречащего закону физического или психического воздействия с тем, чтобы заставить его отказаться от возможности самостоятельно уведомить родственников или других близких о своем задержании и месте нахождения. Физическое воздействие может выражаться в виде применения насилия, издевательств, пыток, способных повлечь отказ задержанного от права на телефонный разговор. Психическое воздействие может выражаться в угрозе насилием (как не опасного, так и опасного для жизни и здоровья, включая угрозу убийством), шантаже (в частности, угрозе распространения заведомо ложных сведений, позорящих подозреваемого)[1] или иных незаконных действиях (например, обмане, угрозе лишения подозреваемого других принадлежащих ему субъективных прав) [9, с. 6; 10, с. 92].

Отметим, что с позиции психологии человека психологическим давлением надлежит признавать и убеждение лица в необходимости предоставить возможность производства данного уведомления следователю или дознавателю, т. к. «в процессе “убедительных” действий следователя поведение индивида подвергается корректировке, хотя и опосредованно, его воля все же подавляется», вследствие чего правообладатель меняет свою поведенческую установку, принимает за основу то, что ранее было для него неприемлемым, именно под воздействием весомых аргументов правоприменителя [11]. В данной ситуации не стоит ставить знак равенства между рассматриваемым убеждением и убеждением, представляющим естественный способ воздействия на человека, формирующим у него «убежденность в необходимости добровольного и точного соблюдения установленного в обществе правопорядка» [12, с. 3].

Смеем предположить, что воздействие на подозреваемого в целях принуждения его к отказу от права на телефонный разговор может быть связано с опасениями о том, что в ходе телефонного разговора подозреваемый может попросить собеседника произвести действия, которые в дальнейшем могут привести к утрате доказательств. Однако это не может оправдывать подавление воли подозреваемого и лишение его возможности по собственному волеизъявлению принимать решение о реализации субъективного права или отказе от него, тем более что в случае, если у следователя (дознавателя) есть основания полагать, что подозреваемый может путем сообщения собеседнику каких-либо сведений помешать интересам предварительного расследования (например, попросит скрыть или уничтожить орудие, оборудование или иные средства совершения общественно опасного деяния, предметы, документы, ценности, которые имеют значение для уголовного дела, предупредить о факте задержания соучастника, находящегося в розыске и т.п., а следователем или дознавателем, например, еще не были проведены соответствующие следственные действия, направленные на их обнаружение и изъятие), то, в соответствии с ч. 4 ст. 96 УПК РФ, должностные лица, в производстве которых находится уголовное дело, вправе по мотивированному постановлению с согласия прокурора сохранить в интересах следствия в тайне факт задержания[2], что представляет собой законное решение данной проблемы.

Отказ от права на телефонный разговор является осознанным, когда подозреваемый знает о наличии у него такого права, понимает его смысл и содержание (разъяснение данного права предполагает, что лицу его полномочия доведены

[1] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20. URL: http://www. consultant.ru/document/ cons-doc_LAW_420839/ (дата обращения: 13.06.2022).

[2] За исключением случаев, если подозреваемый является несовершеннолетним.

доступным для него языком [13, с. 437]), и осведомлено последствиях отказа от него (в частности, о том, что в случае отказа задержанного от права на телефонный разговор уведомление близких родственников, родственников или близких лиц и его задержании и месте нахождения, в соответствии с ч. 1 ст. 96 УПК РФ, будет произведено дознавателем или следователем).

Осознанность волеизъявления при отказе от права на телефонный разговор будет иметь место только в том случае, если лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, понимало правовой характер и учитывало последствия своих действий, а равно самостоятельно руководило своим поведением, а его волеизъявление по своему содержанию соответствует его воле и не преследует иных целей, кроме заявленных [14, с. 77–80]. И здесь нельзя не обратить внимание на следующее: 12,2% опрошенных нами респондентов из числа осужденных указали на то, что при задержании им вообще не было разъяснено право на телефонный разговор в целях уведомления указанных в ст. 96 УПК РФ лиц о своем задержании. Учитывая, что осознанность, наряду с добровольностью, представляет собой характеризующий отказ от права признак, мы можем с полной уверенностью говорить о том, что в данной ситуации имеет место неиспользование права по обстоятельствам, не зависящим от воли подозреваемого, которое следует признать нарушением принципа законности, обеспечения права на защиту и т.д. На возможно имеющие место нарушения положений уголовно-процессуального закона в данной части нам позволяют обратить внимание и результаты лично проведенного анализа правоприменительной практики: в 23,9% изученных протоколов задержания вообще отсутствовала графа, содержащая указание на то, что, в соответствии с ч. 1 ст. 96 УПК РФ, подозреваемому было разъяснено право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии следователя (дознавателя) в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о задержании и месте нахождения, а отметка, удостоверяющая факт разъяснения подозреваемому его прав, относилась лишь к правам, перечисленным в ч. 4 ст. 46 УПК РФ.

Современный законодатель предоставляет подозреваемому широкий перечень прав, нарушение любого из которых влечет, в первую очередь, нарушение его конституционного права на защиту, которое в доктрине уголовного процесса определяется в том числе и как совокупность прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, используя которые оно может осуществлять свою защиту от притязаний государства, отстаивать свои законные интересы [15, с. 87]. Это в полной мере относится и к праву на телефонный разговор, который может производиться задержанным в том числе и в целях появления возможности для него своевременно сообщить о своем задержании и местонахождении родственникам для надлежащего и своевременного обеспечения его права на защиту и выбора защитника. В целях пресечения возможного нарушения прав подозреваемого в данной части, установления дополнительных гарантий соблюдения прав и законных интересов задержанного и единообразного применения закона, на наш взгляд, следует внести изменения в ч. 1 ст. 96 и изложить ее в следующей редакции:

«1. После доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные частями третьей, четвертой статьи 46 настоящего Кодекса».

Отказ от права на телефонный разговор как правомочие, присущее данному праву, также должен быть обеспечен установленными законом соответствую-

щими правовыми средствами, которые позволят в том числе исключить случаи неправомерных действий (бездействия) должностного лица, осуществляющего производство по делу. В этой связи представляется целесообразным дополнить ст. 96 УПК РФ ч. 1.1 и изложить ее в следующей редакции:

«1. В случае отказа подозреваемого от права на телефонный разговор дознаватель, следователь вносит в протокол задержания соответствующую запись, которая удостоверяется подписью дознавателя, следователя, подозреваемого, а также подписью защитника, если он присутствует при составлении протокола. Лицу, отказавшемуся от права на телефонный разговор, должна быть предоставлена возможность дать объяснение причин отказа, которое заносится в данный протокол».

Рассматривая вопрос о праве на телефонный разговор, нельзя не упомянуть и о следующем. Буквальное толкование ч. 3 ст. 46 УПК РФ и ч. 1 ст. 96 УПК РФ позволяет нам говорить о том, что задержание, во исполнение иных, помимо предусмотренных ст. 91 и 92 УПК РФ, процессуальных решений, кто бы, в связи с чем и в отношении кого бы их не принял, не предоставляет задержанному права на один телефонный разговор в целях уведомления каких-либо лиц о своем задержании и месте нахождения (в частности, речь может идти о лицах, задерживаемых во исполнение меры пресечения (например, подозреваемый (обвиняемый) нарушил ранее избранную меру пресечения)).

Значительный интерес в данной части представляет опыт законодательного регулирования уведомления о задержании в Республике Беларусь[1]. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ), правоприменитель обязан предоставить задержанному возможность уведомить кого-либо из совершеннолетних членов его семьи или близких родственников о его задержании и месте нахождения. На первый взгляд, позиции российского и белорусского законодателей в плане предоставления возможности данному лицу права на личное уведомление (или отказу от него) идентичны. Однако детальное изучение положений УПК РБ, регламентирующих производство задержания, позволяет обозначить их существенное отличие в определении круга участников уголовного судопроизводства, которые данным правом наделяются. В соответствии с ч. 1 ст. 107 УПК РБ, задержание представляет собой фактическое задержание лица, доставление его в орган, осуществляющий уголовное преследование и кратковременное содержание под стражей, и осуществляется альтернативно в отношении:

– лица, подозреваемого в совершении преступления (ст. 108 УПК РБ);

– обвиняемого, находящегося в другой местности, или обвиняемого, местонахождение которого неизвестно, в целях предъявления обвинения (ст. 11 УПК РБ);

– обвиняемого, нарушившего условия примененной к нему меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, а равно данного им в письменной форме обязательства являться по вызову правоприменителя, сообщать ему о перемене места жительства, для решения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 112 УПК РБ);

– осужденного до разрешения вопроса об отмене условного неприменения наказания, отсрочки исполнения наказания или условно-досрочного освобождения его от отбывания наказания (ст. 113 УПК РБ).

Тем самым расширенный перечень оснований для задержания позволяет законодателю Республики Беларусь наде-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З: [с изм. и доп. по состоянию на 20.07.2021]. URL: https://online.zakon.kz (дата обращения: 12.06.2022).

лить правом на личное уведомление путем телефонного разговора большой круг лиц.

Отметим, что аналогичной позиции придерживается и законодатель Республики Таджикистан. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ), задержание применяется альтернативно к:

– лицу, которое подозревается в совершении общественно опасного деяния;

– обвиняемому, а также подсудимому, которые нарушили условия примененной к ним ранее меры пресечения;

– осужденному, в отношении которого имеется соответствующее представление об отмене приговора об условном неприменении наказания, условно-досрочном освобождении при отбывании наказания, отсрочки исполнения назначенного наказания[1].

Мы полагаем, что изменение взгляда на задержание как меру уголовно-процессуального принуждения и интегрирование данного опыта регламентации его производства в национальное законодательство, учитывая потребности правоприменителя в задержании лиц, не только по подозрению в совершении общественно опасного деяния, будет иметь лишь положительные последствия, т. к. лишение задержанных во исполнение любого решения должностного лица (государственного органа), осуществляющего предварительное расследование, возможности реализовать право на телефонный разговор в целях уведомления родственников или близких о месте своего нахождения или отказаться от него, исходя из частных интересов, входит в противоречие с назначением уголовного судопроизводства.

Изучение положений УПК РТ применительно к праву на личное уведомление задержанным о его задержании и месте нахождения позволяет нам обратить внимание и на следующее. В отличие от российского законодателя законодатель Республики Таджикистан не ограничивает право на телефонный разговор, исходя из языка, на котором будет осуществлено соответствующее уведомление (ч. 1 ст. 94 УПК РТ). Мы полагаем, что установленное в ч. 1 ст. 96 УПК РФ требование о том, что разговор может быть произведен только на русском языке, входит в противоречие с правом на пользование национальным языком, закрепленным во Всеобщей декларации прав человека[2], положениями ч. 2 ст. 19, ч. 2 ст. 26 Конституции РФ, а также принципом языка судопроизводства, закрепленным в ст. 18 УПК РФ, составляющим элементом которого является «право лица общаться на языке, которым он владеет без каких-либо препятствий со стороны правоохранительных органов» [16, с. 11] (отметим, что на данное обстоятельство обращают внимание и многие исследователи [17, с. 7–11; 18, с. 121; 19, с. 54–55; 20, с. 183–185]). Установленное законодателем ограничение ставит в неравное положение задержанных по объему предоставляемых им прав, ограничивая возможность выражения волеизъявления в целях защиты личных интересов.

Как быть законодателю? Как нам представляется, выходом из сложившейся ситуации может стать привлечение к участию в уголовном деле переводчика, тем более что, если лица, которых, согласно букве закона, может оповестить подозреваемый, также не владеют или не в полной мере владеют русским языком, должностному лицу все равно придется

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г.: [с изм. и доп. по состоянию на 19.07.2022]. URL: https://online.zakon.kz (дата обращения: 12.06.2022).

[2] Всеобщая декларация прав человека: [принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons-doc_LAW_120805/ (дата обращения: 13.06.2022).

это сделать, чтобы самостоятельно исполнить предписания закона [21, с. 18].

Учитывая вышеизложенное, мы предлагаем исключить из ч. 1 ст. 96 УПК РФ слова «на русском языке» и заменить их словами «на родном языке или языке, которым он владеет». В целях обеспечения понимания должностным лицом характера сообщаемых подозреваемым сведений, устранения возможности передачи задержанным сведений третьим лицам, способных затруднить производство предварительного расследования, необходимо предусмотреть возможность синхронного перевода производимого разговора (при этом разговор производится на громкой связи). Кроме того, обязательна и его гласная аудиозапись, о производстве которой подозреваемый должен быть уведомлен до начала разговора (следует отметить, что проведение гласно аудиозаписи исследователи предлагают закрепить на все случаи реализации подозреваемым права на телефонный разговор, т. к. это «не только сможет воздержать подозреваемого от сообщения абоненту сведений, нежелательных для следствия, но и даст правоприменителю возможность, в случаях необходимости, проанализировать в дальнейшем содержание разговора» [22, с. 237]). Последнее не будет нарушать конституционное право на тайну телефонных переговоров, т. к., исходя из предусмотренной в законе цели разговора, сообщаемые сведения не образуют охраняемую законом тайну. Если же задержанный все же выйдет за пределы установленного предмета разговора, то, учитывая неправомерность его поведения, будет иметь место законное ограничение права.

Выводы

Нельзя не признать, что говорить о правовом государстве можно только в том случае, когда оно, наряду с обеспечением реальной защиты интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, надлежаще защищает и лиц, попавших в сферу уголовного судопроизводства от произвола должностных лиц и государственных органов, осуществляющих производство по делу. Реальное обеспечение прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, и в частности подозреваемого, кратковременной, но самой сложной и до конца непроработанной фигуры в уголовном процессе, является критерием оценки демократизма, гуманизма современного судопроизводства.

В целях предупреждения, пресечения и раскрытия общественно опасных деяний законодатель предусматривает возможность применения мер уголовно-процессуального принуждения, среди которых выделяется задержание лица по подозрению в совершении преступления, т. к. оно не только существенно ограничивает конституционные права и свободы лица, но связано со значительными трудностями, порождаемыми проблемами законодательного регулирования и правоприменения. Несмотря на значительные шаги законодателя на пути обеспечения подозреваемого перечнем прав, которые он может реализовывать для своей защиты при производстве задержания, к которым относится и в целом позитивно воспринятое юридической общественностью право задержанного на телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя или следователя в целях уведомления родственников или близких о своем задержании и месте нахождения, анализ нормативного, научного материала и правоприменительной практики позволяет нам говорить о том, что в настоящее время регулирование в уголовно-процессуальном законе возможности подозреваемого выбрать один из вариантов вытекающего из наличия данного субъективного права поведения и отказаться от предоставляемого ему блага, далеко от совершенства, что в конечном итоге негативным образом сказывается и на самой реализации назначения

уголовного судопроизводства. На практике нередко допускаются случаи нарушения права на телефонный разговор и, следует признать, причиной этого является не только игнорирование правоприменителем норм уголовно-процессуального закона, но и недостатки, допущенные законодателем при регламентации данного права и гарантий его реализации подозреваемым, а равно принятия им осознанного и добровольного решения об отказе от него.

Применение к подозреваемому такой меры уголовно-процессуального принуждения, как задержание, усиливает его уязвимость, в связи с чем не вызывает сомнения необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального закона в рассматриваемой нами части, с тем чтобы каждое задержанное лицо имело возможность эффективно и оперативно реализовывать предоставленное ему право на телефонный разговор для защиты личных интересов, а отказ от него зависел только от волеизъявления правообладателя.

Список литературы

1. Маркелов А. Г., Купцов В. А. Право на телефонный разговор в уголовном судопроизводстве России: гарантии и проблемы реализации // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 2(24). С. 113–117.

2. Иванов А. Право на защитника и право на звонок // Адвокатская газета. 2015. 16 октября.

3. Рагулин А. Право на телефонный звонок // Адвокатская газета. 2015. 27 марта.

4. Добрынин К. О праве на звонок // Адвокатская газета. 2015. 23 декабря.

5. Артамонова Е. А. Волеизъявление обвиняемого в системе правовых категорий и основных начал уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2019. 439 с.

6. Артамонова Е. А. О волеизъявлении обвиняемого (подозреваемого) на изменение процессуальной формы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2(8). С. 23–30

7. Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В. Признаки отказа от субъективного права в уголовном процессе как акта волеизъявления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 62–72.

8. Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В. Отказ от субъективного права как феномен в уголовном процессе России. Курск: Университетская книга, 2020. 250 с.

9. Копылова О. П. Меры принуждения в уголовном процессе. Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2011. 120 с.

10. Щетинина Н. В. Актуальные аспекты применения статьи 302 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 91–94.

11. Замылин Е. И. Убеждение и принуждение в структуре средств и методов предупреждения и нейтрализации неправомерного воздействия заинтересованных лиц // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 3. С. 58–62.

12. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 175 с.

13. Сопнева Е. В. Охрана прав подозреваемого лица // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 437–438.

14. Артамонова Е. А. Волеизъявление обвиняемого в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2019. 336 с.

15. Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России: лекции-очерки / под ред. В. М. Савицкого. М.: БЕК, 1997. 314 с.

16. Ишмухаметов Я. М. «Язык судопроизводства» как принцип российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2006. 28 с.

17. Баев О. Я. Дилеммы современного правового механизма задержания подозреваемого // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1(1). С. 7–11.

18. Зайцев Р. Я. Особенности реализации права на один телефонный разговор лица, задержанного в порядке производства по делам об административных правонарушениях // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 120–124.

19. Кузнецова С. И., Роор М. А. Проблемы реализации права задержанного, не владеющего русским языком, на телефонный звонок // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 2(31). С. 54–55.

20. Пушкарев В. В. Право на телефонный разговор в уголовном судопроизводстве // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2016. № 11–2. С. 183–185.

21. Орлова А. А. О реализации принципа «Язык уголовного судопроизводства» в российском уголовном процессе // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 2. С. 17–19.

22. Баев М. О., Баев О. Я. Современный правовой механизм задержания подозреваемого в совершении преступления и проблемы его совершенствования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 2. С. 229–238.

References

1. Markelov A. G., Kupcov V. A. Pravo na telefonnyj razgovor v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: garantii i problemy realizacii [The right to a telephone conversation in the criminal proceedings of Russia: guarantees and problems of implementation]. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2016, no. 2(24), pp. 113–117.

2. Ivanov A. Pravo na zashchitnika i pravo na zvonok [The right to a defender and the right to a call]. *Advokatskaya gazeta = Advocate newspaper*, 2015, October 16.

3. Ragulin A. Pravo na telefonnyj zvonok [The right to a phone call]. *Advokatskaya gazeta = Advocate newspaper*, 2015, March 27.

4. Dobrynin K. O prave na zvonok [About the right to call]. *Advokatskaya gazeta = Lawyer newspaper*, 2015, December 23.

5. Artamonova E. A. Voleiz"yavlenie obvinyaemogo v sisteme pravovyh kategorij i osnovnyh nachal ugolovnogo sudoproizvodstva. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [The will of the accused in the system of legal categories and basic principles of criminal proceedings. Cand. legal sci. abstract diss.]. Saratov, 2019. 439 p.

6. Artamonova E. A. O voleiz"yavlenii obvinyaemogo (podozrevaemogo) na izmenenie processual'noj formy [About the will of the accused (suspect) to change the procedural form]. *Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian criminal procedural and criminalistic readings*, 2015, no. 2(8), pp. 23–30.

7. Chebotareva I. N., Pashutina O. S., Revina I. V. Priznaki otkaza ot sub"ektivnogo prava v ugolovnom processe kak akta voleiz"yavleniya [Recognition of the denial of subjective rights in an enlarged process how the act of wills]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universi-*

teta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 62–72.

8. Chebotareva I. N., Pashutina O. S., Revina I. V. Otkaz ot sub"ektivnogo prava kak fenomen v ugolovnom processe Rossii [Rejection of subjective law as a phenomenon in the criminal process of Russia]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2020. 250 p.

9. Kopylova O. P. Mery prinuzhdeniya v ugolovnom processe [Coercive measures in criminal proceedings]. Tambov, TGTU Publ., 2011. 120 p.

10. Shchetinina N. V. Aktual'nye aspekty primeneniya stat'i 302 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii, predusmatrivayushchej otvetstvennost' za prinuzhdenie k dache pokazanij [Actual aspects of the application of Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for coercion to testify]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2, pp. 91–94.

11. Zamylin E. I. Ubezhdenie i prinuzhdenie v strukture sredstv i metodov preduprezhdeniya i nejtralizacii nepravomernogo vozdejstviya zainteresovannyh lic [Persuasion and coercion in the structure of means and methods of preventing and neutralizing the unlawful influence of interested persons]. *Yurist"-Pravoved" = Jurist-Pravoved*, 2010, no. 3, pp. 58–62.

12. Kovriga Z. F. Ugolovno-processual'noe prinuzhdenie [Criminal procedural coercion]. Voronezh, Izd-vo Voronezh un-ta, 1975. 175 p.

13. Sopneva E. V. Ohrana prav podozrevaemogo lica [Protection of the rights of a suspect]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, culture, education*, 2014, no. 4 (47), pp. 437–438.

14. Artamonova E. A. Voleiz"yavlenie obvinyaemogo v ugolovnom sudoproizvodstve [The will of the accused in criminal proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 336 p.

15. Larin A. M., Mel'nikova E. B., Savickij V. M. Ugolovnyj process Rossii [The criminal process of Russia]; ed. by V. M. Savickij. Moscow, BEK Publ., 1997. 314 p.

16. Ishmuhametov Ya. M. "Yazyk sudoproizvodstva" kak princip rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk ["The language of legal proceedings" as a principle of Russian criminal proceedings. Cand. legal sci. abstract diss.]. Izhevsk, 2006. 28 p.

17. Baev O. Ya. Dilemmy sovremennogo pravovogo mekhanizma zaderzhaniya podozrevaemogo [Dilemmas of the modern legal mechanism of detention of a suspect]. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii = Public safety, legality and law and order in the III millennium*, 2016, no. 1(1), pp. 7–11.

18. Zajcev R. Ya. Osobennosti realizacii prava na odin telefonnyj razgovor lica, zaderzhannogo v poryadke proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah [Features of the realization of the right to one telephone conversation of a person detained in the order of proceedings in cases of administrative offenses]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2019, no. 3 (69), pp. 120–124.

19. Kuznecova S. I., Roor M. A. Problemy realizacii prava zaderzhannogo, ne vladeyushchego russkim yazykom, na telefonnyj zvonok [Problems of realization of the right of a detainee who does not speak Russian to make a phone call]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 2(31), pp. 54–55.

20. Pushkarev V. V. Pravo na telefonnyj razgovor v ugolovnom sudoproizvodstve [The right to a telephone conversation in criminal proceedings]. *Novaya nauka: opyt, tradicii, innovacii = New Science: experience, traditions, innovations*, 2016, no. 11–2, pp. 183–185.

21. Orlova A. A. O realizacii principa "Yazyk ugolovnogo sudoproizvodstva" v rossijskom ugolovnom processe [On the implementation of the principle of "The language of criminal proceedings" in the Russian criminal process]. *Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti = Problems of law enforcement*, 2016, no. 2, pp. 17–19.

22. Baev M. O., Baev O. Ya. Sovremennyj pravovoj mekhanizm zaderzhaniya podozrevaemogo v sovershenii prestupleniya i problemy ego sovershenstvovaniya [The modern legal mechanism of detention of a suspect in the commission of a crime and the problems of its improvement]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2016, no. 2, pp. 229–238.

Информация об авторах / Information about the Authors

Пашутина Олеся Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Olesya S. Pashutina, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Ревина Ирина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ivrevina@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9982-8833

Irina V. Revina, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ivrevina@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9982-8833

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-122-132

(cc) BY 4.0

Публичное управление в теории и политико-административной практике

М. В. Шедий, Е. Н. Малик[1] ✉

[1]Академия Федеральной службы охраны России
ул. Приборостроительная 35, г. Орел 302015, Российская Федерация

✉ e-mail: malik57-elena@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Публичное управление приобретает в последние годы новое качество и к нему возникает все больший интерес со стороны современных общественных и гуманитарных наук, политико-административной практики. Оно трансформируется, возникают новые, технологические инструменты и управленческие механизмы его реализации.*

Политика и государственное управление уже давно стали не только «прозрачными» для общества, но формируются и реализуются при активном гражданском участии, последовательно развиваются институты государственно-частного партнерства, общественной экспертизы и т.д.

Политико-административная практика все больше предлагает широкий спектр государственных и муниципальных услуг на основе использования ИКТ и цифровых сервисов. Между тем следует отметить недостаточную научную активность в области анализа и оценки состояния теоретических и практических наработок в политической науке России.

Цель *– оценка состояния разработанности категории «публичное управление» в современной политической науке с учетом отдельных аспектов политико-административной практики его реализации.*

Задачи: *определение сформировавшихся подходов к пониманию сущности и содержания «публичного управления» на современном этапе политического развития России; на основе анализа научных результатов в научных статьях российских ученых по проблематике публичного управления определить наиболее значимые факторы воздействия на трансформацию подходов к пониманию содержаний публичного управления; определить доминирующий подход к исследованию публичного управления и тенденции развития механизмов и возникновения новых инструментов реализации публичного управления в политико-административной практике*

Методология. *Использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования. Проанализирована первичная научная информация, научные результаты, размещенные в открытом доступе. Применен междисциплинарный метод исследования.*

Результаты. *Разработана часть нового знания для понимания сложившихся к настоящему времени подходов к пониманию сущности и содержания «публичного управления» в российской политической науке и определен наиболее значимый фактор его трансформации в политико-административной практике на ближайшую перспективу.*

Вывод. *Публичное управление сегодня актуализировано. С учетом современных ИКТ и цифровых технологий публичное управление предлагает все больше механизмов эффективного взаимодействия власти, общества и бизнеса в целях развития.*

Ключевые слова: *публичное управление; политико-административная практика; подходы; политическая наука.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

© Шедий М. В., Малик Е. Н., 2022

Для цитирования: Шедий М. В., Малик Е. Н. Публичное управление в теории и политико-административной практике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 122–132. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-122-132.

Поступила в редакцию 29.06.2022 Принята к публикации 27.07.2022 Опубликована 31.08.2022

Public Administration in Political and Administrative Practice

Maria V. Shediy, Elena N. Malik[1] ✉

[1] Academy of the Federal Social Service of Russia
35 Priborostroitelnaya Str., Orel 302015, Russian Federation

✉ e-mail: m_v_shedij@mail.ru

Резюме

Relevance. *Public administration has been acquiring a new quality in recent years and there is increasing interest in it from modern social and humanitarian sciences and political and administrative practice. It is being transformed, new technological tools and management mechanisms for its implementation are emerging.*

Politics and public administration have long been not only "transparent" to society, but are formed and implemented with active civic participation, institutions of public-private partnership, public expertise, etc. are consistently developing. Political and administrative practice increasingly offers a wide range of state and municipal services based on the use of ICT and digital services. Meanwhile, it should be noted that there is insufficient scientific activity in the field of analysis and assessment of the state of theoretical and practical developments in Russian political science.

Purpose *– is to assess the state of development of the category "public administration" in modern political science, taking into account certain aspects of the political and administrative practice of its implementation.*

Objectives*: definition of the formed approaches to understanding the essence and content of "public administration" at the present stage of Russia's political development; based on the analysis of scientific results in scientific articles by Russian scientists on the problems of "public administration" to determine the most significant factors influencing the transformation of approaches to understanding the contents of public administration; to determine the dominant approach to the study of public administration and trends in the development of mechanisms and the emergence of new tools for the implementation of public administration in political and administrative practice.*

Methodology*. General scientific and private scientific research methods were used. The primary scientific information and scientific results published in the public domain are analyzed. An interdisciplinary research method was applied.*

Results*. A part of the new knowledge has been developed to understand the approaches that have developed to date to understanding the essence and content of "public administration" in Russian political science and the most significant factor of its transformation in political and administrative practice in the near future has been identified.*

Conclusion*. Public administration is updated today. Taking into account modern ICT and digital technologies, public administration offers more and more mechanisms for effective interaction of government, society and business for development.*

Keywords*: public administration; political and administrative practice; approaches; political science.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Shediy M. V., Malik E. N. Public Administration in Political and Administrative Practice. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 122–132. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-122-132.

Received 29.06.2022 Accepted 27.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

В российской политической науке часть исследований всегда была посвящена проблеме разработки категории «публичного управления» и ее содержания. Связано это было с тем, что значительное количество терминов, понятий и категорий пришли в политическую науку России девяностых годов (период ее становления и развития) из западной политической науки.

Переводных научных работ по Public administration, несмотря на все нарастающий научный интерес в нашей стране в связи с развитием таких специальностей и направлений подготовки, как «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управления», где требованиями федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования того периода были установлены определенные содержательные составляющие к изучению только появившихся управленческих дисциплин, на наш взгляд, все же не хватило для формирования полноценного представления о том, что же такое Public administration применительно к российской практике государственного управления.

Методология

Настоящее исследование основано на компетентном мнении части российских ученых, представляющих собой различные сферы научного пространства России – политические, правовые науки, науки государственного управления и др.

Изучены и проанализированы позиции и мнения, представленные исключительно в научных статьях и монографиях, размещенных полнотекстово и в открытом доступе. Использованы общенаучные методы анализа и синтеза информации, ее интерпретации для формулирования авторских выводов и рекомендаций.

Частнонаучные методы представлены методом политического и правового анализа.

Результаты и их обсуждение

После некоторого спада исследовательского интереса вновь наблюдается его современный рост. Public administration актуализирован сегодня прежде всего его включением в политико-правовой дискурс.

В рамках настоящей статьи нами проанализированы наиболее основательные работы, представленные в российском научном пространстве наиболее широко и в доступном виде, в которых публичное управление стало объектом политологического анализа с включением подходов и других общественных и гуманитарных наук.

Положительно следует отметить, что речь идет не только об отдельных научных статьях, но и монографических исследованиях. Более высокий научный статус монографических исследований диктует необходимость первостепенного анализа именно в них содержащихся подходов, научных результатов исследуемой научной проблемы.

Из новейших монографических исследований проблем публичного управления нами выделена коллективная монография «Особенности публичного управления в современной России» [1]. Авторский коллектив монографии (О. Г. Александров, Р. Р. Вафин, В. В. Запарий, Я. М. Злоченко) напоминает современным исследователям, что впервые понятия «публичное управление» (public governance) и «публичная администрация» (public admini-stration) ввел Вудро Вильсон в своей работе «Наука государственного управления» в 1887 г. Идеи администрирования в государственном управлении в начале XX в. получили развитие в теории бюрократии М. Вебера [1].

В российской политической науке на протяжении всего периода ее развития последние три десятка лет постоянно фигурировал термин Public administration исключительно в его менеджеристском понимании при одновременных практических трансформациях форм и методов государственного управления, развития демократических институтов, открытости деятельности органов государственной власти и управления.

Но как отмечает О. А. Сиденко, публичное управление в его практическом измерении постоянно трансформируется

и «на смену менеджеристским методам планирования и осуществления публичного управления (managerial modes of policy making and implementation) приходит новая форма – коллективное управление» [2, с. 78]. По сути, это возникшие, по нашему мнению, в последние два десятилетия новые характеристики публичного управления, связанные в реализацией так называемых законов «открытости власти», с учетом постоянного совершенствования IT- и цифровых технологий и сервисов.

В. М. Гера, в частности, говорит об этом следующим образом: «Современная российская политическая наука получает распространение новой концепции публичного управления – "GoodGovernance", которая использует все возможности информационных технологий для совершенствования процесса принятия решений, предоставления общественных благ и услуг и построения новых демократических отношений между обществом и государством.

Публичное управление с точки зрения данной концепции ориентировано на эффективное следование общественному благу и сотрудничество с гражданским обществом посредством развития системы коммуникативного взаимодействия» [3, с. 31].

Л. А. Василенко исследует информационно-технологический/цифровой подход к публичному управлению и подчеркивает, что «основным содержанием публичного управления становится концепция "smart government", в основу которого положены самообучающиеся нейрокомпьютерные информационно-аналитические системы, взаимодействующие между собой.

Пока она преимущественно реализуется в форме "умных городов", но темпы происходящих трансформаций не оставляют сомнений в том, что смарт-технологии являются ближайшим будущим всей системы публичного управления в силу ее достаточно высокой возможности в деле совершенствования многих административных процессов, повышения их результативности и эфективности.

Отметим, что достижения в области Web 2.0 (the social web) и Web 3.0 (the semantic web), а также появление массы данных из систем геолокации продолжают увеличивать поток и запас знаний, заложенных в государственных данных… А это поднимает вопрос эффективности публичного управления в цифровом обществе» [4, с. 4–16].

А. М. Губин считает, что «трансформация публичного управления заключается в изменении поведения и способе коммуникации между публичным администрированием и гражданами и включает:

– предоставление государственных и муниципальных услуг в формате электронного взаимодействия;

– онлайн-платформы для взаимодействия с предпринимателями;

– формирование “электронного партнерства” с представителями бизнес-сферы» [5, с. 51].

Ряд исследований монографического уровня и уровня научных статей по проблематике публичного управления через призму развития ИКТ и цифровых технологий представлены в работах Е. С. Устинович [6, с. 21–24; 7, с. 32–36; 8, с. 55–62].

Значимой монографией публичного управления в рамках политической науки можно считать монографию «Электронное государство: взаимодействие органов публичной власти и общества (политико-правовой аспект)» [9].

На основе проведенного анализа приведем несколько сложившихся определений категории «публичное управление».

В вышеуказанной коллективной монографии «Особенности публичного управления в современной России» под публичным управлением понимается «открытое, гласное, происходящее в присутствии людей управление, предназначенное для публики, общества, находящееся в их распоряжении» [1].

Как отмечает В. М. Гера: «По мнению О. Н. Мигущенко, явление “публичное управление” можно рассматривать с точки зрения абстракции (как философскую категорию), а можно исследовать конкретно, применительно к конкретным общественным отношениям» [3, с. 354–415].

Рассуждая о публичном (государственном и муниципальном) управлении, ссылаясь при этом на известных исследователей в рассматриваемой области В. Е. Чиркина и И. В. Понкина, автор подчеркивает, что часто публичное управление рассматривается с позиций того, что оно является правоотношением, функцией, процессом, или с иных точек зрения [10].

О. В. Морозова считает, что, как правило, исследователи солидарны в том, что публичное управление представляет собой деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления и иных субъектов публичного управления (граждан)» [11, с. 62–66].

И. В. Понкин использует процессный подход и подчеркивает, что «публичное управление (в широком понимании) охватывает собой все процессы реализации полномочий органов власти, а также иных государственных и муниципальных органов, организаций, учреждений и соответствующих должностных лиц» [10].

Я. Я. Кайль использует партисипативный подход к публичному управлению. Он, в частности, говорит о том, что «активная обратная связь органов исполнительной власти с гражданским обществом через партисипацию (добровольное участие населения в правительственных проектах и мероприятиях местного самоуправления) повышает уровень их сотрудничества и эффективность деятельности правительства, улучшает качество его решений» [12].

«Партисипация публичного управления является ключом к решению проблем, связанных со становлением информационного общества и увеличения глобализационных процессов. Современное общество способствует созданию новых возможностей для повышения эффективности государства, предъявляя к государству новые требования» [12, с. 43].

Политико-философский подход к пониманию роли публичного управления демонстрирует Ю. М. Большакова: «Те сообщества, которые в наибольшей степени преуспеют в формировании сознательного управления, и окажутся лидерами современного общественного развития» [13].

В. В. Зотов говорит, что «методология публичного управления ориентирует на новый тип управления (руководство/governance), в котором органы власти и представители заинтересованных сторон находятся в тесном взаимодействии для совместного принятия публичных решений, а в случае необходимости и обмена своими ресурсами при реализации принятого решения» [14, с. 105].

Понимание сущности и содержания публичного управления

В общественных и гуманитарных науках современной России сложилась достаточно уникальная ситуация с исследовательским интересом к публичному управлению как предмету исследования. Длительное время юридическая наука практически игнорировала публичное управление в связи со спецификой самой науки. При этом в той же самой юриди-

ческой науке данный термин никак не приживался долгий период времени.

Но, как подчеркивает О. В. Морозова: «Развитие общества невозможно без четкого представления о его целях, задачах и методах их реализации. Цели и задачи не могут взаимоисключать друг друга, и субъекты публичного управления должны координировать свою деятельность. Однако это не всегда возможно в силу отсутствия единообразного понимания того, что такое публичное управление, каковы его объекты, субъекты, сущность, содержание, формы, направления развития и т.д.» [11, с. 62].

Р. М. Усманова отмечает, что в юридической литературе термин «публичное регулирование» не получил своего распространения. Учеными рассматривались: «правовое регулирование», «государственное регулирование», «нормативное регулирование», «индивидуальное регулирование», «социальное регулирование», «государственно-правовое регулирование», «законодательное регулирование», «локальное правовое регулирование», «публично-правовое регулирование», «частноправовое регулирование» [15].

Между тем современные общественно-политические, социально-экономические условия и факторы значительно изменились. Развились также и институты гражданского общества, прямой демократии, цифровые возможности взаимодействия институтов власти и управления с гражданами, общественными организациями, партийно-политическая система и т.д.

Р. М. Усманова дает следующее определение публичному регулированию: «Публичное регулирование – это упорядочение отношений путем не только официально-властного установления государством, органами местного самоуправления, общественными организациями различных общеобязательных правил, но и с помощью выработанных самим обществом, коллективом граждан и негосударственными органами норм и правил поведения» [15].

Следует положительно отметить усилия отдельных ученых, чей систематический научный интерес позволил им создать цикл научных публикаций по данной проблематике как объекте исследования. Это, например, работы доктора юридических наук О. В. Романовской.

Так, например, О. В. Романовская подчеркивает в одной из своих научных статей «Деконцентрация публичного управления: право и административная реформа», что «развитие государственных институтов происходит под давлением многих факторов, среди которых глобализация экономики, интернационализация права, информатизация общественной и личной жизни. Они заставляют государство заниматься поиском новых моделей публичного управления» [16, с. 4].

Российский законодатель только в 2021 г., спустя почти тридцать лет формирования в современной России не только новейшей политической системы, но, главное, системы государственного и муниципального управления, включил наконец-то в свой арсенал использование термина «публичное управление».

Политико-административная практика публичного управления

Законодательные требования, как часть государственной политики открытости деятельности органов государственной власти и управления на практике приводят к постоянному совершенствованию механизмов публичного управления.

Значительная роль в развитии организационно-правовых, управленческих механизмов и их применение в государственно-управленческой практике, по нашему мнению, явилось также следствием целенаправленной государственной политики в отношении развития го-

сударственно-частного партнерства и других инструментов и механизмов эффективного государственного управления.

Консенсусные решения с привлечением мнения представителей общества и общественных организаций вырабатываются уже много лет в органах государственной власти и управления при помощи активной деятельности общественных советов при них. Значительна также и роль региональных общественных палат, Общественной палаты Российской Федерации в этих процессах.

Налицо, как отмечает И. А. Докунина, «совершенствование практики управления при повышении индивидуальной организационной активности и эффективности» [17, с. 52] и, как отмечают Г. М. Елфимов и В. Н. Лобко, оно происходит в «процессе демократического транзита» [18].

Иными словами, политико-управленческая практика современной России явно демонстрирует последовательный уход от «чистого администрирования и менеджеризма».

Публичное управление отличается, прежде всего, своей практико- и аналитико-ориентированностью. В связи с чем А. Г. Барабашев и В. В. Уткина отмечают роль и значимость аналитических исследований: «Наука публичного управления без аналитики беспочвенна, а аналитика публичного управления без науки теоретически не систематизирована. Другими словами, публичное управление как научное направление в основе своей является прикладным, аналитико-ориентированным» [19].

В современной российской общественно-политической науке также высказывается позиция о необходимости активизации включения своей деятельности институтами представительной власти в структуре публичного управления, занимая там свою достойную нишу.

Некоторые исследователи отмечают недостаточные усилия в этом направлении действующего института представительной власти.

Достаточно критично высказывает свою позицию, например, О. В. Ломакина. В частности, она подчеркивает, что «создание эффективного законодательства и контроль за его исполнением, отсечение узко групповых интересов любого типа нуждаются в систематическом регулировании. На это способен по-настоящему демократический институт, действующий в интересах большинства» [20, с. 131–138].

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что современная политико-управленческая практика, обусловленная необходимостью реализации действующего законодательства об открытости власти, стремительное развитие и применение в сфере государственного управления цифровых технологий и множество иных сопутствующих факторов развития значительно трансформировали само содержание публичного управления – от администрирования к коллективному принятию решений по важным вопросам социально-экономического развития страны и ее регионов.

Проведенное исследование дало возможность определить основные сложившиеся к настоящему времени подходы к пониманию сущности и содержания «публичного управления» в российской политической и смежных гуманитарных, общественных науках.

Наиболее значимыми факторами его трансформации в политико-административной практике на ближайшую перспективу становятся ИКТ и цифровые технологии, обусловливающие появление все большего числа механизмов эффективного взаимодействия российской власти, общества и бизнеса в целях устойчивого социально-экономического развития и повышения качества жизни.

Список литературы

1. Особенности публичного управления в современной России: монография / [О. Г. Александров, Р. Р. Вафин, В. В. Запарий и др.] ; под общ. ред. проф. Т. М. Резер. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 154 с.

2. Сиденко О. А., Щеглова Д. В. Коллективное публичное лидерство в современном государственном и муниципальном управлении: теоретический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. С. 78–83.

3. Гера В. М. Публичное управление в условиях глобализации и становления информационного общества. Особенности национальной организации системы публичного управления // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2017. № 1(14). С. 31–32.

4. Василенко Л. А., Зотов В. В. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // Цифровая социология. 2020. Т. 3, № 2. С. 4–16. https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-4-16.

5. Губин А. М. Цифровизация и публичное управление: специфика взаимодействия и пути развития // Право и цифровая экономика. 2021. № 4(14). С. 50–55.

6. Устинович Е. С. Подходы к совершенствованию законодательства об информационной деятельности в государственном управлении // Административное право и процесс. 2011. № 4. С. 21–24.

7. Устинович Е. С. От «патернализма» к «взаимодействию»: трансформация отношений власти и российского общества в условиях цифрового развития // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 32–36.

8. Устинович Е. С., Бочанов М. А. Политико-экономические барьеры разработки государственной политики по созданию институтов регионального развития // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7, № 1. С. 55–62. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-55-62.

9. Устинович Е. С. Электронное государство: взаимодействие органов публичной власти и общества (политико-правовой аспект). М.: Русальянс "Сова", 2018. 90 с.

10. Понкин И. В. Процессно-ориентированное публичное управление // Государственная служба. 2017. Т. 19, №3 (107). С. 62–67.

11. Морозова О. В. К вопросу о совершенствовании публичного управления бюджетным процессом // Сибирская финансовая школа. 2020. № 3(139). С. 62–66.

12. Кайль Я. Я., Епинина В. С. Зарубежный опыт партисипативной ориентации публичного управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Т. 9, № 2(191). С. 42–48.

13. Большакова Ю. М. В поисках парадигмы публичного управления: консцентианетика – сознательное управление // Власть. 2019. Т. 27, № 4. С. 181–186. https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6627.

14. Зотов В. В., Василенко Л. А. Влияние цифровизации на трансформацию методологии публичного управления // Управленческое консультирование. 2021. № 5(149). С. 98–109. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-5-98-109.

15. Усманова Р. М. О соотношении понятий «публичное регулирование», «публичное управление» и «публичная власть» // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 3. С. 133–140.

16. Романовская О. В. Деконцентрация публичного управления: право и административная реформа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 4–24. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.1.4.24.

17. Докукина И. А., Полянин А. В., Тарновский В. В. Основные направления совершенствования распределения организационных задач в условиях публичного управления // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2(91). С. 51–65. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-91-2-51-65.

18. Елфимов Г. М., Лобко В. Н. Местное самоуправление как субъект публичного управления // Управленческое консультирование. 2009. № 3(35). С. 20–27.

19. Барабашев А. Г., Уткина В. В. О различии аналитики публичного управления и публичного управления как научного направления // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 47. С. 19–38.

20. Ломакина О. В., Горлов Д. М., Саакян А. Г. Особенности национальной организации системы публичного управления в контексте демократических институтов // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 34(2). С. 131–138. https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-10967.

References

1. Aleksandrov O. G., Vafin R. R., Zaparij V. V., Zlochenko Ya. M., eds. Osobennosti publichnogo upravleniya v sovremennoj Rossii [Features of public administration in modern Russia]; ed. by T. M. Rezer. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2018. 154 p.

2. Sidenko O. A., Shcheglova D. V. Kollektivnoe publichnoe liderstvo v sovremennom gosudarstvennom i municipal'nom upravlenii: teoreticheskij aspekt [Collective public leadership in modern State and municipal management: theoretical aspect]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya = Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 2021, no. 4, pp. 78–83.

3. Gera V. M. Publichnoe upravlenie v usloviyah globalizacii i stanovleniya informacionnogo obshchestva. Osobennosti nacional'noj organizacii sistemy publichnogo upravleniya [Public administration in the context of globalization and the formation of the information society. Features of the national organization of the public administration system]. *Rossijskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy = Russian science and education today: problems and prospects*, 2017, no. 1(14), pp. 31–32.

4. Vasilenko L. A., Zotov V. V. Cifrovizaciya publichnogo upravleniya v Rossii: riski, kazusy, problemy [Digitalization of public administration in Russia: risks, incidents, problems]. *Cifrovaya sociologiya = Digital Sociology*, 2020, vol. 3, no. 2, pp. 4–16. https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-4-16.

5. Gubin A. M. Cifrovizaciya i publichnoe upravlenie: specifika vzaimodejstviya i puti razvitiya [Digitalization and public administration: specifics of interaction and ways of development]. *Pravo i cifrovaya ekonomika = Law and Digital Economy*, 2021, no. 4(14), pp. 50–55.

6. Ustinovich E. S. Podhody k sovershenstvovaniyu zakonodatel'stva ob informacionnoj deyatel'nosti v gosudarstvennom upravlenii [Approaches to improving legislation on information

activities in public administration]. *Administrativnoe pravo i process = Administrative law and process*, 2011, no. 4, pp. 21–24.

7. Ustinovich E. S. Ot "paternalizma" k "vzaimodejstviyu": transformaciya otnoshenij vlasti i rossijskogo obshchestva v usloviyah cifrovogo razvitiya [From "paternalism" to "interaction": transformation of relations between government and Russian society in the context of digital development]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2018, no. 1, pp. 32–36.

8. Ustinovich E. S., Bochanov M. A. Politiko-ekonomicheskie bar'ery razrabotki gosudarstvennoj politiki po sozdaniyu institutov regional'nogo razvitiya [Political and economic barriers to the development of state policy on the creation of regional development institutions]. *Problemy postsovetskogo prostranstva = Problems of the post-Soviet space*, 2020, vol. 7, no. 1, pp. 55–62. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-55-62.

9. Ustinovich E. S. Elektronnoe gosudarstvo: vzaimodejstvie organov publichnoj vlasti i obshchestva (politiko-pravovoj aspekt) [Electronic state: interaction of public authorities and society (political and legal aspect)]. Moscow, Rusal'yans "Sova" Publ., 2018. 90 p.

10. Ponkin I. V. Processno-orientirovannoe publichnoe upravlenie [Process-oriented public administration]. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Service*, 2017, vol. 19, no. 3 (107), pp. 62–67.

11. Morozova O. V. K voprosu o sovershenstvovanii publichnogo upravleniya byudzhetnym processom [On the issue of improving public management of the budget process]. *Sibirskaya finansovaya shkola = Siberian Financial School*, 2020, no. 3(139), pp. 62–66.

12. Kajl' Ya. Ya., Epinina V. S. Zarubezhnyj opyt partisipativnoj orientacii publichnogo upravleniya [Foreign experience of participatory orientation of public administration]. *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost' = National interests: priorities and security*, 2013, vol. 9, no. 2(191), pp. 42–48.

13. Bol'shakova Yu. M. V poiskah paradigmy publichnogo upravleniya: konscentianetika – soznatel'noe upravlenie [In search of a paradigm of public administration: consentianetics – conscious management]. *Vlast' = Power*, 2019, vol. 27, no. 4, pp. 181–186. https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6627.

14. Zotov V. V., Vasilenko L. A. Vliyanie cifrovizacii na transformaciyu metodologii publichnogo upravleniya [The impact of digitalization on the transformation of the methodology of public administration]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*, 2021, no. 5(149), pp. 98–109. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-5-98-109.

15. Usmanova R. M. O sootnoshenii ponyatij "publichnoe regulirovanie", "publichnoe upravlenie" i "publichnaya vlast'" [On the correlation of the concepts of "public regulation", "public administration" and "public authority"]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: politics, economics, law*, 2011, no. 3, pp. 133–140.

16. Romanovskaya O. V. Dekoncentraciya publichnogo upravleniya: pravo i administrativnaya reforma [Deconcentration of public administration: Law and administrative reform]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Pravo. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 1, pp. 4–24. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.1.4.24.

17. Dokukina I. A., Polyanin A. V., Tarnovskij V. V. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya raspredeleniya organizacionnyh zadach v usloviyah publichnogo upravleniya [The main directions of improving the distribution of organizational tasks in the conditions of public

administration]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and management in the East of Russia*, 2020, no. 2(91), pp. 51–65. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-91-2-51-65.

18. Elfimov G. M., Lobko V. N. Mestnoe samoupravlenie kak sub"ekt publichnogo upravleniya [Local self-government as a subject of public administration]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*, 2009, no. 3(35), pp. 20–27.

19. Barabashev A. G., Utkina V. V. O razlichii analitiki publichnogo upravleniya i publichnogo upravleniya kak nauchnogo napravleniya [On the difference between public administration analytics and public administration as a scientific direction]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik = Public administration. Electronic Bulletin*, 2014, no. 47, pp. 19–38.

20. Lomakina O. V., Gorlov D. M., Saakyan A. G. Osobennosti nacional'noj organizacii sistemy publichnogo upravleniya v kontekste demokraticheskih institutov [Features of the national organization of the public administration system in the context of democratic institutions]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-humanitarian studies*, 2021, no. 34(2), pp. 131–138. https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-10967.

Информация об авторах / Information about the Authors

Шедий Мария Владимировна, доктор социологических наук, профессор, сотрудник, Академия Федеральной службы охраны, г. Орёл, Российская Федерация,
e-mail: m_v_shedij@mail.ru

Малик Елена Николаевна, кандидат политических наук, доцент, сотрудник, Академия Федеральной службы охраны России, г. Орёл, Российская Федерация,
e-mail: malik57-elena@mail.ru

Maria V. Shediy, Dr. of Sci. (Sociological), Professor, Member, Academy of the Federal Social of Russia, Orel, Russian Federation,
e-mail: m_v_shedij@mail.ru

Malik Elena N., Cand. of Sci. (Political), Associate Professor, Employee, Academy of Federal Guard Service of Russia, Orel, Russian Federation,
e-mail: malik57-elena@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-133-145

CC BY 4.0

Формирование социального государства в условиях развития новых социально-политических рисков в современной России

М. А. Бочанов[1] ✉

[1]Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
бульвар Победы 5а, г. Орел 302028, Российская Федерация

✉ e-mail: max8797@list.ru

Резюме

Актуальность *данного исследования определяется новыми вызовами государству и обществу, которые принесла пандемия COVID-19 и обусловленные ею социально-экономические проблемы, а также социальные и политические риски. В этих условиях роль государства и его социальной функции кратно возрастает, что требует новых подходов и адекватной реакции на сложившиеся вызовы. Без научного анализа данной проблематики невозможно повышение эффективности социальной политики государства как основного фактора формирования социального государства, что усиливает актуальность нашей работы.*

Цель исследования *– провести политический анализ социальной политики российского государства в условиях появления новых социально-политических рисков, вызванных пандемией коронавирусной инфекции.*

Задачами исследования *стали: анализ социально-политических проблем государства в период пандемии; выявление мер социальной поддержки граждан со стороны государства; обоснование повышения эффективности социальной политики как условия формирования социального государства.*

Методология. *При подготовке статьи использованы общенаучные методы анализа и синтеза информации, сетевой анализ и мониторинг ситуации. Базу источников составили нормативные документы, труды ведущих российских и зарубежных экспертов, исследующих данную проблематику, выступления главы государства и членов правительства.*

Результаты. *На основе анализа социально-политических проблем государства в период пандемии выявлены меры социальной поддержки граждан со стороны государства, что дало возможность обоснования направлений повышения эффективности социальной политики как условия формирования социального государства.*

Вывод. *У России, как показывает практика последних лет, есть довольно большой потенциал и ресурсы для реализации концепта социального государства. Ряд мер, делающих наше государство истинно социальным, уже закреплено в обновленной Конституции, дело лишь за реализацией. Это крайне важно для страны в период санкций и вызовов пандемии, реализация принятых решений в регионах и муниципалитетах на данный момент – самое проблемное место в сформированной системе управления государством.*

Ключевые слова: *социальное государство; социальная политика; пандемия COVID–19; социальная поддержка; социально-политические риски.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Бочанов М. А. Формирование социального государства в условиях развития новых социально-политических рисков в современной России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 133–145. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-133-145.

Поступила в редакцию 24.06.2022 Принята к публикации 28.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Бочанов М. А., 2022

Formation of the Welfare State Under the Development of New Socio-Political Risks in Modern Russia

Maksim A. Bochanov [1] ✉

[1] Central Russian Institute of Management – Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
5a Pobedy Blvd., Orel 302028 Russian Federation

✉ e-mail: max8797@list.ru

Abstract

The relevance *of this study is determined by the new challenges to the state and society brought by the COVID - 19 pandemic and the socio-economic problems caused by it, as well as social and political risks. Under these conditions, the role of the state and its social function increases exponentially, which requires new approaches and an adequate response to the current challenges. Without a scientific analysis of this issue, it is impossible to increase the effectiveness of the social policy of the state as the main factor in the formation of a social state, which enhances the relevance of our work.*

The purpose *of the study is to conduct a political analysis of the social policy of the Russian state in the face of the emergence of new socio-political risks caused by the coronavirus pandemic.*

The objectives *of the study were: 1) analysis of the socio-political problems of the state during the pandemic; 2) identification of measures of social support of citizens from the state; 3) justification for increasing the effectiveness of social policy as a condition for the formation of a welfare state.*

Methodology*: when preparing the article, general scientific methods of analysis and synthesis of information were used. Based on network analysis and situation monitoring. The base of sources was made up of normative documents, the works of leading Russian and foreign experts investigating this issue, speeches by the head of state and members of the government.*

Results*. Based on the analysis of the socio-political problems of the state during the pandemic, measures of social support for citizens from the state were identified, which made it possible to substantiate directions for increasing the effectiveness of social policy as a condition for the formation of a welfare state.*

Conclusion. *Russia, as the practice of recent years shows, has a fairly large potential and resources to implement the concept of a welfare state. A number of measures that make our state truly social are already enshrined in the updated Constitution, it's just a matter of implementation. This is extremely important for the country during the period of sanctions and challenges of the pandemic, the implementation of the decisions made in the regions and municipalities is currently the most problematic place in the formed system of government.*

Keywords*: welfare state; social policy; COVID-19 pandemic; social support; socio-political risks.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Bochanov M. A. Formation of the Welfare State Under the Development of New Socio-Political Risks in Modern Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 133–145. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-133-145.

Received 24.06.2022 Accepted 28.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

В условиях кризиса и поиска баланса системных социальных мер, реализуемых государством на постоянной основе, возникает необходимость организации новых моделей безопасной жизнедеятельности граждан, дистанционной работы,

общения, бизнес-коммуникаций, а также построения новых организационных основ здравоохранения, которые будут способны противостоять вызовам пандемии и другим потенциальным угрозам жизни и здоровью граждан, стремясь к эффективному результату, не вызывая при этом развития в обществе социального иждивенчества.

Следуя научной логике, рассмотрим опыт исследования социальной политики государства как таковой. Среди категорий, довольно обширно употребляющихся в государственном строительстве, находится социальная политика. Данное понятие создает почву многим научным дискуссиям. При этом исследователи определяют по-разному его объем и содержание, этапизацию формирования теоретических основ.

Методология

При подготовке статьи использованы общенаучные методы анализа и синтеза информации. Исследование основано на сетевом анализе и мониторинге ситуации. Применялся анализ социологических данных и ретроспективный анализ данных. Базу источников составили нормативные документы, труды ведущих российских и зарубежных экспертов, исследующих данную проблематику, выступления главы государства и членов правительства. Все это позволило провести политический анализ функционирования социального государства в условиях развития новых социально-политических рисков в современной России.

Результаты и их обсуждение

Первоначально, думаем, целесообразно определиться с этапами эволюции взглядов на социальную политику. С этой точки зрения обратимся к подходу Т. Ю. Сидориной [1], в основе которого лежит принцип хронологии. В соответствии с данным принципом ученый выделяет три этапа в становлении и развитии теории социальной политики.

Первый этап – подготовительный (Античность – середина XIX в.) – формируются разрозненные представления по проблематике социальной политики.

Второй этап – начальный (с середины XIX в. до первой половины XX в.) – начинаются системные исследования и закладываются теоретические основы социальной деятельности государства.

Третий этап – институциональный (середина XX в. – по н.в.) – социальная политика приобретает статус института.

Несмотря на то, что сам термин «социальная политика» вошел в употребление относительно недавно, еще в древности задавались вопросами взаимоотношения государства и общества, отмечая роль государства в направленных на благополучие своих граждан действиях:

– «власть имеет в виду благо… тех, кто ей подвластен… подлинный правитель имеет в виду … то, что пригодно подвластному» [2];

– «наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо» [3].

Новое время: неоспоримая социальная и нравственная ценность – справедливость. «Если человеческое общежитие хочет иметь легитимный характер, то оно должно: иметь правовой характер; право должно обрести качество справедливости, справедливое право должно быть защищено общественным правопорядком – а значит, принять облик …справедливого государства» [4].

Первым, кто использовал понятие «социальная политика», был Ш. Фурье, обративший внимание на социальные гарантии, обязательно предоставляемые государством. Мудрая, или социальная, политика – это государственная монополизация торговли, эмиссии денег, сбора налогов, обусловленная расходами государства на реализацию предоставляемых своим гражданам некоторых социальных гарантий (обязательств) [5].

Вторая половина XIX в. – в Германии ученые интересуются с позиций социологии развитием политики и экономики, создавая «Кружок социальной политики». На рубеже XIX–XX вв. формируются теоретические основы и научный интерес к социальной политике под влиянием экономических и социологических теорий: теоретик-социолог «стремится… установить понятие социальной политики» [6]. В. Борткевич, М. Вебер, В. Зомбарт и другие исследователи в своих трудах, рассматривая характерные черты социальной политики, поднимают проблему ее идеала. Меры по укреплению или ослаблению экономической системы В. Зомбартом относятся к социальной политике. Сосредоточенные на благополучии независимо от принадлежности к социальным классам отдельных лиц государственные мероприятия ученый рассматривает как «персональную политику», выделяя ее наряду с социальной.

Обращаясь к законодательству с целью борьбы с «неустройствами» в процессе распределения, политика государства А. Вагнером понимается как социальная [7].

А. М. Вебер относил социальную политику к экономической, полагая подчинить ее национальному идеалу и интересу. В свою очередь, экономическая политика, с его точки зрения, относится к политической науке.

Таким образом, в данный период социальная политика становится объектом научных исследований, находясь в русле политики экономической. Государственное влияние на противоречия социального характера, на процесс распределения с целью достижения идеала, на экономическую систему через меры законодательного плана и государственного управления определяется как социальная политика.

Предметное поле социальной политики расширяется в дальнейших исследованиях. Например, В. Веддиген, раскрывая содержание данного понятия, считает, что предметом социальной политики выступает появляющийся из дифференцированного положения отдельных социальных групп в обществе социальный вопрос. Следовательно, одна из задач социальной политики состоит в изменении и уничтожении существующего социально-экономического расслоения общества, отрицательно влияющего на общественные цели посредством их искажения [8].

Следует отметить, что становление и развитие теории социальной политики проходило в Германии, однако вклад не только немецких ученых значителен в данном процессе. Посвященные теоретическим основам социальной политики научные труды в этот период появляются и в России (Б. П. Струве), и в Англии (В. Беверидж), и в других странах.

На современном этапе нет единого подхода к пониманию содержания и трактовки исследуемого феномена. Ко второй половине XX в. (70–80-е годы) сформировались направления, которые в основу динамики социальных расходов государства ставят разные факторы. Так, экономические, социальные и демографические факторы рассматриваются представителями школы социально-экономических аналитиков как наиболее значимые, а менее значимыми они называют политические факторы.

В основе политико-институционального направления лежит политико-социологический анализ, на основе которого его сторонники определяющими считают политические факторы.

Поиск путей и способов преодоления и смягчения социальных проблем и противоречий находится в центре внимания неомарксистских политико-экономических теоретиков. По их мнению, меры государственного регулирования социальных процессов и социальная политика (как ответная реакция государства на неблагоприятные следствия в результате действия рыночного механизма) возможны для преодоления социальных противоречий.

Сторонники дюркгеймнианского подхода, анализируя специфику социальной политики экономически развитых стран,

инициируют выявление долгосрочных тенденций в исследуемой сфере.

Говоря об определении «социальная политика», следует сказать об их многообразии в зарубежной и отечественной научной литературе. Анализ концепций и подходов в теории социальной политики позволяет выделить среди них несколько групп:

1) социальная политика рассматривается в качестве общественных действий решения затрагивающих общество проблем, способствуя достижению общественных целей;

2) стабилизация социально-трудовых отношений, регулирование отношений труда и капитала путем организационного воздействия через разработку и введение обязательных для исполнения организационных положений, устранение разрешения противоречий посредством экстремистских или радикальных вариантов;

3) социальная политика – направленная на скрытые, но готовые проявиться опасные слои общественная деятельность, создающая условия для удовлетворения потребностей и благосостояния низших слоев на минимально приемлемом уровне для ограждения обеспеченных классов от ярости низших;

4) социальная политика – смягчающий отрицательные последствия индивидуального и социального неравенства инструмент посредством системы мероприятий редистрибутивного характера;

5) социальная справедливость и социальное партнерство.

Обратимся к трудам отечественных авторов в данном направлении. В качестве твердо обозначенных установок и системы мер в области оптимизации социального развития общества, отношений между социальными и другими группами, создание тех или иных условий для удовлетворения жизненных потребностей их представителей определяет социальную политику П. Д. Павленок [9]. Данный подход к трактовке изучаемого понятия вбирает в себя содержание и других видов политики, поэтому его рассматривают как широкий. В трудах отечественных исследователей подчеркивается связь социальной политики и социальной безопасности [10].

На основе анализа зарубежных моделей социальной политики исследователи выделяют самые распространенные ее виды (рис. 1) [11, с. 121].

В науке уже сложилось понимание социальной политики в качестве деятельности государственных институтов по управлению социальной сферой. Это один из важнейших видов государственной политики, обратимся к её основным направлениям:

– политика доходов населения;

– политика в сфере труда и трудовых отношений;

– социальная защита и поддержка нетрудоспособных и малоимущих слоев;

– развитие отраслей социальной сферы;

– социоэкологическая политика;

– политика в области инфраструктуры;

– миграционная политика;

– политика в отношении отдельных категорий населения.

Представлено все многообразие направлений, в которых государство выстраивает и реализует систему мер, обеспечивающих заботу о гражданах и среде их проживания. Работа во всех этих сферах требует адекватных современным вызовам подходов и проявления гибкости в реализации политики.

Вполне уместным считаем упомянуть о том, что наша страна в соответствии с Конституцией 1993 г. является социальным государством. Однако далеко не всегда рядовым гражданам России удавалось понять и ощутить на себе смысловое наполнение и реальные блага, предоставляемые социальным государством, да и в Конституции это звучало достаточно скупо и сухо. В версии Конституции 2020 г. социальный характер

Российской Федерации закрепляется гораздо шире и конкретнее. С нашей точки зрения, правовые основы, заложенные в обновленном Основном Законе государства, вполне могут стать фундаментом новой социальной политики России на всех уровнях власти.

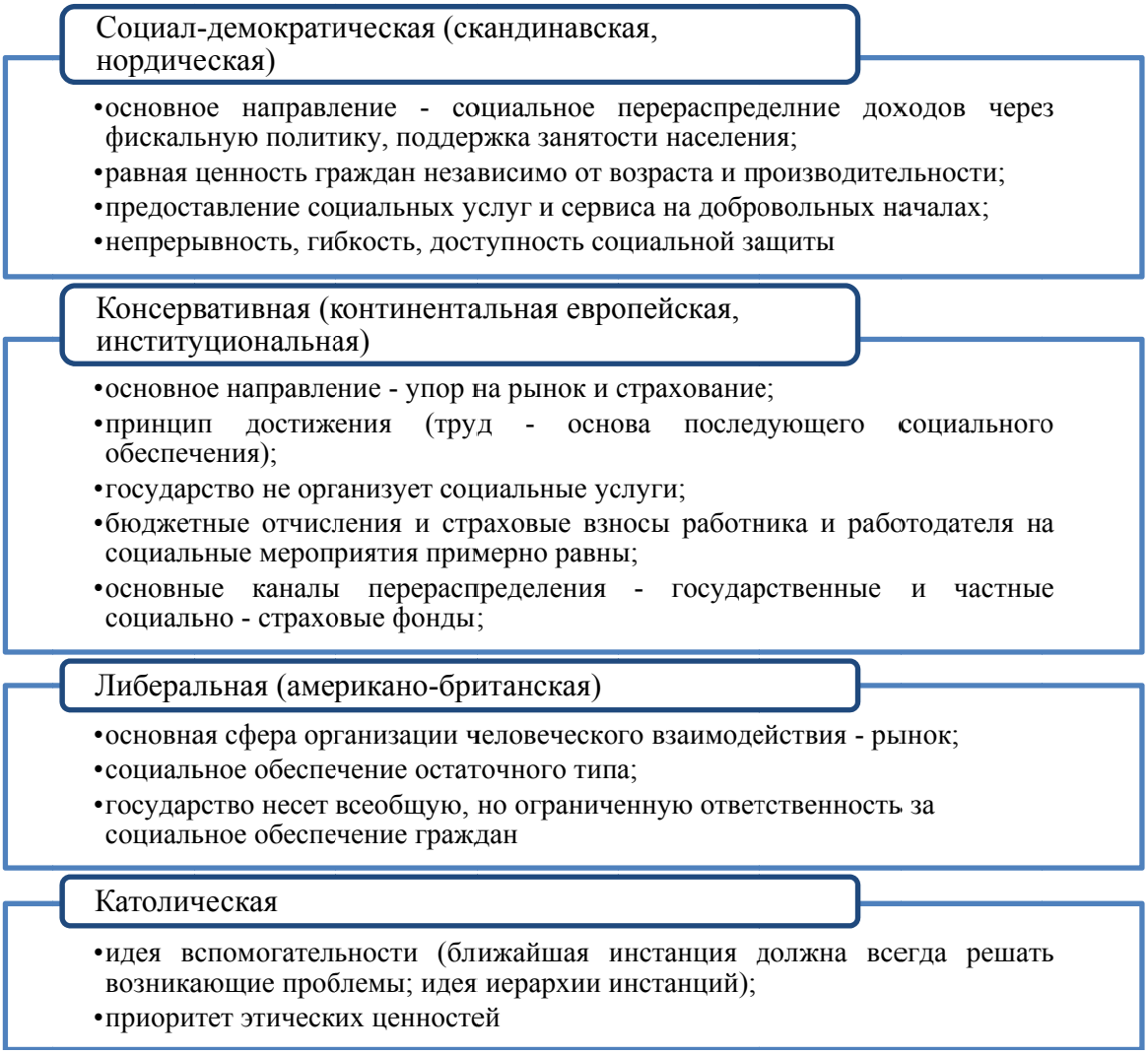

Рис. 1. Модели социальной политики

В то же время отметим, реализуя социальную политику, современные государства по-прежнему в большинстве своем действуют в соответствии с определенной моделью социального государства. «Социальное государство… это мейнстрим мировой политики XX века» [12], «социальная инновация Запада, возникшая в ответ на определенного рода проблемы…» [13, с. 130]. Разграничим существующие модели.

В современной научной литературе [14] отражен ряд подходов к формированию социальных государств (рис. 2). Именно к социал-демократической модели социального государства стремится современная Россия. С нашей точки зрения, представленные теоретические концепты в современном мире весьма условно могут соответствовать моделям социальных государств, существующих в зарубежных странах, т. к. в чистом виде сегодня встретить «континентальную модель» социального государства, реализуемую странами Западной Европы, «скандинавскую» или азиатскую модель, довольно сложно.

Социальное государство либерального типа	Осуществляется поддержка только социально уязвимых групп общества. Главное место занимает защита личной и индивидуальной экономической свободы человека
Социальное государство консервативного типа	Предполагает реализацию такой политики, которая постепенно развивает экономику и социальную сферу до уровня потребностей и интересов большинства граждан
Социальное государство корпоративного типа	Предполагает перенос значительной доли ответственности за социальное благополучие граждан на частный сектор, когда предприятия и организации берут на себя социальную заботу о своих сотрудниках
Социальное государство социал-демократического типа	В качестве основного принципа содержит прямую обязанность власти за непрерывную социальную защиту независимо от возраста и производительности человека. Социальная защита охватывает все сферы жизнедеятельности и создает равные социальные условия для всех групп населения.

Рис. 2. Подходы к формированию социальных государств

На данный момент все больше приходится говорить о неких гибридных подходах, своеобразных «гибридах» социальных государств и их функций, которые год от года должны трансформироваться, реагируя на обилие новых вызовов и угроз, возникающих с завидным постоянством и поражающих своими масштабами, о которых еще в 2014 г. рассуждал французский социолог и философ Бруно Латур. В своей книге «Пересобирая социальное» («Reassembling the Social») [15] Б. Латур размышляет о сущности современного общества и значении всего «социального», заявляя о необходимости определенного пересмотра отношения к понятию «социального», социальных функций государства и науки. По Латуру, залогом успеха в современных социальных функциях является гибкость и новые подходы. «Только свежесть результатов социальной науки может гарантировать ее политическую значимость», – отмечает он.

Исследователи [16] отмечают риски становления социального государства в Российской Федерации (рис. 3).

Российская Федерация на данный момент находится на пути от декларативного социального государства к реальному, реагируя на современные угрозы. Однако говорить о «пересборке» социальной политики государства, его социальных функций и возможностей пока преждевременно, хотя поправки в Конституцию 2020 г. заложили для этого прочную правовую основу. Схожей позиции придерживается и Е. С. Устинович в своей работе, направленной на анализ современной государственной политики регионального развития [17].

Ярким примером этому стала пандемия коронавирусной инфекции, заставившая пересмотреть подходы к социальным функциям государства и социальной политике в целом. Исходя из этого, требуется пересмотр теоретических моделей и механизмов реализации социальной политики в нашей стране.

Рис. 3. Риски становления социального государства в Российской Федерации

Уместно отметить и тот факт, что поиск альтернативных подходов к разработке и реализации социальной политики ведется уже несколько лет. Но с началом пандемии стартовало довольно активное его осмысление. Происходит корректировка или даже пересмотр целей, содержания, основополагающих принципов социальной политики. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 явилась мощным катализатором, запустившим безотлагательные изменения в социальной политике России и зарубежных стран.

Необходимо отметить, что согласно результатам исследований Всемирного банка различные антикризисные меры социальной поддержки были реализованы в 195 странах мира. Подавляющее большинство государств оказало поддержку с помощью прямого или косвенного субсидирования доходов бизнеса и граждан. Для спасения жизней людей правительственные структуры вводят небывалые по масштабам в современной истории государственного управления режимы изоляции, приостанавливают работы отдельных секторов экономики, направляют огромные финансовые ресурсы на её оздоровление и спасение. Здоровье населения стало главным приоритетом в период пандемии. Социальная роль государства многократно возросла, вырабатывая и осуществляя новые меры социальной поддержки граждан. Совершенно очевидна необходимость пересмотра подходов социальной политики России для эффективного противостояния подобного рода угрозам в будущем. При этом в недалеком будущем звучало много призывов экономистов и политиков либерального толка о необходимости урезания социальных расходов, т. к. они порождают социальное иждивенчество, сдерживают экономическое развитие и рост. Однако сейчас роль государства в сдерживании угроз и последствий пандемии трудно переоценить, оно выступает не только в роли «спасательного круга» для людей, но и для финансово-экономической системы, компенсируя потери и сглаживая последствия кризиса. Для это-

го используются различные подходы и механизмы, применимые в разных странах. Подробнее остановимся на пакете мер для поддержки семей, в которых есть несовершеннолетние дети, и мерах поддержки системы здравоохранения[1], т. к. эти виды поддержки были самыми масштабными, имели пакетный характер (рис. 4).

С нарастанием длительности пандемии снижались показатели доходов населения, возрос уровень бедности, особенно болезненно это отразилось на семьях, имеющих малолетних детей. Государством были оказаны дополнительные меры поддержки, указанные на рисунке 4. Максимальный компенсационный эффект от нового социального пакета поддержки направлен на семьи с детьми от 3 до 7 лет, для них повышение уровня доходов довольно ощутимо. Для остальных семей это лишь эпизодические меры поддержки социальной политики, не оказывающие необходимой компенсации выпадающих доходов. Исходя из этого, новые меры социальной политики для семей, имеющих детей, выполняют функцию компенсации выпадающих доходов, однако не позволяют в полной мере вернуться к докризисному уровню жизни.

Достаточно серьезный пакет мер поддержки был сформирован и реализуется в сфере здравоохранения (рис. 5) как основного форпоста борьбы с коронавирусной инфекцией. Причем здесь государство уделило внимание и напрямую гражданам, обеспечив возможность дистанционной покупки лекарств и внедрив временный упрощенный порядок признания лица инвалидом. Это очень важно ещё и с точки зрения «расбюрокрачивания» и ускорения реагирования, а также проявления гибкости социальных мер, оказываемых государством, и социальной политики в целом.

Эксперты отмечают, что в последние годы не было такой высокой инфекционной заболеваемости. В итоге создалось ложное впечатление о невостребованности инфекционной службы, были сокращены инфекционные службы, материальные ресурсы и кадры. Такое решение привело к тому, что, когда развилась пандемия COVID-19, резервов инфекционной службы оказалось крайне недостаточно. Пандемия убедительно показала, что инфекционная служба является стратегической, она всегда должна быть на высоте и готова к возникновению любых эпидемических подъемов заболеваемости. За это пришлось заплатить немалую цену в начале пандемии, когда критически не хватало инфекционных коек в больницах, карет скорой помощи, средств защиты и медицинский персонал не был подготовлен к такого рода вызовам. Все вышеперечисленное прямым образом влияет на общий уровень удовлетворенности общества властью, уверенности населения в её дееспособности и эффективности.

Это в конечном итоге и является одним из самых существенных факторов, формирующих политическую стабильность в государстве, однако есть и ряд других выделенных в международных исследованиях и рейтингах [18]. Определение и оценка политической стабильности – одна из проблем политико-практического звучания. Оценка рисков и принятие эффективных политических решений осуществляются на основе моделирования и прогнозирования политической стабильности. В последние десятилетия рядом крупнейших организаций и аналитических центров были организованы соответствующие исследования и составлены индексы политической стабильности государств мира.

[1] Основные меры Правительства Российской Федерации, направленные на поддержку граждан и предприятий в период пандемии. URL: ach.gov.ru/upload/iblock/4ad/4ad75e37729488d2f1a379f68de9731a.pdf (дата обращения: 12.03.2022).

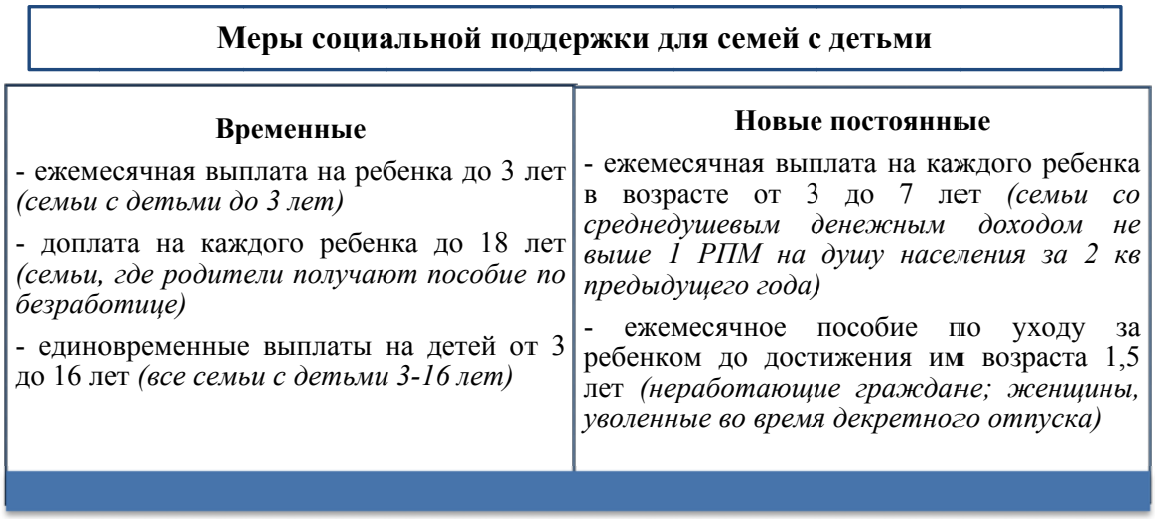

Рис. 4. Меры социальной поддержки для семей с детьми, принятые в связи с пандемией коронавируса в РФ

Рис. 5. Меры социальной поддержки в здравоохранении

Как показывает политическая практика стран бывшего СССР, которые с Россией объединяет не только совместная история и сосуществование в рамках одного государства, но и некогда общая политическая система, бюрократическая модель, механизмы формирования и реализации государственной политики – все это, безусловно, повлияло на схожие проблемы и перекосы нового государственного строительства на постсоветском пространстве, породило появление множества социальных проблем, связанных во многом с тем, что советские граждане привыкли к небольшим, но гарантированным социальным благам, и социальное государство было для них нормой, тем, что уже само собой разумеется. Поэтому большой проблемой стало отсутствие возможности у бывших советских стран вести системную социальную политику в полном смысле этого концепта, не исключением была в первые двадцать лет после распада СССР и Россия, также в полной мере не оправдывая закрепленный в Конституции статус социального государства. Все это и привело, на наш взгляд, к социальным проблемам и политической нестабильности на постсоветском пространстве и цветным революциям при «направляющей» роли США и стран Европы с их активными НКО [19].

Выводы

У России, как показывает практика последних лет, есть довольно большой потенциал и ресурсы для реализации концепта социального государства. Ряд мер, делающих наше государство истинно социальным, уже закреплено в обновленной Конституции, дело лишь за реализацией. Повторимся, что это очень важно для страны в период санкций и вызовов пандемии, т. к. явный рост протестной активности и волнения политического характера вызваны не умениями и талантами российской несистемной оппозиции, а падающим уровнем социальной защищенности населения и без того невысоким, о чем совсем недавно упомянул и Глава государства В. В. Путин, что говорит о понимании остроты проблемы политической властью, но наша страна – это Федерация, и реализация принятых решений в регионах и муниципалитетах на данный момент самое проблемное место в сформированной системе управления государством. Ведь степень эффективности социальной политики истинно становится понятна только на местном уровне, где и формируется ядро политической стабильности государства, претворяются в жизнь основные политические решения.

Список литературы

1. Сидорина Т. Ю. История и теория социальной политики. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2010. 559 с.

2. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990.

3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1975.

4. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М.: Гнозис, 1994. 319 с.

5. Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 2: Новый промышленный и общественный мир, или Изобретение метода привлекательной и естественной индустрии, организованной по сериям, построенным на страстях. М.: СОЦЭКГИЗ, 1939. 466 с.

6. Зомбарт В. Идеалы социальной политики. СПб.: Знание, 1900. 74 с.

7. Струве П. Б. Понятие и проблема социальной политики. СПб.: Тип.-лит. Шредера, 1910. 27 с.

8. Weddigen W. Sozialpolitik. Eine Einfuhrung in ihre Theorie und Praxis. Jena: Gustav Fisher, 1933. P. 119–137.

9. Основы социальной работы / [П. Д. Павленок и др.; отв. ред. В. Д. Павленко]. 3-изд., испр. и доп. М.: Инфра-М, 2006. 559 с.

10. Колков В. В. Система социальной безопасности в теории социальной работы. М.: Социально-технологический ин-т, 1988. Ч. 1. 183 с.

11. Лозовова Л. А., Немашкалова К. Г. Анализ зарубежных моделей социальной политики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 1. С. 120–128.

12. Кочеткова Л. Н. Социальное государство: опыт философского исследования. М.: Либроком, 2016. 160 с.

13. Канарш Г. Ю. Социальное государство: исторический генезис и современные модели // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 128–142.

14. Охотский Е. В., Богучарская В. А. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат // Труд и социальные отношения. 2012. № 5(95). С. 30–44.

15. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.

16. Лимонова М. А., Синяев М. В. Риски становления социального государства в РФ в условиях современных технологий организации взаимодействия власти и населения // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 7(63). С. 13–17.

17. Устинович Е. С. Социально-политические и экономические процессы в субъектах Российской Федерации и современная государственная политика регионального развития // Социальная политика и социальное партнерство. 2020. № 8. С. 9–12.

18. Пальцев М. А., Торкунов А. В. Россия в международных рейтингах. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. 656 с.

19. Политическая стабильность в современном мире / С. В. Алексеев, А. М. Арефьев, М. А. Бочанов [и др.]. М.: КНОРУС, 2022. 204 с.

References

1. Sidorina T. Yu. Istoriya i teoriya social'noj politiki [History and theory of social policy]. Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t, 2010. 559 p.

2. Platon. Sobranie sochinenij [Collected works]. Moscow, Mysl' Publ., 1990.

3. Aristotel'. Sochineniya [Essays]. Moscow, Mysl' Publ., 1975.

4. Heffe O. Politika. Pravo. Spravedlivost'. Osnovopolozheniya kriticheskoj filosofii prava i gosudarstva [Politics. Right. Justice. The foundations of the critical philosophy of law and the State]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 319 p.

5. Fur'e Sh. Izbrannye sochineniya. T. 2: Novyj promyshlennyj i obshchestvennyj mir, ili Izobretenie metoda privlekatel'noj i estestvennoj industrii, organizovannoj po seriyam, postroennym na strastyah [Selected works. Vol. 2: The New industrial and social world, or the Invention of a method of attractive and natural industry organized according to series built on passions]. Moscow, SOCEKGIZ Publ., 1939. 466 p.

6. Zombart V. Idealy social'noj politiki [Ideals of social policy]. St. Petersburg, Znanie Publ., 1900. 74 p.

7. Struve P. B. Ponyatie i problema social'noj politiki [The concept and problem of social policy]. St. Petersburg, Tip.-lit. Shredera, 1910. 27 p.

8. Weddigen W. Sozialpolitik. Eine Einfuhrung in ihre Theorie und Praxis. Jena: Gustav Fisher, 1933, pp. 119–137.

9. Pavlenok P. D., eds. Osnovy social'noj raboty [Basics of social work]; ed. by V. D. Pavlenko. 3th ed. Moscow, Infra-M Publ., 2006. 559 p.

10. Kolkov V. V. Sistema social'noj bezopasnosti v teorii social'noj raboty [Social security system in the theory of social work]. Moscow, Social'no-tekhnologicheskij in-t, 1988, pt. 1. 183 p.

11. Lozovova L. A., Nemashkalova K. G. Analiz zarubezhnyh modelej social'noj politiki [Analysis of foreign models of social policy]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal administration. Scientific notes*, 2014, no. 1, pp. 120–128.

12. Kochetkova L. N. Social'noe gosudarstvo: opyt filosofskogo issledovaniya [The Welfare State: the experience of philosophical research]. Moscow, Librokom Publ., 2016. 160 p.

13. Kanarsh G. Yu. Social'noe gosudarstvo: istoricheskij genezis i sovremennye modeli [The welfare State: historical genesis and modern models]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Ability*, 2018, no. 1, pp. 128–142.

14. Ohotskij E. V., Bogucharskaya V. A. Social'noe gosudarstvo i social'naya politika sovremennoj Rossii: orientaciya na rezul'tat [Social State and social policy of modern Russia: result orientation]. *Trud i social'nye otnosheniya = Labor and social relations*, 2012, no. 5(95), pp. 30–44.

15. Latur B. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-network Theory]; ed. by S. Gavrilenko. Moscow, Izd. dom VSHE, 2014. 384 p.

16. Limonova M. A., Sinyaev M. V. Riski stanovleniya social'nogo gosudarstva v RF v usloviyah sovremennyh tekhnologij organizacii vzaimodejstviya vlasti i naseleniya [The risks of the formation of a welfare state in the Russian Federation in the conditions of modern technologies of the organization of interaction between the government and the population]. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*, 2019, no. 7(63), pp. 13–17.

17. Ustinovich E. S. Social'no-politicheskie i ekonomicheskie processy v sub"ektah Rossijskoj Federacii i sovremennaya gosudarstvennaya politika regional'nogo razvitiya [Socio-political and economic processes in the subjects of the Russian Federation and modern state policy of regional development]. *Social'naya politika i social'noe partnerstvo = Social policy and social partnership*, 2020, no. 8, pp. 9–12.

18. Pal'cev M. A., Torkunov A. V. Rossiya v mezhdunarodnyh rejtingah [Russia in international rankings]. Moscow, MGU im. M. V. Lomonosova Publ., 2019. 656 p.

19. Alekseev S. V., Aref'ev A. M., Bochanov M. A., eds.Politicheskaya stabil'nost' v sovremennom mire [Political stability in the modern world]. Moscow, KNORUS Publ., 2022. 204 p.

Информация об авторах / Information about the Author

Бочанов Максим Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: max8797@list.ru,
ORCID: 0000-0002-0802-1418

Maksim A. Bochanov, Cand. of Sci. (Political), Associate Professor of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel, Russian Federation,
e-mail: max8797@list.ru,
ORCID: 0000-0002-0802-1418

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-146-162

(cc) BY 4.0

Роль русских на Северном Кавказе в представлениях полиэтничной молодежи региона

А. М. Ерохин [1], Е. А. Авдеев[1] ✉, С. М. Воробьев[1]

[1]Северо-Кавказский федеральный университет
ул. Пушкина 1, г. Ставрополь 355017, Российская Федерация

✉ e-mail: ewg.avdeev@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Значительный отток русского населения из региона, связанный с драматическими событиями 1990-х годов, последующие низкие темпы социально-экономического развития и отрицательная демографическая динамика привели к снижению роли русских на Северном Кавказе. Это актуализирует научную значимость вопросов изменения этностатусных позиций русского населения в представлениях современной полиэтничной молодежи.*

Цель исследования *состоит в определении представлений полиэтничной молодежи Северного Кавказа о роли русских в регионе в советский и постсоветский периоды.*

Задачами исследования *являются: выявление факторов влияния русских на экономику, социальную сферу и культуру Северного Кавказа в советский период, изменения роли русских на Северном Кавказе в постсоветской реальности, а также определение причин оттока русских из северокавказских регионов и оценка молодежью Северного Кавказа этих процессов.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались основные концептуально-теоретические подходы к проблеме социальной памяти. Эмпирической основой является социологическое исследование (2022 г). представлений молодежи ведущих вузов Северного Кавказа о роли и месте русских на Северном Кавказе в советский и постсоветский периоды истории.*

Результаты *исследования показали, что абсолютное большинство респондентов, независимо от национальности и вероисповедания, положительно оценивает вклад русского населения в развитие экономики, социальной сферы и культуры регионов Северного Кавказа. Основными причинами оттока русских в постсоветский период респонденты считают изменения в социально-политической жизни региона, отсутствие перспектив для развития и самореализации, низкий уровень жизни и высокую безработицу, клановость и коррупцию.*

Выводы. *Советский период истории Северного Кавказа в представлениях молодежи определялся значимой ролью русского населения в развитии региона. Отток русских из регионов Северного Кавказа продолжает оставаться актуальной проблемой и снижает возможности дальнейшего социально-экономического развития. Уменьшение оттока русского населения и снижение миграционных установок молодежи возможно в рамках успешной модернизации экономики, социальной сферы и культуры.*

Ключевые слова: *советская история; социальная память; русское население; молодежь; Северный Кавказ.*

Финансирование: *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43018.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Ерохин А. М., Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Роль русских на Северном Кавказе в представлениях полиэтничной молодежи региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 146–162. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-146-162.

Поступила в редакцию 31.05.2022 Принята к публикации 18.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Ерохин А. М., Авдеев Е. А., Воробьев С. М., 2022

The Role of Russians in the North Caucasus in the Views of the Region's Multi-Ethnic Youth

Aleksey M. Erokhin[1], Evgenij A. Avdeev[1] ✉, Sergej M. Vorobev[1]

[1]North-Caucasus Federal University
1 Pushkin Str., Stavropol 355017, Russian Federation

✉ e-mail: ewg.avdeev@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Considerable outflow of the Russian population from the region, associated with the dramatic events of the 1990s, the subsequent low rates of socio-economic development and negative demographic dynamics led to a decrease in the role of Russians in the North Caucasus. This factor actualizes the scientific significance the issues of changing the ethno-status positions of the Russian population in the assessments of modern multi-ethnic youth.*

The purpose *is to determine the multi-ethnic young peoples' perceptions of the North Caucasus about the role of Russians in the region in the Soviet and post-Soviet periods.*

Objectives *are to identify the factors of influence of Russians on the economy, social sphere and culture of the North Caucasus in the Soviet period, the change in the role of Russians in the North Caucasus in the post-Soviet reality, to determine the reasons for the outflow of Russians from the North Caucasus and the assessment of these processes by the North Caucasus youth.*

Methodology. *In the process of working on the research, the main conceptual and theoretical approaches to the problem of social memory were used. The empirical basis is a 2022 sociological study of the young people' perceptions from leading universities in the North Caucasus about the role and place of Russians in the North Caucasus in the Soviet and post-Soviet periods of history.*

Results. *The study revealed that the vast majority of respondents, regardless of nationality and religion, positively assess the contribution of the Russian population to the development of the economy, social sphere and culture of the regions of the North Caucasus. According to the respondents, the main reasons for the outflow of Russians in the post-Soviet period are changes in the socio-political life of the region, the lack of prospects for development and self-realization, low living standards and high unemployment, clannishness and corruption.*

Conclusion. *The Soviet period of the North Caucasus in the young peoples' perceptions was determined by the significant role of the Russian population in the development of the region. The outflow of Russians from the regions of the North Caucasus continues to be an urgent problem and reduces the possibility of further socio-economic development. A decrease in the outflow of the Russian population and a decrease in the migration attitudes of young people is possible as part of the successful modernization of the economy, social sphere and cultural life.*

Keywords*: Soviet history; social memory; Russian population; youth; North Caucasus.*

Funding*: The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 21-09-43018.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Erokhin A. M., Avdeev E. A., Vorobev S. M. The Role of Russians in the North Caucasus in the Views of the Region's Multi-Ethnic Youth. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 146–162. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-146-162.

Received 31.05.2022 Accepted 18.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

При изучении социально-политических процессов на Северном Кавказе в советский период важен анализ роли русского населения и динамики его влияния на все стороны жизни региона с учетом современной реальности.

В СССР русские составляли четверть населения национальных республик Северного Кавказа и являлись одним из основных акторов социально-экономичес-

кого и культурного развития региона. Драматические события 1990-х гг., резкое падение уровня и качества жизни и последующие низкие темпы социально-экономического развития привели к снижению численности русских, проживающих на Северном Кавказе.

Северный Кавказ является «фронтирным» регионом, где происходит взаимодействие народов и культур. Особенностью северокавказского региона является взаимодействие народов, имеющих различные социокультурные традиции, разные этнокультурные и религиозные основы. В регионе происходит взаимодействие различных цивилизаций, религий и культур, стабилизирующей основой которых является общероссийская идентичность. Русские, выступающие носителями русского языка, культуры и государственности, исторически способствовали включению северокавказских народов в единое социокультурное пространство России. Снижение их численности, связанное с миграцией и негативными демографическими трендами, оказывает влияние на темпы социально-экономического развития региона и может актуализировать деструктивный потенциал межэтнических отношений. Основное внимание в статье уделено представлениям молодежи региона о роли русских на Северном Кавказе в советский и постсоветский периоды. Эта проблематика актуальна для понимания динамики и направленности современных социокультурных и социально-экономических процессов в регионе, сценариев их дальнейшего развития и оценки рисков потенциальной конфликтогенности.

Цель исследования состоит в определении представлений и оценок полиэтничной молодежи Северного Кавказа о роли русских в регионе в советский и постсоветский периоды.

Русские на Северном Кавказе стали, наряду с государственной властью, основным актором становления и укрепления российского государства в регионе, проводниками институтов российской культуры. В советский период им принадлежала значительная роль в развитии экономики, социальной сферы, образования и культуры национальных республик. В современной России политизация прошлого, превращение исторической памяти в ресурс развития Северного Кавказа определяется сложным периодом глубоких социально-политических трансформаций 1990-х гг. и болезненным выходом на путь стабилизации и развития. Это произошло в связи с дискредитацией советских идеологических нарративов, болезненным процессом демократизации, делающей возможным «публичную артикуляцию версий коллективного прошлого, которые прежде подавлялись и замалчивались» [1, с. 14–15]. Социальная память является одним из базовых элементов формирования концептуальных моделей современной общероссийской идентичности на Северном Кавказе. Общероссийская идентичность позволит интегрировать многонациональный Северный Кавказ в большое российское поликультурное сообщество. В этой связи рядом российских историков подчеркивается важная роль публичных стратегий в формировании отношения к прошлому, а также практик коммеморации в формировании объединяющих исторических нарративов[1]. Большое значение происходящих институциональных изменений имеет отражение и восприятие этих изменений со стороны индивидов [2, с. 23]. Вопросами изменения этностатусных позиций русского населения, проблемами межнациональных отношений на Северном Кавказе занимались В. А. Авксентьев [3], В. С. Белозеров [4], Г. С. Денисова [5], С. Я. Сущий [6; 7], А. А. Цуциев [8] и другие ученые Юга России. Исследование представлений молодежи о роли русских на Северном Кавказе позволяет

[1] Миллер А. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Гефтер. 20.01.2014. URL: http:gefter.ru/archive/11115 (дата обращения 13.03.2022).

определить состояние, характер и направленность изменений положения русского населения в регионе.

Методология

Рассмотрение роли русских на Северном Кавказе предполагается в рамках нескольких, выделенных авторами, методологических подходов:

– этнический подход, позволяющий выявить социальное самочувствие русского населения, наличие/отсутствие у него миграционных установок;

– региональный подход, предполагающий определение роли и места русских в социально-экономическом развитии региона, положения русской культуры и русского языка в национальных республиках;

– институциональный подход, позволяющий определить имплементацию основных социокультурных институтов, лежащих в основе общероссийской идентичности, реализации основных стратегий национальной и молодежной политики Российской Федерации на Северном Кавказе.

Русские на Северном Кавказе исторически выступали в качестве носителей общероссийской институциональной матрицы, которую они имплементировали в социокультурные отношения различных народов региона. Это положение актуализирует настоящее исследование оценок и представлений современной полиэтничной молодежи региона о роли русских в истории Северного Кавказа и их современной значимости.

Рассматривая представления молодежи, авторы исходили из того, что индивидуальные представления молодых людей включают в себя коллективную память, выходящую далеко за границы личностного опыта. Как отмечает А. Ассман, в сознании человека всегда совмещается память индивидуума, социальной группы, политического коллектива нации и память культуры [9, с. 17–19]. Согласно К. Маннгейму, молодежь особенно восприимчива к полученному опыту, возрастной период от двенадцати до двадцати пяти лет становится определяющим в формировании представлений и установок на всю последующую жизнь человека [10]. Определение оценок и представлений современной молодежи региона позволит уточнить политику конструирования и укрепления общероссийской идентичности молодежи региона, внести дополнительный вклад в знание о роли русских на Северном Кавказе в истории и современности.

Эмпирические данные, раскрывающие оценки и представления молодых людей о роли русских на Северном Кавказе в советский и постсоветский период, были получены на основе проведенного анкетного опроса в феврале-марте 2022 г. Инструментарий включал в себя перечневые, табличные, оценочные и открытые вопросы. Объектом опроса стали студенты в возрасте 18–24 лет ведущих вузов Северного Кавказа, аккумулирующих в себе молодых людей, представителей всех субъектов СКФО: Северо-Кавказского федерального университета, Ставропольского государственного аграрного университета и Ставропольского государственного медицинского университета (г. Ставрополь), Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск). Выбор в качестве объекта студенческой молодежи ведущих вузов Северного Кавказа обусловлен ее значительной долей в когорте молодежи 18–24 лет, получающей высшее образование в регионе [11, с. 21] и ее ведущей ролью в формировании ценностных оснований идентичности в регионе в силу ее образованности и социально-политической активности.

Выборка по полу составила 54% девушек и 46% юношей. Для анализа результатов исследования по этническому признаку ответы на вопрос «Кем Вы считаете себя по национальности?» были объединены в две основные группы: 1) русские; 2) народы Северного Кавказа. В выборку 2022 г. вошло 50% русских,

40% северокавказских народов и 10% относящих себя к другим народам региона. Наличие среди опрошенных значительного числа молодых людей, приехавших на учебу из республик Северного Кавказа, позволяет экстраполировать результаты исследования на молодежь северокавказского региона. Разделение выборочной совокупности на этнических русских и тех, кто отнес себя к северокавказским народам, обусловлено задачами количественного исследования: выявление и сравнение сходств/различий представлений респондентов о роли русских в регионе. Всего было опрошено 1235 респондентов. Опрос проводился в онлайн-формате.

Результаты и их обсуждение

Расселение русских на Северном Кавказе исторически является разнонаправленным и сложным процессом. Ареалы русских в регионе менялись в зависимости от государственной политики, социокультурных и демографических процессов в России. Модернизационное развитие на Северном Кавказе в основном пришлось на советский период истории. Значимая роль русских в модернизации региона определялась в большей степени не национальной политикой советского государства, а их вкладом в развитие промышленности, образования, здравоохранения и культуры региона. Русификация социокультурной жизни Северного Кавказа являлась логическим продолжением модернизации, включающей в себя индустриализацию, развитие коллективных форм сельского хозяйства, образования и здравоохранения, пропаганду советской идеологии и культуры. Такое положение русских вытекало из логики советской модернизации, основанной на индустриальном развитии и формировании обеспечивающей социальной сферы. Русское население являлось носителем базовых институтов российской культуры, государственности, ядром научно-технической интеллигенции. Русские специалисты внесли большой вклад в становление и развитие национальной интеллигенции северокавказских народов, стали проводниками советской модерности. Они способствовали модернизации основных государственных, социальных и экономических институтов национальных республик. В позднесоветский период закончилась территориальная экспансия русских, произошло ухудшение их демографических показателей, начались процессы депопуляции и старения русского населения на Северном Кавказе [4; 5].

Основными факторами, определяющими положение русских в постсоветский период, являлись дезинтеграционные тенденции, связанные с распадом Советского Союза, глубоким кризисом в социально-экономической сфере, ослаблением государственной власти, приведшие к всплеску сепаратизма и национализма. В этот период начался масштабный и интенсивный отток русского населения, происходило снижение роли и социально-статусных позиций русских в регионе. Многочисленное и достаточно влиятельное русское население в национальных республиках региона стало испытывать социально-психологический дискомфорт, с чем они не сталкивались в советское время. Значимым фактором, наиболее остро проявившимся в 1990-е – первой половине 2000-х гг. и способствовавшим усилению оттока русского населения из регионов Северного Кавказа, стало сочетание высокой рождаемости северокавказских народов и отсутствие активного экономического роста [12]. Это приводило к массовой безработице, особенно среди молодежи. В 2010-е гг., несмотря на существенный рост уровня безопасности и активизацию антикоррупционной борьбы, меры поддержки социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа не обеспечили темпов опережающего развития. Не удалось существенно снизить уровень безработицы, а средняя зарплата

в регионах по-прежнему ниже среднероссийских значений. Продолжают сохраняться и проблемы дотационности бюджетов субъектов СКФО РФ, развития социальной инфраструктуры [13, с. 114].

Низким темпам модернизационного развития в 2010-х гг. способствовал высокий уровень коррупции и низкая эффективность государственного управления регионов Северного Кавказа. Серьезным препятствием в развитии региона стал отток наиболее квалифицированных специалистов – представителей русского населения. Подавляющее большинство русских, покинувших республики Северного Кавказа, были представителями гуманитарной и технической интеллигенции – учителями, врачами, инженерами, научными работниками, специалистами в области высоких технологий. Например, была прекращена деятельность предприятий оборонно-промышленного комплекса в Дагестане, которые обеспечивали 80% экономики республики [14].

Изменение положения русских на Северном Кавказе в постсоветский период проходило под влиянием таких факторов, как:

– ускоренное развитие экономических процессов на основе рыночных отношений, приведшее к трансформации ценностей, социальных ролей, норм и правил поведения;

– активизация миграционных процессов в связи с разрушением советской промышленности и агропромышленного комплекса, ростом безработицы, падением уровня жизни, отсутствием личностных перспектив;

– отток русского населения из районов вспыхивающих межнациональных конфликтов, носящих в том числе и вооруженный характер;

– скрытое выдавливание русских специалистов из сферы государственного управления, образования и здравоохранения, создание морально-психологического дискомфорта в различных сферах общественной жизни;

– воздействие глобализационных процессов на русское городское население, формирование у него новых жизненных стандартов, современных ценностей и жизненных стратегий;

– продолжающийся переезд русского сельского населения в города в связи с технологизацией сельского хозяйства, растущей безработицей на селе, а также отъездом молодежи на учебу и работу в города.

Одним из важнейших факторов положения русских на Северном Кавказе является социальное благополучие русского населения, при этом недостаточно востребованной и подверженной риску ухудшения своего социального положения является молодежь. Молодежь региона составляет значительную часть его населения, отличается высоким уровнем социально-политической активности, а востребованность ее потенциала остается низкой. Социальное благополучие молодежи является своеобразным маркером, который включает в себя уровень потребления, степень социальной защищенности, возможности личностного успеха и самореализации. На личностном уровне это баланс между уровнем социальных притязаний людей и степенью удовлетворенности их важнейших потребностей [15]. Основные опасения молодых людей, обостряющиеся в условиях кризиса, связаны с падением уровня жизни, уровня доходов и потерей работы [16, с. 73–75]. Социальное благополучие молодежи Северного Кавказа характеризуется тенденцией к снижению уровня удовлетворенности условиями жизни в регионе, возможностей самореализации и перспектив дальнейшего личностного и профессионального роста [17, с. 203–204; 18].

В ходе исследования социального благополучия молодежи Северного Кавказа была определена степень обеспокоенности молодых людей основными проблемами общественной жизни. Наибольшими проблемами, по мнению опрошен-

ных молодых людей, являются экономические, такие как инфляция, рост цен на товары и услуги, падение уровня доходов и безработица. При этом безработица больше беспокоит молодежь северокавказских народов. Также вызывают большую обеспокоенность и социально-политические проблемы, такие как социальная справедливость, клановость и коррупция, демократия и права человека, а также экстремизм и радикализм. Проблемы социальной справедливости, клановости и коррупции, демократии и прав человека больше беспокоят молодежь северокавказских народов (рис. 1).

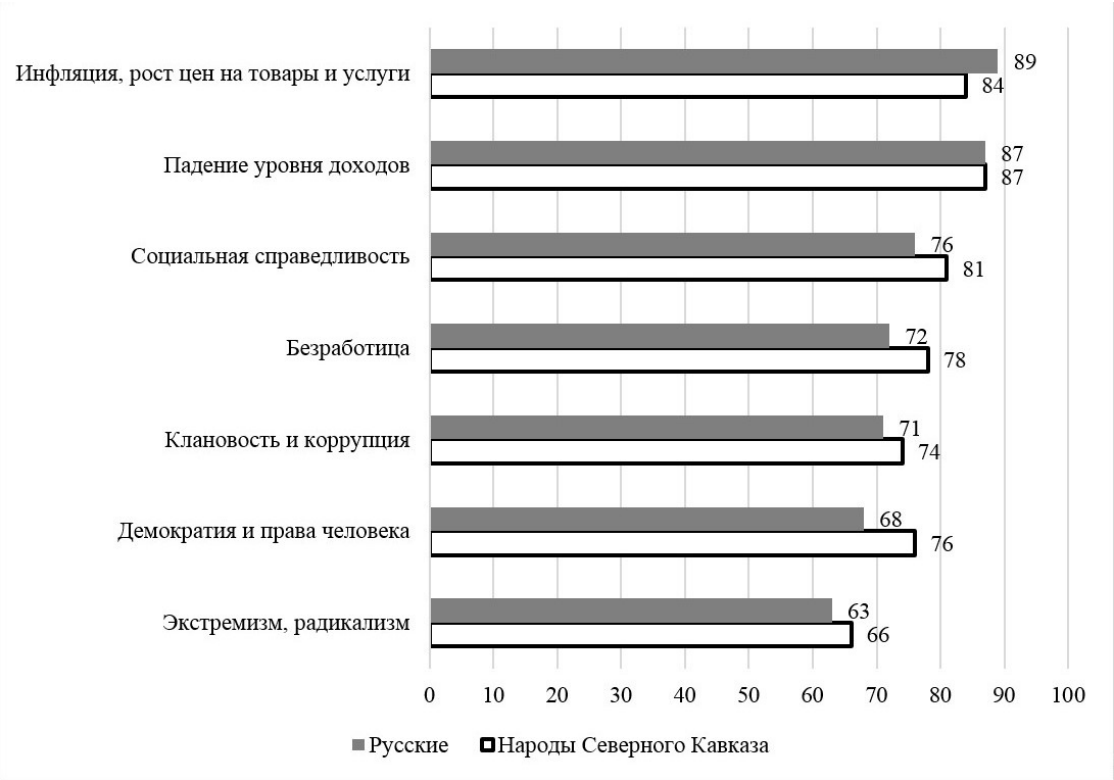

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Беспокоят ли Вас следующие проблемы общественной жизни?» *(СКФО, февраль-март 2022. N=1235, % от числа опрошенных)*

Религиозный фактор при рассмотрении основных проблем, беспокоящих молодежь региона, не играет заметной роли. Респонденты, независимо от религиозной принадлежности, определяющими для себя считают экономические проблемы, такие как инфляция и рост цен на товары и услуги, падение уровня доходов и безработицу. Не менее значимы для них и социально-политические проблемы (рис. 2). Можно предположить, что национальный и религиозный факторы практически не влияют на восприятие молодежью основных проблем общественной жизни. Обеспокоенность абсолютного большинства молодых людей этими проблемами повышают миграционные настроения в молодежной среде. Значительная часть молодежи не видит перспектив личностного роста и успешной самореализации.

Миграционные настроения проявляются в стремлении респондентов продолжить обучение и поиск работы в другом регионе. Так при ответах на вопрос «Планируете ли Вы продолжить обучение или искать работу в другом регионе?» 51% ответили «да» и «скорее да». Религиозная и национальная принадлежность респондентов также практически не влияет на их миграционные установки (табл. 1).

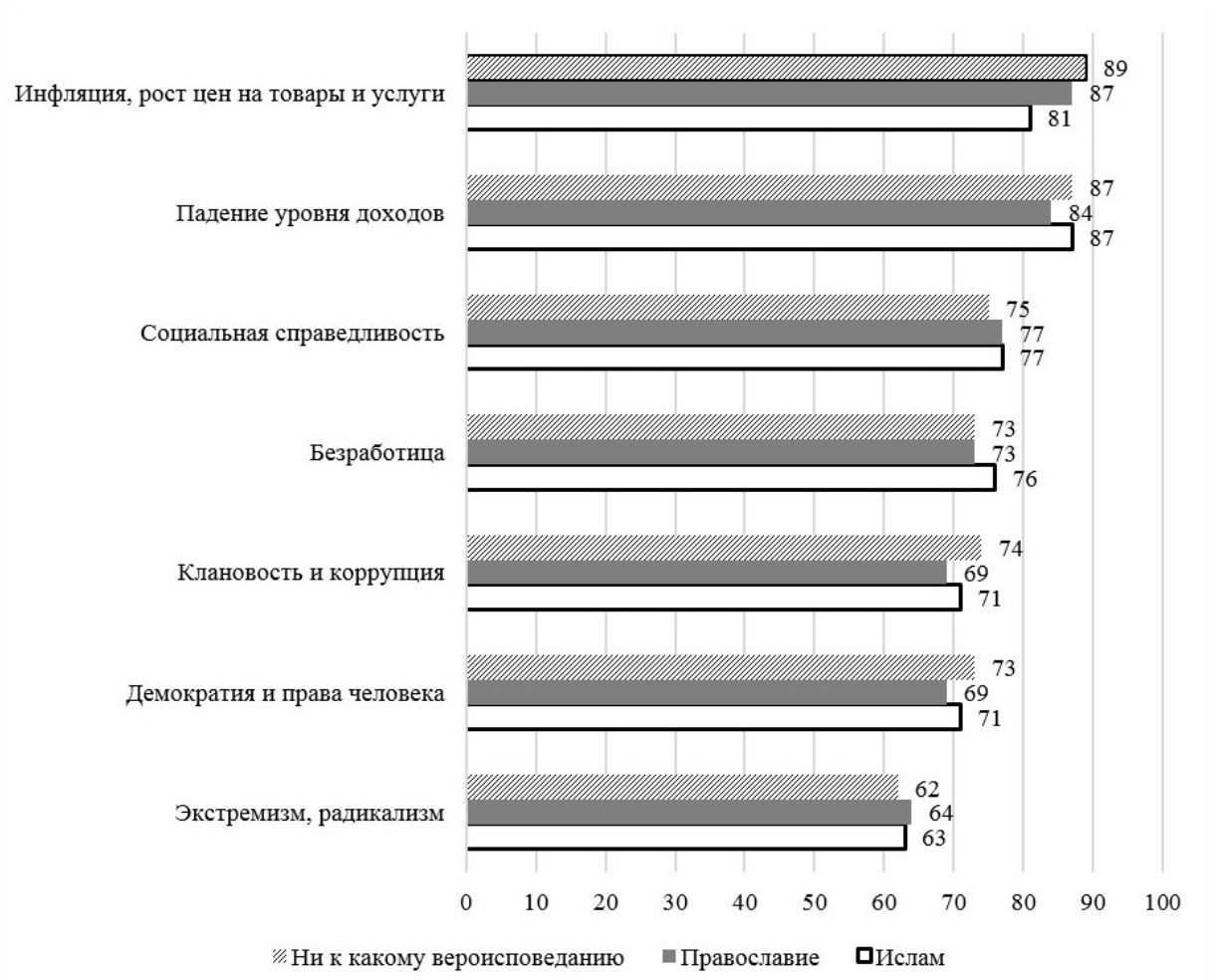

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Беспокоят ли Вас следующие проблемы общественной жизни?» *(СКФО, февраль-март 2022. N=1235, % от числа опрошенных)*

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Планируете ли Вы продолжить обучение или искать работу в другом регионе?» *(СКФО, февраль-март 2022. N=1235, % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Национальность		Вероисповедание			Всего, n=1235
	русские	народы Северного Кавказа	православие	ислам	ни к какому	
Да	25	26	27	25	24	26
Скорее да	25	25	22	25	29	25
Скорее нет	21	22	22	21	17	20
Нет	13	10	13	11	12	12
Затрудняюсь ответить	16	17	16	18	18	17

В качестве главных причин желания уехать из региона респонденты выделили отсутствие перспектив для развития и самореализации, бедность и безработицу, а также клановость и коррупцию. Остальные причины менее значимы (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если да, то по каким причинам?» *(СКФО, февраль-март 2022. N=941, % от числа опрошенных)*

Наряду с проблемами социального благополучия на желание части молодежи покинуть регион влияет ряд долгосрочных факторов, таких как:

– стремление молодых людей получить качественное образование и найти престижную работу;

– недостаточный спрос на высококвалифицированную рабочую силу в связи с малым числом высокотехнологичных компаний и современных промышленных предприятий;

– превращение городов преимущественно в центры торговли и услуг, не требующих специалистов высокой квалификации и не имеющих большого числа высокооплачиваемых рабочих мест;

– частичная архаизация социальных отношений, реактуализация таких явлений, как клановость, этническая комплиментарность, что резко снижает работу механизмов вертикальной мобильности.

Представления современной молодежи о роли и месте русских на Северном Кавказе в советский период в основном, в силу их возраста, формируются не с помощью собственного жизненного опыта, а на основе восприятия и рефлексии над социальной памятью, включающей опыт предыдущих поколений, его репрезентацию в СМИ и в системе образования. Важную роль при этом играют родители, учителя и среда, в которой молодые люди общаются. По мнению респондентов, определяющим фактором в формировании представлений о советской истории и роли в ней русского населения Северного Кавказа является ближний круг, родители, родственники и среда общения, школьные учителя и преподаватели вузов, а также учебники и учебная литература. Большую роль в формировании представлений молодежи при этом играет советское культурное наследие – фильмы и художественная литература, меньшую

роль – блогосфера и социальные сети, ведущие СМИ, современные фильмы и литература. На представления респондентов русских по национальности большее влияние оказывает среда, в которой они общаются, родители и близкие родственники, учебная литература, а также советские фильмы и литература, чем на опрошенную молодежь северокавказских народов (рис. 4). Можно предположить, что молодые люди северокавказских народов больше интересуются сюжетами, связанными с историей национальных республик и исторической судьбой своих народов. Проблема русских на Северном Кавказе в советский период для них не столь актуальна.

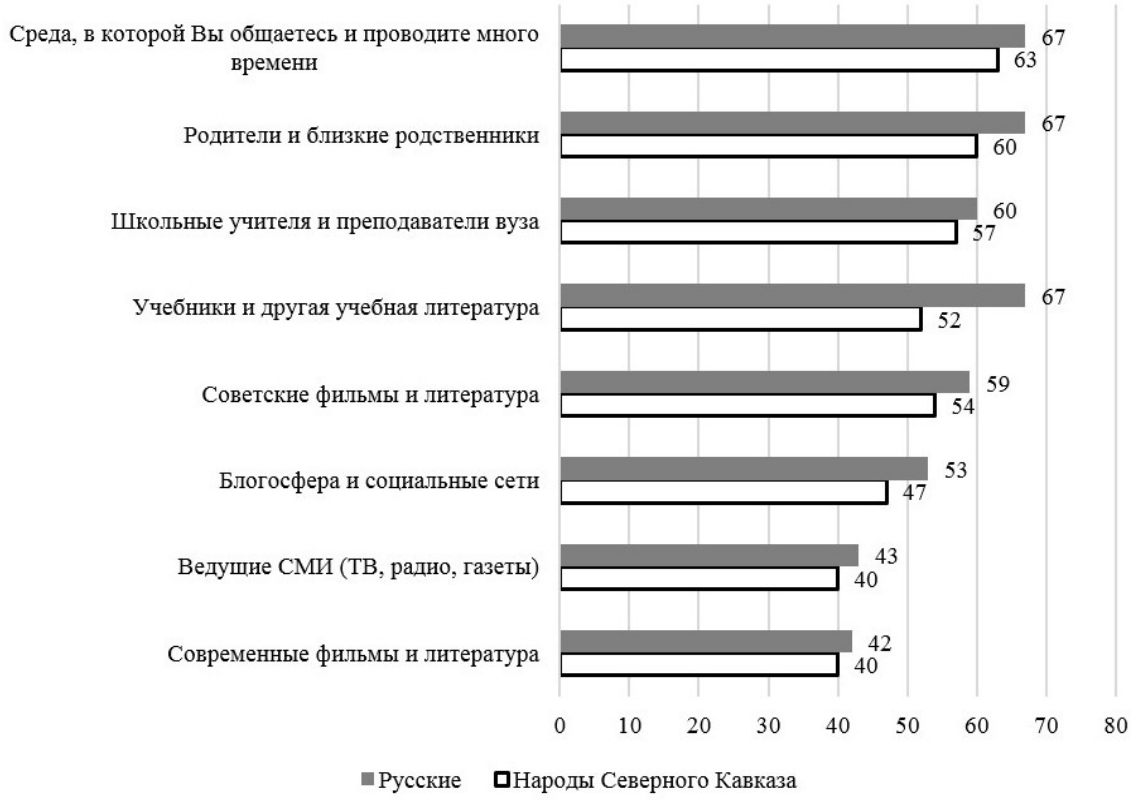

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Кто, по Вашему мнению, повлиял на формирование Ваших представлений о роли и месте русских на Северном Кавказе в советский период?» *(СКФО, февраль-март 2022. N=1235, % от числа опрошенных)*

Религиозный фактор не играет заметной роли в формировании представлений молодых людей о роли и месте русских на Северном Кавказе в советский период. При этом можно отметить, что блогосфера и социальные сети больше всего влияют на взгляды молодых людей, не относящих себя ни к какому вероисповеданию, и меньше всего на представления мусульман.

Важным компонентом исследования являлось определение оценки влияния русских в советский период на экономику, социальную сферу и культуру регионов Северного Кавказа. Респондентам было предложено оценить их влияние по 5-бальной шкале (крайне отрицательное – 1, 2, 3, 4, 5 – полностью положительное). Положительно оценили влияние русских (на «4» и «5») 52% респондентов. Таких оценок среди русских 66%, а среди респондентов северокавказских народов – 46%. Это можно объяснить тем, что для этнических русских вклад русского наро-

да в развитие Северного Кавказа в советский период является более значимым, в силу большей комплиментарности и сохраняющихся в социальной памяти представлениях о достижениях советского периода. Негативные оценки («1» и «2») колеблются в диапазоне 1-5%, независимо от национальности (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Оцените влияние русских в советский период на экономику, социальную сферу и культуру регионов Северного Кавказа?» (совершенно не удовлетворительное – 1, 2, 3, 4, 5 – полностью удовлетворительное) *(СКФО, февраль-март 2022. N=1235, % от числа опрошенных)*

Варианты ответов	Национальность		Вероисповедание			Всего, n=1235
	русские	народы Северного Кавказа	православие	ислам	ни к какому	
1	1	3	1	4	1	2
2	1	5	1	5	1	3
3	32	46	29	45	42	38
4	36	27	35	25	33	32
5	30	19	34	21	23	25

В конце советского периода на Северном Кавказе начался отток русского населения за его пределы. Если в течение большей части советского периода русское население в регионе прирастало и достигло максимальных значений в 1989 г. (3 089 тыс. чел.) – 42,4%, то в дальнейшем начался отток русских из региона, вызванный комплексом социально-экономических, этнополитических и демографических факторов. Согласно переписи 2010 г. русское население региона уменьшилось до 2 854 тыс. чел., что составляет 30,2% населения СКФО, из них большинство проживает в Ставропольском крае – 2 232 тыс. чел. Таким образом, в национальных республиках СКФО в 2010 г. проживало лишь 622 тыс. русских[1]. В целом начиная с 1959 г. национальные республики Северного Кавказа потеряли примерно половину русского населения. Катастрофическим было уменьшение русских в Чечне и Ингушетии (в 12,5 раза), в Дагестане произошло уменьшение в 2,5 раза, а в Кабардино-Балкарии – в 2 раза[2]. Траектория внутренней миграции населения гор и предгорий Северного Кавказа на равнину, оформившаяся еще в 1960-х гг. и получившая «второе дыхание» после распада СССР, меняет этнический состав населения, способствует росту социокультурных контрастов и создает дополнительные риски межнациональной напряженности [19, с. 24].

В ходе исследования респондентам было предложено указать на основные причины оттока русских из регионов Северного Кавказа. Важнейшими причинами, по мнению респондентов, являются социально-экономические: отсутствие перспектив для развития и самореализации, бедность и безработица. Вторыми по значимости причинами являются этнополитические: клановость и коррупция, напряженность в межнациональных отношениях. Далее идут морально психологические причины: чувство незащи-

[1] Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0 (дата обращения: 10.03.2022).

[2] Панин А. Русский барометр Северного Кавказа. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0643/analit04.php (дата обращения: 13.03.2022).

щенности, страх за свое будущее и морально-психологический дискомфорт. Наименее значимыми, с точки зрения респондентов, выступают дискриминация по национальному признаку, угроза терроризма и экстремизма. Эти причины, которые были определяющими в 1990-е гг. и первой половине 2000-х гг., на сегодняшний день являются наименее значимыми для молодых людей, что говорит о сохраняющейся в регионе макрополитической стабилизации. Существует большая разница в определении причин оттока русских из региона в зависимости от национальности респондентов. Русские больше, чем народы Северного Кавказа, указывают на социально-экономические, этнополитические и морально-психологические причины оттока русского населения (рис. 5). Можно предположить, что, несмотря на стабилизацию ситуации в регионе, русская молодежь в большей степени осознает возможные угрозы и риски для своего будущего и отсутствие перспектив для развития и самореализации.

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Способствуют ли, по Вашему мнению, оттоку русских из регионов Северного Кавказа следующие причины?» *(СКФО, февраль-март 2022. N=1235, % от числа опрошенных)*

В определении причин оттока русских из регионов Северного Кавказа религиозный фактор в большинстве своем совпадает с этническим. Среди опрошенных молодых людей северокавказских народов 85% относят себя к мусульманам, среди русских 57% – к православным. Есть различия в степени обеспокоенности причинами оттока русских между мусульманами, православными и не относящими себя ни к какому вероисповеданию. Больше всего указывают на причины оттока русских из регионов Северного Кавказа русские, относящие себя к православию и не относящие себя ни к какой религии (рис. 6).

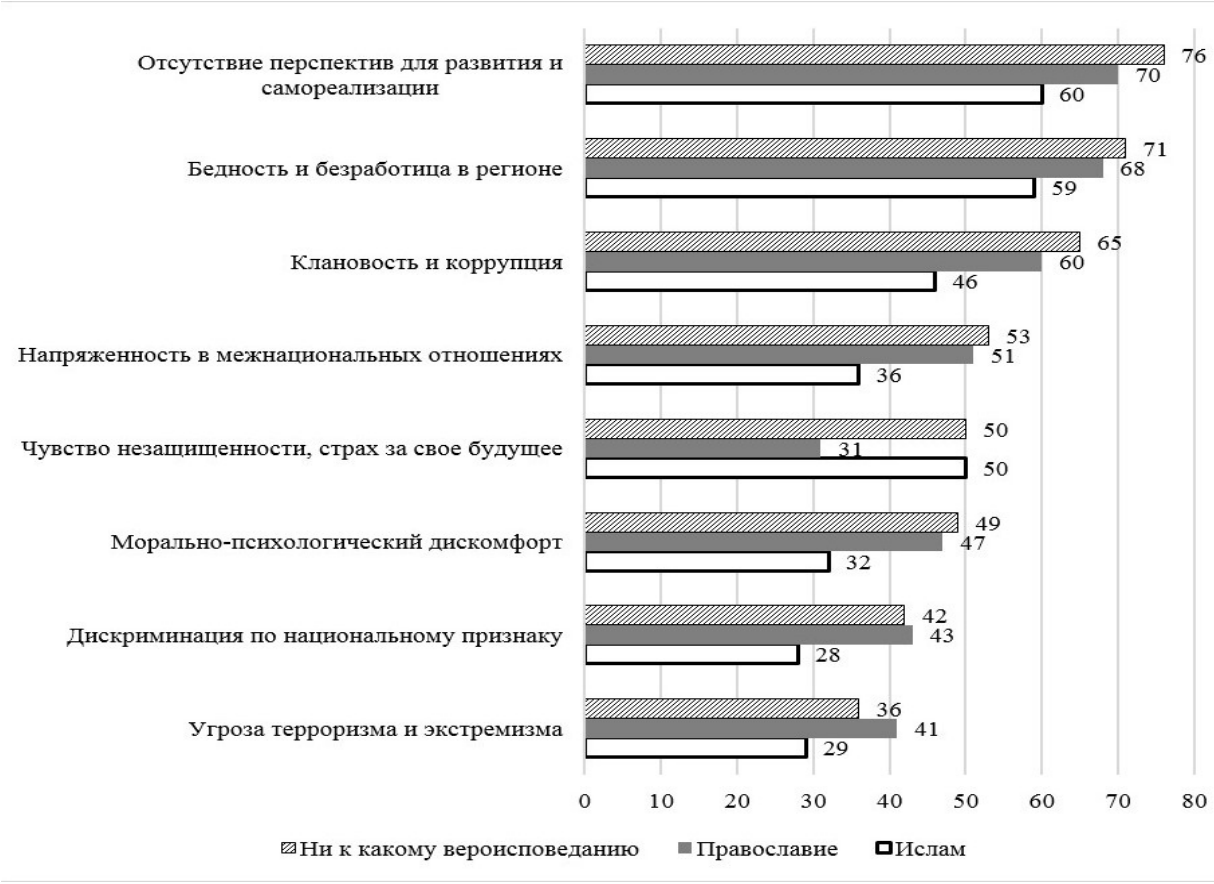

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Способствуют ли, по Вашему мнению, оттоку русских из регионов Северного Кавказа следующие причины?» *(СКФО, февраль-март 2022. N=1235, % от числа опрошенных)*

Таким образом, респонденты, независимо от национальности и вероисповедания, в качестве основных причин оттока русских из регионов Северного Кавказа выделяют социально-экономические. Этнополитические и социально-психологические причины имеют меньшую значимость для молодых людей. Выявлены различия в степени значимости причин оттока русских из регионов Северного Кавказа, связанные с этнорелигиозной идентичностью респондентов. Можно предположить, что русских больше беспокоят основные причины оттока русского населения из регионов Северного Кавказа.

Выводы

Результаты исследования показали, что представления молодежи о роли и месте русских на Северном Кавказе характеризуются позитивно. Абсолютное большинство респондентов, независимо от национальности и вероисповедания, положительно оценивают их вклад в развитие экономики, социальной сферы и культуры регионов Северного Кавказа. Однако, отвечая на вопросы, требующие аналитических оценок и определения прогнозов положения русских в регионе, около половины опрошенных затруднились с ответами. Это говорит о недостаточности когнитивных оснований представлений опрошенных молодых людей. Можно предположить, что аналитические вопросы, требующие более глубокого осмысления социально-политических проблем региона, вызывают у них затруднения. Представления современной молодежи о роли и месте русских на Северном Кавказе в советский период в ос-

новном сформировались под влиянием ближнего круга общения, родителей, преподавателей и учителей. Большую роль в формировании представлений молодежи сыграло советское культурное наследие – фильмы и художественная литература.

В ходе исследования респонденты отмечали, что снижение численности русского населения, связанное с оттоком русских из регионов Северного Кавказа, вызывает обеспокоенность у многих молодых людей независимо от национальности. В качестве основных причин оттока респонденты выделяли отсутствие перспектив для развития и самореализации, низкий уровень жизни и высокую безработицу, клановость и коррупцию, а также напряженность в межнациональных отношениях. Не менее важным являлось и чувство незащищенности, морально-психологический дискомфорт. Большинство не считают значимыми такие причины, как дискриминация по национальному признаку, угроза терроризма и экстремизма. Русская молодежь в большей степени осознает возможные угрозы и риски для своего будущего и отсутствие перспектив для развития и самореализации. Скорее всего эти же причины привели к тому, что около половины молодых людей хотят продолжить учебу или работу в другом регионе. Молодежь обеспокоена такими проблемами, как рост цен, падение уровня доходов, безработица, а также проблемами социальной справедливости, демократии и прав человека.

Исторически русское население выступало носителем базовых институтов российской культуры, государственности и ядром научно-технической интеллигенции. Советский период в истории Северного Кавказа определялся значимой ролью русских в модернизации региона, их вкладом в развитие промышленности, образования, здравоохранения и культуры. Такое положение русских вытекало из логики советской модернизации, основанной на индустриальном развитии и формировании обеспечивающей его социальной сферы. Возвращение русских в регион – это сложная и системная задача, которая может быть решена только в рамках успешной модернизации экономики, социальной сферы и культурной жизни. Современная модернизация Северного Кавказа, основанная на развитии новых высокотехнологичных производств, может сделать регион привлекательным для молодежи, решить проблемы занятости и социального неблагополучия. Значимым по-прежнему является и развитие межнациональных отношений в русле доброжелательности, уважения к традициям и культурам народов региона, формирование установок на сотрудничество и солидарность.

Список литературы

1. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. 180 с.

3. Risks in the North Caucasus: potential or real escalation of the ethnopolitical situation / V. A. Avksent'ev, G. D. Gritsenko, S. Yu. Ivanova, M. M. Shulga // Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya. 2020. Vol. 25, no 3. P. 115–128. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10

4. Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. 304 с.

5. Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д: РГПУ, 2003. 352 с.

6. Сущий С. Я. Русские в республиках Северного Кавказа – рубежи геодемографического отступления (первая половина XXI века) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 3. С. 115–140.

7. Сущий С. Я. Русское население городов Северного Кавказа: демографическая динамика XIX – начала XXI в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 4(41). С. 66–73. https://doi.org/10.25744/vestnik.2018.41.4.011

8. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

9. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

10. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М.: ИНИОН, 2000. 162 с.

11. Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. Региональная дифференциация доступности высшего образования в России. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 68 с.

12. Соколов Д. В., Стародубровская И. В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. М.: РАНХиГС, 2016. 280 с.

13. Стародубровская И., Казенин К., Ситкевич Д. Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 3. С. 112–137. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-112-137.

14. Коровин В. М. Кавказ без русских: удар с юга. М.: Родина, 2021. 336 с.

15. Weber K. Promoting individual well-being, increasing social welfare, and securing genetic diversity simultaneously: it is a matter of degree // American Journal of Bioethics. 2015. Vol. 15, No. 6. P. 36–37.

16. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.

17. Социологические подходы к изучению социального благополучия / Е. А. Авдеев, Э. Аллардт, Л. А. Беляева [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с. https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021.

18. Социальное самочувствие молодежи Кавказа в контексте социально-политических проблем / А. М. Ерохин, И. С. Бакланов, С. М. Воробьев, Е. А. Авдеев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. С. 37–42. https://doi.org/10.23672/SAE.2019.11.41485.

19. Казенин К. И. Миграция северокавказского населения с гор на равнину: истоки разнообразия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 1. С. 23–38. https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-23-38.

References

1. Malinova O. Yu. Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti [The Actual Past: The Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity]. Moscow, Politicheskaya enciklopediya Publ., 2015. 207 p.

2. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow, Fond ekonomicheskoj knigi "NACHALA" Publ., 1997. 180 p.

3. Avksent'ev V. A., Gritsenko G. D., Ivanova S. Yu., Shulga M. M. Risks in the North Caucasus: potential or real escalation of the ethnopolitical situation. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye*

Otnosheniya = Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations, 2020, vol. 25, no. 3, pp. 115–128. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10

4. Belozerov V. S. Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza [Ethnic map of the North Caucasus]. Moscow, OGI Publ., 2005. 304 p.

5. Denisova G. S., Ulanov V. P. Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformacii sociokul'turnogo statusa [Russians in the North Caucasus: Analysis of the transformation of sociocultural status]. Rostov-on-Don, Rostov gos. ped. Univ. Publ., 2003. 352 p.

6. Sushchij S. Ya. Russkie v respublikah Severnogo Kavkaza – rubezhi geodemograficheskogo otstupleniya (pervaya polovina XXI veka) [Russians in the Republics of the North Caucasus – the frontiers of geodemographic retreat (the first half of the XXI century)]. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*, 2017, vol. 4, no. 3, pp. 115–140.

7. Sushchij S. Ya. Russkoe naselenie gorodov Severnogo Kavkaza: demograficheskaya dinamika XIX – nachala XXI v. [The Russian population of the cities of the North Caucasus: demographic dynamics of the XIX – early XXI century]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki = Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*, 2018, no. 4(41), pp. 66–73. https://doi.org/10.25744/vestnik.2018.41.4.011

8. Cuciev A. A. Atlas etnopoliticheskoj istorii Kavkaza (1774–2004) [Atlas of the Ethnopolitical History of the Caucasus (1774-2004)]. Moscow, Evropa Publ., 2006. 128 p.

9. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past. Memorial culture and historical policy]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 328 p.

10. Mangejm K. Ocherki sociologii znaniya: Problema pokolenij – sostyazatel'nost' – ekonomicheskie ambicii [Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations – Competitiveness – Economic ambitions]. Moscow, INION Publ., 2000. 162 p.

11. Malinovskij S. S., Shibanova E. Yu. Regional'naya differenciaciya dostupnosti vysshego obrazovaniya v Rossii [Regional differentiation of accessibility of higher education in Russia]. Moscow, NIU VSHE Publ., 2020. 68 p.

12. Sokolov D. V., Starodubrovskaya I. V. Istoki konfliktov na Severnom Kavkaze [The origins of conflicts in the North Caucasus]. Moscow, RANHiGS Publ., 2016. 280 p.

13. Starodubrovskaya I., Kazenin K., Sitkevich D. Severnyj Kavkaz: vybor strategicheskih orientirov [The North Caucasus: choosing strategic landmarks]. *Ekonomicheskaya politika = Economic policy*, 2021, vol. 16, no. 3, pp. 112–137. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-112-137.

14. Korovin V. M. Kavkaz bez russkih: udar s yuga [Caucasus without Russians: a blow from the south]. Moscow, Rodina Publ., 2021. 336 p.

15. Weber K. Promoting individual well-being, increasing social welfare, and securing genetic diversity simultaneously: it is a matter of degree. *American Journal of Bioethics*, 2015, vol. 15, no. 6, pp. 36–37.

16. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Molodezh' Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovanij [The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research]. Moscow, FNISC RAN Publ., 2020. 688 p. https://doi.org/10.19181/ monogr.978-5-89697-325-6.2020.

17. Avdeev E. A., Allardt E., Belyaeva L. A., eds. Sociologicheskie podhody k izucheniyu social'nogo blagopoluchiya [Sociological approaches to the study of social well-being]. Moscow, FNISC RAN Publ., 2021. 431 p. https://doi.org/ 10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021.

18. Erohin A. M., Baklanov I. S., Vorob'ev S. M., Avdeev E. A. Social'noe samochuvstvie molodezhi Kavkaza v kontekste social'no-politicheskih problem [Social well-being of Caucasian youth in the context of socio-political problems]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i ob-*

shchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences, 2019, no. 11, pp. 37–42. https://doi.org/10.23672/SAE.2019.11.41485.

19. Kazenin K. I. Migraciya severokavkazskogo naseleniya s gor na ravninu: istoki raznoobraziya [Migration of the North Caucasian population from the mountains to the plain: the origins of diversity]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki = Journal of Social Policy Research*, 2019, vol. 17, no. 1, pp. 23–38. https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-23-38.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ерохин Алексей Михайлович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация,
e-mail: a_erohin@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7381-5372

Aleksey M. Erokhin, Dr. of Sci. (Socialogical), Professor, Head of the Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation,
e-mail: a_erohin@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7381-5372

Авдеев Евгений Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация,
e-mail: ewg.avdeev@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4004-9610

Evgenij A. Avdeev, Cand. of Sci. (Philosophical), Associate Professor of the Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation,
e-mail: ewg.avdeev@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4004-9610

Воробьев Сергей Михайлович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация,
e-mail: sergey_vorobev_54@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8893-2595

Sergej M. Vorobev, Cand. of Sci. (Political), Associate Profess or of the Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation,
e-mail: sergey_vorobev_54@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8893-2595

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-163-172

CC BY 4.0

Возрождение «Талибана» в Афганистане в условиях ухода американских сил: перспективы движения и отношения с Россией

Бахадари Абдул Фарук[1] ✉

[1]Российский университет дружбы народов (РУДН)
ул. Миклухо-Маклая 6, г. Москва 117198, Российская Федерация

✉ e-mail: f.bahadari1988@gmail.com

Резюме

***Актуальность**. Приход к власти движения «Талибан» в Афганистане заметно актуализирует новые сценарии развития страны в политическом и социально-экономическом плане. Вместе с тем указанное событие поднимает вопросы международного признания движения и развития внешних связей страны на мировой арене, роли США и России в сложившейся ситуации. В этой связи анализ перспектив развития политической обстановки в стране на фоне ухода войск США, оценка геополитической ситуации в регионе и роли России в этом процессе представляются наиболее востребованными темами на сегодняшний день.*

***Целью** исследования выступает анализ перспектив политического развития Афганистана в условиях прихода к власти движения «Талибан» и вывода войск США и роли страны на международной арене.*

***Задачи** исследования заключаются в: анализе предпосылок прихода к власти движения «Талибан»; оценке возможных сценариев политического курса движения; определении роли США в политических процессах в стране и значении вывода войск в рассматриваемых событиях; анализе перспектив международного признания «Талибана»; оценке перспектив геополитической ситуации в регионе и отношений с Россией.*

***Методология.** В исследовании были применены методы анализа и синтеза, а также системный и сравнительный методы, позволившие сделать выводы о современной специфике политической обстановки в стране.*

***Результаты** исследования имеют теоретико-прикладной характер и могут быть учтены при дальнейших исследованиях политического развития Афганистана, в том числе на международной арене.*

***Вывод.** Перспективы политического развития Афганистана и его признания на международной арене во многом будут определены курсом, который выберет для себя движение «Талибан», а именно готово ли будет движение продолжить умеренную и взвешенную внутреннюю политику, которая была продемонстрирована на начальном этапе правления. В этом контексте в рамках развития внешних связей для движения весьма актуальным является построение нового имиджа и выстраивание партнерских отношений с Россией.*

***Ключевые слова:** Афганистан; движение «Талибан»; внутренняя политика; внешняя политика; безопасность.*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Бахадари Абдул Фарук. Возрождение «Талибана» в Афганистане в условиях ухода американских сил: перспективы движения и отношения с Россией // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 163–172. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-163-172.

Поступила в редакцию 06.06.2022 Принята к публикации 20.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Бахадари Абдул Фарук, 2022

The Revival of the Taliban in Afghanistan in the Context of the Withdrawal of American Forces: Prospects for the Movement and Relations with Russia

Abdul Farooq Bahadari[1] ✉

[1]RUDN University
6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow 117198, Russian Federation

✉ e-mail: f.bahadari1988@gmail.com

Abstract

Relevance. *The coming to power of the Taliban movement in Afghanistan significantly actualizes new scenarios for the development of the country in political and socio-economic terms. At the same time, this event raises issues of international recognition of the movement and the development of the country's foreign relations on the world stage, the role of the United States and Russia in the current situation. In this regard, an analysis of the prospects for the development of the political situation in the country against the background of the withdrawal of US troops, an assessment of the geopolitical situation in the region and Russia's role in this process seem to be the most popular topics today.*

The purpose *of the study is to analyze the prospects for the political development of Afghanistan in the conditions of the coming to power of the Taliban movement and the withdrawal of US troops and the role of the country on the international arena.*

The objectives *of the study are to analyze the prerequisites for the coming to power of the Taliban movement; to assess possible scenarios of the political course of the movement; to determine the role of the United States in political processes in the country and the significance of the withdrawal of troops in the events under consideration; to analyze the prospects for international recognition of the Taliban; to assess the prospects of the geopolitical situation in the region and relations with Russia.*

Methodology. *The study used methods of analysis and synthesis, as well as systematic and comparative methods, which made it possible to draw conclusions about the current specifics of the political situation in the country.*

The results *of the study are of a theoretical and applied nature and can be taken into account in further studies of the political development of Afghanistan, including in the international arena.*

Conclusion. *The prospects for the political development of Afghanistan and its recognition in the international arena will largely be determined by the course that the Taliban movement chooses for itself, namely, whether the movement will be ready to continue the moderate and balanced domestic policy that was demonstrated at the initial stage of government. In this context, as part of the development of external relations, it is very important for the movement to build a new image and build partnerships with Russia.*

Keywords: *Afghanistan; Taliban movement; internal policy; foreign policy; safety.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Abdul Farooq Bahadari. The Revival of the Taliban in Afghanistan in the Context of the Withdrawal of American Forces: Prospects for the Movement and Relations with Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 163–172. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-163-172.

Received 06.06.2022 Accepted 20.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

Политическая обстановка в мире сегодня представляет собой действительно нестабильную и весьма непредсказуемую картину. В наши дни политическая карта мира демонстрирует нам островки острой напряженности в разных частях планеты. Ситуация в Афганистане является одним из таких очагов нестабильности, где политическая ситуация за последние два

года претерпела кардинальные изменения. Вооруженный переворот и приход к власти движения «Талибан» значительно актуализировали вопросы геополитики, перспективы развития Афганистана и безопасности в регионе в целом. Вместе с тем уход американских вооруженных сил сегодня ставит все новые вопросы о роли и значении США на данном историко-политическом этапе развития Афганистана, поднимает вопросы значения и влияния других стран региона и, в частности, России как значимого игрока на политической арене региона.

Настоящее исследование ставит своей *целью* необходимость оценить политические перспективы развития Афганистана в текущих условиях, определить возможные сценарии политического курса движения «Талибан», а также дать оценку и прогнозы геополитической ситуации в регионе и, в частности, роли России.

Методология

В исследовании преимущественно были применены системный и сравнительный методы, а также исторический подход. Системный метод позволил рассмотреть политическую систему Афганистана как единый развивающийся механизм, претерпевающий изменения как в условиях внешних факторов (уход войск США, отсутствие признания на международной арене), так и внутренних – приход к власти движения «Талибан», социально-экономические трудности развития. Вместе с тем системный метод позволил оценить возможные перспективы развития государства с позиций возможных действий его руководящей структуры – «Талибан». Сравнительный метод позволил провести анализ изменений политического курса движения в наши дни по сравнению с политикой, проводимой в предыдущие периоды прихода «Талибан» к власти. В рамках исторического подхода был проведен анализ развития политической системы Афганистана в целом, предпосылок прихода к власти движения «Талибан», а также таких аспектов, как ввод и вывод войск США и развитие ситуации в регионе с участием России.

Результаты и их обсуждение

Обращаясь к истокам возникновения движения «Талибан», следует указать, что оно появилось в стране во времена нестабильности и вооруженной обстановки в стране, в которой немалую роль играли и внешние силы [1, с. 56]. Еще в 1992 г. власть в Афганистане была в руках движения моджахедов, однако они не смогли установить твердый контроль над всей страной, несмотря на наличие полноты правительственных инструментов и возможностей [2, с. 84] Север Афганистана преимущественно управлялся на местах в рамках административно-территориальных единиц, где преобладало непуштунское население. В то же время наблюдалась миграция пуштунского населения в Пакистан, где создавались сети религиозных учебных заведений – медресе. Именно в их стенах и зародилось движение «Талибан», имеющее значение «ученики» [3, с. 246].

Идеология данного движения представляет собой радикальные формы ислама, или радикальный исламизм [4, с. 73]. В то же время следует признать, что значимая доля афганского населения придерживается Ханафитского мазхаба, который преимущественно выступает на терпимость, религиозную толерантность, не придерживается позиции жесткой централизации власти [3, с. 249].

Следует отметить, что помимо внутреннего фактора развитию движения способствовали и внешние импульсы [5, с. 42]. Общность геополитических интересов таких стран, как США и Саудовская Аравия, давала дополнительный стимул к формированию и поддержке зарождающегося движения.

В этом контексте следует указать на то, что корни движения «Талибан» имеют свое начало в рамках радикальных груп-

пировок, которые вели активные боевые действия с советскими войсками [6, с. 121]. Как полагают некоторые исследователи, данные группировки получали финансирование со стороны США и Пакистана. Поддержка велась не только в рамках денежных поступлений, но речь также шла о поставке оружия и идеологической подпитке через распространение брошюр и учебников в медресе.

В конце 1994 г. провинция Кандагар оказалась подконтрольной талибам, а к началу 1996 г. значимая часть страны перешла под контроль движения. В последствии Талибан объявил о создании на территории страны Исламского Эмирата Афганистан [7, с. 59].

Успеху талибов в те годы в немалой степени способствовала активность Пакистана [8, с. 14]. Пакистанские военные проводили специальную подготовку участников движения, снабжали их оружием и боеприпасами, нередко руководили действиями талибов в военных действиях.

Следует отметить, что США в самом начале своей деятельности в данном направлении были лояльно настроены по отношению к талибам, видя в них определенный противовес Ирану. Однако с конца 1990-х гг. руководство США, можно утверждать, осознало риски распространения терроризма благодаря деятельности Талибана [9, с. 19], выдвинуло требование о выдаче Усама Бен Ладена. Талибан на данное требование ответил отказом.

После терактов 11 сентября США окончательно приняли решение перейти к активным действиям против движения «Талибан» в Афганистане – были введены войска и началась военная операция. При этом Талибан, как в США, так и в ряде других государств, был объявлен террористической организацией [10, с. 26].

Движение «Талибан» в результате действий США и НАТО ушло в теневой формат своей деятельности. Лидеры движения скрылись в Пакистане [11, с. 147].

Военная кампания США в Афганистане оказалась самой длительной зарубежной военной операцией в их истории. Она началась в октябре 2001 г. как реакция на совершенные теракты 11 сентября 2001 г. [12, с. 104] Основанием для введения войск США в Афганистан стала резолюция Совета Безопасности ООН. На пике военной операции США (2010–2013 гг.) численность военного контингента в Афганистане превышала 150 тыс. чел. Основные боевые части США и НАТО были выведены из Афганистана в 2014 г. В апреле 2021 г. новый президент США Джо Байден объявил об окончании военной кампании в Афганистане. По заявлению Джо Байдена, за истекшие 20 лет США добились всех поставленных целей в Афганистане. Однако поставленные цели были выполнены скорее на словах.

Операцию США по вводу войск в Афганистан многие эксперты считают провальной, ввод войск США в Афганистан оказался самой затяжной и затратной войной для них [13, с. 114]. Многие политологи сходятся во мнении, что присутствие США в Афганистане не принесло пользы ни населению страны, ни глобальной безопасности [14, с. 100].

Следует отметить, что переговоры с талибами были в активной фазе еще и при президенте Дональде Трампе. В 2020 г. между Талибаном и США была достигнута договоренность, согласно которой движение обязалось не допускать на подконтрольных ей территориях деятельность террористических движений, и в частности «Аль-Каиды». Вместе с тем в соответствии с достигнутым соглашением движение «Талибан» должно было начать переговоры с Правительством Афганистана, и в случае достижения определенных договоренностей по истечении 14 месяцев США должны были вывести войска с территории страны.

Возвращаясь к событиям прошлого года, следует вспомнить, что 15 августа 2021 г. Талибану в сжатые сроки удалось

захватить Кабул и власть в стране. Такой поворот событий стал настоящей неожиданностью как для руководства страны, Центрально-Азиатского региона в целом, так и для многих экспертов [15, с. 471].

«Непредвиденная» победа талибов заставила западные страны глубоко задуматься и продемонстрировала уровень их военно-политического «сотрудничества» с США. Как считают некоторые исследователи, тот факт, что западные страны, начавшие эвакуацию своих дипломатических представительств после одностороннего решения США, действовали только в собственных интересах, свидетельствует об ослаблении элементов сотрудничества и консенсуса между ними. Отсутствие единого политического подхода Евросоюза по Афганистану является признаком конца когда-то желанной системы интеграции. Даже сочувственно относящаяся к беженцам Германия также вынуждена пересмотреть свою позицию по этому вопросу. Президент Байден не обсуждал решение о выводе войск из Афганистана с членами (союзниками) НАТО, а также с представителями своего правительства. В частности, несмотря на рекомендации госсекретаря США Э. Блинкина и министра обороны Л. Остина было принято политическое решение о выводе американских войск из Афганистана [16, с. 17].

Многие исследователи сходятся во мнении, что политика США и их союзников по НАТО в Афганистане потерпела неудачи по ряду весьма значимых причин.

Во-первых, непоследовательность политики США в данном регионе. По словам Джо Байдена, войска США вошли в Афганистан не для того, чтобы создать государственное устройство, что расходится с предыдущими высказываниями и обещаниями бывших лидеров страны.

Во-вторых, после 2001 г. была принята неверная стратегия по политическому устройству Афганистана. США в течение 20 лет пытались «цивилизовывать» население Афганистана, по сути – внедрять свои нормы и стандарты жизни, в том числе политической организации общества. США должны были исходить из истории, культуры, философии населения Афганистана, с уважением подходить к их традициям [17, с. 24]. Попытка навязать чужие нормы извне, игнорирование факторов, в том числе исторических, не позволили США добиться поставленных целей [14, с. 106].

В целом, можно заключить, что достаточно легкий приход к власти движения «Талибан» был также простимулирован уходом войск США. Как известно, такое решение американскими властями было принято без каких-либо условий в сторону движения или властей страны. При этом, как полагают исследователи, именно уход войск США значительно облегчил путь талибов к своей цели завоевания власти в стране.

Более того, как полагают исследователи, причиной падения правительства Афганистана стала неэффективность его деятельности, оно не могло влиять на местных племенных ханов и полевых командиров, в стране держался хрупкий баланс интересов основных этнических групп на основе, по сути, двоевластия: президент – премьер-министр. Президента Афганистана поддерживало население пуштунских регионов, а премьер-министра – этнические меньшинства – таджики, узбеки и хазарейцы [18, с. 26]. В стране назрел явный кризис политической системы, современная политическая система Афганистана требовала срочной кардинальной трансформации. В июле – начале августа 2021 г. под контролем правительства оставалось около 20% территорий Афганистана: у него были сильны позиции только в столице и в некоторых провинциальных центрах[1].

В Афганистане постоянно происходило противостояние правительственных

[1] Талибы в Афганистане взялись за крупные города. URL: https://www.pravda.ru/ (дата обращения: 21.05.2022).

сил с талибами, которые взяли под контроль значительные территории в сельских районах Афганистана и активно наступали на крупные города страны на фоне вывода американских войск из страны[1].

Вместе с тем власти Афганистана возложили на администрацию Джо Байдена ответственность за стремительное ухудшение обстановки на фоне наступления движения «Талибан». По мнению Президента Афганистана Ашрафа Гани, Афганистану был навязан «импортированный» мирный процесс, который способствовал усилению и узакониванию позиций талибов вместо того, чтобы примирить стороны конфликта [14, с. 102].

В текущих условиях, оценивая перспективы развития страны и ситуации в регионе в целом, можно утверждать, что у талибов есть несколько вариантов действий после захвата Афганистана. С одной стороны, они могут пойти путем централизации власти всех уровней с размещением на всех ключевых постах своих представителей, в том числе на уровне отдельно взятых провинций. С другой – возможно предоставление частичной автономии некоторым провинциям при сохранении достаточно сильного контроля на федеральном уровне – иными словами, речь идет о возможном процессе федерализации.

С приходом к власти движение «Талибан» официально озвучило следующие направления своей новой политики: свобода и независимость для каждой нации; запрет использовать территорию Афганистана для атак других стран, в том числе соседних государств; защита прав женщин (в том числе на получение образования), но в рамках ислама; помилование тех, кто работал на прежний режим правительства или иностранные страны; независимость частных СМИ, но при этом они «не должны работать против национальных ценностей»; продолжение взаимодействия с другими странами; гарантия безопасности иностранным гражданам в Афганистане; использование природных ресурсов для «восстановления и процветания» страны; прекращение производства наркотиков[2].

Сегодня весьма остро для Афганистана и, в частности, самого движения стоит вопрос международного признания. По сути, на повестке дня возможные варианты смягчения режима и развития компромиссных решений в контексте внешней и внутренней политики, прав и свобод человека, и в частности в вопросе свобод женского населения страны.

Вполне актуальными в данном контексте представляются слова исследователя Стивена Фредерика Старра, который утверждает, что «несмотря на возможное возрождение Талибана в краткосрочной перспективе, в более долгосрочной перспективе ему необходимо будет принять современный мир. В Афганистане появилось новое поколение мужчин и женщин, которые видят в Талибане голос прошлого» [19].

Разрыв отношений с террористическими группировками также может придать движению и режиму новый имидж, который может простимулировать международное признание.

Для движения сегодня весьма актуальным является поиск баланса сил внутри вновь сформированных органов власти. Этот баланс предполагает соблюдение представительства различных этнических групп и сторонников политических движений. Вместе с тем очевидно, что в сложившихся обстоятельствах движению Талибан пришлось формировать правительство в первую очередь лидерами самого движения – управленцами, которые ранее уже зарекомендовали себя.

[1] Из страны выжали все: раскрыта хитрость США с выводом войск из Афганистана. URL: https://www.infox.ru/ (дата обращения: 15.05.2022).

[2] Талибы перечислили основные направления своей политики. URL: https://www.rbc.ru (дата обращения 25.05.2022).

Однако, как считают некоторые исследователи, даже если бы «Талибан» прибегнул к наполнению органов власти в том числе представителями прежнего режима, в любом случае движение сохранило бы за собой ключевые управленческие и руководящие посты, тем самым оставляя за собой прерогативу центра принятия ключевых решений [20, с. 18].

Можно предположить, что некоторые государства региона готовы будут пойти на договоренности и двусторонние отношения с Талибаном. Однако ключевым условием такого процесса может быть только ситуация, в которой Талибан пойдет по пути смягчения процессов радикализации в рамках своей организации.

Как полагают исследователи, смягчение режима Талибов и их международное признание могут способствовать развитию трансафганских проектов и формированию настоящего межрегионального хаба экономических и политических связей региона. В текущей ситуации страны Центральной Азии занимают выжидательную позицию относительно того, как в стране будет развиваться ситуация с радикализацией ислама, формированием рисков развития терроризма. От этого, по сути, во многом будут зависеть перспективы отношений Афганистана и стран региона [15, с. 477].

Как результат сегодня в международном сообществе стоит острая дилемма по Афганистану. С одной стороны, это борьба с международным терроризмом, с другой – вопрос признания временного правительства талибов. Хотя возглавляемый США западный альянс скептически относится к политическим обещаниям талибов, на них лежит большая ответственность за ухудшение ситуации. Критический и наблюдательный характер Запада является искусственным препятствием на пути формирования нового афганского правительства. Однако именно Запад должен быть непосредственным участником помощи Талибану в решении его проблемы «политической легитимности» [16, с. 17].

Россия достаточно спокойно отреагировала на приход движения «Талибан» к власти, который произошел без массового кровопролития. Политико-дипломатические усилия Москвы в течение последних нескольких лет заложили хорошую основу для выстраивания конструктивных отношений с новой афганской властью. Более того, Россия за счет своей дипломатической активности на афганском направлении превратилась во влиятельного посредника в международных переговорах по Афганистану, с мнением которого считаются как региональные, так и внерегиональные государства. Во всяком случае официальные представители «Талибана» прямо заявляют об их стремлении развивать отношения с Россией.

21–22 сентября 2021 г. в Кабуле прошла очередная встреча спецпредставителей России, Китая и Пакистана по Афганистану с исполняющим обязанности премьер-министра Афганистана муллой Мохаммадом Хасаном Ахундом, министром иностранных дел Амиром Ханом Моттаки и другими представителями временного правительств Афганистана, в ходе которой стороны обсудили вопросы прав и свобод человека, борьбу с наркотрафиком и террористическими угрозами, развитие экономических и гуманитарных связей, в том числе с соседними странами. Также затрагивались вопросы территориальной целостности Афганистана и политические изменения в стране.

Выводы

Таким образом, можно утверждать, что действующая власть в целом пока выполняет ранее озвученные обещания и не допускает развитие террористической активности в регионе, обеспечивая должный уровень безопасности для соседствующих государств. Движение осуществляет борьбу с афганским крылом

ИГИЛ, не позволяя тому выступить дестабилизирующим фактором для безопасности региона. И более того, в условиях отсутствия войск США движение минимизировало свою военную активность, сфокусировав основные силы на поиске наиболее эффективных моделей социально-экономического и политического развития страны.

Тем не менее остается открытым вопрос, сможет ли Талибан сохранить свою умеренность, которую он продемонстрировал с приходом к власти в 2021 г. в первые месяцы своего правления. Представители движения, с одной стороны, прекрасно понимают, что более умеренная политика позволит им получить международное признание, взаимовыгодные отношения и проекты с другими государствами, что, в свою очередь, простимулирует развитие государства в социально-экономическом плане и может укрепить их властные позиции. С другой стороны, умеренный политический курс предполагает отказ от многих положений идеологии талибов, что также выглядит весьма небыстрым и болезненным для движения процессом.

Вполне актуальным в данном контексте представляется мнение, что Талибану придется все больше интегрироваться в современный мир, принимать его, чтобы общество перестало видеть в нем отголосок прошлого.

Список литературы

1. Кулешова Н. С., Подцероб А. Б. Политический ислам. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020. 147 с.

2. Коргун В. Афганский конфликт и Центральная Азия // Российско-турецкий диалог по проблемам Центральной Азии и Кавказа: История и современность: материалы Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. 313 с.

3. Васецова Е. С. Движение «Талибан» и его роль в региональных политических процессах // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 244–254. https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.5.51455.

4. Давыдов А. Д. Режим талибов в Афганистане. Жесткая исламизация // Афганистан: война и проблемы мира. М.: ИИИиБВ и ИВ РАН, 1998. 176 с.

5. Меримский В. А. Загадки афганской войны. М.: Вече, 2019. 398 с.

6. Казанцев А. А. Проблема роста исламского радикализма в странах Центральной Азии // Международная аналитика. 2016. № 3 (17). С. 97–111.

7. Нессар О. Афганистан в ловушке неопределенности // Россия в глобальной политике. 2011. № 2. URL: https://glokalaffairs.ru/articles/afganistan-v-lovushke-neopredelennosti/ (дата обращения: 25.05.2022).

8. Тамим Э. М. Афганский кризис и проблемы его урегулирования (1988–2009 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: РУДН, 2010. 23 с.

9. Степанова Е. А. Афганистан: перспективы политического урегулирования // Пути к миру и безопасности. 2012. № 1(42). С. 18–33.

10. Мирзоев С. Т. Афганистан: вызовы и угрозы. Душанбе: Ирфон, 2017. 319 с.

11. Марченко В. Афганский разлом. Истоки мирового терроризма. СПб.: Питер, 2018. 255 с.

12. Лавров А. Ю. Политический ислам в Афганистане. М.; Бишкек, 2010. 179 с.

13. Саженов Н. Д. Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001 – начало 2020 г.). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2020. 220 с.

14. Амини А. Р. Причины провала миссии США+НАТО в Афганистане и прогноз ситуации в стране при «Новом режиме» // POLITBOOK, 2021. № 3. С. 99–110.

15. Якубов И. Х., Нуриддинов У. К. Афганский фактор в Центральной Азии: текущие тенденции и перспективы развития // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 6. С. 470–478.

16. Махмудов У. Б. Резкий поворот в Афганской политике США или конец статуса «надзирателя мира» // Colloquium-journal. 2022. № 1 (124), ч. 1. С. 16–18.

17. Сергеев В. В. Политика США в Афганистане: военно-политический аспект (2001-2009 гг.): дис. … канд. ист. наук. М.: МГИМО, 2011.

18. Яковлев А. Особенности развития внутриполитической обстановки в Афганистане // Зарубежное военное обозрение. 2019. № 6. С. 24–29.

19. Наматов М. А., Ламбаль А. Талибы в Афганистане: сценарии развития // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5, ч. 1. С. 233–235.

20. Мачитидзе Г. Г. Афганский излом в зеркале российской политики: Россия и движение «Талибан» // Россия и современный мир. 2022. № 1(114). С. 6–21. https://doi.org/10.34823/ SGZ.2020.5.51455.

References

1. Kuleshova N. S., Podcerob A. B. Politicheskij islam [Political Islam]. Moscow, Mosk. Univ. Publ., 2020. 147 p.

2. Korgun V. [The Afghan conflict and Central Asia]. *Rossijsko-tureckij dialog po problemam Central'noj Azii i Kavkaza: Istoriya i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Russian-Turkish dialogue on the problems of Central Asia and the Caucasus: History and Modernity. Materials of the International scientific and practical conference]. Moscow, Mosk. Gumanit. Univ. Publ., 2010. 313 p. (In Russ.).

3. Vasecova E. S. Dvizhenie "Taliban" i ego rol' v regional'nyh politicheskih processah [The Taliban movement and its role in regional political processes]. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian Knowledge*, 2020, no. 5, pp. 244–254. https://doi.org/10.34823/ SGZ.2020.5.51455.

4. Davydov A.D. Rezhim talibov v Afganistane. Zhestkaya islamizaciya [The Taliban regime in Afghanistan. Rigid Islamization]. Afganistan: vojna i problemy mira [Afghanistan: War and Peace problems]. Moscow, IIIiBV i IV RAN Publ., 1998. 176 p.

5. Merimskij V. A. Zagadki afganskoj vojny [The Mysteries of the Afghan War]. Moscow, Veche Publ., 2019. 398 p.

6. Kazancev A. A. Problema rosta islamskogo radikalizma v stranah Central'noj Azii [The problem of the growth of Islamic radicalism in Central Asian countries]. *Mezhdunarodnaya analitika = International analytics*, 2016, no. 3 (17), pp. 97–111.

7. Nessar O. Afganistan v lovushke neopredelennosti [Afghanistan is trapped in uncertainty]. *Rossiya v global'noj politike = Russia in Global Politics*, 2011, no. 2. Available at: https://glokalaffairs.ru/articles/afganistan-v-lovushke-neopredelennosti/ (accessed 25.05.2022).

8. Tamim E. M. Afganskij krizis i problemy ego uregulirovaniya (1988–2009 gg.). Avtoref. diss. kand. ist. nauk [The Afghan crisis and the problems of its settlement (1988-2009). Cand. hist. sci. abstract diss.]. Moscow, RUDN Publ., 2010. 23 p.

9. Stepanova E. A. Afganistan: perspektivy politicheskogo uregulirovaniya [Afghanistan: prospects for a political settlement]. *Puti k miru i bezopasnosti = Ways to peace and security*, 2012, no. 1(42), pp. 18–33.

10. Mirzoev S. T. Afganistan: vyzovy i ugrozy [Afghanistan: challenges and threats]. Dushanbe, Irfon Publ., 2017. 319 p.

11. Marchenko V. Afganskij razlom. Istoki mirovogo terrorizma [The Afghan rift. The origins of global terrorism]. St. Petersburg, Piter Publ., 2018. 255 p.

12. Lavrov A. Yu. Politicheskij islam v Afganistane [Political Islam in Afghanistan]. Moscow, Bishkek, 2010. 179 p.

13. Sazhenov N. D. Vnutrennie faktory vo vneshnej politike Afganistana na sovremennom etape (2001 – nachalo 2020 g.) [Internal factors in Afghanistan's foreign policy at the present stage (2001 – early 2020).]. Moscow, In-t vostokovedeniya RAN Publ., 2020. 220 p.

14. Amini A. R. Prichiny provala missii SSHA+NATO v Afganistane i prognoz situacii v strane pri "Novom rezhime" [Reasons for the failure of the US mission+NATO in Afghanistan and the forecast of the situation in the country under the "New Regime"]. *POLITBOOK*, 2021, no. 3, pp. 99–110.

15. Yakubov I. H., Nuriddinov U. K. Afganskij faktor v Central'noj Azii: tekushchie tendencii i perspektivy razvitiya [The Afghan factor in Central Asia: current trends and development prospects]. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet studies*, 2021, vol. 4, no. 6, pp. 470–478.

16. Mahmudov U. B. Rezkij povorot v Afganskoj politike SSHA ili konec statusa "nadziratelya mira" [A sharp turn in US Afghan policy or the end of the status of "peace warden"]. *Colloquium-journal*, 2022, no. 1 (124), pt. 1, pp. 16–18.

17. Sergeev V. V. Politika SSHA v Afganistane: voenno-politicheskij aspekt (2001-2009). Diss. kand. ist. nauk [U.S. Policy in Afghanistan: Military-political aspect (2001-2009). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, MGIMO Publ., 2011.

18. Yakovlev A. Osobennosti razvitiya vnutripoliticheskoj obstanovki v Afganistane [Features of the development of the domestic political situation in Afghanistan]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie = Foreign Military Review*, 2019, no. 6, pp. 24–29.

19. Namatov M. A., Lambal' A. Taliby v Afganistane: scenarii razvitiya [The Taliban in Afghanistan: scenarios of development]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo = Greater Eurasia: development, security, cooperation*, 2022, no. 5, pt. 1, pp. 233–235.

20. Machitidze G. G. Afganskij izlom v zerkale rossijskoj politiki: Rossiya i dvizhenie "Taliban" [The Afghan Fracture in the Mirror of Russian Politics: Russia and the Taliban Movement]. *Rossiya i sovremennyj mir = Russia and the Modern World*, 2022, no. 1(114), pp. 6–21. https://doi.org/10.34823/ SGZ.2020.5.51455.

Информация об авторе / Information about the Author

Бахадари Абдул Фарук, преподаватель департамента политологии и международных отношений, факультета права и политологии Университета Бадахшана, г. Файзабад, Афганистан; аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: f.bahadari1988@gmail.com

Abdul Farooq Bahadari, Lecturer Department of Political Science and International Relations, Law, and Political Science Faculty Badakhshan University, Faizabad, Afghanistan; Post-Graduate Student of Department of Comparative Political Science, RUDN University, Moscow, Russian Federation, e-mail: f.bahadari1988@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-173-187

BY 4.0

Проблемы санитарного обслуживания войск Центрального фронта накануне и в период Курской битвы

В. В. Коровин[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: vlavikor@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Нестабильность современной геополитической обстановки обусловлена комплексом противоречий, разрешение которых не всегда возможно мирным способом. Проблема восстановления здоровья бойцов и командиров Красной армии в период Великой Отечественной войны получила достойное отражение в научных публикациях как военных историков, так и медиков. Вместе с тем наличие фундаментальных обобщающих трудов и специализированных исследований по самым разным направлениям военной медицины не исключает необходимости введения в научный оборот новых исторических источников, отражающих деятельность конкретных военно-санитарных учреждений на определенном этапе военной истории.*

Цель *– раскрыть основные проблемы санитарного обслуживания войск Центрального фронта в ходе подготовки и в период Курской битвы.*

Задачи*: на основе документальных источников, выявленных в Архиве военно-медицинских документов, охарактеризовать деятельность военно-санитарных учреждений Центрального фронта весной – летом 1943 года.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались базовые принципы исторической науки: историзм, объективность и системность. Также при написании статьи были применены как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция), так и специальные исторические методы: историко-генетический, сравнительно-исторический.*

Результаты. *На основе впервые вводимых в научный оборот исторических источников представлена многогранная работа учреждений фронтового эвакуационного пункта № 73 по эвакуации и оказанию медицинской помощи раненым и больным воинам Центрального фронта, показаны динамика и характер ранений и заболеваний на протяжении весенне-летнего периода 1943 года, раскрываются вопросы кадрового обеспечения лечебных учреждений фронта на переломном этапе войны.*

Вывод. *В период подготовки к Курской битве основными проблемами в деятельности военно-санитарных учреждений Центрального фронта стали необеспеченность транспортными средствами для своевременной передислокации госпиталей и транспортировки больных и раненых военнослужащих. Частичное решение перечисленных проблем к началу оборонительного сражения на северном фасе Курской дуги способствовало повышению эффективности медицинской помощи раненым в боях воинам при значительном увеличении их численности.*

Ключевые слова: *Курская битва; Центральный фронт; санитарная служба; госпиталь; раненые; эвакуация.*

Финансирование: *Статья выполнена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Коровин В. В. Проблемы санитарного обслуживания войск Центрального фронта накануне и в период Курской битвы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 173–187. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-173-187.

Поступила в редакцию 30.06.2022 Принята к публикации 28.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Коровин В.В., 2022

Problems of Sanitary Maintenance of the Troops of the Central Front on the eve and During the Battle of Kursk

Vladimir V. Korovin[1]✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: vlavikor@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The instability of the current geopolitical situation is caused by a complex of contradictions, the resolution of which is not always possible in a peaceful way. The problem of restoring the health of soldiers and commanders of the Red Army during the Great Patriotic War was adequately reflected in scientific publications of both military historians and physicians. At the same time, the availability of fundamental generalizing works and specialized research in various areas of military medicine does not exclude the need to introduce new historical sources into scientific circulation reflecting the activities of specific military sanitary institutions at a certain stage of military history.*

The purpose *is to reveal the main problems of sanitary maintenance of the troops of the Central Front during the preparation and during the Battle of Kursk.*

Objectives*: on the basis of documentary sources identified in the Archive of military medical documents, to characterize the activities of military sanitary institutions of the Central Front in the spring - summer of 1943.*

Methodology*. In the process of working on the study, the basic principles of historical science were used: historicism, objectivity and consistency. Also, when writing the article, both general scientific methods (analysis, synthesis, induction and deduction) and special historical methods were used: historical-genetic, comparative-historical.*

Results*. On the basis of historical sources introduced into scientific circulation for the first time, the multifaceted work of the institutions of the frontline evacuation point No. 73 on evacuation and medical assistance to wounded and sick soldiers of the Central Front is presented, the dynamics and nature of wounds and diseases during the spring-summer period of 1943 are shown, the issues of staffing of medical institutions of the front at the critical stage of the war are revealed.*

Conclusion*. During the period of preparation for the Battle of Kursk, the main problems in the activities of military sanitary institutions of the Central Front were the lack of vehicles for timely relocation of hospitals and transportation of sick and wounded servicemen. The partial solution of these problems by the beginning of the defensive battle on the northern face of the Kursk Bulge contributed to an increase in the effectiveness of medical care for soldiers wounded in battles with a significant increase in their numbers.*

Keywords: *Battle of Kursk; Central Front; sanitary service; hospital; wounded; evacuation.*

Funding*: The article was completed within the framework of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: *Korovin V. V. Problems of Sanitary Maintenance of the Troops of the Central Front on the eve and During the Battle of Kursk. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 173–187. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-173-187.

Received 30.06.2022 Accepted 28.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

История Великой Отечественной войны продолжает привлекать внимание не только профессиональных исследователей, но и общественность как в Российской Федерации, так и за рубежом [1; 2; 3; 4; 5]. Как показывает современная действительность, итоги и уроки Второй мировой войны не были усвоены политиками ряда западных государств, что приве-

ло их к критическому заблуждению о возможности волюнтаристски переформатировать утвердившийся под эгидой ООН миропорядок. Необходимость отстаивать важнейшие принципы международного права побуждает вновь и вновь обращаться к историческому опыту борьбы за свободу, независимость и справедливое мироустройство, основанное на равноправном положении всех народов и их добрососедском сосуществовании. В связи с вышеизложенным особую актуальность представляет объективное отражение военно-исторических событий прошлого, позволяющее извлечь необходимые знания для понимания текущей ситуации. Курская битва стала одним из переломных моментов в ходе Второй мировой войны. Источники победы советских войск в этом величайшем сражении стали предметом исследования ряда ученых, сосредоточившихся в основном на анализе обстановки на фронте [6; 7; 8; 9; 10; 11]. В то же время по-прежнему недостаточное внимание в научной литературе уделяется рассмотрению вопросов тылового обеспечения боевых действий, эффективная организация которого являлась одним из ключевых факторов достижения положительных результатов на поле боя [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20]. Подготовленная на основе материалов Архива военно-медицинских документов статья посвящена одному из важных направлений работы тыловой службы – санитарному обслуживанию войск Центрального фронта в процессе их подготовки и участия в оборонительной операции на северном фасе Курской дуги весной – летом 1943 г.

Методология

В настоящей работе использовался комплекс научных методов и принципов, что позволило достичь обозначенной цели и выполнить поставленные нами задачи. Автор опирался на базовые принципы проведения исторических исследований: историзм, объективность и системность. Также при написании статьи были применены как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция), так и специальные исторические методы: историко-генетический, сравнительно-исторический.

Использование перечисленного методологического аппарата позволило выявить проблемы организации санитарного обслуживания войск Центрального фронта в ходе подготовки и в период Курской битвы.

Результаты и их обсуждение

Курская битва стала одним из ключевых событий Великой Отечественной войны. Победа в ней была достигнута не только благодаря мужеству и героизму бойцов и командиров, сражавшихся с врагом на передовой, но и слаженности работы всех служб обеспечения, включая военно-медицинскую. На северном фасе Курской дуги эта работа проводилась под руководством Управления тыла Центрального фронта, возглавляемого генерал-лейтенантом Н. А. Антипенко. Организационно ему подчинялась и санитарная служба фронта во главе с генерал-майором медицинской службы А. Я. Барабановым (1901–1952).

Арсений Яковлевич Барабанов имел богатейший профессиональный опыт. В предвоенные годы он преподавал в Куйбышевской Военно-медицинской академии. С июня по октябрь 1941 г. возглавлял Санитарный отдел 31-й армии в составе Резервного, затем – Западного и Калининского фронтов. Осенью 1942 г. был назначен начальником Санитарного отдела 34-й армии Северо-Западного фронта. В октябре 1942 г. стал начальником Санитарного управления Донского фронта. Его деятельность в должности начальника Санитарного управления Центрального фронта высоко оценивалась командованием: «Хороший организатор санитарной службы фронта, энергичный и инициативный командир, оперативно обеспечивает выполнение по-

ставленных задач. Воспитал и сколотил крепкий аппарат военно-санитарных работников. Добился значительного улучшения лечебно-эвакуационной работы во всех ее звеньях» [21, л. 381].

Структурно в состав Санитарного управления фронта, кроме начальника, его заместителя, помощника и военного комиссара, входили главный хирург, главный терапевт-токсиколог, главный эпидемиолог фронта, а также отделы: лечебно-эвакуационный, кадров и подготовки, санитарно-эпидемиологический, медицинского и санитарно-хозяйственного снабжения [22, с. 256].

В связи с передислокацией управлений и служб Центрального фронта в Курск 16 марта 1943 г. их руководителям был доведен приказ по тылу № 003 о расквартировании в новом пункте дислокации. Военно-санитарному управлению выделялись помещения на ул. Дзержинского в центре города [23, л. 139 об.]. Уже с первых дней пребывания в Курске, который к тому времени стал местом размещения не только управленческих структур, но и войсковых частей, тыловых учреждений, сотрудники Санитарного управления приступили к непосредственному исполнению функциональных обязанностей.

Так, по результатам санитарно-эпидемиологической разведки района улиц Красный Октябрь и 1-я Пушкарная в северо-западной части Курска был выявлен высокий процент населения, переболевшего сыпным тифом, с широким распространением педикулеза. Указанное обстоятельство в случае контактов могло привести к массовому заболеванию военнослужащих, в связи с чем их запрещалось расселять на перечисленных обследованных улицах [23, л. 198].

В мае 1943 г. Санитарное управление фронта размещалось уже в деревне Мешково (ныне Золотухинского района). Этот населенный пункт был расположен гораздо ближе к штабу Центрального фронта, находившемуся в местечке Свобода, и, соответственно, к линии фронта. Генерал-майор м/с А. Я. Барабанов одновременно исполнял обязанности начальника гарнизона Мешково [23, л. 319]. В этой должности ему приходилось решать и вопросы, не имевшие прямого отношения к военной медицине. Так, 25 мая 1943 г. за подписью генерала Барабанова был издан приказ по гарнизону «О борьбе с десантами противника» [23, л. 320].

Согласно приказу, для обороны деревни по боевой тревоге с целью ликвидации появившихся вражеских десантов формировалась рота из трех взводов личного состава Санитарного управления, ветеринарного и трофейного отделов, расквартированных в этом населенном пункте. Командование ротой возлагалось на заместителя начальника Санитарного управления, полковника м/с Р. Г. Плякина. Ему же с назначенными командирами взводов поручалась рекогносцировка местности, определение наблюдательных пунктов и оборудование рубежей обороны.

Эвакуация раненых и больных, прием, сортировка и лечение их в госпиталях, а также подготовка к эвакуации в тыл нуждающихся в лечении в госпиталях внутреннего района осуществлялась на Центральном фронте силами фронтового эвакуационного пункта (ФЭП) № 73, начальником которого был полковник медицинской службы Б. Н. Ибрагимов (1886–1955). Вышестоящим руководством он характеризовался как крупный специалист и организатор военной медицины, проделавший огромную работу по передислокации всей госпитальной базы фронта от Сталинграда к Курску. За короткое время Б. Н. Ибрагимов смог обеспечить развертывание госпиталей, сходу приступивших к приему больших потоков больных и раненых воинов [24, л. 327].

В марте 1943 г. на Центральном фронте работали сортировочные эвакогоспитали (СЭГ) № 1095 и 2586, госпитали легкораненых (ГЛР) № 1155, 2620, 4172, эвакогоспитали (ЭГ) № 283, 1191, 3257, 276, 3240, хирургические полевые

подвижные госпитали (ХППГ) № 60, 85, 3571, инфекционный госпиталь (ИГ) № 3576. По пять госпиталей дислоцировались в Курске (на 3750 коек) и Ельце (3800 коек), два госпиталя – в Фатеже (1300 чел.) и один – в Ливнах (650 чел.). С учетом двух госпиталей, не представивших отчетные сведения, их общая вместимость превышала 10 000 коек.

Для руководства лечебно-эвакуационной работой и отправки медико-лечебных учреждений к месту новой дислокации две оперативные группы ФЭП-73 в течение марта 1943 г. оставались в Камышине и Иловле Сталинградской области. Еще две оперативные группы были выделены для руководства лечебно-эвакуационной работой в Елец и Курск.

На протяжении всего месяца марта 1943 г. большинство лечебных учреждений ФЭП-73 находились в пути следования к месту новой дислокации на Центральный фронт. В это время госпиталям пришлось работать в сложных условиях и напряженной обстановке. Войска фронта вели активные боевые действия, и большой поток раненых приходился на приемо-сортировочную базу Курска и Ельца, коечная сеть которой оставалась незначительной [25, л. 164].

Перевозка госпиталей с места прежней дислокации до Ельца происходила железнодорожным транспортом, а дальнейшее их движение производилось автомобилями. Поскольку автотранспорт оказался малочисленным, сроки развертывания госпиталей были ограниченными и жесткими, часть личного состава и мягкого имущества приходилось транспортировать в Курск самолетами. К сожалению, значительное количество оборудования и имущества лабораторий, рентгеновских, физиотерапевтических кабинетов, а также инвентарь некоторых госпиталей не удалось своевременно доставить в Курск.

Трудности усугублялись тем обстоятельством, что большинству госпиталей при развертывании пришлось восстанавливать разрушенные здания, освещение, водопровод и канализацию, системы отопления, оборудовать помещения, одновременно принимая большое число раненых. Во всех госпиталях работали санитарные пропускники, а также стационарные и передвижные дезинфекционные камеры, причем в некоторых госпиталях санпропускники приходилось создавать и строить заново.

Темпы поступления раненых были велики, но реэвакуация в первой декаде марта оказалась невозможной, поэтому госпитали крайне перегружались. Вследствие этого складывались неблагоприятные условия для нормальной санитарной обработки раненых и больных, а также оказания им полноценной хирургической помощи. Не изменило ситуацию прибытие в распоряжение ФЭП-73 ленинградских госпиталей ГЛР-4172, ЭГ-283 и ЭГ-276. Как выяснилось, в их составе отсутствовали квалифицированные кадры, включая врачей узкой специализации. Вновь прибывшие госпитали практически не располагали собственным транспортом.

Оказание специализированной помощи больным и раненым оставалось нерешенной проблемой для большинства действовавших на тот момент госпиталей. Исключение составляли лишь СЭГ-1095 (начальник – подполковник м/с А. Л. Рогуля) в Курске и ЭГ-3257 (начальник – майор м/с А. Г. Добис) в Ельце. В целом в госпиталях ФЭП-73 в это время находилось на излечении 35 956 раненых и больных военнослужащих, из них 35 738 чел. являлись вновь поступившими.

В течение марта 1943 г. в госпиталях ФЭП-73 лечилось 34 125 пораженных в боях воинов, 23 041 чел. из них (67,5%) были эвакуированы за пределы фронта. В войсковые части возвращены 329 выздоравливающих воинов (0,96%). 2666 пациентов пришлось направить в специализированные госпитали по межгоспитальному переводу (7,8%). Из общего числа

находившихся на излечении военнослужащих не удалось спасти 340 чел. (1%). К 1 апреля 1943 г. в госпиталях ФЭП-73 оставалось на излечении 10 417 чел. (30,53%). Пулевые ранения преобладали практически у половины возвращенных в строй и умерших от ран воинов. На втором месте значились осколочные ранения от мин (у 20,3% выздоровевших и 22% умерших).

Серьезной проблемой оказалось качественное оформление сопроводительных документов пораженных в боях военнослужащих. Многие раненые поступали в эвакогоспитали без карточек передового района или вообще без каких-либо документов. Истории болезней и карточки передового района, с которыми прибывали раненые, в большинстве случаев в недостаточной степени отражали действительное состояние раненого как в отношении диагностики, так и оказанной помощи. В карточках передового района зачастую отсутствовала отметка о применении противостолбнячной сыворотки [25, л. 164 об.].

Неудовлетворительная сортировка на предшествующих этапах эвакуации приводила к тому, что больные и раненые шли общим потоком на одних машинах. Многие больные прибывали с повышенной температурой, что могло негативно отразиться на состоянии здоровья контактировавших с ними раненых. В свою очередь, раненые поступали без предварительной санитарной обработки. Своевременная обработка ран производилась с соблюдением правил рассечения только у части раненых. Многие из них поступали со сбившимися и промокшими повязками. Отмечалось низкое качество оказания первичной помощи раненым, у которых диагностировалось повреждение мочевой системы, суставов и бедра.

Сотни раненых поступали в госпитали с осложнениями (сепсис, газовая гангрена), в тяжелом и запущенном состоянии. Как правило, их перевозили на значительные расстояния в грузовых автомобилях. Поэтому зачастую они прибывали к месту назначения с необратимыми негативными последствиями для состояния здоровья. Но и оказать им квалифицированную помощь в эвакогоспиталях было проблематично. Если на Донском фронте хирургическая работа в госпиталях ФЭП-73 не вызывала нареканий, то по прибытии в Курск помощь больным и раненым оказывали всего два опытных хирурга, два хирурга средней квалификации и столько же специалистов в Ельце. Это происходило при потоке раненых, доходившем в отдельные дни до 2000 человек.

Только в течение марта 1943 г. хирургами ФЭП-73 было произведено 2090 операций (6,12% от общего числа пораженных в боях), из них 360 ампутаций (1,7%) и 3627 активных обработок ран, что составляло 10,63% от числа всех пораженных [25, л. 165]. Специализированная помощь раненым оказывалась только в госпитале № 1095. Раненых с повреждением глаз сюда поступило 343 чел. (1% от всех пораженных), из них 32 чел. (9,43%) было прооперировано. С повреждением челюсти в этом госпитале лечилось 385 чел. (1,13%), из них 83 чел. подверглись оперативному вмешательству [25, л. 165 об.].

Важное значение для спасения раненых имела эффективность организации переливания крови и проведения лабораторных анализов. Госпитали ФЭП-73 обеспечивались кровью из двух источников. Во-первых, консервированная кровь поступала из Москвы и Тулы. Через отдел переливания крови Санитарного управления Центрального фронта поступило подобным образом 107,7 литров. Во-вторых, госпитали получили от доноров 33,5 литров крови. В результате ее общий объем составил 141,2 литров. Активно работали в марте 1943 г. госпитальные лаборатории. Только тремя из них было выполнено 986 анализов. За месяц было сделано 442 рентгеноснимка и 451 рентгенопросвечивание [25, л. 165 об.].

Кроме спасения раненых, госпитали ФЭП-73 оказывали помощь больным военнослужащим. За март 1943 г. через них прошли 1828 больных, включая 1793 вновь поступивших. Из числа лечившихся 645 чел. (35,29%) были эвакуированы за пределы фронта, 207 чел. (11,32%) возвращены в часть, 182 чел. (10,1%) переведены в другие госпитали, 33 чел. (2,8%) умерли. К 1 апреля на излечении оставалось 935 чел. (51,5%) [25, л. 166].

Особые трудности вызывала эвакуация раненых и больных в тыловые районы. Транспортировку из Курска на тот момент можно было осуществить лишь по одной железнодорожной линии, ведущей на Касторную и Елец. Загрузка этой дороги оперативными эшелонами затрудняла продвижение санитарных летучек, время их продвижения из Курска до Ельца доходило до 8 суток. Отсутствие хороших грунтовых дорог, распутица, разлив рек делали невозможной эвакуацию по грунту. Самолеты Дуглас перевозили раненых с 11 марта 1943 г., спустя две недели началась эвакуация ж.д. транспортом. Постоянные и временные санитарные поезда и штатные санлетучки в расположение ФЭП-73 не прибывали, поэтому для вывоза раненых и больных из Курска активно использовались нештатные санлетучки [25, л. 166 об.]. Всего в марте 1943 г. было эвакуировано 25 722 раненых и больных воина, более 14 тыс. из которых транспортировалось самолетами [25, л. 167].

По прибытии в Курск штаты госпиталей ФЭП-73 укомплектовывались вспомогательным персоналом за счет привлечения местного населения. Так, с 1 марта 1943 г. личный состав СЭГ-1095 пополнился 15 санитарками, сестрой-хозяйкой, регистратором, 3 белошвейками, агентом по поручениям [26, л. 35 об.]. Им предстояло сразу включиться в работу, потому что только в этот день госпиталь принял с передовой 111 больных и раненых. Всего же на госпитальном довольствии в СЭГ-1095 состояло 169 человек. На следующий день штат госпиталя увеличился еще на 23 сотрудника, включая санитарок, парикмахера, рабочего кухни. Количество пациентов увеличилось на 110 человек [26, л. 37].

Приказом № 59 от 1 марта 1943 г. начальник госпиталя А. Л. Рогуля потребовал от подчиненных строго соблюдать режим военно-медицинского учреждения. Все сестры и санитарки должны были находиться на службе в халатах и специальных косынках. Лечебно-организационную работу предписывалось проводить в строгом соответствии с положением об эвакогоспиталях (ведение истории болезни, врачебные обходы, телесные осмотры, измерение температуры и кормление) [26, л. 36 об.].

Прибывший в Курск медицинский состав ЭГ-3240 (начальник – полковник м/с А. Е. Эндер) незамедлительно начал работать группами усиления в функционирующих перегруженных госпиталях, где испытывалась острая потребность в медицинском персонале. С 17 марта 1943 г. госпиталь функционировал самостоятельно. При отсутствии хозяйственной базы ее пришлось организовать заново, используя до приезда личного состава из Ельца временную рабочую силу. Только через 5-6 недель на самолетах Дуглас и по железной дороге прибыло госпитальное имущество и персонал. Госпиталь работал в трех зданиях Курска по ул. Ленина 25, 55 и 69.

За период пребывания ЭГ-3240 в Курске туда поступило 7458 чел., причем большая часть из них в марте 1943 г. – 2815 чел., тогда как за апрель – 2086 чел., в мае – 2141 чел., в июне – 416 человек. Раненые с тяжелой травмой и повреждением больших костей составляли 68,2% от общего числа. Медицинский персонал госпиталя провел за это время 1275 операций, из них 723 были сделаны под эфирным наркозом, 437 – под местной анестезией, 115 – с использованием хлорэтила. У 82 больных диагностировалась анаэробная инфекция, у 6 – столбняк. 383

раза пациентам госпиталя переливалась кровь. Результатами работы госпиталя за трехмесячный период стали: эвакуация 85,9% раненых и больных, выписка в части – 4,37%, перевод в другие госпитали – 6,96%, смерть – 2,77% пациентов [27, л. 27].

В Курске ЭГ-3240 специализировался в основном на лечении ранений бедра и костей таза. Кроме этого, сюда поступало значительное количество раненых в грудную клетку. В госпитале удалось развернуть нейрохирургическое отделение под непосредственным руководством невропатолога ФЭП-73 полковника медицинской службы Е. Д. Голдовского (1894–1955). По просьбе начальника госпиталя он провел ряд занятий с врачами по диагностике и лечению поражений центральной нервной системы (ЦНС). Несколько занятий со средним медицинским персоналом были посвящены организации правильного ухода за больными с поражением ЦНС [27, л. 28].

Массированные налеты вражеской авиации на Курск, участившиеся в мае 1943 г., привели к тому, что из города были выведены почти все госпитали. Госпитальные здания ЭГ-3240 по ул. Ленина были разрушены, но обошлось без людских потерь. После авианалета 22 мая 1943 г. в помещении по ул. Ленина, 25 еще оставалось около 600 тяжелораненых, и вывезти их не представлялось возможным, т. к. значительное количество пациентов госпиталя оставались нетранспортабельными.

По завершении налета на Курск 2 июня 1943 г., в котором приняли участие около 600 вражеских самолетов, госпиталь № 3240 получил приказ передислоцироваться с центральной улицы на Стезеву дачу (северо-западная окраина города), а затем в село Овсянниково. Этот населенный пункт был совершенно не приспособлен к развертыванию госпиталя. Он находился в 13 км от Курска на возвышенном, совершенно открытом месте. При помощи сотен местных жителей, выделенных начальником Курского гарнизона, и силами личного состава ЭГ-3240 были проведены работы по выемке котлована, по подготовке леса и доставке его, по оборудованию землянок. Впоследствии военными строителями фронта был сооружен подземный медицинский городок.

Информация о его обустройстве сохранилась в отчетных документах ЭГ-3240: «Пропускник с перевязочной, дезокамера, палаты на определенном расстоянии друг от друга вместимостью 100–140 коек, перевязочная на 8 столов и операционная на два стола с укрытием, способным спасти от небольшой бомбежки, пищеблок, рассчитанный на 2000 чел. – все это находилось под землей. Из наземных сооружений были использованы наземные три разрушенные конюшни, которые сравнительно быстро привели в порядок. Женщины и дети из колхоза помогли плести стенки, затем обмазывать их глиной.

Подъезды в село с большой дороги были приведены в порядок, чтобы автомобили на расстоянии 1–1,5 км могли проходить свободно. Вышли с лопатами и мотыгами все медицинские сестры и санитарки во главе с начальником госпиталя. В течение дня работа была закончена. Землянки были покрыты дерном так, чтобы скрыть их от немецких стервятников. Дорожки между пропускником и палатами на значительном расстоянии были проложены таким же образом» [27, л. 29–30].

С началом оборонительного сражения на северном фасе Курской дуги госпиталь стал принимать раненых. Всего в него поступило 3545 раненых и больных (в июле – 2657 чел., в августе – 888 чел.). Количество раненых, поступивших с тяжелой травмой и повреждением больших костей, составило 67,06%. Медперсоналом было проведено 730 операций и выполнено 279 переливаний крови. 85,41% пациентов пришлось эвакуировать, 3,64% выписано в часть. Смертность больных и

раненых в этот период составляла 2,26%, оставаясь на достаточно низком уровне [27, л. 30].

Начало оборонительных боев на северном фасе Курской дуги внесло коррективы в характер работы санитарных учреждений. Сохранившиеся отчетные документы медико-санитарных батальонов армий позволяют проследить динамику оказываемой помощи. На основном направлении наступления противника оборону держали войска 13-й армии генерала Н. П. Пухова. Согласно отчету МСБ 13 А за июль 1943 г., на излечении находились 26 304 пораженных в боях военнослужащих, из которых умерло 808 чел. (смертность составила 3,1%). Более 70% ранений было получено осколками мин, артиллерийских снарядов и авиационных бомб, тогда как пулевые ранения получили всего 26,6% пациентов [28, л. 17].

По оценке армейского хирурга 13 А майора медицинской службы В. И. Стручкова, значительное увеличение осколочных ранений наблюдалось на всех этапах июльских боев 1943 г. Влияние ранящего оружия на характер ранений распределялось таким образом, что: пули дали 9,6% касательных ранений, 74,6% сквозных и 15,3% слепых ранений; осколки – 15,6% касательных, 21,5% сквозных и 59,6% слепых ранений. Множественных ранений было зафиксировано 30,6%, что в два раза больше, чем показатели первого полугодия 1943 г. (14,6%).

Соотношение раненых по степени тяжести распределялось следующим образом: тяжелых раненых было 26%, средних – 34,1% и легких – 39,9%, в сравнении с первым полугодием – 23,3%, 26,6%, 40,1% соответственно.

Распределение раненых по областям поражения (июль / первое полугодие, %): верхние конечности – 34,8/33,4; нижние конечности – 34,5/33,5; всего – 69,3/66,9; грудная клетка – 10,1/11,1; позвоночник – 0,4/0,8; голова – 10,7/10,4; шея – 1,2/1,1; таз – 4,5/4,9; половые органы – 0,2/0,3; живот – 3,6/4,5, т. е. соотношение по степени тяжести ранения и распределение раненых по областям поражения с началом активных боевых действий имели незначительные отличия в сравнении с предыдущим полугодовым периодом.

Своевременный вынос с поля боя и время доставки раненых в МСБ имели огромное значение для последующего лечения. Скорость доставки раненых в зависимости от боевой обстановки могла существенно отличаться. Так, за первое полугодие 1943 г. в первые 16 час после ранения в МСБ доставлялось в среднем 74,4% всех раненых, а в феврале 1943 г. этот процент составлял всего 37,7.

В июле 1943 г. процент поступивших в МСБ в первые 16 часов после ранения составил 85,7. Во всех МСБ в среднем активной хирургической обработке подверглись 60,4% раненых (за первое полугодие этот показатель составлял 42,1%). Таким образом, несмотря на большой поток раненых, благодаря предварительной подготовке МСБ и распределению между ними потоков необработанных раненых они смогли добиться активной хирургической обработки всех нуждающихся в этом виде помощи. Общая смертность пораженных в боях за июль значительно снизилась в сравнении с первым полугодием 1943 г. [28, л. 17 об.]

Влияние интенсивности боев на увеличение потоков раненых отчетливо прослеживается по документам 48-й армии. Так, в объяснительной записке армейского хирурга 48 А подполковника м/с И. В. Данилова за июль 1943 г. отмечалось, что в июле месяце войска 48 А находились в обороне, но 5-6 июля немецкие войска перешли в наступление на участке 16 сд, которая принимала участие в отражении этого наступления. По итогам боев в 80 МСБ поступило 350 раненых.

В середине июля войска 48-й армии производили разведку боем и улучшение позиций, после чего перешли в контрнаступление. Вследствие этого через МСБ и ППГ стал проходить значительный поток

раненых. Так, через 511 МСБ с 24 по 26 июля прошел 731 раненый. Через 80 МСБ с 22 по 26 июля прошло 590 раненых. Через 154 МСБ с 23 по 26 июля прошло 1400 раненых. С 20 по 26 июля через ППГ-2407 прошло 1774 раненых. Через ППГ-2324 с 15 по 26 июля прошло 2177 раненых.

Во второй половине июля, следуя за наступающими дивизиями, МСБ часто меняли место своего расположения. Например, МСБ-80 с 1 по 23 июля был расположен в селе Кубань. 23 июля дивизия перешла в наступление. Передовая группа МСБ была выброшена в с. Нагорное, и в тот же день приняла первый поток раненых. 24 июля основная часть МСБ была переброшена в с. Алексеевку. 26 июля весь МСБ передислоцировался в с. Богородское. 27 июля передовая группа МСБ была выброшена в с. Рыбница. 29 июля весь МСБ работал уже в с. Барановский Лозовец, где оставался до 1 августа, т. е. за 8 дней МСБ-80 менял свою локацию пять раз. МСБ-154 за месяц передвигался с места на место 4 раза. МСБ-179 менял свое расположение в период наступления каждые 1-2 дня.

МСБ приходилось расчленяться на 2-3 эшелона с оставлением части медицинского персонала для лечения и ухода за нетранспортабельными ранеными, эвакуируя остальных в ППГ первой линии. Иногда удавалось ставить ППГ на место уходящего медсанбата. В первые дни боев в 48 А была хорошо налажена работа транспорта для эвакуации раненых из МСБ и ППГ при помощи фронтовой автосанитарной роты и за счет использования попутного порожняка, а также армейских автосанитарных (АСР) и конносанитарных (КСР) рот. Значительную помощь оказали санитарные самолеты, особенно для эвакуации раненых с черепно-мозговыми травмами в специализированный госпиталь. За месяц было эвакуировано 166 раненых. В дальнейшем, вследствие дождей с 25 по 30 июля, дороги были в плохом состоянии.

Дивизионные медицинские пункты (ДМП) развертывали свою работу, большей частью используя палатки. Работа операционно-перевязочного блока проводилась на 5-6 столах с выделением отдельной перевязочной для обслуживания легкораненых. Весь операционно-перевязочный взвод (личный состав и имущество) разделялся на две группы, которые, работая перекатами, бесперебойно принимали поток раненых. Поступление раненых, а следовательно, и их загрузка не превышали средних норм, но ввиду частой смены дислокации работа персонала была достаточно напряженной, тем более поступление раненых происходило неравномерно (от нескольких десятков до 500 чел. в день) [28, л. 48].

Через МСБ 48 А за июль 1943 г. прошло 10 967 пораженных в боях, из них 10 780 раненых. По характеру ранящего оружия: пулевых – 3485 (33%); осколками артиллерийских снарядов – 1218, мин – 4858, авиабомб – 88, гранат – 455 чел. (всего 64,3% осколочных). Среди осколочных преобладали ранения, полученные от противопехотных мин, т. к. противник, особенно при отступлении, обильно минировал подступы к своим укреплениям, дороги, здания и т.д.

По степени тяжести ранений: тяжелых – 3457, средних – 3679, легких – 3530. Наибольшее количество ранений среди прошедших через МСБ приходилось на конечности 68,7%, ранения в голову и грудь составляли по 10,6%, ранения в живот – 4,2%. Общая смертность по МСБ зарегистрирована 315 чел., т.е. 2,8% по отношению к общему числу пораженных, за первое полугодие составляла 3,4%, за июнь – 4,4%.

Поступление раненых в МСБ в 86,2% случаев происходило в первые 16 часов после ранения, на вторые сутки поступало 12,3%. В количественном отношении: до 8 час. после ранения – 4120 чел., от 8 до 16 час. после ранения – 5033 чел., на второй день – 1310 чел. и на 3 сутки – 139 чел. Приведенные данные

свидетельствуют о преимущественно своевременном получении первичной медицинской помощи пораженными в боях воинами.

Эвакуация раненых из полковых медицинских пунктов (ПМП) в МСБ производилась на повозках – лошадьми, частично дежурными в полках автомашинами МСБ. Эвакуация раненых из МСБ в ППГ производилась лишь частично на санитарных двуколках МСБ. В большинстве случаев эвакуация производилась на автомашинах МСБ или порожняком, а также с помощью автосанитарной роты санитарного отдела армии [28, л. 48 об.].

В 16-й Латышской стрелковой дивизии раненые на ПМП почти не задерживались, т. к. приданный автотранспорт круглосуточно доставлял их в МСБ. Таким образом, и во время наступательных боев поступление раненых шло почти равномерно, без больших наплывов. Приданные ПМП машины нередко подъезжали к батальонным медицинским пунктам (БМП), усиленным врачами, и находившимся в 1–1,5 км от передовой линии, откуда раненые доставлялись непосредственно в МСБ.

Хирургическая работа в полках оценивалась как удовлетворительная. В некоторых полках, где шин оказалось недостаточно, шинизация производилась с помощью подручного материала. Во всех случаях с кровотечениями были наложены жгуты. Лишь единичные раненые прибывали без жгута в состоянии обескровливания.

В МСБ-4025 было оперировано 37,3% раненых от общего числа поступивших. Около 2/3 поражений приходилось на осколочные ранения. Обезболивание при операциях и активной обработке ран в МСБ применялось в большинстве случаев в виде местной анестезии (91,6%) и лишь в 8,4% давался наркоз. Недостаточное обезболивание новокаином при первичной обработке ран приводило к тому, что врачи недостаточно широко рассекали рану, а раненый испытывал страдания от болей. Послеоперационная смертность в медсанбатах армии составляла 2,2% (89 смертей на 4025 операций), что не превышало общих показателей по фронту [28, л. 49].

В санитарных учреждениях 48 А активно проводилась работа по заготовке и переливанию крови. Только в июле 1943 г. было привлечено для сдачи крови 146 доноров. Кровь переливалась главным образом при крупных хирургических вмешательствах, при шоке и кровопотерях от ранений. За месяц отдел переливания крови (ОПК) 48 А выдал МСБ и ППГ 288 литров консервированной крови, 42 литра плазмы и 11 литров жидкости Сельцовского [28, л. 50].

Заслуживает внимания информация армейского терапевта 48 А майора м/с Е. В. Касаткина о количестве заболевших военнослужащих. В апреле 1943 г. их общее количество составляло 1144 чел., в мае – 1348 чел., в июне – 2123. В июле медпомощь оказывалась 1112 больным воинам, что примерно в 10 раз меньше, чем число пораженных в боях за тот же промежуток времени. Большая часть заболеваний была связана со спецификой длительного пребывания войск в полевых условиях. Инфекционные болезни составляли 40,4%, кожные – 5,5%, желудочно-кишечные – 16,9%, авитаминоз и дистрофия – 5,4%, органов дыхания – 14,8, сердечно-сосудистые – 7,2%, органов движения – 4,3%, мочевыделительной системы – 3,2%, нервно-психические – 2,3% [28, л. 45].

Наряду с оказанием медицинской помощи военнослужащим, в санитарных учреждениях фронта велась непрерывная работа по совершенствованию профессионального мастерства медперсонала. В 48 А дважды были проведены учебные сборы ординаторов хирургических отделений МСБ и ППГ (с 25 мая по 6 июня 1943 г. и с 15 по 26 июня 1943 г.), через которые прошло 45 врачей. Обучение затронуло главным образом молодых специалистов, выпускников медицинских

вузов 1941–1943 гг. В госпиталях ПЭП резко ощущался недостаток квалифицированных хирургов. После смерти 14 апреля 1943 г. высококвалифицированного специалиста из специализированного госпиталя № 590 врача Н. И. Добросмыслова, награжденного 30 марта 1943 г. медалью «За боевые заслуги» [29, л. 308, 372–372 об.], возникли серьезные проблемы с оказанием нейрохирургической помощи. В результате пациентов с ранением в череп приходилось самолетом доставлять во фронтовой нейрохирургический госпиталь. Не хватало квалифицированных хирургов в эвакуационных пунктах № 115, 5183, 4313 [28, л. 46 об.]. Проблема дефицита специалистов в госпиталях оставалась актуальной и в период ведения активных боевых действий на северном фасе Курской дуги.

Выводы

В целом, как показал опыт проведения оборонительной, а затем наступательной операций на северном фасе Курской дуги, военные медики Центрального фронта успешно справились со стоявшими перед ними задачами. Несмотря на организационные трудности в эвакуации раненых с поля боя и транспортировке в лечебные учреждения, а также проблемы укомплектования штатов госпиталей квалифицированными специалистами врачебного дела, самоотверженный труд военно-медицинских работников всех уровней обеспечивал спасение жизней и восстановление здоровья бойцов и командиров Красной армии, принимавших участие в одном из самых кровопролитных и решающих сражений Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. / М-во обороны Российской Федерации; главная ред. комис.: А. Э. Сердюков (пред.) [и др.]. М.: Кучково поле, 2011–2014.

2. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: подвиг народа и уроки истории: сборник статей по материалам Международной научной онлайн конференции (г. Казань, 20–21 октября 2020 г.) / ред. коллегия: А. Ш. Кабирова (отв. ред.), И. И. Ханипова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 543 с.

3. Вклад ученых-историков в сохранение исторической памяти о войне: на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / Ин-т российской истории РАН; [авт. текста и коммент.: А. Г. Гуськов и др.]. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 381 с.

4. Пронько В. А. Сражения историков на фронтах Второй мировой и Великой Отечественной войн (1939–1945 гг.): монография. М.: Дашков и К°, 2010. 526 с.

5. Фролов М. И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в немецкой историографии: монография. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. 131 с.

6. Замулин В. Н. Курская битва. Сражение, изменившее ход истории: монография. М.: Вече, 2017. 496 с.

7. Замулин В. Н. Забытое сражение Огненной дуги: монография. М.: Эксмо, 2018. 864 с.

8. Замулин В. Н. Курский излом: монография. М.: Эксмо, 2020. 1056 с.

9. Исаев А. В. Освобождение 1943. «От Курска и Орла война нас довела…». М.: Эксмо: Яуза, 2013. 554 с.

10. Исаев А. В. Курская битва. Всё о сражении, решившем судьбу Второй Мировой. М.: Эксмо: Яуза, 2018. 367 с.

11. Курская битва: взгляд из XXI века: военно-исторические и публицистические очерки / [редкол.: В. И. Жуков (пред.) и др.]. М.: Русский Ренессанс, 2008. 295 с.

12. Байрамов Р. С. Организация эвакуации раненых и больных воинов Центрального фронта в ходе подготовки и в период Курской битвы // «Над страной грохочет военный ураган…»: Курский военно-исторический сборник. Вып. 21. Курск: Университетская книга, 2021. С. 10–13.

13. Байрамов Р. С., Коровин В. В. Борьба с эпидемией сыпного тифа в ходе подготовки к Курской битве // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 180–183.

14. Гриднев В. П. Руководство тыловым обеспечением войск в Курской битве // Управленческое консультирование. 2017. № 11 (107). С. 131–139.

15. Гриднев В. П. Руководство медицинским обеспечением войск в Курской битве // Управленческое консультирование. 2017. № 12 (108). С. 171–180.

16. Гриднев В. П. Деятельность органов власти в период подготовки и проведения Курской битвы // Управленческое консультирование. 2019. № 8. С. 116–126.

17. Коровин В. В., Байрамов Р. С. О некоторых проблемах продовольственного обеспечения войск Центрального фронта весной-летом 1943 года // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России: Международная научно-практическая конференция к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией: сборник статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2020. С. 171–174.

18. Потапов В. А. Тыл советских Вооруженных сил в сражениях 1941–1945 гг. // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 10. С. 31–36.

19. Тыл советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / [И. М. Голушко, Ю. В. Плотников, Н. А. Антипенко и др.]; под общ. ред. [и с предисл.] ген. армии С. К. Куркоткина; Ин-т воен. истории. М.: Воениздат, 1977. 559 с.

20. Деятельность партийно-государственных структур и населения Курской области по оказанию помощи раненым накануне и в период битвы на Курской дуге / К. В. Яценко, Е. Н. Родионова, А. В. Михайлова, Г. В. Герасимов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 4(16). С. 73–81.

1. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 33. Оп. 682525. Д. 46.

22. Калюжный Р. Г. Красная армия 1934–1945: структура и организация: справочник. Ч. 1. М.: Фонд «Русские витязи», 2020. 672 с.

23. ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 354. Д. 4. Л. 139 об.

24. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1785.

25. АВМД (Архив военно-медицинских документов – филиал ЦАМО РФ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 152.

26. АВМД. Ф. 560. Оп. 48701. Д. 1.

27. АВМД. Ф. 1780. Оп. 70112/4. Д. 41.

28. АВМД. Ф. 5. Оп. 1. Д. 155.

29. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 436.

References

1. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov [The Great Patriotic War of 1941–1945]; ed. by A. E. Serdukov. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011–2014.

2. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: podvig naroda i uroki istorii. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj onlajn konferencii [The Great Patriotic War of

1941-1945: the feat of the people and the lessons of history]. Kazan', In-t istorii um. Mardzhani AV RT Publ., 2020. 543 p.

3. Vklad uchenyh-istorikov v sohranenie istoricheskoj pamyati o vojne: na materialah Komissii po istorii Velikoj Otechestvennoj vojny AN SSSR, 1941-1945 gg. [Contribution of historians to the preservation of the historical memory of the war: based on the materials of the Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences, 1941-1945]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnyk iniciativ, 2015. 381 p.

4. Pron'ko V. A. Srazheniya istorikov na frontah Vtoroj mirovoj i Velikoj Otechestvennoj vojn (1939–1945 gg.) [Battles of historians on the fronts of the Second World War and the Great Patriotic War (1939–1945)]. Moscow, Dashkov I K° Publ., 2010. 526 p.

5. Frolov M. I. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg. v nemeckoj istoriografii [The Great Patriotic war of 1941-1945 in german historiography]. St. Petersburg, Puskin Leningrad St. Univ. Publ., 2008. 131 p.

6. Zamulin V. N. Kurskaya bitva. Srazhenie, izmenivshee hod istorii [The battle of Kursk. The battle that changed the course of history]. Moscow, Veche Publ., 2017. 496 p.

7. Zamulin V. N. Zabytoe srazhenie Ognennoj dugi [The forgotten battle of the Fiery arc]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 864 p.

8. Zamulin V. N. Kurskij izlom [Kursk fracture]. Moscow, Eksmo Publ., 2020. 1056 p.

9. Isaev A.V. Osvobozhdenie 1943. "Ot Kurska i Orla vojna nas dovela…" [Liberation 1943. "The war brought us from Kursk and Orel..."]. Moscow, Eksmo Publ., Yauza Publ., 2013. 554 p.

10. Isaev A. V. Kurskaya bitva. Vsyo o srazhenii, reshivshem sud'bu Vtoroj Mirovoj [The Battle of Kursk. All about the battle that decided the fate of World War II]. Moscow, Eksmo Publ., Yauza Publ., 2018. 367 p.

11. Kurskaya bitva: vzglyad iz XXI veka: voenno-istoricheskie i publicisticheskie ocherki [The Battle of Kursk: a look from the XXI century: military-historical and journalistic essays]; ed. by V. I. Zhukov. Moscow, Russkii Renessans Publ., 2008. 295 p.

12. Bajramov R. S. Organizaciya evakuacii ranenyh i bol'nyh voinov Central'nogo fronta v hode podgotovki i v period Kurskoj bitvy [Organization of evacuation of wounded and sick soldiers of the Central Front during the preparation and during the Battle of Kursk] "Nad stranoj grohochet voennyj uragan…". Kurskij voenno-istoricheskij sbornik ["A military hurricane is rumbling over the country...". Kursk military-historical collection]. Is. 21. Kursk, 2021, pp. 10–13.

13. Bajramov R. S., Korovin V. V. [Fighting the epidemic of typhus in preparation for the Battle of Kursk]. *"Vyzov" v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [The "challenge" in the everyday life of the Russian population: history and modernity. Materials of the international scientific conference]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad St. Univ. Publ., 2021, pp. 180–183. (In Russ.)

14. Gridnev V. P. Rukovodstvo tylovym obespecheniem vojsk v Kurskoj bitve [Leadership of the logistics of the troops in the Battle of Kursk]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*, 2017, no. 11, pp. 131–139.

15. Gridnev V. P. Rukovodstvo medicinskim obespecheniem vojsk v Kurskoj bitve [Leadership of medical support of troops in the Battle of Kursk]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*, 2017, no. 12, pp. 171–180.

16. Gridnev V. P. Deyatel'nost' organov vlasti v period podgotovki i provedeniya Kurskoj bitvy [Activities of the authorities during the preparation and conduct of the Battle of Kursk]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*, 2019, no. 8, pp. 116–126.

17. Korovin V. V., Bajramov R. S. [About some problems of food supply of the troops of the Central Front in the spring-summer of 1943]. *Velikaya Otechestvennaya vojna i problemy*

nacional'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya k 75-letiyu Pobedy Sovetskogo Soyuza nad fashistskoj Germaniej. Sbornik statej [The Great Patriotic War and the problems of national security of modern Russia. International Scientific and Practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Victory of the Soviet Union over Nazi Germany. Collection of articles]. Orenburg, OGPU Publ., 2020, pp. 171–174. (In Russ.)

18. Potapov V. A. Tyl sovetskih Vooruzhennyh sil v srazheniyah 1941–1945 gg. [The rear of the Soviet Armed Forces in the battles of 1941–1945]. *Vestnik Akademii ekonomicheskoj bezopasnosti MVD Rossii = Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 10, pp. 31–36.

19. Golushko I. M., Plotnikov Yu. V., Antipenko N. A., eds. Tyl sovetskih Vooruzhennyh sil v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. [The rear of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, Voenizdat Publ., 1977. 559 p.

20. Yacenko K. V., Rodionova E. N., Mihajlova A. V., Gerasimov G. V. Deyatel'nost' partijno-gosudarstvennyh struktur i naseleniya Kurskoj oblasti po okazaniyu pomoshchi ranenym nakanune i v period bitvy na Kurskoj duge [Activities of party and state structures and the population of the Kursk region to provide assistance to the wounded on the eve and during the Battle of the Kursk Bulge]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 2010, no. 4, pp. 73–81.

21. CAMO RF (Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 33, op. 682525, d. 46.

22. Kalyuzhnyj R. G. Krasnaya armiya 1934–1945: struktura i organizaciya [The Red Army 1934-1945: structure and organization]. Pt. 1. Moscow, Fond "Russkie vityazi", 2020, pp. 256.

23. CAMO RF, f. 62, op. 354, d. 4, l. 139 ob.

24. CAMO RF, f. 33, op. 682526, d. 1785.

25. AVMD (Arhiv voenno-medicinskih dokumentov – filial CAMO RF) [Archive of military medical documents – branch of the Central Medical Center of the Russian Federation], f. 5, op. 1, d. 152.

26. AVMD, f. 560, op. 48701, d. 1.

27. AVMD, f. 1780, op. 70112/4, d. 41.

28. AVMD, f. 5, op. 1, d. 155.

29. CAMO RF, f. 33, op. 682525, d. 436.

Информация об авторе / Information about the Author

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vlavikor@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Vladimir V. Korovin, Dr. of Sci. (Historical), Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vlavikor@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-188-202

(cc) BY 4.0

География заселения служилыми людьми уездов, расположенных на Белгородской черте

К. Б. Кудланов[1] ✉

[1]Курское региональное отделение Российского общества историков-архивистов
ул. Ленина 57, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: Kudlanov777@mail.ru

Резюме

***Актуальность**. В статье раскрывается вопрос географии заселения служилыми людьми уездов, расположенных на Белгородской черте, в XVII веке. Период строительства этой оборонительной системы автор подразделяет на два временных отрезка, различных по своему характеру заселения, и выявляет взаимовлияние различных факторов на доминирование роли сведенцев и сходцев при освоении территории. Новизна исследования состоит в обобщении закономерностей заселения уездов Центрального Черноземья на основе анализа источниковой базы. Исследователь устанавливает масштабы всего этого движения населения.*

***Цель** – выявление особенностей географии заселения служилыми людьми уездов, расположенных на Белгородской черте.*

***Задачи:** отдельное поочередное рассмотрение географии заселения 5 уездов Центрального Черноземья.*

***Методология.** В процессе работы над исследованием использовались аналитико-синтетический и сравнительно-исторические методы, а также ретроспективный анализ, статистический метод наблюдения и картографический метод исследования.*

***Результаты.** Автором прояснены места выходов служилых людей некоторых уездов Центрального Черноземья, что неоспоримо важно в изучении как генеалогии и краеведческой истории, так и истории однодворческого сословия в целом.*

***Вывод.** В географии заселения уездов Центрального Черноземья в 30-е годы XVII века доминирующее положение в переселенческом движении играли сходцы, а в 40-е годы XVII века – сведенцы. Роль сведенцев и сходцев в заселении местности определяли безопасность местности, геолокация заселяемой территории и социальная политика государства. Основной поток переселенцев двигался с севера, в основном из крепостей Тульской оборонительной черты, хотя имелась уже значительная местная траектория. Масштабы всех этих переселений были колоссальными.*

***Ключевые слова:** служилые люди; однодворцы; сходцы; сведенцы; переселенцы; уезд; Центральное Черноземье; Белгородская черта.*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Кудланов К. Б. География заселения служилыми людьми уездов, расположенных на Белгородской черте // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 188–202. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-188-202.

Поступила в редакцию 28.06.2022 Принята к публикации 21.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Кудланов К. Б., 2022

Geography of Settlement by Military Service People of Countries Located on the Belgorod Line

Konstantin B. Kudlanov[1] ✉

[1]Kursk Branch of the Russian Society of Historians and Archivists
57 Lenina Str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: Kudlanov777@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article reveals the issue of the geography of settlement by military service people of counties located on the Belgorod line in the XVII century. The period of construction of this defensive system, the author divides into two time periods, different in nature of settlement. The author reveals the mutual influence of various factors on the dominance of the role of resettled people in military service and unauthorized migrants during the settlement of the territory. The novelty of the study lies in the generalization of the regularities of the settlement of the counties of the Central Chernozem Region, based on the analysis of the source base. The researcher establishes the scale of this entire population movement.*

Purpose *– Identification of the peculiarities of the geography of settlement by military service people of counties located on the Belgorod line.*

Objectives: *separate sequential consideration of the geography of settlement of 5 county of the Central Chernozem region.*

Methodology. *In the process of working on the study, author used analytical-synthetic and comparative-historical methods, as well as retrospective analysis, a statistical method of observation and a cartographic method of research.*

Results. *The author clarified the places of exits of service people in some districts of the Central Chernozem region, which is undeniably important in the study as genealogy, as local history, and the history of the Smallholders estate, in general.*

Conclusion. *In the geography of the settlement of the counties of the Central Chernozem region in the 30-s XVII century the dominant position in the resettlement movement was played by unauthorized migrants, and in the 40-s XVII century – resettled people in military service. The role of the resettled people in military service and unauthorized migrants in settling the area was determined by the safety of the area, the geolocation of the area to be settled, and the social policy of the state. The main flow of settlers moved from the north, mainly from the fortresses of the Tula defensive line, although there was already a significant local trajectory. The scale of all these migrations was colossal.*

Keywords: *military service people; warriors; single-court people; smallholders; settlers; county; Central Chernozem region; Belgorod line.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kudlanov K. B. Geography of Settlement by Military Service People of Countries Located on the Belgorod Line*. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 188–202. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-188-202.

Received 28.06.2022 Accepted 21.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

Важным событием, ускорившим заселение южных окраин России, было сооружение в 1635–1653 гг. Белгородской черты. Эта система укреплений протянулась на 798 км с востока на запад от р. Ворсклы до р. Челновой – притока Цны (по территории пяти современных областей: Сумской, Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской). На

ней было построено более 20 городов [1, с. 18–21]. Некоторая их часть стала уездными центрами, городской статус других впоследствии был упразднен и они стали селами. Изучение географии заселения этой местности начнем с уездов, расположенных на самой черте, а именно: Тамбовского, Козловского, Коротоякского, Новооскольского и Корочанского. Первые два служилых города были основаны в 30-х годах, а остальные – в 40-х годах XVII века. Основная разница между двумя этими периодами заселения состояла в том, что в первом доминировали сходцы[1], а во втором – сведенцы[2]. Масштабы движения населения в это время были колоссальны. По замечаниям специалиста по Белгородской черте, профессора ВГУ, д-ра ист. наук В. П. Загоровского, только в 1647 г. были подняты с обжитых мест тысячи людей, некоторые города теряли по 30–40% своего населения [2, с. 236]. Не меньшие масштабы прослеживались и в 30-х годах XVII века.

Методология

Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при выявлении общих траекторий движения служилого населения в разные временные отрезки; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (конкретные уезды и селения) в широкий исторический контекст.

Сравнительно-исторические методы мы использовали для сопоставления географии заселения рассматриваемой нами территории. Статистический метод наблюдения позволил выявить роль тех или иных мест выхода в географии заселения изучаемых нами уездов. Картографический метод исследования позволил сопоставить территориально-административное деление XVI–XVII вв. с XIX в. в изучаемой нами местности. Соединение общих и уникальных явлений позволило выявить особенности заселенческих траекторий служилых людей в уезды, расположенные на Белгородской черте.

Проблемно-хронологический метод был использован в порядке рассмотрения уездов. Историко-генетический метод раскрывал изменение особенностей заселения под влиянием правительственных законодательных мер. Историко-типологический метод позволил рассмотреть место географии заселения некоторых уездов, размещенных на Белгородской черте, в исторической ретроспективе всей географии заселения Центрального Черноземья.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрение географии заселения начнем с Козловского уезда. Первая линия Белгородской засечной черты была заложена в 1635–1637 гг. в верховьях р. Воронеж. Именно в этот период были основаны г. Козлов и Козловский у., а также прилегающий к нему Тамбовский у. с городами Тамбовом и Нижним Ломовым[3].

На этой территории имелось местное население. Специалист по исторической демографии, д-р ист. наук профессор ТГУ Ю. А. Мизис пишет, что накануне строительства г. Козлова в непосредственной близости от него на р. Воронеж и Матыра существовало несколько групп населенных пунктов. В 1636 г. козловские воеводы получили разрешение правительства приписать к новому городу села и деревни, расположенные от него в радиусе 50 километров. Эта мера предоставляла возможность привлекать отсюда

[1] Сходцы – различные социальные элементы, добровольно сошедшие на выбранную ими местность для жительства или службы.

[2] Сведенцы – служилые люди, сведенные на новое место жительства в принудительном порядке.

[3] Алферова Г. В. Государственная система строительства городов и освоение новых земель в XVI–XVII вв. (на примере г. Козлова и его уезда). URL: https://Shapkino.ru (дата обращения: 20.06.2022).

на строительные работы даточных людей [3, с. 29]. Вполне вероятно, что впоследствии значительная их часть вошла в состав служилых людей.

Последний вывод можно сделать на том основании, что при заселении этой крепости в 1635 г. не было применено традиционное принудительное сведение служилых людей [4, с. 300]. Новшество состояло в том, что правительство обратилось с призывом к «вольным охочим людям» украинных городов идти в г. Козлов [5, с. 549]. Широко обнародованный царский указ открывал выход из крестьянства массе обедневшего служилого люда и их потомкам, которые по бедности и от разорения после 1613 г. ушли в крестьяне: «за разными помещики и вотчинники, и за монастыри, и за всякими людьми» [4, с. 300].

С одной стороны, этот указ был вполне справедливым, однако он же предоставлял юридическую лазейку для бегства крестьян, которые прежде никак не относились к служилым людям. И тогда этот принцип добровольности для одних становился принуждением для других, а именно для оставшихся в поместьях крестьян и их владельцев. О первых Ю. А. Мизис писал, что местные приказчики и крестьяне противились уходу своих товарищей, т. к. оставшиеся были вынуждены платить налоги за беглецов. Однако ни угрозы «утопить», ни избиения, ни грабеж не останавливали поток переселенцев [6, с. 77]. Убытки же для вторых состояли в том, что помимо лишения своих крестьян, с построением новых городов частные владения уже не могли привлекать к себе пришлое население в такой степени, как раньше [4, с. 303].

Молва о свободном приеме на службу в Козлов и невыдаче оттуда по искам владельцев разнеслась не только по смежных уездам, но и далеко за их пределы [4, с. 301–302]. Сюда хлынул массовый поток переселенцев, особенно из числа помещичьих крестьян. Уже в 1636–1638 гг. в Разрядный приказ посыпались жалобы помещиков [6, с. 77]. Знаменитый тамбовский специалист по освоению юга России, д-р ист. наук, профессор АН СССР А. А. Новосельский подсчитал, что в течение 1636–1639 гг. подобным передвижением в Козловский у. воспользовалась как минимум 171 семья (т. е. всего около 770 душ, если считать по 4,5 души на семью). Основная масса вышла из Рязанского у. (79 семей от 19 владельцев), Ряжского у. (22 – от 7), Елецкого у. (14 – от 12), Касимовского у. (11 – от 2), Шацкого у. (7 – от 3); менее дали Московский у. (6), Тульский у. (5), Данковский, Каширский, Белевский, Соловский, Пронский, Чернский, Лихвинский (от 1 до 4 семей) уезды [4, с. 303].

Известен еще факт жалобы воронежцев в 1638 г. на бегство в Козлов из их поместий более 300 крестьян [6, с. 77]. Немного ранее в 1637 г. туда же пришла группа крестьян из Нижегородского, Устюженского и других уездов [4, с. 301–302]. Ю. А. Мизис к этому списку добавляет еще беглецов из Лебедянского и Рязанского уездов [6, с. 77]. К этому списку можно присовокупить еще некоторые места выхода козловских новоприборных служилых людей, используя этимологический анализ фамилий бывших беглых, выдававших себя за казаков. Например, назвавшийся казаком крестьянин Алаторского у. в списках от 20 февраля 1636 г. воеводами г. Козлова был записан под прозвищем «Алаторец». Помимо него, в этих же списках учтены служилые люди из крестьян: Казанец, Курмышанин, Суздалец и др. [7, с. 52], бывшие из уездов, которые нами уже перечислены.

Однако в состав козловских служилых людей вошли не только беглые крестьяне. Например, в 1637 г. в Козлов пришел посадский человек из Костромы [4, с. 301–302], а в 1651 г. принудительно был сослан на вечную ссылку в стрельцы г. Козлова сторож московского Чудова монастыря Л. Тимофеев [6, с. 81]. Исследователь В. В. Нечаев пишет, что в пер-

вые годы после основания Козлова в полковые казаки записывалось много выходцев из старинных служилых родов, особенно рязанского служилого дворянства, которое «поставило» в Козлов наибольшее число представителей своей корпорации. Он это выяснил косвенно, когда сопоставлял источники из разрядного приказа по составу Полковой, Пригородной и Заворонежской слобод г. Козлова[1], с фамилиями, которые были распространены среди рязанского служилого дворянства в XVIII в. Однако среди полковых казаков встречаются дворянские фамилии и из других уездов. Например, служивший в 1650 г. пятидесятником полковых казаков Д. Саломахин происходил из рода детей боярских, служивших в Усмани и других городах, а Е. Угримов и И. Чепелев являлись носителями фамилий старинных дворянских родов Тулы и Воронежа соответственно [7, с. 57].

Благодаря таким приемам набора служилых людей заселение г. Козлова с уездом произошло с необычайной быстротой. В 1636 г. И. Биркину[2] было указано набрать в Козлов 590 человек. Построение и заселение двух новых острожков, входивших в систему укреплений под Козловом (Бельского и Чернавского) повлекло расширение первоначальной нормы еще на 600 человек. В 1638 г. в Козлове было уже более 1 300 служилых людей, а в 1645 г. – 2 276, не считая и посадских людей, и 1143 детей, племянников и захребетников служилых людей, способных носить оружие [4, с. 301–302]. Специалист по четвертному землевладению Н. А. Благовещенский на их счет писал, что по описи 1672 г. такого громадного количества служилых людей не было ни в одном городе на окраине государства. Кроме 1 232 рейтаров, состоявших на действительной службе, там числилось еще 4 552 чел. боярских детей «городовой службы». Кстати, все они раньше других стали заниматься хлебопашеством, т. к. могли сидеть дома [9, с. 271]. В 80–90-е годы XVII века их количество еще увеличилось за счет нового самовольного перемещения служилых людей и крестьян из более северных районов страны [1, с. 19].

Если говорить об упомянутом Чернавском острожке, то его сходцы мало чем отличались от козловских. Правительством здесь была применена та же методология заселения. Для чего московское правительство снова свою первую ставку сделало на обедневших служилых людей и их потомков, разоренных и сбитых с места событиями первого и второго десятилетий XVII в. По подсчетам А. А. Новосельского, эта категория занимала значительный процент, затем следовало немалое число настоящих крестьян с «отпускными» и, наконец, меньше всего было «вольных людей» неопределенного социального положения [4, с. 299–300].

Подводя итог по этому уезду, отметим, что благодаря особому методу своего заселения и географии своего расположения Козловский у. имеет более разнообразную географию заселения, нежели иные более западные уезды Центрального Черноземья. Особенно отличалась северо-восточная траектория, протекавшая из городов Костромы и Казани одноименных губ., г. Суздаля Владимирской губ., г. Алаторя Симбирской губ., Нижегородского и Курмышского у. Нижегородской губ., а также близлежащей Рязанской губ. (Рязанского, Ряжского, Касимовского, Шацкого, Данковского, Пронского у.). Остальные места выхода

[1] В Списке Д. М. Несвицкого (1651 и 1652 гг.), в Сметной книге В. Н. Лихорева (1657–1659 гг.), Сметном списке И. А. Вельяминова (1664–1665 гг.).

[2] Биркин Иван Васильевич (ок. 1568 – 1643). Воевода ряда крепостей: Ряжска (1617–1619), Данкова (1629–1630), Воронежа (1631–1632) и др. В 1632 г. пожалован в ясельничие и назначен в Конюшенный приказ. Оттуда в 1635 г. послан в поле, вместе со своим зятем М. И. Спешневым, на руководство строительства г. Козлова и Козловского вала [8, с. 179].

были привычны для других уездов Центрального Черноземья. Это северо-западная траектория, которая была представлена Устюжной, Железнопольской, Новгородской губ., Москвой и ее уездом одноименной губ., а также Тульской губ. (Тульский, Каширский, Белевский, Чернский, Лихвинский, Соловский у.). Местная западная траектория была представлена Елецким у. Орловской губ., Лебедянским и Усманским у. Тамбовской губ., а местная южная – Воронежским у. одноименной губернии.

Теперь перейдем к следующему уезду. Город Тамбов был заложен 17 апреля 1636 г. «за Шацком в степи», где находилась «крайняя мордовская деревня Тонбова»[1]. Строительство города привело к активному заселению нового уезда служилыми людьми. Формирование воинского контингента Тамбовского уезда стало первоочередной задачей воеводы [6, с. 78]. Принципы набора при заселении Тамбова были теми же, что и в Козлове, но первый имел перед вторым большие преимущества. Отдаленность Тамбова уже сама по себе защищала поселявшихся там лиц от возврата, поэтому там спасались даже козловцы, подвергавшиеся угрозе возврата их прежним владельцам. В этой связи между строителями Козлова и Тамбова возникла конкуренция. Таким образом, Тамбов сразу приобрел славу места, откуда «никакие выдачи никоим людям нет» [4, с. 302].

Р. Ф. Боборыкин[2] распространял по уездам и городам призыв к вольным и охочим людям идти в Тамбов. Более того, он подал в Москву жалобы на задержку людей, шедших туда, и добился рассылки по городам грамот с угрозой опалы воеводам, если они будут тормозить дело [4, с. 302]. Приглашение на заселение в новый город зачитывалось на торговых площадях русских городов [6, с. 77]. Специальный правительственный указ разрешал воеводе обращаться с призывом о переезде в новый город к населению соседних Воронежского, Ливенского, Сапожковского, Лебедянского, Михайловского, Данковского, Ряжского, Мценского, Новосельского и Шацкого уездов [6, с. 78].

Население смежных уездов особенно быстро и сильно отозвалось на обращение правительства и уходило массами в новый город. А. А. Новосельский объяснял это прежде всего тем, что выросшие здесь частные владения сами заселялись за счет сходцев. С тех пор территория Тамбовского у. стала одним из основных центров сосредоточения пришлого населения и сохраняла это значение и в последующие десятилетия [4, с. 302]. Часть сходцев влекла возможность получить волю, всех же – землю. Основная их масса была из соседних уездов: Шацкого, Ряжского и Рязанского. Но встречались и жители дальних местностей: Смоленского, Ржевского, Дорогобужского и Московского уездов[3]. Так выглядела внешняя северная траектория заселения Тамбовского уезда [10].

Местная же северная траектория была представлена казаками из Шацкого у. с. Конобеева, которых заселили в саму Тамбовскую крепость[1]. Южная траектория заселения протекала из будущей Области Войска Донского. Например, известно, что в сл. Кузьмину Гать Тамбовского у., основанную в 1636 г., на постоянное жительство для несения службы были переведены 45 донских атаманов и казаков [6, с. 79].

Возможно впоследствии в состав служилых людей Тамбовского у. просочились и другие социальные элементы.

[1] История Шацка. URL: https://62info.ru (дата обращения: 20.06.2022).

[2] Роман Федорович Боборыкин (1610–1682). Русский государственный деятель XVII в.: воевода, окольничий, член Боярской думы, основатель г. Тамбова [11, с. 78].

[3] Мизис Ю. А. Из истории заселения Тамбовского края. URL: https://tambovgrad.ru/content/materials/80-Iz-istorii-zaselenija-Tambovskogo-kraja.html (дата обращения: 20.06.2022).

Во-первых, украинские переселенцы, в основном из Слободской Украины [6, с. 78], во-вторых, мелкопоместные дворяне из соседних Ряжского, Шацкого и Переяславль-Рязанского у., которые хлынули на тамбовщину в первые десятилетия XVIII в. [11, с. 46], в-третьих, местные дворцовые крестьяне верхоценской волости [11, с. 35], которые сформировались из беглых русских крестьян и цнинской мордвы. Кстати, часть последней впоследствии была ассимилирована [12, с. 12], возможно даже в составе мелких служилых людей. В-четвертых, жители тамбовского посада, где наблюдались переведенцы из Шацка, Переяславль-Рязанского, Коломны и других городов [13, с. 332–333], могли попасть в состав однодворцев. Подтверждением последнего предположения являются примеры из Суджанского уезда. Там часто при заселении деревень встречались служилые люди, вышедшие из посадов разных городов Курской губернии. Например, один из них «живал в Обояни на посаде в казаках» [14, л. 67–72].

Таким образом, и в заселении Тамбовского у. доминировала северная траектория. Известны северо-западные сходцы из Ржевского у. Тверской губ., Московской губ. (Коломенского и Московского у.), Смоленской губ. (Дорогобужского и Смоленского у.), Новосильского у. Тульской губернии. Ближняя северо-восточная траектория двигалась из Орловской губ. (Мценского и Ливенского у.), а ближняя северо-восточная – Рязанской губ. (Михайловского, Данковского, Ряжского, Сапожковского и Рязанского у.)

Особенность заселения этого уезда состояла в сильной местной траектории из Тамбовской губ., протекавшей из Шацкого, Лебедянского и частично Козловского у., а также из самого же Тамбовского уезда. Местная южная траектория протекала из Воронежского у. той же губернии, а внешняя южная представлялась казаками из будущей области Войска Донского.

Теперь перейдем к географии заселения Коротоякского уезда. Летом 1647 г. было принято решение о строительстве г. Коротояка. Уже в 1648 г. «на вечное житье» туда посылалось 500 человек: 404 казака, 50 боярских детей, 30 стрельцов и 16 пушкарей [2, с. 238]. Социально-географический состав сведенцев выглядел следующим образом. В 65 метрах от города [15, с. 78] были устроены слободы для 450 служилых людей по прибору [16, с. 287]: 185 казаков и 15 стрельцов из г. Чернавска, 76 казаков и 8 пушкарей из г. Данкова, 50 казаков из г. Ефремова, 35 казаков и 15 стрельцов из г. Талецка. 33 казака из г. Епифани, 25 казаков и 8 пушкарей из г. Лебедяни [2, с. 238]. 50 детей боярских из г. Ельца [17, с. 153] испоместили (поселили) в с. Голдаевка, расположенном возле реки Дон в 5 км от Коротояка [2, с. 238].

Кроме сведенцев, в Коротояк и Урыв явилось и некоторое число вольных людей. Туда, как и в Костенек и Ольшанск, пришли крестьяне из Борщева монастыря Воронежского уезда [4, с. 409]. Наверное, о них же пишет специалист по движению однодворцев и краевед М. А. Германов [16, с. 287], ссылаясь на сведения военно-статистического обозрения [15, с. 78]. Появлялись в Коротоякском у. и пришлые люди из Новосильского, Тульского и Рязанского у., хотя и в незначительном количестве. Их приток туда был значительнее, если бы правительство не предписывало строителям Коротояка и Урыва воздерживаться от приема в службу крестьян, бобылей и холопов [4, с. 409].

Учитывая, что знаток однодворческих говоров Д. К. Зеленин, помимо означенных мест выхода, добавляет еще Усерд, Оскол и Усмань [13, с. 76], а М. А. Германов – еще и Новый Оскол [16, с. 285], то можно предположить, что все эти выходцы переселились в Коротоякский у. в последующее время. И действительно, это подтверждается в дальнейшем заселении уезда.

Так, с. Старое и Новое Уколово были образованы около 1660 г. служилыми людьми из городов Старого и Нового Оскола [16, с. 292–293]. Село Сторожевое было населено около 1680 г. выходцами из с. Сторожевого Усманского уезда [16, с. 289]. Село Усть-Муровлянка стало населяться в конце XVII в. выходцами из г. Чернавска и других мест [16, с. 289–290]. Село Солдатское заселено в конце XVII в. выходцами из разных мест Воронежской губернии [16, с. 289]. Село Камызино основал З. Камызин, прибывший туда с другими 11 семьями из Усерда. Потом в село стали являться переселенцы из других мест [16, с. 291]. В конце XVII в. выходцами из разных губерний было заселено с. Заломное [16, с. 292]. По преданию жителей, с. Прилепы было основано в конце XVII – начале XVIII в. выходцами из с. Прилеп Ефремовского у. Тульской губернии [16, с. 290]. Первооснователем с. Афанасьевского в первых годах XVIII в. стал Афанасий Вихров, пришедший с другими 15 семьями из Ельца. Потом добавилось 11 дворов поселенцев из Старого Оскола, а спустя несколько лет явились новые переселенцы из Ельца, Старого Оскола и Орла [16, с. 291].

В переписи однодворцев 1722–1723 гг. Урывского острога Коротоякского у. мы встречаем выходцев из с. Городецкого Ливенского у., с. Редихина и г. Тальца Елецкого уезда. Помимо них, туда заселились местные однодворцы из г. Коротояка и сел этого уезда Яблочного, Оскино и Верхней Девицы [17, с. 19]. Предки жителей с. Веретепниково в сер. XVIII в. вышли из Елецкого уезда [16, с. 291].

В «Переписной книге однодворцев… Урывского острога 1744 г.» [17, с. 23–26] в той крепости насчитывалось 66 однодворцев, 2 однодворца пришли неизвестно откуда. По 1 душе вышло с северовостока из г. Скопина того же уезда Рязанской губ., с запада из с. Бораково Старооскольского у. Курской губ., с отдаленного северо-запада из сл. Покровской Чирковского у. Могилевской губернии. 63,6% от всех урывцев пришло из Орловской губ. (42 однодворца): 6 из г. Ливен того же уезда и 36 из Елецкого уезда. Последние выходцы были из следующих селений: по 1 душе из г. Ельца и сел Копеха, Бурки, Рогожское, Морево, Студенец, по 2 души из с. Яблоново и 28 однодворцев прибыли из Тальца.

Вместе с тем 28,8% от всех однодворцев из Урыва пришло из Воронежской губ. (19 душ). По 1 чел. из г. Землянска, с. Девицы Воронежского у., с. Каршево Битюцкого у., Лисогорской пустыни Новохоперского у., сел Новосолдатское и Селявное Коротоякского у., с. Рудкино Костенского у. и сл. Белогорье Острогожского уезда. По 2 души из с. Подклетное Воронежского у. и г. Острогожска одноименного уезда. Местная траектория из Коротоякского у. была представлена 3 душами из Урыва и 5 – из Коротояка. Если сопоставить данные двух первых ревизий по г. Урыву, то мы видим, что большая часть однодворцев этого острога сменилась. Это говорит о масштабном движении среди служилых людей этой местности. Только Талец и Коротояк являлись общими местами выхода этих двух групп однодворческих заселенцев Урывского острога.

Подводя итог по Коротоякскому у., отметим следующее. Северо-восточная траектория представлена выходцами из Рязанской губ. (городов Скопина и Данкова, а также Рязанского у.), Тамбовской губ. (Усманского у. и г. Лебедяни), а северо-западная – представителями из Тульской губ. (Новосильского, Тульского, а также г. Ефремова и Епифани), Орловской губ. (Чернавска, Талецка, Ельца, Орла и Ливен). Ближняя западная траектория состояла из курских выходцев (г. Старого и Нового Оскола), а местная – из разных мест Воронежской губ. (Воронежского, Землянского, Бобровского, Нижнедевицкого, Новохоперского, Остро-гожского, Коротоякского у., а также

г. Усерда будущего Бирючанского уезда). Западная траектория была представлена Чирковским у. Могилевской губернии. Таким образом, переселенческая траектория Коротоякского у. с середины XVII – начала XVIII в. в основном ограничивается городами Центрального Черноземья с редкими единичными исключениями.

В течение 30–40-х годов все окраинное пространство от Дона до Белгорода, и тем более далее на запад до р. Ворсклы, не привлекало к себе вольной народной колонизации, что было связано с частыми татарскими нападениями со стороны Калмиусского и Изюмского шляхов [4, с. 295]. Сверх того, воеводам, строившим города в этой местности, строго предписывалось принимать на службу «самых свободных людей», т. е. не из службы и не из тягла, и не крепостных [4, с. 304]. Таким образом, географическая особенность этой местности состояла в том, что большая часть размещенного там служилого населения состояла из сходцев. Для того чтобы это отобразить, рассмотрим Новооскольский уезд.

Город Царев-Алексеев (в 1655 г. переименованный в Новый Оскол) был основан в 1647 г. Он заселялся с большим трудом из-за вышеупомянутой повышенной опасности, поэтому методы переселения туда были принудительными. В течение 1647–1649 гг. в Царев-Алексеев планировалось переселить 803 служилых человека. Из Оскола предписывалось свести 183 человека (50 станичников, 40 стрельцов, 70 казаков, 19 пушкарей, 4 воротника), из Ливен – 280 (100 детей боярских, 160 казаков, 20 стрельцов), а из Ельца – 340 (50 детей боярских, 86 стрельцов, 4 дворника [2, с. 236] и 200 казаков [13, с. 49]). Относительно последних отметим, что их явилось 196 душ, а именно: 131 полковой, 32 беломестных и 33 «задонских» конных казаков [18, с. 153].

Правительство требовало, чтобы воеводы выбирали для переселения на черту «семьянистых» служилых людей, «у кого сына по два и по три и больше» [2, с. 236]. Успехи выполнения этого предписания видны из общего количества мужского населения города в 1649 г., которое равнялось 794: 200 отцов семейств, 362 сына и 232 родственника [19, с. 163–164]. Таким образом, «семьянитость» последних действительно прослеживалась.

В целом необходимо отметить, что первоначальная география заселения Новооскольского у. была однообразной, сплошь представляя северную траекторию. 22,8% от всех сведенцев в Царев-Алексеев составляла местная северная траектория из близлежащего Старого Оскола. Остальных же 87,2% свели из более северных местностей Орловской губ. (42,3% – из Ельца и 34,9% – из Ливен).

Переходя к Корочанскому у., отметим, что впоследствии к нему были приписаны три крепости Белгородской черты: Нежегольск, Яблонов и Короча. Специалист по истории освоения Центрального Черноземья, канд. ист. наук, доцент БелГУ, А. И. Папков служилый состав гарнизона г. Корочи рассматривал как исключение из общего правила формирования населения крепостей юга России [20, с. 227]. Н. А. Благовещенский это объясняет тем, что в Короче было сразу поселено много черкас [9, с. 325], ставших впоследствии войсковыми обывателями. Его слова подтверждаются данными по численности населения г. Корочи за 1817 г., где проживало 3 900 войсковых обывателей и всего 1 708 однодворцев [21, л. 240–242]. Действительно, подобного соотношения в гарнизонах городов Курского края больше не встречалось.

Этот город не сделался центром сосредоточения пришлого беглого населения. Вызвано это было тремя основными причинами. Во-первых, своеобразной земельной теснотой, получившейся из-за столкновения служилых людей с крестьянами посошной Корочанской волости. Во-вторых, повышенной опасностью, а в-

третьих, усложнением процедуры верстания в служилые люди беглых, как в близлежащем Яблонове. По этим причинам население Корочи до начала 50-х годов росло очень медленно, в основном за счет сведенцев и черкасской колонизации [4, с. 304].

Нам известны некоторые места их выхода. Например, первым заимщиком в с. Шахово (Оскочное тоже) был Шахов, пришедший с четырьмя сыновьями из Тулы [9, с. 489]. Вскоре после начала функционирования Белгородской черты в Корочанский у. начинают стекаться и беглые люди. Известно, что в с. Кривцовой (Сиверское тоже) из 12 починков только 1 род Корачугова получил жалованную землю, а другие 11 – «простые мужички», пришедшие из Курского уезда [9, с. 489].

Относительно г. Нежегольска целый ряд исследователей в один голос заявляют, что после его основания в 1654 г. туда свели часть служилых людей из Карпова, Белгорода, Болхова и Корочи [1, с. 19; 13, с. 49; 22, с. 278; 19, с. 152, 163; 23, с. 231].

В целом незначительность частной информации по заселению сельской местности Корочанского у. обусловливается, на наш взгляд, географией заселения г. Яблонова, конкурирующей в свое время с Белгородом на роль ключевой крепости по всей Белгородской черте. Только в течение ее основания с 1641–1642 гг. туда было сведено 1 694 души [19, с. 143–144]. Этого количества было достаточно, чтобы с излишком в 381 душу покрыть вместе взятые гарнизоны крепостей Яблонова, Корочи и Нежегольска по росписи на 1672 г., насчитывающей 766, 533 и 14 душ соответственно [9, с. 85–86]. И это не учитывая естественного прироста, который за 30 лет мог быть значительным, при традиционном воспроизводстве населения.

С самого начала заселения г. Яблонова по причине частых татарских нападений правительство было вынуждено прибегнуть к принудительному переводу «сведенцев» из других городов [4, с. 304]. Так, в 1641 г. «на вечное житье» туда переводилось 444 сведенца: 100 детей боярских из г. Рыльска, 184 донских и яицких атаманов, есаулов и казаков из г. Тулы, а также 160 конных казаков из Михайлова, Сапожка, Белева, Гремячева, Печерникова и Карачева. В 1642 г. туда еще свели 1 250 человек. 100 детей боярских: по 25 из Черни и Орла, а также 50 из Мценска. 150 казаков: по 10 из Гремячева и Печерникова, по 20 из Сапожка и Белева, 30 из Карачева, 60 из Михайлова. Помимо этого, туда была послана еще 1 000 московских стрельцов [19, с. 143–144]. Примечательно, что социальный состав яблоновских сведенцев был не столь родовитый. 200 душ детей боярских составляли всего 11,8% от общего числа служилых людей, в то время как стрельцы составляли 59%, а казаки – 29,2%.

Впоследствии к городу был приписан 31 казак из Голубинской слободы [20, с. 227], видимо, той самой, где жили старожилы – «оскольские казаки». Странно, почему А. И. Папков пишет, что в «Яблонове… черкас не было», т.к. сам же к новопоселенным яблоновцам добавляет выходцев из Опошни [20, с. 227] (Зеньковского у. Полтавской губ.). Необходимо отметить, что весь упомянутый перечень мест выхода в г. Яблонов озвучен нами не полностью. Исследователь-этнограф, канд. ист. наук В. М. Жигулева, проделав анализ сведений XVII в. по этой крепости, заключает, что туда съехались люди из более чем 90 населенных пунктов, начиная от Великого Новгорода и кончая близлежащими поселениями [24, с. 335].

В связи с возможностью статистического анализа первоначальных сведенцев г. Яблонова итог по географии заселения всего Корочанского у. мы проведем отдельно по его крепостям. Итак, половина детей боярских в г. Яблонов была сведена из Курской губ. (г. Рыльск), а другая – из Орловской губ. (Мценск, Чернь и

Орел). Нужно еще отметить, что местная северо-западная траектория туда была представлена только рыльскими детьми боярскими и составляла всего 5,9% от всех первоначальных сведенцев.

Если предположить, что донские и яицкие атаманы, есаулы и казаки, сведенные из Тулы, пребывали там незначительное время, то можно говорить о том, что южная и восточная траектории среди яблоновских сведенцев составляли 10,9%. Однако пример г. Путивля, где в донских казаках служило только 3 потомственных выходца с Дона [25, л. 3 об. – 38], заставляет нас вопрос о наличии южной и восточной траектории заселения г. Яблонова оставить открытым.

Таким образом, при первоначальном заселении г. Яблонова доминировала северная траектория и составляла 83,2% от всех сведенцев (при наличии южной) и 94,1% (при отсутствии последней). Из этого количества 59% составляли московские стрельцы, а остальные 24,2% или 35,1% соответственно составляли выходцы из 3 губерний: Рязанской (Михайлова, Сапожка и Печерникова), Тульской (Белева, Тулы, Гремячева) и Орловской (Карачева, Мценска, Черни, Орла). Впоследствии география заселения еще значительно расширилась более чем на 90 населенных пунктов. К северной траектории всего Корочанского у. прибавился еще Великий Новгород Новгородской губ., Болхов Орловской губ. и значительно расширилась местная траектория заселения: от близлежащих поселений до Корочи и голубинской слободы, а также Карпова, Белгорода и Курского уезда.

Выводы

Подводя итог, отметим, что масштабы переселений в города-крепости с их уездами, располагающимися на Белгородской черте, были колоссальными. В конце 40-х годов XVII века с обжитых мест для сведения были подняты тысячи служилых людей, некоторые города теряли по 30–40% своего населения. Не меньшие масштабы прослеживались и в 30-х годах XVII века, только там подобным образом разрежалось уже крестьянское население. В совокупности с объемами вновь осваиваемой территории для Московского государства все это являлось новшеством.

Основная разница между географией заселения восточных городов, основанных в 30-х годах XVII в. от центральных и западных, возведенных в 40-х гг. XVII в., состояла в том, что в первом доминировали сходцы, а во втором – сведенцы. Вновь примененная практика массового верстания в служилые люди различных социальных элементов экономически пошатнула феодальный строй, и уже в 40-х годах XVII века правительство приостановило такую практику в подобных масштабах. Таким образом, политический курс государства отразился на социальном облике служилых людей Белгородской черты и Тамбовского вала.

Месторасположение уезда тоже влияло на географию его заселения. Разница между восточными и западными уездами определенно прослеживается. В частности, мы видим наличие обильного потока переселенцев из Рязанских земель (на востоке) и доминирование переселенцев, проходящих через Тульскую и Орловскую губернии (на западе).

Другим фактором, влияющим на роль сведенцев и сходцев в заселении местности, была безопасность заселяемой территории. Мы видим, что для сходцев этот фактор был определяющим при их выборе нового места жительства. В этой связи в относительно безопасных местах на черте, например, в Козлове и Тамбове, абсолютно доминировали сходцы. В других, расположенных на самых проходимых шляхах, например, Цареве-Алексееве и Верхсосенске, заселение происходило исключительно сведенцами. После сведения некоторая их часть бежала. Иные имели промежуточное положение в плане опасности. Например, Ольшанск, при заселении которого уже нашлось до-

статочное количество желающих вольных людей, но при этом роль сведенцев там тоже имела весомое значение.

Необходимо отметить, что при заселении уездов, расположенных на Белгородской черте, доминировала северная траектория, протекающая в основном из крепостей Тульской оборонительной черты. Да другого и ожидать не приходилось в регионе, занимающем южную окраину государства и нуждающемся в опытных в военном деле людях, уже приспособленных к подобной местности и климату. Однако местная траектория уже занимала значительное положение, особенно в тех местностях, где доминировали сходцы (Козлов), местное население при основании города уже имелось в большом количестве (Тамбов), поблизости имелись ранее освоенные пространства (Царев-Алексеев возле Старого Оскола), местность была усеяна крепостями, часть сведенцев которых пришли туда из близлежащих городов той же Белгородской черты (Корочанский у.).

Таким образом, в основном на географию заселения уездов, расположенных на Белгородской черте, влияли следующие факторы: социальная политика государства, военная опасность со стороны кочевников и геолокация заселяемой местности.

Список литературы

1. Чижикова Л. Н. Русско-украинское приграничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX – XX века). М.: Наука, 1988. 250 с.

2. Загоровский В. П. Белгородская черта: дис. … докт. ист. наук. Воронеж, 1969. Т. 1. 287 с.

3. Мизис Ю. А. Заселение Тамбовского края в XVII – XVIII вв. Тамбов: Изд-во ТГПИ, 1990. 198 с.

4. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 452 с.

5. Загоровский В. П. Белгородская черта: дис. … докт. ист. наук. Воронеж, 1969. Т. 2. 250 с.

6. Мизис Ю. А. Система комплектования служилых людей на юге России в XVII в. // История: факты и символы. 2021. № 1 (26). С. 76–87.

7. Нечаев В. В. Формирование казачьего гарнизона в Козлове в XVII веке // Filo Ariadne. 2021. № 1. С. 48–63.

8. Юрасов А. Н. Служить Отечеству! Воронежский край в золотых погонах. Т. 1. Воронеж: Кварта, 2021. 718 с.

9. Благовещенский Н. А. Четвертное право. М.: Тип. Тов. Кушнерев и Ко, 1899. 538 с.

10. Мизис Ю. А. Воевода Московского царства: (Р. Ф. Боборыкин на государевой службе). Тамбов: ИД «Мичуринск», 2012. 368 с.

11. Двухжилова И. В. История Тамбовского края с древнейших времён до середины XIX в. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2009. 108 с.

12. Байдакова Н. Н. Политика российских властей по отношению к нехристианскому населению и новокрещенам в XVI – начале XX в. (на примере Тамбовского края): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2006. 22 с.

13. Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных с связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб.: Тип. А.В. Орлова, 1913. 544 с.

14. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 210. Оп. 12. Д. 661.

15. Военно-статистическое обозрение Российской империи / издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального штаба. Т. XIII. Ч. 2. Воронежская губерния. СПб.: в Тип. Департамента Генерального штаба, 1850. 253 с.

16. Германов М. А. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии // Записки Императорского русского географического общества. Кн. XII. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1857. С. 183–327.

17. Бережной А. Л., Искусова Н. Ф. Однодворцы Урыва в XVIII в. // Битюгъ. 2017. № 2. С. 18–29.

18. Рощупкин А. Ю. Служилые казаки города Ельца и уезда в конце XVI – первой половине XVII вв.: дис. … канд. ист. наук. Елец, 2016. 282 с.

19. Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М.: Тип Д. И. Иноземцева, 1894. 310 с.

20. Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород: Константа, 2004. 352 с.

21. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 85.

22. Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1906. 602 с.

24. Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI – XVIII столетии (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.). Харьков: Тип. К. П. Счасни, 1886. 358 с.

25. Жигулева В. М. Женская однодворческая одежда южнорусских губерний конца XIX – начала XX в. // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 2010. Сергиев Посад: РЕМАРКО, 2010. С. 333–341.

26. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 40.

References

1. Chizhikova L. N. Russko-ukrainskoe prigranich'e. Istoriya i sud'by tradicionno-bytovoj kul'tury (XIX – XX veka) [Russian-Ukrainian borderland. The history and fate of traditional household culture (XIX – XX centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 250 p.

2. Zagorovskij V. P. Belgorodskaya cherta. Diss. dokt. ist. nauk [Belgorod trait. Dr. hist. sci. diss.]. Voronezh, 1969, vol. 1. 287 p.

3. Mizis Yu. A. Zaselenie Tambovskogo kraya v XVII–XVIII vv. [Settlement of the Tambov region in the XVII – XVIII centuries]. Tambov, TGPI Publ., 1990. 198 p.

4. Novosel'skij A. A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII veka [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the XVII century Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk. SSSR, 1948. 452 p.

5. Zagorovskij V. P. Belgorodskaya cherta. Diss. dokt. ist. nauk [Belgorod trait. Dr. hist. sci. diss.]. Voronezh, 1969, vol. 2. 250 p.

6. Mizis Yu. A. Sistema komplektovaniya sluzhilyh lyudej na yuge Rossii v XVII v. [The system of recruitment of military personnel in the south of Russia in the XVII century]. *Istoriya: fakty i simvoly = History: Facts and Symbols*, 2021, no. 1 (26), pp. 76–87.

7. Nechaev V. V. Formirovanie kazach'ego garnizona v Kozlove v XVII veke [Formation of the Cossack garrison in Kozlov e in the XVII century]. *Filo Ariadne*, 2021, no. 1, pp. 48–63.

8. Yurasov A. N. Sluzhit' Otechestvu! Voronezhskij kraj v zolotyh pogonah [To serve the Fatherland! Voronezh Region in golden shoulder straps]. Vol. 1. Voronezh, Kvarta Publ., 2021. 718 p.

9. Blagoveshchenskij N. A. Chetvertnoe pravo [Quarter right]. Moscow, Tip. Tov. Kushnerev i Ko, 1899. 538 p.

10. Mizis Yu. A. Voevoda Moskovskogo carstva: (R. F. Boborykin na gosudarevoj sluzhbe) [Voivode of the Moscow Kingdom: (R. F. Boborykin in the sovereign's service)]. Tambov, Michurinsk Publ., 2012. 368 p.

11. Dvuhzhilova I.V. Istoriya Tambovskogo kraya s drevnejshih vremyon do serediny XIX v. [The history of the Tambov region from ancient times to the middle of the XIX century]. Tambov, TGTU Publ., 2009. 108 p.

12. Bajdakova N. N. Politika rossijskih vlastej po otnosheniyu k nekhristianskomu naseleniyu i novokreshchenam v XVI – nachale XX v. (na primere Tambovskogo kraya). Avtoref. diss. kand. ist. nauk [The policy of the Russian authorities towards the non – Christian population and New Baptists in the XVI - early XX century (on the example of the Tambov region). Cand. hist. sci. abstract diss.]. Moscow, 2006. 22 p.

13. Zelenin D. K. Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperekhodnym smyagcheniem zadnenebnyh soglasnyh s svyazi s techeniyami pozdnejshej velikorusskoj kolonizacii [Great Russian dialects with inorganic and intransitive softening of posterior consonants due to the currents of the later Great Russian colonization]. St. Petersburg, Tip. A. V. Orlova, 1913. 544 p.

14. RGADA (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, op. 12, d. 661.

15. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii [Military Statistical Review of the Russian Empire]. Vol. XIII, pt. 2. Voronezhskaya guberniya. St. Petersburg, Tip. Departamenta General'nogo Shaba, 1850. 253 p.

16. Germanov M. A. Postepennoe rasprostranenie odnodvorcheskogo naseleniya v Voronezhskoj gubernii [The gradual spread of the single-family population in the Voronezh province]. Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. Kn. XII. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk, 1857, pp. 183–327.

17. Berezhnoj A. L., Iskusova N. F. Odnodvorcy Uryva v XVIII v. [Odnodvorets of the Break in the XVIII century]. *Bityug*, 2017, no. 2, pp. 18–29.

18. Roshchupkin A. Yu. Sluzhilye kazaki goroda El'ca i uezda v konce XVI – pervoj polovine XVII vv. Diss. kand. ist. nauk [Serving Cossacks of the city of Yelets and the county at the end of the XVI– first half of the XVII centuries. Dr. hist. sci. diss.]. Elec, 2016. 282 p.

19. Miklashevskij I. N. K istorii hozyajstvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. Pt. 1. Zaselenie i sel'skoe hozyajstvo yuzhnoj okrainy XVII veka [On the history of the economic life of the Moscow state. Part 1. Settlement and agriculture of the southern outskirts of the XVII century]. Moscow, Tip D. I. Inozemceva, 1894. 310 p.

20. Papkov A. I. Porubezh'e Rossijskogo carstva i ukrainskih zemel' Rechi Pospolitoj (konec XVI – pervaya polovina XVII veka) [The borderlands of the Russian Kingdom and the Ukrainian lands of the Polish–Lithuanian Commonwealth (late XVI - first half of the XVII century)]. Belgorod, Konstanta Publ., 2004. 352 p.

21. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-30, op. 1, d. 85.

22. Got'e Yu. V. Zamoskovnyj kraj v XVII veke [The Zamoskovskiy region in the XVII century]. Moscow, Tip. G. Lisnera i D. Sovko, 1906. 602 p.

24. Bagalej D. I. Materialy dlya istorii kolonizacii i byta stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva v XVI – XVIII stoletii (Har'kovskoj i otchasti Kurskoj i Voronezhskoj gub.) [Materials for the history of colonization and life of the steppe outskirts of the Moscow state in the XVI – XVIII century (Kharkiv and partly Kursk and Voronezh provinces.)]. Har'kov, Tip. K. P. Schasni, 1886. 358 p.

25. Zhiguleva V. M. Zhenskaya odnodvorcheskaya odezhda yuzhnorusskih gubernij konca XIX – nachala XX v. [Women's odnodvorcheskaya clothes of the South Russian provinces of the late XIX – early XX century]. Sergievo-Posadskij muzej-zapovednik. Soobshcheniya 2010 [Sergiev Posad Museum-Reserve. Messages 2010]. Sergiev Posad, REMARKO Publ., 2010, pp. 333–341.

26. RGADA, f. 210, op. 4, d. 40.

Информация об авторе / Information about the Author

Кудланов Константин Борисович, кандидат исторических наук, председатель молодежной секции Курского отделения Российского общества историков-архивистов, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kudlanov777@mail.ru

Konstantin B. Kudlanov, Cand. of Sci. (Historical), Chairman of the Youth Section of the Kursk branch of the Russian Society of Historians and Archivists, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kudlanov777@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-203-212

CC BY 4.0

Политика оккупационных властей в сфере образования на территории Курской области (на примере Бегощанской школы Крупецкого района)

А. А. Сойников [1], С. И. Гальченко[2] ✉

[1]Курский государственный университет
ул. Радищева 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

[2]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305004, Российская Федерация

✉ e-mail: svetagalchenko@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Статья посвящена актуальной общественно-политической и нравственной теме – истории и урокам Великой Отечественной войны. Авторы дают общую характеристику образовательным мероприятиям оккупационных органов власти на временно оккупированной территории Курской области. Особо подчеркивается связь со сложной международной обстановкой, сложившейся на международной арене на текущий момент, характеризующейся лоббированием псевдоисторического нарратива, ставящий знак равенства между Советским Союзом и фашистской Германией.*

Цель. *В статье обозначены цели и задачи преступной деятельности нацистов в отрасли школьного образования. Подчеркивается ее агрессивная и ограниченная природа, направленная на формирование, некритического, догматического мировоззрения подрастающего поколения на завоеванных территориях с целью прекращения сопротивления непосредственно оккупационным войскам.*

Задачи. *Авторы ставят перед собой задачу, используя доказательную базу, найти обоснования того, что методы и механизмы организации этой антигуманной порочной тенденции отличались в достаточной степени многогранностью и детерминировались непосредственными национальными и местными устоями и традициями.*

Методология. *Статья базируется на принципах объективности и историзма, которые находятся в тесной взаимосвязи с диалектическим методом.*

Результаты. *При реализации оккупационной политики большие надежды последователи нацистской идеологии возлагали на школы, что нашло свое проявление в утверждении определенного состава просветительских организаций. Эти образовательные учреждения, под прикрытием осуществления учебной деятельности, на самом деле должны были стать проводниками фашистской философии, что привело бы к полнейшему покорению и онемечиванию советского молодого поколения. В статье проанализированы дошедшие до нашего времени архивные документы – акты заседаний педагогического коллектива Бегощанской школы, которые включают в себя учебно-оперативные планы, а также рабочие программы, где указывался рекомендованный объем учебных единиц по каждой дисциплине.*

Вывод. *Глубокий системный анализ архивных документов дает авторам возможность сделать вывод, что конечная цель фашисткой агитации и пропаганды заключалась в полной ликвидации советской системы образования. Тотальному уничтожению подлежала также и русская культурная традиция.*

Ключевые слова: *система образования; образовательная политика; оккупационные власти; агитация и пропаганда; учебный процесс.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Сойников А. А., Гальченко С. И. Политика оккупационных властей в сфере образования на территории Курской области (на примере Бегощанской школы Крупецкого района) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 203–212. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-203-212.

Поступила в редакцию 30.05.2022 Принята к публикации 28.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Сойников А. А., Гальченко С. И., 2022

The Policy of the Occupation Authorities in the Field of Education in the Territory of the Kursk Region (on the Example of the Begoshchanskaya School of the Krupetsky District)

Alexey A. Soynikov[1], Svetlana I. Galchenko[2] ✉

[1]Kursk State University
33 Radishcheva Str., Kursk 305000, Russian Federation

[2] Southwest State University
50 Let Oktjabrja Str. 94, Kursk 305004, Russian Federation

✉ e-mail: svetagalchenko@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The article is devoted to an actual socio-political and moral topic – the history and lessons of the Great Patriotic War. The authors give a general description of the educational activities of the occupation authorities in the temporarily occupied territory of the Kursk region. The connection with the complex international situation that has developed in the international arena at the moment, characterized by the lobbying of a pseudo-historical narrative, putting an equal sign between the Soviet Union and fascist Germany, is particularly emphasized.*

Purpose. *The article outlines the goals and objectives of the criminal activities of the Nazis in the field of school education. Its aggressive and limited nature is emphasized, aimed at forming an uncritical, dogmatic worldview of the younger generation in the conquered territories in order to stop resistance directly to the occupying forces.*

Objectives. *The authors set themselves the task, using the evidence base, to find justifications that the methods and mechanisms of organizing this inhumane vicious tendency were sufficiently multifaceted and determined by direct national and local foundations and traditions.*

Methodology: *The article is based on the principles of objectivity and historicism.*

Results. *During the implementation of the occupation, the followers of the Nazi ideology pinned great hopes on schools, which was manifested in the approval of a certain composition of educational organizations. These educational institutions, under the guise of carrying out educational activities, were actually supposed to become conduits of fascist philosophy, which would lead to the complete subjugation and numbing of the Soviet young generation. The article analyzes archival documents that have come down to our time – acts of meetings of the pedagogical staff of the Begoshchansky school, which include educational and operational plans, as well as work programs, where it was indicated by the recommended amount of educational units for each discipline.*

Conclusion. *A deep systematic analysis of archival documents gives the authors the opportunity to conclude that the ultimate goal of fascist agitation and propaganda was the complete elimination of the Soviet education system. The Russian cultural tradition was also subject to total destruction.*

Keywords: *education system; educational policy; occupation authorities; agitation and propaganda; educational process.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Soynikov A. A., Galchenko S. I. The Policy of the Occupation Authorities in the Field of Education in the Territory of the Kursk Region (on the Example of the Begoshchanskaya School of the Krupetsky District). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 203–212. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-203-212.

Received 30.05.2022 Accepted 28.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

Со дня окончаниями самой кровопролитной в истории человечества Второй мировой войны прошло 77 лет. Но последствия этой войны и извлекаемые из нее уроки не утрачивают своей остро-

ты и актуальности и сегодня, когда по прошествии многих лет у некоторых политических и общественных организаций и деятелей появляется соблазн произвести переоценку ценностей, подменить четкие правовые и политические установки, поставить под сомнение консенсус, достигнутый во всей послевоенной Европе с последующим разрушением государственно-правовых основ послевоенного мироустройства [1]. В последнее время с высоких официальных международных трибун все активнее лоббируется ложноисторический нарратив, отождествляющий коммунистический и национал-социалистический режимы и приравнивающий Советский Союз к Третьему рейху в свете совокупности проблем возникновения Второй мировой войны. Все это является непристойным подстрекательством к развязыванию межнациональных взаимных обвинений с целью поставить под сомнение беспримерный по силе общечеловеческой самоидентификации характер поствоенного примирения и прощения российского и немецкого народов. Следует особо подчеркнуть, что война против нацистской Германии не была войной против немецкого народа. Советский Союз сражался за свободу и независимость своей Родины и боролся против угрозы порабощения и уничтожения нацистами народов Европы. Победа во Второй мировой войне принесла мир и освобождение, прежде всего, самим немцам от преступного вероломного режима национал-социализма.

Исторический ревизионизм, проявления которого мы наблюдаем сейчас на Западе, причем, прежде всего, в отношении темы Второй мировой войны и ее итогов, несет в себе опасность циничного искажения понимания принципов мирного развития. Это в конечном итоге может привести к невозможности функционирования механизма, позволяющего мировым лидерам в ходе урегулирования тех или иных складывающихся между ними непростых конфликтных ситуаций оставаться в пределах правового дипломатического поля. В этих условиях обращение к теме Великой Отечественной войны представляется нам важной и необходимой предпосылкой для формирования и дальнейшего развития мировоззрения молодого поколения не только нашей страны, но и во всем мире.

Методология

Принцип объективности позволил проанализировать сущность образовательной политики немецких оккупационных властей на временно оккупированной территории Курской области, проанализировать цель и задачи преступной деятельности нацистов в сфере школьного образования, выявить ее агрессивную и ограниченную природу, направленную на формирование догматического мировоззрения подрастающего поколения на завоеванных территориях с целью подавления сопротивления «новому порядку». Принцип историзма дал возможность исследовать систему социально-политических мероприятий по реализации «школьной политики» фашистов. Принцип историзма находится в тесной взаимосвязи с диалектическим методом. Последний позволил выявить взаимовлияние совокупности процессов в образовательной политике оккупационных органов и обосновать вывод о том, что эта политика на временно оккупированной территории Курской области потерпела крах.

Результаты и их обсуждение

Агрессия германской нацистской «машины» в отношении СССР нанесла колоссальный ущерб по всем направлениям мирного созидательного функционирования общества, самым жестоким образом деструктировав сферу народного образования. Исключительно экстремальные условия сформировались на временно занятых Вермахтом территориях Советского Союза. Аппарат новой государственной властной структуры стремился любыми средствами прово-

дить свою преступную политику, для того чтобы превратить подчиненные фашистской Германии регионы нашей страны в подконтрольную оккупантам колонию [2; 3; 4]. В конечном итоге по замыслу гитлеровской клики население этих территорий должно было принять навязанный им «новый порядок» и прекратить борьбу. Методы и механизмы организации этой антигуманной порочной тенденции отличались в достаточной степени многогранностью и детерминировались непосредственными национальными и местными устоями и традициями. Большие надежды в этом плане последователи Геббельса возлагали на школы. В связи с этим был утвержден определенный состав просветительских организаций. Эти учебные заведения под прикрытием образовательной деятельности должны были способствовать скорейшему подчинению и германизации именно советских детей [4, с. 101]. При этом советскую молодежь основатели фашизма считали своим самым опасным врагом, т. к. она была воспитана в ненавистной нацистам социалистической идеологии.

Основная линия поведения оккупационного образовательного процесса в отношении подрастающего поколения захваченных регионов сводилась к нравственному смирению и покорности [5]. Так называемая «школьная политика» была четко структурирована, располагала достаточным набором организационных и директивных установок и правил, соединивших в себе старания спрятать реальную цель оккупационных властей, сдобренной значительной дозой популизма, который довольно часто практиковался адептами нацистской философии. Новые органы государственного управления предусмотрели небольшой лимит знаний начальной школы [6].

Отдельного внимания заслуживает практика Бегощанской школы Крупецкого района, где оккупационная администрация попыталась внедрить основополагающие установки национал-социалистического режима. С целью реализации учебного процесса при активном участии и под непосредственным руководством Инспектуры народного образования районной комендатуры войск были подготовлены соответствующие документы, регламентирующие работу учебных заведений подконтрольной территории. Эти документы включали в себя учебно-оперативные планы, а также рабочие программы, где указывался рекомендованный объем учебных единиц по каждой дисциплине [7]. Дошедшие до нашего времени архивные документы: акты заседаний педагогического коллектива Бегощанской школы, включающие в себя доклады руководящего звена по работе с учениками, информация о посещаемости детьми учебного заведения – свидетельствуют о том, что германские оккупационные власти проводили установку, нацеленную на введение всеобщего начального обучения [8, л. 29]. Под эту директиву попадали дети в возрасте от 7 до 11 лет включительно. Архивные источники свидетельствуют о том, что приоритетным правом пользовались такие учебные дисциплины, как русский язык и письмо, на изучение которых отводилось от 8 до 11 часов в неделю. На изучение арифметики было предусмотрено 8 часов в неделю [8, л. 34]. Особое место в учебном плане занимало освоение немецкого языка (4 часа в неделю). Кроме того, не были обделены вниманием и такие предметы, как гимнастические игры и гимнастика (4 часа в неделю). Это свидетельствовало о том, что новая оккупационная власть была заинтересована в формировании физически здоровых и выносливых людей, что вполне соответствовало целям и задачам образовательной политики оккупантов. Преподавание таких предметов, как история, география, естествознание, рисование и пение, ограничивалось 1-2 часами в неделю или вообще выводилось за рамки учебного процесса [8, л. 57].

Бегощанская школа приступила к работе 11 ноября 1941 г. До конца второй

четверти 1941–1942 учебного года функционировала как семилетняя. В третьей четверти в соответствии с положением органов народного просвещения Крупецкой районной комендатуры немецких войск школа была преобразована в начальную четырехлетнюю школу (die 4-jährige Grundschule) [8, л. 58]. Осуществление учебного процесса было сопряжено с огромными трудностями. Успеваемость была довольно низкая, что объяснялось не только плохой посещаемостью из-за бедственного материального положения гражданского населения оккупированной территории: детям зачастую просто не во что было одеться и обуться [8, л. 16]. Неуспешность образовательных мероприятий политики оккупантов также во многом была обусловлена сильной нравственно-патриотической установкой и духовной целостностью советского подрастающего поколения [8, л. 17].

Конечная цель фашисткой агитации и пропаганды заключалась в полной ликвидации советской системы образования [9]. Тотальному уничтожению подлежала также и русская культурная традиция. Огромную надежду в этом отношении фашисты возлагали, тем не менее, на русскую интеллигенцию, прежде всего на педагогический корпус. Последователи национал-социализма полагали приобрести опору в лице учителей, задача которых сводилась к непосредственному созданию жизненных установок и убеждений юного поколения [10; 11].

Педагогические кадры, как правило, не проводили какой-либо агитации пронацистской идеологии. Можно согласиться с точкой зрения о том, что в сложившихся обстоятельствах учителя не должны были идти на коллаборацию с оккупационными властями. Однако обстановка была настолько драматичной, что, каждодневно находясь в состоянии страха за жизнь своих детей и родителей и боязни физического уничтожения, с осознанием порицания их своими же согражданами и соответствующими государственными органами, учитель, прежде всего, был верным своему педагогическому долгу и призванию, служил своему народу, сохраняя подрастающее поколение, оберегая и ограждая его от порочной фашистской рабской философии расового превосходства. По большому счету каждая спасенная жизнь ребенка – это заслуга школьного учителя [12].

Новое оккупационное руководство обладало большим арсеналом средств физического и психологического воздействия на население захваченных территорий. Мероприятия по принуждению жителей к сотрудничеству включали в себя запугивание, угрозы расправы над родственниками, шантаж, побои и показательные карательные акции. Одни учителя соглашались работать для того, чтобы прокормить себя и свою семью, другие покорялись силе. Более трех тысяч курских учителей, которые не смогли эвакуироваться, были вынуждены работать во время оккупации в школах [13].

Вне всякого сомнения, очевидным становится глубокое знание психологии среди нацистов, которое они применяли в своей практической деятельности, когда вербовали себе пособников. Кому-то достаточно было посулить достойный заработок, еду и тепло, кого-то достаточно было запугать насилием над ним или его родными. Однако нередки были и случаи сознательного сотрудничества с новым преступным режимом. В подавляющем большинстве это были потомки раскулаченных семей или политических заключенных, пострадавшие от советской власти. Совершенно логичным и обоснованным являлось их стремление преуспеть, добиться высокого положения, восполнить утраченные возможности, отплатить той же монетой своим недругам [14].

Большой интерес в историко-педагогическом плане представляют предъявляемые властями требования к процессу обучения. Неопубликованные данные архивных документов позволяют сделать вывод о том, что реальное осу-

ществление действующей политики немецких оккупационных властей применительно к народному школьному образованию в результате ассимиляции с определенными особенностями и традициями той или иной местности и обусловленное личностными характеристиками в некоторой степени разнилось с основополагающими догмами и постулатами нацистской идеологической стратегии.

Мы проанализировали приказ главы района Полятыкина и инспектора народных школ Апошананского по требованиям к весеннему тесту, адресованный директору школы Бегощи Рыжову и заведующему учебной частью. В строгом согласовании с этим приказом учебный год в I–III классах начальной школы закончился 20 мая 1942 года, а для 4-го класса – 23 мая. Экзамены по русскому языку и арифметике (устные и письменные). Только на экзамены допускались обученные студенты, сдавшие экзамены по всем предметам. Тексты письменных работ были предоставлены инспекцией народных школ. На 26 мая назначен экзамен по русскому языку (устный и письменный), 27-го числа – экзамен по арифметике (устно и письменно) [15].

Письменный экзамен по русскому языку проходил в форме диктанта. Под устным тестом подразумевалось беглое чтение, воспроизведение прочитанного материала, грамматический анализ, чтение стихов наизусть.

Письменные экзаменационные задания по арифметике включали одну задачу и два примера. Устные тесты проверяли знание четырех арифметических действий с абстрактными составными и названными числами.

В других классах перевод учащихся в следующий класс проводился на основе данных ежегодных оценок. По усмотрению директора школы и главы деревни было предложено принять все необходимые меры для того, чтобы экзамены в школах проходили на довольно высоком уровне при 100% посещаемости учащихся. По окончании начальной школы ученики получали сертификаты об окончании учебного заведения соответствующего уровня [16].

Таким образом, программа испытаний была достаточно объемной, состояла из богатого спектра дисциплин и компетенций, которые подчинялись реалистичным оценочным средствам и условиям реализации. «Доверие» оккупационных властей к учителям становится очевидным. Этот вывод вытекает из характера перевода учащихся из одного класса в другой. Как было изложено выше, дети переходили из класса в класс при решающей рекомендации педагогов и директора школы. Еще одним основанием для нашего умозаключения служит отсутствие информации о присутствии оккупационных властей во время проведения промежуточных и итоговых экзаменов. По крайней мере, в архивных документах, содержащих такую информацию, нет никаких доказательств [17].

Отчет директора школы за первое полугодие 1942/1943 учебного года позволил проследить динамику образовательного процесса школы Бегощи. Перед началом 1942/1943 учебного года школа произвела полный учет детей школьного возраста. Всего учащихся по спискам было 171 человек, в том числе:

а) I класс – 38 человек;
б) II класс – 42 человека;
в) III класс – 41 человек;
г) IV класс – 50 человек [18].

В течение полугодия произошли следующие изменения: из школы за первое полугодие выбыло 25 человек учащихся; из первого класса выбыло 5 человек: 2-е оказались малолетними, 2-е переведены в высшие классы, один выехал в другое село с родителями. Из вторых классов выбыло 7 человек: 2-е переведены в третий, 5 человек не посещали школу. В третьем классе один ученик умер. Что касается четвертого класса, то здесь ситуация была несколько иная: 9 человек

его окончили и, соответственно, завершили свое обучение в школе, одна девочка переехала в Крупец. На конец первого полугодия в школе числилось 146 учащихся [19].

Школа в течение всего учебного полугодия выполнила программу почти полностью за исключением некоторых предметов. Так, первый класс отстал по чтению на 8 часов, второй – по грамматике на 8 часов, третий класс – по географии на 4 часа и по естествознанию – на 3 часа, а четвертый класс не выполнил программу по русскому языку на 15 часов, по арифметике – на 20 часов [20].

Невыполнение программного материала объяснялось рядом обстоятельств. Прежде всего, село Бегоща три раза подвергалось нападению партизан, по причине чего занятия срывались, посещаемость расстраивалась, и наладить ее удавалось не сразу, а также в школе занятия были прекращены в течение пяти дней на основании распоряжения Рыльской полевой комендатуры.

Выводы

Анализ документальных источников по исследуемой проблеме дает основание полагать, что деятельность немецких властей в сфере народного образования имела колониальную направленность. Население Курской области фашисты рассматривали, прежде всего, как дешевую, низкоквалифицированную рабочую силу, основным предназначением которой являлось производство для Германии необходимой продукции, прежде всего сырья. В связи с этим образование местного населения согласно немецко-фашистским директивам ограничивалось рамками начальной школы.

Конечной целью «школьной политики» фашистов в отношении оккупированных областей было духовное порабощение населения, в связи с чем она включала в себя определенную систему социально-политических мероприятий, сочетая их с усиленными попытками лакировать истинные цели завоевателей со значительной долей демагогии, характерной для фашистской идеологии и пропаганды вообще. Конечным «продуктом» этой вероломной преступной воспитательно-образовательной политики должен был стать «организм нового типа», покорный с некритичным образом мысли, который воспринимает на веру навязываемые ему истины. Этот человек должен был согласиться с догмами национал-социализма и, в перспективе, прекратить сопротивление оккупационным властям. Образовательная политика оккупационных властей на временно оккупированной территории Курской области потерпела крах.

Список литературы

1. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы / сост.: А. Орлов, В. Зименин, Г. Иваницкий [и др.]. М.: Воениздат, 1987. 302 с.

2. История Великой Отечественной войны в документах и судьбах: (По материалам Курской области) / отв. ред. и сост. А. Ю. Другговская. Курск: Изд-во Курск. гос. мед. ун-та, 1995. 238 с.

3. Курская область в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / [В. В. Коровин и др.; отв. ред. Н. Г. Кононов]. Курск: Учитель, 2010. 426 с.

4. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). 2-е изд., расшир. М.: Политиздат, 1968. 383 с.

5. Гальченко С. И. Специфика управления образовательными учреждениями в условиях немецко-фашистской оккупации на примере Курской области 1941–1943 годов // Из-

вестия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 154–160.

6. Гальченко С. И. Проблемы развития системы школьного образования на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010. 212 с.

7. Гришков И. Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд., доп. Курск: Учитель, 1999. 151 с.

8. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-3580. Оп. 7. Д. 18.

9. Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне // Итоги Второй мировой войны. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998. 640 с.

10. Савельев В. М., Саввин В. П. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1978. 284 с.

11. Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944 гг. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 483 с.

12. Поспелов П. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М.: Госполитиздат, 1942. 44 с.

13. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов: в 2 т. Т. 1. Курск: Кн. изд-во, 1960. 487 с.

14. Курские известия. 1943. Январь.

15. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов: в 2 т. Т. 2. Курск: Кн. Изд-во, 1962. 643 с.

16. Мартынов Б. С. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм на территории южных и юго-восточных районов Курской области: октябрь 1941 – август 1943 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2016. 212 с.

17. Гальченко С. И., Сойников А. А. Реализация политики в сфере школьного образования на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны: монография. Курск: Курск. гос. ун-т, 2020. 150 с.

18. Суровая правда войны: Часть 1. 1942 год на Курской земле в документах архивов: сборник документов. Курск: Курск. гор. тип., 2002. 314 с.

19. У Победы есть имена. К 55-летию Курской битвы: сборник статей и воспоминаний / ред.-сост. А. Ю. Друговская. Курск: Изд-во Курск. гос. мед. ун-та, 1998. 186 с.

20. Яценко К. В. Курская область в период Великой Отечественной войны: историография. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. 78 с.

References

1. Prestupnye celi gitlerovskoj Germanii v vojne protiv Sovetskogo Soyuza. Dokumenty i materialy [The criminal aims of Hitler's Germany in the war against the Soviet Union. Documents and materials]; ed. by A. Orlov, V. Zimenin, G. Ivanickij. Moscow, Voenizdat Publ., 1987. 302 p.

2. Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny v dokumentah i sud'bah: (Po materialam Kurskoj oblasti) [The history of the Great Patriotic War in documents and destinies: (Based on the materials of the Kursk region)]; ed. by A. Yu. Drugovskaya. Kursk, Kursk. gos. med. Univ. Publ., 1995. 238 p.

3. Korovin V. V., eds. Kurskaya oblast' v period Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945 gg. [Kursk region during the Great Patriotic War. 1941–1945]; ed. by N. G. Kononov. Kursk, Uchitel' Publ., 2010. 426 p.

4. Prestupnye celi – prestupnye sredstva. Dokumenty ob okkupacionnoj politike fashistskoj Germanii na territorii SSSR (1941–1944 gg.) [Criminal goals are criminal means. Documents on

the occupation policy of Nazi Germany on the territory of the USSR (1941-1944)]. 2th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1968. 383 p.

5. Gal'chenko S. I. Specifika upravleniya obrazovatel'nymi uchrezhdeniyami v usloviyah nemecko-fashistskoj okkupacii na primere Kurskoj oblasti 1941–1943 godov [The specifics of the management of educational institutions in the conditions of the Nazi occupation on the example of the Kursk region of 1941–1943]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 154–160.

6. Gal'chenko S. I. Problemy razvitiya sistemy shkol'nogo obrazovaniya na territorii Kurskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Problems of the development of the school education system in the Kursk region during the Great Patriotic War. Cand. hist. sci. abstract diss.]. Moscow, 2010. 212 p.

7. Grishkov I. G. Kurskaya oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Kursk region during the Great Patriotic War of 1941–1945]. 2th ed. Kursk, Uchitel' Publ., 1999. 151 p.

8. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-3580, op. 7, d. 18.

9. Zul'cman P. Propaganda kak oruzhie v vojne [Propaganda as a weapon in war]. Itogi Vtoroj mirovoj vojny [Results of the Second World War]. St. Petersburg, Poligon Publ., Moscow, AST Publ., 1998. 640 p.

10. Savel'ev V. M., Savvin V. P. Sovetskaya intelligenciya v Velikoj Otechestvennoj vojne [The Soviet Intelligentsia in the Great Patriotic War]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 284 p.

11. Kovalev B. N. Nacistskaya okkupaciya i kollaboracionizm v Rossii, 1941–1944 gg. [Nazi occupation and collaboration in Russia, 1941–1944]. Moscow, AST Publ., Tranzitkniga Publ., 2004. 483 p.

12. Pospelov P. Sovetskaya intelligenciya v Velikoj Otechestvennoj vojne [The Soviet Intelligentsia in the Great Patriotic War]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1942. 44 p.

13. Kurskaya oblast' v period Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Kursk region during the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. Collection of documents and materials]. Kursk, Kn. izd-vo, 1960, vol. 1. 487 p.

14. *Kurskie izvestiya = Kursk News*, 1943, Januyary.

15. Kurskaya oblast' v period Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Kursk region during the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945. Collection of documents and materials]. Kursk, Kn. izd-vo 1962, vol. 2. 643 p.

16. Martynov B. S. Nacistskij okkupacionnyj rezhim i kollaboracionizm na territorii yuzhnyh i yugo-vostochnyh rajonov Kurskoj oblasti: oktyabr' 1941 – Avgust 1943 gg. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Nazi occupation regime and collaboration on the territory of the southern and south-eastern districts of the Kursk region: October 1941–August 1943. Cand. hist. sci. abstract diss.]. Belgorod, 2016. 212 p.

17. Gal'chenko S. I., Sojnikov A. A. Realizaciya politiki v sfere shkol'nogo obrazovaniya na territorii Kurskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Implementation of school education policy in the Kursk Region during the Great Patriotic War]. Kursk, Kursk St. Univ. Publ., 2020. 150 p.

18. Surovaya pravda vojny. Pt. 1. 1942 god na Kurskoj zemle v dokumentah arhivov. Sbornik dokumentov [The harsh truth of the war. Part 1. 1942 on the Kursk land in the documents of the archives. Collection of documents]. Kursk, Kursk. gor. tip., 2002. 314 p.

19. U Pobedy est' imena. K 55-letiyu Kurskoj bitvy. Sbornik statej i vospominanij [Victory has names. To the 55th anniversary of the Battle of Kursk: collection of articles and memoirs]; ed. by A. Yu. Drugovskaya. Kursk, Kursk. gos. med. Univ. Publ., 1998. 186 p.

20. Yacenko K. V. Kurskaya oblast' v period Velikoj Otechestvennoj vojny. Istoriografiya [Kursk Region during the Great Patriotic War. Historiorgaphy]. Kursk, Kursk. St. Univ. Publ., 2006. 78 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сойников Алексей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: profsoin@mail.ru

Гальченко Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: svetagalchenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1144-9789

Alexey A. Soynikov, Dr. of Sci. (Historical), Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: profsoin@mail.ru

Svetlana I. Galchenko, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: svetagalchenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1144-9789

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-213-230

(cc) BY 4.0

История изменения социальной структуры городского населения в 1920-е годы в трудах современных исследователей (региональный аспект)

В. В. Коровин [1], Н. В. Петров[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: petrovkolya97@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В настоящее время по-прежнему остается активным процесс оттока населения из сельской местности в города, а также из малых городов в более крупные. Исторический опыт динамики социального состава городского населения в периоды коренных изменений в обществе позволяет установить закономерности развития региона, которые необходимо учитывать при осуществлении стратегического планирования социально-экономической политики субъекта Российской Федерации. Период 1920-х годов связан с восстановлением хозяйства после Гражданской войны и становлением институтов советской власти, формированием общества нового типа. Результаты современных исследований по динамике городского населения в 1920-е годы вызывают неподдельный научный интерес и требуют обобщения.*

Цель – *раскрыть специфику современных региональных исследований, посвященных структуре городского населения в 1920-е годы.*

Задачи: *на основе анализа научных работ XXI века выявить общие тенденции и особенности методологических подходов в научном поиске по истории изменения социальной структуры городского населения.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались базовые принципы исторической науки: историзм, объективность и системность. Также при написании статьи были применены как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция, аналитический метод), так и специальные исторические методы: историко-генетический, сравнительно-исторический.*

Результаты. *На основе анализа научных трудов выявлены общие черты региональных исследований социального состава населения городов в 1920-е годы, а также отличительные особенности авторских подходов к проведению исторических исследований по данному направлению, обозначены перспективы дальнейшего научного поиска по тематике.*

Вывод. *Несмотря на достаточное количество диссертационных работ, посвященных различным аспектам динамики социальной структуры жителей городов в 1920-е годы, отсутствуют исследования, в которых проведен исторический анализ факторов изменения социальной структуры общества в целом и каждой социальной группы в отдельности, как на региональном, так и на общегосударственном уровне.*

Ключевые слова: *городское население; советская власть; диссертация; исследование; социальная структура.*

Финансирование: *Статья выполнена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Коровин В. В., Петров Н. В. История изменения социальной структуры городского населения в 1920-е годы в трудах современных исследователей (региональный аспект) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 213–230. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-213-230.

Поступила в редакцию 26.06.2022 Принята к публикации 28.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Коровин В.В., Петров Н.В., 2022

The History of Changes in the Social Structure of the Urban Population in the 1920s in the Works of Modern Researchers (Regional Aspect)

Vladimir V. Korovin[1], Nikolay V. Petrov[1]✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: petrovkolya97@mail.ru

Abstract

Relevance. *At present there is still an active process of population outflow from rural to urban areas, as well as from small towns to larger cities. The historical experience of the dynamics of the social composition of the urban population in the periods of radical changes in society allows us to establish the patterns of development of the region, which should be taken into account in the implementation of strategic planning of socio-economic policy of the subject of the Russian Federation. The period of the 1920s is associated with the restoration of the economy after the Civil War and the formation of institutions of Soviet power, the formation of a new type of society. The results of modern research on the dynamics of the urban population in the 1920s are of genuine scientific interest and require generalization.*

The purpose – *to reveal the specifics of modern regional studies on the structure of the urban population in the 1920s.*

Objectives: *on the basis of the analysis of scientific works of the XXI century to identify common trends and features of methodological approaches in the scientific search for the history of changes in the social structure of the urban population.*

Methodology. *In the process of working on the study the basic principles of historical science were used: historicism, objectivity and consistency. Also in writing the article were used both general scientific methods (analysis, synthesis, induction and deduction, analytical method), and special historical methods: historical-genetic, comparative-historical.*

Results. *On the basis of the analysis of scientific works the common features of regional studies of the social composition of the urban population in the 1920s, as well as distinctive features of the author's approaches to the historical research in this area are identified, the prospects for further scientific research on the topic are outlined.*

Conclusion. *Despite the sufficient number of dissertation works devoted to various aspects of the dynamics of the social structure of urban residents in the 1920s, there are no studies in which a historical analysis of the factors changing the social structure of society as a whole and each social group separately, both at the regional and national levels, is conducted.*

Keywords: *urban population; soviet power; dissertation; research; social structure.*

Funding: *The article was completed within the framework of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Korovin V. V., Petrov N. V. The History of Changes in the Social Structure of the Urban Population in the 1920s in the Works of Modern Researchers (Regional Aspect). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 213–230. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-213-230.

Received 26.06.2022 Accepted 28.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

На современном этапе развития Российской Федерации происходит стремительная трансформация всех сфер жизни общества. Не является исключением и изменение социальной структуры городского населения. На протяжении длительного периода времени в России происходит отток населения из сельской местности в города в силу наличия боль-

ших возможностей на рынке труда и более развитой инфраструктуры. Наряду с названным явлением также наблюдается постоянное стремление людей к переезду в «города-миллионники», прежде всего в Москву и Санкт-Петербург.

Новым фактором, который меняет подход к пониманию категорий «городской житель» и «сельский житель», является реализуемая в Российской Федерации территориальная реформа местного самоуправления. Так, в настоящее время проводится замена двухуровневой системы организации местного самоуправления в муниципальных районах, задачей которого было решение вопросов межпоселенческого характера как «связующее звено» между сельсоветами, представляющими собой самостоятельную единицу местного самоуправления, на одноуровневую. Предлагается внедрение нового типа муниципального образования – муниципальных округов, вопросы местного значения которых идентичны вопросам местного значения городских округов [1, с. 8].

Вышесказанное свидетельствует о появлении новых причин и условий для изменения динамики социального состава городского населения. С целью прогнозирования социально-экономического развития субъекта Российской Федерации целесообразно учитывать самые различные детерминанты. Это обусловливает необходимость обращения к историческому опыту трансформации состава городского населения в период событий, существенно влиявших на жизнь всей страны. Опыт периода с 1918 по 1928 г., включающего в себя ряд знаковых для истории России: Гражданская война, Новая экономическая политика (нэп), образование СССР, принятие Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1924 г., а также административно-территориальная реформа СССР 1923–1934 гг. (в 1928 г. Курская губерния вошла в состав Центрально-Черноземной области), представляет собой тот исторический базис, изучение которого в современных реалиях не теряет своей актуальности. В связи с этим необходимы и своевременны региональные исследования современных историков, посвященные вопросам трансформации как отдельных социальных групп в городах, так и всего городского населения в период с 1918 по 1928 г. Анализ научных работ в рамках данной публикации позволит выявить методологические подходы к изучению изменения социальной структуры городского населения, а также обобщить совокупность причин и условий формирования и динамики социального состава населения городов в рамках региона по демографическим, национальным, профессиональным и другим признакам.

Методология

В настоящей работе использовался комплекс научных методов и принципов, что позволило достичь обозначенной цели и выполнения поставленных нами задач. Авторы опирались на базовые принципы проведения исторических исследований: историзм, объективность и системность. Также при написании статьи были применены как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция, аналитический метод), так и специальные исторические методы: историко-генетический, сравнительно-исторический.

Использование перечисленного методологического аппарата позволило выявить особенности направлений региональных исследований трансформации как социального состава городского населения в 1920-е годы в целом, так и отдельных факторов, влияющих на его динамику.

Результаты и их обсуждение

Исторические исследования XXI века, посвященные изучению причин и условий изменения социального состава населения в 1920-е гг., носят преимущественно региональный характер. Усилия авторов направлены на выявление общих

закономерностей изменения социальной структуры жителей городских поселений в целом, также различные ее компоненты становились предметом самостоятельного изучения.

По тематике научные работы по истории социальной структуры населения в 1920-е гг. можно условно разделить на три группы.

Первая группа исследований (диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, доктора исторических наук; монографии, научные статьи в ведущих рецензируемых изданиях и сборниках научных конференций) непосредственно не раскрывает социальный состав населения региона, однако в них изучены отдельные социальные группы, а также причины и условия динамики городских масс в первые годы советской власти.

Вторая группа исследований посвящена анализу социальной структуры населения в целом, без дифференциации его на городское или сельское. Например, в основе структуры работы может быть деление на представителей рабочего класса и села. В некоторых работах социальный состав рассматривается в контексте этносоциальных, профессионально-отраслевых признаков, а также вертикальной восходящей и нисходящей социальной мобильности. Также большое внимание уделяется роли государства в процессе социальной трансформации общества.

Третья группа исследований включает в себя работы, в которых отражается структура городского населения. В рамках этой группы также проявляются особенности подхода к изучению динамики населения городов: одни ученые сконцентрировали свое внимание на демографических признаках, другие – на региональных особенностях изменения рода деятельности населения городов.

Для всех групп научных работ, так или иначе касающихся вопроса изучения структуры городского населения в период 1920-х гг., характерно использование разнообразных источников, которые именно в совокупности позволяют ученым достигать цели и задачи исследования. Прежде всего это архивные документы региональных, реже – федеральных архивов. Ввиду многоаспектности причин и условий, влияющих на изменения социальной структуры городов в рамках региона в 1920-е гг., исследователи обращаются к законодательству того периода и к различным политико-правовым актам. Авторы анализируют как акты республиканского значения, так и законы СССР. Среди политико-правовых актов особое внимание уделено директивам и протоколам, стенографическим отчетам Съездов РКП(б); постановлениям ВЦИК; декретам СНК СССР, совместным постановлениям ЦК ВКП(б) и СНК СССР, решениям Наркомата здравоохранения РСФСР и др.

Для исследований по проблематике социального состава населения особой группой источников являются статистические данные, анализ которых позволяет ученым-историкам показать динамику демографических, политических, экономических, духовно-культурных процессов внутри городского сообщества в период формирования общества нового типа. Здесь следует выделить данные Всероссийской переписи 1920 г., Всесоюзной городской переписи 1923 г. и Всесоюзной переписи 1926 г.

Следует отметить и тесную связь изучения истории структуры городского населения в 1920-е гг. как одного из самых актуальных направлений исследований на данном этапе развития исторической науки с социологией. Для выполнения задач научной работы по рассматриваемому в рамках настоящей работы направлению авторами используется междисциплинарный подход, в соответствии с которым имеет место обращение к научным достижениям ученых-социологов.

Для ряда работ по истории социального состава городского населения (преимущественно для диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук и подготовленных в процессе подготовки это научного труда монографий) характерной чертой является задача обособления источников информации о трансформации городского населения, а также комплексный анализ методологии изучения социального состава населения городов.

В 2001 г. В. Н. Письменов подготовил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Органы управления Курской губернии: механизм формирования и подбор кадров (1920–1928 гг.)» [2]. Эта работа относится к первой группе, т. е. ученый не рассматривал напрямую социальный состав городского населения, но результаты этой научной квалификационной работы значимы для рассмотрения истории городского населения в первое десятилетие советской власти.

Во-первых, историку удалось раскрыть особенности формирования органов власти в рамках региона, принимавших управленческие решения, которые по своей сути представляли собой политико-правовые факторы, обусловливающие процессы трансформации состава жителей городов Курской губернии. Так, автор диссертации установил значимую роль Курского губернского исполкома, который при выполнении управленческих экономических, социальных и культурных функций определил направления развития городов на территории губернии.

Во-вторых, В. Н. Письменов в своей диссертационной работе использовал категорию «социальный состав» применительно к съездам Советов на территории Курской губернии, выделяя следующие классы населения: рабочие, крестьяне, служащие и интеллигенция [3, с. 19]. Не остался без внимания исследователя вопрос уровня образования в органах управления Курской губернии: по итогам научной работы было установлено, что представители съездов Советов обладали преимущественно начальным или домашним образованием. Также В. Н. Письменов раскрыл социальный состав Курского губернского исполнительного комитета и уездных исполнительных комитетов: большинство сотрудников относились к служащим, рабочие и крестьяне имели равное представительство в органах управления, хотя удельный вес последних в населении Курской губернии был существенно больше [3, с. 22].

Анализ показывает, что значение диссертационной работы В. Н. Письменова для выявления причин и условий изменения структуры населения городов на территории региона состоит в том, что ее результаты позволяют получить общее представление о социальном составе населения Курской губернии, а также о представителях отдельной социальной группы – «управленческом слое», активно формировавшемся в новом государстве.

В 2004 г. было подготовлено несколько диссертационных работ, которые как косвенно, так и напрямую связаны с социальным составом населения городов в 1920-е гг.

В первой главе диссертации Г. Г. Корноуховой «Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области)» содержится историко-демографическая характеристика повседневности [4]. Диссертант изучила численность, национальный состав и половозрастную структуру городского населения Астраханской области, а также процессы естественного движения населения в регионе [5, с. 12]. Автор констатировала, что в регионе в 1920–1930-е гг. проживало 28 народностей (помимо русских самыми распространенными народностями были татары, казахи, калмыки и украинцы), а также пришла к выводу об отрицательном влиянии на демографиче-

скую картину региона последствий хозяйственной разрухи, эпидемий и голода начала 1920-х гг.. Также рассмотрен социальный состав городского населения в рамках урабанизационных процессов. Г. Г. Корноухова отмечает, что переселение осуществлялось преимущественно в одном направлении: из сельской местности в городскую, а также наблюдалось переселение в Астрахань с других территорий страны [5, с. 12]. Формирование социальной структуры городского населения произошло в основном в дореволюционный период, но к середине 1920-х гг. произошли изменения в количественном соотношении и внутреннем содержании. В городах Астраханской области доля рабочих превосходила не только другие социальные группы, но и средние показатели по регионам РСФСР [5, с. 13]. Автор выделила частнопредпринимательские слои городского населения – «хозяева-одиночки» и отметила увеличение их доли к середине 1920-х гг. как в регионе, так и в средних значениях по РСФСР [5, с. 13].

После защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Г. Г. Корноухова продолжила работу в данном направлении и подготовила научную статью, посвященную региональным особенностям трансформации социальной структуры городского населения в 1920–1930-е гг. в Астраханской области [6]. Новая экономическая политика возродила предпринимательский слой: «хозяева с наемными рабочими», «хозяева, работающие только с членами семьи», «хозяева-одиночки» [6, с.40]. Г. Г. Корноуховой удалось установить перечень профессий и род деятельности, в которых были задействованы мелкие предприниматели: рыболовцы, торговцы в небольших лавках на разнос, огородники и садоводы, сапожники, портные и парикмахеры, часовщики и ювелиры и прийти к выводу, что именно эти люди «заметно оживили улицы города и придали им особый колорит» [6, с. 40].

Географическое положение региона и экономические особенности его развития в первые годы советской власти обусловили состав самой многочисленной группы городских жителей: значительная часть была занята на транспорте (преимущественно водном), далее по численности следовали рабочие-металлисты и деревообделочники (прежде всего в рыбной промышленности), строители, занятые в сельском хозяйстве, меньше всего городских жителей было задействовано в пищевой промышленности (мукомолье, пивоварение, хлебопечение, кондитерское производство) [6, с. 41]. Изложенное позволяет утверждать, что исследование социального состава городов представляет собой не только самостоятельное направление научного поиска, но и важную составляющую истории повседневности.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Формирование социальной структуры советского общества в 1917–1936 годы (на материалах Центрально-Черноземного региона) А. Н. Пахомовой относится к группе научных работ, посвященных социальному составу населения в целом, без выделения городского населения, т. е. ко второй группе научных работ [7]. А. Н. Пахомова дифференцировала в структуре населения Центрально-Черноземного региона две основные социальные группы: рабочий класс и жители села как занятые в народном хозяйстве слои населения.

Видится важным для истории социального состава городского населения в 1920-е гг. рассмотрение автором вопросов законодательной политики советского государства по отношению к различным слоям общества [7, с. 26–38]. В частности, было доказано, что на социальную структуру населения СССР оказали непосредственное влияние теоретические выкладки классиков марксизма-

ленинизма, которые дали «ориентир» для социализма и установления диктатуры пролетариата [8, с. 18–19]. А. Н. Пахомова выделила главный фактор изменения социальной структуры советского общества в виде стремления осуществить «перепахивание социальной структуры общества и уничтожение сословно-классового различия и привилегий отдельных групп» [8, с. 19]. Благодаря изучению законодательных актов, принимаемых властью СССР, автор диссертации установила политико-правовые факторы, формирующие социальную структуру общества. Кроме того, ценность анализа нормативно-правовой базы периода с 1917 по 1936 г. состоит в том, что показана динамика появления и исчезновения отдельных социальных групп.

При выявлении причин и источников количественного роста рабочего класса в Центрально-Черноземном регионе А. Н. Пахомова обозначила причины миграционного процесса из города в село и наоборот: в период Гражданской войны и голода имел место массовый отток в деревню, а также часть населения была задействована в Красной армии [8, с. 22]. Как только эти события закончились, городское население в Центральном Черноземье вновь увеличилось. Автору удалось обосновать важность изучения миграционных процессов как одной из причин динамики социального состава населения. Строительство предприятий в годы первой пятилетки как экономический фактор также поспособствовал увеличению удельной доли рабочего класса [8, с. 22].

Следует отметить, что А. Н. Пахомова продолжает активную работу в направлении истории изменения социальной структуры общества на различных этапах развития российского государства [9; 10; 11;12].

Для исследования динамики городского населения в 1920-е гг. значимы следующие научные труды.

В монографии А. Н. Пахомовой и Ю. А. Бугрова проанализированы социальные изменения на территории Центрально-Черноземного региона и Курской губернии, в частности в период конца XIX – первой четверти XX в. Результаты работы ученых позволяют более детально изучить круг причин и условий динамики городского населения [13]. Также А. Н. Пахомова в соавторстве с В. М. Кузьминой подготовила монографию, раскрывающую особенности развития интеллигенции как социальной группы в Центральном Черноземье XX века [14].

Интересен анализ изменения социальной структуры общества в переломные моменты истории. А. Н. Пеньковой изучен в том числе с 1917 по 1936 годы [15, с. 145–146]. Формирование рабочего класса, по мнению представителей власти, в период становления советской власти невозможно без применения насилия к пролетариату, поскольку без принуждения к труду и дисциплине нет возможности построения общества нового типа, что показывает политику государства в отношении определенной социальной группы [15, с. 146].

При выявлении факторов изменения численности населения на протяжении XX в. А. Н. Пенькова обратила внимание на экономические предпосылки увеличения рабочего класса в 1920-е гг. [16, с. 237] Так, заработная плата в Центрально-Черноземной области в тяжелой промышленности была увеличена от 16 до 18% довоенного уровня, что положительно сказалось на росте рабочего класса [16, с. 237]. Важны и результаты научной работы, посвященной историко-социальному анализу рабочей среды в 1920–1930-е гг. в Центрально-Черноземном регионе, согласно которым работники железнодорожной сферы были самым многочисленным профессиональным сообществом внутри социальной группы, далее следовали металлисты [17, с. 159]. Примечательно, что именно на основе

данных по численности представителей строительной отрасли в 1920-е гг., а именно по тенденции к уменьшению количественного состава, а также по сравнительно небольшой удельной доле в рабочей среде печатников, текстильщиков, пищевиков, табачников и химиков были сделаны выводы о снижении темпов строительства и о достаточно слабом уровне развития пищевой промышленности [17, с. 159]. Указанное позволяет утверждать, что изучение динамики отдельных социальных групп как отдельного элемента социального состава населения помогает оценить экономическое состояние региона.

Следует обратить внимание на исследование А. Н. Пеньковой, направленное на изучение историографии проблемы социальных изменений структуры общества с конца XIX по конец XX в. [18] По мнению ученого, в период 1920-х гг. в литературе содержались материалы и оценки государственных и партийных деятелей, которые стали «концептуальной основой советской историографии» [18, с. 358].

В целом, научные труды А. Н. Пеньковой представляют собой результаты изучения социальной структуры российского общества в XX в., в частности в 1920-е гг. Исследователь раскрыла различные стороны этого вопроса, рассмотрев как факторы изменения социального состава населения в целом, так и отдельных социальных групп, проанализировала историографию по обозначенному направлению.

В диссертационной работе Т. В. Юриной «Роль государства в изменении социальной структуры населения в 1920-е – 1930-е гг.: на материалах Среднего Поволжья» 2007 г. рассмотрены вопросы влияния государственной политики на динамику изменения различных социальных групп [19]. Автор дифференцировала население на сельское и городское. В основе структуры диссертации использован подход, согласно которому факторы изменения социальной структуры населения в период становления институтов советского общества изучены как государственная задача, с одной стороны, и экономическое состояние Среднего Поволжья, с другой стороны [19].

Ценность результатов исследования, полученных Т. В. Юриной, состоит в том, что автору удалось определить круг государственных задач, которые обусловили необходимость существенной трансформации социальной структуры общества в период коренных изменений 1920-х гг. Согласно позиции ученого, к 1921 г. государственная власть имела ряд важнейших задач, таких как «законодательное оформление принципов взаимоотношения власти и социума, снижение социальной напряженности, а также восстановление экономики», но среди них имела место «сверхзадача» – удержание власти большевиками [20, с. 15]. Изменение социальной структуры общества с массовым переселением людей из сельской местности в города как элемент решения этой сверхзадачи привело к преобладанию рабочего класса и городского населения в целом, благодаря чему советская власть смогла решить ряд вопросов, связанных с развитием промышленного сектора, сети научных и образовательных учреждений [20, с. 15].

Показано, что именно под контролем государства происходило формирование новой социальной структуры общества: объявление нэпа привело к возвращению частнопредпринимательского слоя, однако сформированное к концу 1920-х гг. в массовом сознании неприятие частного капитала, который ассоциировался с недостижимым благополучием, привело к постепенному исчезновению нэпманов в структуре населения городов [20, с. 19]. Кроме того, исследователь выявляла тенденцию начала 1920-х гг., связанную с «окрестьяниванием» рабочих, которые из-за последствий Гражданской войны и голода были вынуждены возвращаться в деревню в поисках пропитания, и делает

вывод о том, что у власти появилась острая необходимость в повышении уровня жизни [20, с. 18]. Отметим, что эту тенденцию выявила и А. Н. Пахомова в Центрально-Черноземном регионе. В работе дается объяснение роли интеллигенции как социального слоя для советской власти: если в начале 1920-х гг. их знания нужны были для восстановления народного хозяйства, то к концу десятилетия они должны были стать «проводниками» идеологии большевиков [20, с. 19]. Т. В. Юрина обосновала, что несмотря на то, что Среднее Поволжье осталось аграрной территорией, государственная политика была направлена на рабочий класс, в ущерб сельскому населению, появилась «социальная ревность» [20, с. 13].

Думается, что Т. В. Юрина в диссертации не стремилась показать социальную структуру общества по демографическому, национальному, профессиональному признаку, а выявила причины и условия, которые формировали тут или иную социальную группу внутри города и в сельской местности в первые десятилетия советской власти.

Изучение социального состава городского населения стало частью диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук 2007 г. И. И. Крылова «Условия жизни горожан в Приенисейском регионе в 1921–1929 гг.»: был рассмотрен вопрос демографической структуры городского населения как отдельный элемент социально-демографического облика регионов и собственно социальный состав городов [21].

И. И. Крылов в категорию «социально-демографический облик» вложил следующие признаки городского населения: количественный состав, соотношение мужского и женского пола жителей городов, уровень грамотности, национальный состав, механический и естественный прирост населения [21, с. 13–14].

На основе анализа статистических данных отмечено уменьшение количества городского населения в период с 1918 по 1921 гг. в Енисейской губернии на фоне последствий интервенции, Гражданской войны, вспышек инфекционных заболеваний; преобладания женского населения в городах [21, с. 14]. И. И. Крылов выявил низкий уровень грамотности населения в 1920-е гг. и установил причины, связанные с недостаточным финансированием материально-технической базы [21, с. 14]. Национальный состав населения в Приенисейском регионе был разнообразным, насчитывая 60 национальностей с неравномерным распределением по городам региона. Механический прирост городского населения выражался в миграции жителей сел, и он преобладал над скачкообразным естественным ростом жителей городов.

Категорию «социальный состав населения городов» И. И. Крылов в диссертационном исследовании представил как характеристику населения городов по роду деятельности, выявив количественное превосходство служащих над рабочими, которое сохранялось вплоть до конца 1920-х гг. [21, с. 15] Как и для других работ, посвященных условиям жизни в городах в первое десятилетие советской власти, в работе И. И. Крылова содержится анализ распределения профессий в городах региона: большинство горожан были заняты в железнодорожной отрасли [21, с. 16]. В отличие от рассмотренных выше научных работ, в диссертации И. И. Крылова имеет место изучение вопроса об иждивенцах как социальной группе (автором выявлен их резкий рост в период с 1921 по 1929 гг.), а также упоминается о незначительном количестве «деклассированных элементов» (автор отнес к ним нищих, беспризорных и проституток) [21, с. 15].

Особенность диссертационной работы И. И. Крылова заключается в том, что автор не включил социально-демографические характеристики населения в категорию «социальный состав», ограничив ее значение профессиональными признаками населения, особенностью его заня-

тий или отношению некоторых горожан к группе иждивенцев или маргиналов.

Одним из самых комплексных современных исследований, посвященных социальной структуре общества в 1920-е гг., является диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук С. А. Головина «Изменение социальной структуры населения Дальнего Востока СССР: 1923–1939 годы», защищенная в 2008 г. [22]

Ученый не только смог показать динамику социального состава населения на региональном уровне, но и раскрыл советскую модель индустриальной модернизации общества, выделив ее специфические черты. Перед молодым государством уже в конце 1920-х гг. стояла задача по созданию мощной военно-оборонной индустрии, что обусловило быстрое развитие тяжелой промышленности [23, с. 28]. Ученый констатировал, что промышленная модернизация СССР на рельсах нэпа не имела перспектив, а высшие должностные лица отдали предпочтение административным методам преобразования производственных мощностей [23, с. 26]. Именно советская модель модернизации общества, в которой номенклатурой определялись вектор общественного развития, нормативно-правовая база функционирования социальных институтов, обусловила необходимость однородности структуры советского общества и лояльность различных социальных групп к власти.

В диссертации С. А. Головина обоснована неразрывная связь социальной структуры общества СССР в целом, его отдельных регионов с социально-экономической политикой государства: цель была определена еще в начале 1920-х гг. и заключалась в создании бесклассового общества без контроля человека над человеком [23, с. 27]. Здесь следует отметить согласованность выводов С. А. Головина с выводами Т. В. Юриной о том, что социальный состав общества, в том числе и городского населения, формировался не стихийно, не бесконтрольно, а планомерно идеологически обоснованно.

Значимость результатов исследования С. А. Головина для дальнейшего изучения структуры городского населения в период с 1918 по 1928 г. состоит в том, что ученый рассмотрел специфику методологических подходов к классовой структуре советского общества [22]. При изучении взглядов различных ученых автор отмечает многообразие воззрений, выделяя следующие: «общество реального социализма» как позиция государства; отрицание классов как элемента структуры общества; отражение статистических данных по различным признакам в социальной стратификации. Этот вывод дает нам понять, что в 1920-е гг. восприятие компонентов социальной структуры общества было разнородным, как и не было единого подхода к дефинициям «классовая структура», «социально-классовая структура», «социальный класс» [22, с. 28]. Среди указанных дефиниций автором не используется формулировка «социальный состав» при исследовании особенностей методологии, хотя в публикациях, предшествующих защите диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, эта формулировка встречается, а также использована в названии 3-й главы диссертационного исследования «Динамика социального состава населения Дальнего Востока РСФСР в 1920–1930-е» [22; 24].

Системность изучения социальной структуры общества Дальнего Востока с 1923 по 1939 г. подтверждается рассмотрением широкого круга вопросов, касающихся социального состава населения. Принципиально новым по сравнению с диссертационными исследованиями предшественников, о которых было сказано выше, стало изучение региона как самостоятельной единицы в структуре социального пространства СССР [23]. На основе анализа социально-пространственной дифференциации территории Дальнего Востока автор показал геогра-

фическую, природно-климатическую, историческую специфику региона, которая создала совокупность предпосылок для формирования социальной структуры населения.

Динамику социального состава населения в рамках региона С. А. Головин раскрыл через социально-демографические признаки населения, отметив как механический прирост, так и высокий уровень рождаемости одновременно с высоким уровнем смертности. С. А. Головин успешно реконструировал историю миграционной политики государства на Дальнем Востоке и сделал вывод, что ее приоритетом было увеличение количественных показателей переселения наиболее трудоспособных лиц репродуктивного возраста в целях активизации хозяйственного освоения Дальнего Востока [23, с. 29]. Итогом раскрытия антисоциальной структуры общества стал вывод ученого, в соответствии с которым на ее дифференциацию оказывало влияние два фактора: пространственно-территориальный и профессионально-отраслевой как неотъемлемые составляющие системы разделения труда, а национальные ценности отвечали интересам СССР [23, с. 31].

Еще одной особенностью научной работы С. А. Головина стало отражение профессиональной вертикальной социальной мобильности при раскрытии социальной структуры общества региона [22]. Исследователю удалось показать, каким образом формировался управленческий слой с помощью характеристики партии как основного канала социальной мобильности, раскрытия механизма формирования должностного состава, а также его численность. Подобными вопросами в рамках отдельного диссертационного исследования занимался В. Н. Письменов, роль в изучении социального состава городского населения которого мы уже рассмотрели. Но С. А. Головин в своей научной работе не ограничился управленческим слоем, проследив закономерности нисходящей вертикальной социальной мобильности в виде таких социальных групп, как заключенные и спецпереселенцы.

Научная работа С. А. Головина как вклад в историю социальной структуры общества и социального состава городского населения как части советского общества демонстрирует методологические подходы к изучению вопроса и расширенное понимание элементов категории «социальная структура».

В 2010 г. М. А. Денисова подготовила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Повседневная жизнь населения советского провинциального города в 1920-е годы: на материалах города Курска» [25]. Ценность этой работы состоит в том, что М. А. Денисовой показаны детерминанты динамики социального состава городского населения.

К таким детерминантам можно отнести реконструкцию полукустарных предприятий, восстановление промышленных предприятий как причину возвращения рабочих в город после Гражданской войны [26, с. 15]. В свою очередь, восстановление промышленности положительно отразилось на половозрастной структуре населения Курска, поскольку произошло увеличение количества занятых мужчин в структуре населения, большинство из них были рабочими или служащими. Автором установлено сохранение тесной связи рабочих с сельским хозяйством: одни проживали в сельской местности, имея свое хозяйство и приусадебный дом, а другие жили в сельских пригородах в качестве квартиронанимателей, т. к. в городе наблюдалась острая нехватка жилья [26, с. 15].

В диссертации отражены меры по ликвидации безграмотности и установлено количество обученных грамоте в городе Курске к 1926 году – 2500 человек,

однако процесс обучения шел медленнее намеченного плана, особенно это касалось ликвидации безграмотности среди взрослого населения [26, с. 15–16].

Обозначив факторы сложной санитарно-эпидемиологической ситуации: сырость, теснота и слабое освещение рабочих помещений, нехватка и плохое отопление жилых помещений, низкое качество питьевой воды, М. А. Денисова установила причины высокой смертности при низкой продолжительности жизни в 1920-е гг. в городе Курске и показала ее в цифрах: 27 человек на 1000 городских жителей [26, с. 15].

Весомый вклад в изучение истории социальной структуры населения городов в 1920-е гг. внесла доктор исторических наук В. А. Журавлева. Предметом научного поиска ученого стали демографические процессы городского населения Урала в 1920–1930-е гг., а также численность, состав, размещение, особенности воспроизводства и миграции горожан [27, с. 6].

В процессе подготовки диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук В. А. Журавлевой в 2014 г. была опубликована монография «Источники формирования городского населения Урала в 1920-1930-е гг.» [28]. Важность этой работы в современной историографии истории динамики социальной структуры городского населения в первые десятилетия советской власти состоит в том, что ученым поставлена и успешно выполнена задача по систематизации источников прироста городского населения и по анализу каждого из них с выявлением региональных особенностей. Согласно авторскому подходу, система источников формирования городского населения выглядит следующим образом: естественное воспроизводство (рассмотрено два этапа: с 1924 по 1928 г.; с 1929 по 1939 г. как период промышленной модернизации края); миграционное движение населения; состояние младенческой смертности как фактора, препятствующего количественному увеличению городского населения [28, с. 47, 90, 153, 190].

В. А. Журавлева подробно изучила демографическое состояние городского населения Урала к началу 1920-х гг., охарактеризовав его как катастрофу и изучив пути ее преодоления [28, с. 17]. Историку удалось выявить и раскрыть следующие тенденции в формировании городского населения: разработано понятие «городское поселение» и получение территориями статуса города; резкое сокращение городского населения в период с 1920 по 1923 г. как причина демографической катастрофы; высокие показатели рождаемости с 1925 по 1928 г. вследствие улучшения экономической ситуации; более низкая по сравнению с сельскими жителями смертность в городах в период с 1924 по 1928 гг. [28, с. 213]

В диссертационном исследовании В. А. Журавлевой отражена методология историко-демографического анализа городского населения Урала в первые два десятилетия советской власти [27, с. 52–64]. Ученый последовательно обосновала необходимость применения «синтеза концепций модернизации, урбанизации, демографического, эпидемиологического и миграционных переходов» для изучения состояния городского населения [27, с. 61]. Ученый применила методологию мезоуровня (теорию народонаселения) для объяснения демографических процессов, а методология микроуровня была применена для изучения отдельных социальных групп по различным признакам (половому, образовательному, религиозному, национальному) [27, с. 61].

В диссертации В. А. Журавлевой социальный состав городского населения обобщается дефиницией «состав городского населения Урала», элементами которого являются следующие понятия: «социально-экономическая структура и занятия городского населения Урала» и

«национальный состав, грамотность и отношение к религии» [27, с. 468, 516, 533]. Из всех научных работ, рассмотренных в настоящей статье, только в работе В. А. Журавлевой содержится анализ религиозного состава городского населения (поскольку рамки исследования включают в себя два десятилетия, а вопрос об отношении к религии был поставлен только во Всесоюзной переписи 1937 г.), по результатам которого автор констатировала большое число верующих и усиление антирелигиозной пропаганды в связи с этим [27, с. 551].

В настоящее время В. А. Журавлева продолжает изучение различных аспектов социального состава городского населения: брачного состояния городского населения на основе анализа материалов Всесоюзной городской переписи 1923 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г. с выводом о сохранении традиционных ценностей брака и семьи; комплекса источников историко-демографического изучения городского населения с раскрытием специфики организации и проведения переписей и текущего учета населения городов, отражение смертности горожан от инфекционных заболеваний и мер по противодействию этим негативным явлениям в 1920–1923 гг. [29, с. 72; 30, с. 916; 31, с. 48] Указанные научные работы обогащают историческую науку в части отражения изменения социальной структуры городского населения в первые годы советской власти.

Выводы

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что на современном этапе развития исторической науки исследования социальной структуры городского населения в 1920-е гг. представляют собой одно из актуальных направлений для научной работы. Динамика социального состава населения городов выступает и как самостоятельный предмет изучения на территории конкретных регионов, и как составляющая часть рассмотрения вопросов, связанных с историей повседневности и условий жизни горожан. На основании проведенного обзора можно утверждать, что среди ученых-историков до сих пор отсутствует единое понимание компонентов категории «социальный состав городского населения». Для одних работ характерна корреляция этого понятия с родом деятельности жителей городов, без привязки к социально-демографическим признакам, другие рассматривают все в совокупности и во взаимосвязи. Единым для всех диссертационных работ, монографий и научных статей является признание ведущей роли советской власти в формировании структуры нового общества, отрицания стихийности и беспорядочности этого процесса. На примере конкретных регионов ученым удалось показать совокупность причин и условий, оказывающих влияние на различные социальные группы городского сообщества при становлении и дальнейшем развитии институтов советской власти. Однако следует отметить, что на сегодняшний день отсутствуют диссертационные исследования, в которых отражены в совокупности как социально-демографические признаки (пол, возраст, национальность), так и профессиональные признаки населения городов с подробным историческим анализом каждой социальной группы в 1920-е гг. в масштабах одного региона или на уровне РСФСР.

Список литературы

1. Петров Н. В. Муниципальный округ как новый вид муниципального образования в Российской Федерации: особенности и современные проблемы организации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 4. С. 6–9.

2. Письменов В. Н. Органы управления Курской губернии: механизм формирования и подбор кадров, 1920–1928 гг.: дис. … канд. ист. наук. Курск, 2001. 243 с.

3. Письменов В. Н. Органы управления Курской губернии: механизм формирования и подбор кадров, 1920–1928 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Курск, 2001. 27 с.

4. Корноухова Г. Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области): дис. … канд. ист. наук. М., 2004. 197 с.

5. Корноухова Г. Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920-1930-е гг. (на материалах Астраханской области): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2004. 21 с.

6. Корноухова Г. Г. Региональные особенности трансформации социальной структуры городов СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2. С. 38–49.

7. Пахомова А. Н. Формирование социальной структуры советского общества в 1917–1936 годы (на материалах Центрально-Черноземного региона): дис. … канд. ист. наук. Курск, 2004. 240 с.

8. Пахомова А. Н. Формирование социальной структуры советского общества в 1917–1936 годы (на материалах Центрально-Черноземного региона): автореф. дис. … канд. ист. наук. Курск, 2004. 32 с.

9. Пахомова А. Н. Некоторые вопросы по изменению численного состава рабочего класса в годы первой пятилетки (на примере Центрально-Черноземного региона) // История государства и права. 2009. № 2. С. 29–32.

10. Пахомова А. Н., Крыгина Н. М. Миграционные процессы в СССР середины XX века в материалах рассекреченных документов // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4 (43), ч. 1. С. 180а–183.

11. Пахомова А. Н. Демографическая ситуация 1990–2000-х гг. в России (на примере Центрально-Черноземного региона) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. Ч. 2. С. 232–236.

12. Пахомова А. Н. Социально-демографические изменения населения России и Центрально-Черноземного региона в 80-х – начале 90-х годов XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. Ч. 1. С. 227–231.

13. Пахомова А. Н., Бугров А. Ю. Социальные изменения в Центрально-Черноземном регионе и Курской губернии второй половины XIX – первой четверти XX века: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2012. 170 с.

14. Пахомова А. Н., Кузьмина В. М. Интеллигенция в социокультурном пространстве Центрального Черноземья в XX веке. Курск: Университетская книга, 2014. 210 с.

15. Пенькова А. Н. Анализ основных процессов изменения социальной структуры общества в переломные моменты истории России (на примере Центрального Черноземья) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 1 (22). С. 145–150.

16. Пенькова А. Н., Ларина О. Г., Кухарев Ю. С. Некоторые факторы изменения численности населения Курского края за 100 лет: причины и итоги // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 5. С. 234–240.

17. Историко-социальный анализ рабочей среды Центрально-Черноземного региона 1920-х – середины 1930-х годов / А. Н. Пенькова, О. Г. Ларина, Т. Л. Кузнецова, А. А. Кораблева // Перспективы развития институтов права и государства: сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции. Курск: Университетская книга, 2021. С. 158–161.

18. Пенькова А.Н. Историография проблемы социальных изменений общества конец XIX – конец XX века (на примере Центрально-Черноземного региона) // Юго-Западный юридический форум: сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. Курск: Университетская книга, 2021. С. 357–360.

19. Юрина Т. В. Роль государства в изменении социальной структуры населения в 1920-е–1930-е гг. (на материалах Среднего Поволжья): дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2007. 231 с.

20. Юрина Т. В. Роль государства в изменении социальной структуры населения в 1920-е–1930-е гг. (на материалах Среднего Поволжья): автореф. дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2007. 24 с.

21. Крылов И. И. Условия жизни горожан в Приенисейском регионе в 1921–1929 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2007. 24 с.

22. Головин С. А. Изменение социальной структуры населения Дальнего Востока СССР: 1923–1939 годы: дис. … докт. ист. наук. М., 2008. 585 с.

23. Головин С. А. Изменение социальной структуры населения Дальнего Востока СССР: 1923–1939 годы: автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 2008. 42 с.

24. Головин С. А. Особенности социального состава населения на Дальнем Востоке РСФСР в 20–30-е годы XX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 2 (10). С. 118–128.

25. Денисова М. А. Повседневная жизнь населения советского провинциального города в 1920-е годы (на материалах города Курска): дис. … канд. ист. наук. Курск, 2010. 193 с.

26. Денисова М. А. Повседневная жизнь населения советского провинциального города в 1920-е годы (на материалах города Курска): автореф. дис. … канд. ист. наук. Курск, 2010. 24 с.

27. Журавлева В. А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: дис.… докт. ист. наук. Екатеринбург, 2016. 698 с.

28. Журавлева В. А. Источники формирования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. 242 с.

29. Журавлева В. А., Мирошниченко М. И. Брачное состояние городского населения Урала по материалам переписей 1923 и 1926 гг. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 68–72.

30. Журавлева В. А. Источники историко-демографического изучения городского населения Урала в 1920–1930-е гг. // Наука ЮУрГУ: материалы 69-й научной конференции. Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т, 2017. С. 911–917.

31. Журавлева В. А. Смертность городского населения Урала от инфекционных заболеваний в 1920–1923 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 1. С. 44–48.

References

1. Petrov N. V. Munitsipalnyy okrug kak novyy vid munitsipal'nogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii: osobennosti i sovremennye problemy organizatsii [Municipal District as a new type of municipal formation in the Russian Federation: features and modern problems of organization]. *Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: legal issues*, 2020, no. 4, pp. 6–9.

2. Pismenov V. N. Organy upravleniya Kurskoy gubernii: mekhanizm formirovaniya i podbor kadrov, 1920–1928 gg. Diss. kand. ist. nauk [The governing bodies of the Kursk province:

the mechanism of formation and selection of personnel. Diss. cand. hist. sci.]. Kursk, 2001. 243 p.

3. Pismenov V. N. Organy upravleniya Kurskoy gubernii: mekhanizm formirovaniya i podbor kadrov, 1920–1928 gg. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [The governing bodies of the Kursk province: the mechanism of formation and selection of personnel. Cand. hist. sci. abstract diss.]. Kursk, 2001. 27 p.

4. Kornoukhova G. G. Povsednevnost' i uroven' zhizni gorodskogo naseleniya SSSR v 1920-1930-e gg. (na materialakh Astrakhanskoy oblasti). Diss. kand. ist. nauk [Everyday life and standard of living of the urban population of the USSR in the 1920s-1930s. (based on the materials of the Astrakhan region). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2004. 197 p.

5. Kornoukhova G. G. Povsednevnost i uroven zhizni gorodskogo naseleniya SSSR v 1920-1930-e gg. (na materialakh Astrakhanskoy oblasti). Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Everyday life and standard of living of the urban population of the USSR in the 1920s–1930s. (based on the materials of the Astrakhan region). Cand. hist. sci. abstract diss.]. Moscow, 2004. 21 p.

6. Kornoukhova G. G. Regional'nye osobennosti transformatsii sotsial'noy struktury gorodov SSSR v 1920–1930-e gg. (na materialakh Astrakhanskoy oblasti) [Regional peculiarities of the transformation of the social structure of the cities of the USSR in the 1920s-1930s (or materials of the Astrakhan region)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia,* 2007, no. 2, pp. 38–49.

7. Pakhomova A. N. Formirovanie sotsial'noy struktury sovetskogo obshchestva v 1917–1936 gody (na materialakh Tsentral'no-Chernozemnogo regiona). Diss. kand. ist. nauk [Formation of the social structure of Soviet Society in 1917-1936 (based on the materials of the Central Chernozem region) Cand. hist. sci. diss.]. Kursk, 2004. 240 p.

8. Pakhomova A. N. Formirovanie sotsial'noy struktury sovetskogo obshchestva v 1917-1936 gody (na materialakh Tsentral'no-Chernozemnogo regiona). Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Formation of the social structure of Soviet Society in 1917-1936 (based on the materials of the Central Chernozem region). Cand. hist. sci. abstract diss.]. Kursk, 2004. 32 p.

9. Pakhomova A.N. Nekotorye voprosy po izmeneniyu chislennogo sostava rabochego klassa v gody pervoy pyatiletki (na primere Tsentral'no-Chernozemnogo regiona) [Some questions on the change in the numerical composition of the working class during the first five-year plan (on the example of the Central Chernozem region)]. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the state and law*, 2009, no. 2, pp. 29–32.

10. Pakhomova A. N., Krygina N. M. Migratsionnye protsessy v SSSR serediny XX veka v materialakh rassekrechennykh dokumentov [Migration processes in the USSR of the mid-twentieth century in the materials of declassified documents]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University,* 2012, no. 4, pt. 1, pp. 180a–183.

11. Pakhomova A. N. Demograficheskaya situatsiya 1990-2000-kh gg. v Rossii (na primere Tsentral'no-Chernozemnogo regiona) [Demographic situation of the 1990s-2000s in Russia (on the example of the Central Chernozem region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2012, no. 1, pt. 2, pp. 232–236.

12. Pakhomova A. N. Sotsial'no-demograficheskie izmeneniya naseleniya Rossii i Tsentral'no-Chernozemnogo regiona v 80-kh – nachale 90-kh godov XX veka [Socio-demographic changes in the population of Russia and the Central Chernozem region in the 80s – early 90s of the twentieth century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo= Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2012, no. 2, pt. 1, pp. 227–231.

13. Pakhomova A. N., Bugrov A. Yu. Sotsial'nye izmeneniya v Tsentral'no-Chernozemnom regione i Kurskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – pervoy chetverti XX veka [Sotsial'nye izmeneniya v Tsentral'no-Chernozemnom regione i Kurskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – pervoy chetverti XX veka]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2012. 170 p.

14. Pakhomova A. N., Kuzmina V. M. Intelligentsiya v sotsiokul'turnom prostranstve Tsentral'nogo Chernozem'ya XX veke [Intelligentsia in the socio-cultural space of the Central Chernozem region in the twentieth century]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2014. 210 p.

15. Penkova A. N. Analiz osnovnykh protsessov izmeneniya sotsial'noy struktury obshchestva v perelomnye momenty istorii Rossii (na primere Tsentral'nogo Chernozem'ya) [Analysis of the main processes of changing the social structure of society at critical moments in the history of Russia (on the example of the Central Chernozem region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo= Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2017, vol. 7, no. 1(22), pp. 145–150.

16. Penkova A. N., Larina O. G., Kukharev Yu. S. Nekotorye faktory izmeneniya chislennosti naseleniya Kurskogo kraya za 100 let: prichiny i itogi [Some factors of population change in the Kursk Region over 100 years: causes and results]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2019, vol. 9, no. 5, pp. 234–240.

17. Penkova A. N., Larina O. G., Kuznetsova T. L., Korableva A. A. Istoriko-sotsialnyy analiz rabochey sredy Tsentral'no-Chernozemnogo regiona 1920-kh – serediny 1930-kh godov [Historical and social analysis of the working environment of the Central Chernozem region of the 1920s – mid-1930s]. *Perspektivy razvitiya institutov prava i gosudarstva. Sbornik nauchnykh trudov 4-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Prospects for the development of institutions of law and the state. Collection of scientific papers of the 4th International Scientific Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2021, pp. 158–161.

18. Penkova A. N. Istoriografiya problemy sotsial'nykh izmeneniy obshchestva konets XIX v. – konets XX veka (na primere Tsentral'no-Chernozemnogo regiona) [Historiography of the problem of social changes in society at the end of the XIX century – the end of the XX century (on the example of the Central Chernozem region)]. *Yugo-Zapadnyy yuridicheskiy forum. Sbornik nauchnykh trudov Yugo-Zapadnogo yuridicheskogo foruma, posvyashchennogo 30-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Southwest Legal Forum. Collection of scientific papers of the Southwest Legal Forum dedicated to the 30th anniversary of the Faculty of Law of Southwest State University]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2021, pp. 357–360.

19. Yurina T. V. Rol' gosudarstva v izmenenii sotsial'noy struktury naseleniya v 1920-e – 1930-e gg. (na materialakh Srednego Povolzh'ya). Diss. kand. ist. nauk [The role of the state in changing the social structure of the population in the 1920s – 1930s. (based on the materials of the Middle Volga region). Cand. hist. sci. diss.]. Penza, 2007. 231 p.

20. Yurina T. V. Rol' gosudarstva v izmenenii sotsial'noy struktury naseleniya v 1920-e – 1930-e gg. (na materialakh Srednego Povolzh'ya). Avtoref. diss. kand. ist. nauk [The role of the state in changing the social structure of the population in the 1920s – 1930s. (based on the materials of the Middle Volga region). Cand. hist. sci. abstract diss.]. Penza, 2007. 24 p.

21. Krylov I. I. Usloviya zhizni gorozhan v Prieniseyskom regione v 1921–1929 gg. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Living conditions of citizens in the Yenisei region in 1921–1929. Cand. hist. sci diss. abstract]. Krasnoyarsk, 2007. 24 p.

22. Golovin S. A. Izmenenie sotsial'noy struktury naseleniya Dal'nego Vostoka SSSR: 1923–1939 gody. Diss. doct. ist. nauk [Changes in the social structure of the population of the Far East of the USSR: 1923–1939. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 2008. 585 p.

23. Golovin S. A. Izmenenie sotsial'noy struktury naseleniya Dal'nego Vostoka SSSR: 1923-1939 gody. Avtoref. diss. doct. ist. nauk [Changes in the social structure of the population of the Far East of the USSR: 1923-1939. Dr. hist. sci. abstract diss.]. Moscow, 2008. 42 p.

24. Golovin S.A. Osobennosti sotsial'nogo sostava naseleniya na Dal'nem Vostoke RSFSR v 20-30-e gg. XX veka [Features of the social composition of the population in the Far East of the RSFSR in the 20-30s of the XX century]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke = Social and humanitarian sciences in the Far East,* 2006, no. 2 (10), pp. 118–128.

25. Denisova M. A. Povsednevnaya zhizn' naseleniya sovetskogo provintsial'nogo goroda v 1920-e gody (na materialakh goroda Kurska). Diss. kand. ist. nauk [Everyday life of the population of a Soviet provincial town in the 1920s (based on the materials of the city of Kursk). Cand. hist. sci. diss.]. Kursk, 2001. 193 p.

26. Denisova M. A. Povsednevnaya zhizn' naseleniya sovetskogo provintsial'nogo goroda v 1920-e gody (na materialakh goroda Kurska). Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Everyday life of the population of a Soviet provincial town in the 1920s (based on the materials of the city of Kursk). Cand. hist. sci. abstract diss.]. Kursk, 2001. 24 p.

27. Zhuravleva V. A. Gorodskoe naselenie Urala v 1920-1930-e gg.: istoriko-demograficheskiy analiz. Diss. doct. ist. nauk [Urban population of the Urals in the 1920s-1930s: historical and demographic analysis. Dr. hist. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2016. 698 p.

28. Zhuravleva V. A. Istochniki formirovaniya gorodskogo naseleniya Urala v 1920–1930-e gg. [Sources of formation of the urban population of the Urals in the 1920s–1930s]. Chelyabinsk, South Ural. St. Univ. Publ., 2014. 242 p.

29. Zhuravleva V. A., Miroshnichenko M.I. Brachnoe sostoyanie gorodskogo naseleniya Urala po materialam perepisey 1923–1926 gg. [Marital status of the urban population of the Urals based on the materials of the censuses of 1923 and 1926]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik = Ural Historical Bulletin,* 2017, no. 4 (57), pp. 911–917.

30. Zhuravleva V. A. Istochniki istoriko-demograficheskogo izucheniya gorodskogo naseleniya Urala v 1920–1930-e gg. [Sources of historical and demographic study of the urban population of the Urals in the 1920s-1930s.]. *Nauka YuUrGU. Materialy 69-y nauchnoy konferentsii.* [YuUrGU Science. Materials of the 69th Scientific Conference]. Chelyabonsk, South Ural St. Univ. Publ., 2017, pp. 911–917.

31. Zhuravleva V. A. Smertnost' gorodskogo naseleniya Urala ot infektsionnykh zabolevaniy v 1920–1923 gg. [Mortality of the urban population of the Urals from infectious diseases in 1920–1923]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia,* 2018, vol. 25, no. 1, pp. 44–48.

Информация об авторах / Information about the Authors

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vlavikor@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Vladimir V. Korovin, Dr. of Sci. (Historical), Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vlavikor@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Петров Николай Вячеславович, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: petrovkolya97@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9177-3903

Nikolay V. Petrov, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: petrovkolya97@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9177-3903

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-231-243

(cc) BY 4.0

Проблемы послевоенного восстановления и модернизации отечественной химической промышленности (на примере предприятий по производству фосфоритных удобрений)

Е. А. Головин[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040 Российская Федерация

✉ e-mail: golovin007@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В современных условиях экономический суверенитет государства связан с его способностью обеспечить производство необходимой продукции внутри страны. Как показывает практика, процессы глобализации в экономике не удовлетворяют потребности населения в востребованных материальных благах. Поэтому отечественный опыт государственного регулирования экономического развития, особенно в период послевоенного восстановления и модернизации промышленности, представляет особый интерес. В качестве предмета исследования автором избрана деятельность предприятий химической промышленности, производивших удобрения для сельского хозяйства, как пример рационального интеграционного подхода к организации выпуска значимой продукции. Учет выявленных организационных проблем функционирования отрасли позволит избежать повторения ошибок прошлого в наши дни.*

Цель – *исследование проблем восстановления и модернизации отечественной химической промышленности на примере предприятий по производству фосфоритных удобрений.*

Задачи *исследования заключаются в характеристике на основе источников, выявленных в РГАСПИ, деятельности органов власти, регулировавших работу предприятий химической промышленности в послевоенные годы.*

Методология. *Автор статьи при изучении данной темы использовал принципы историзма, научной объективности и системности. Помимо этого, при написании статьи применялись проблемно-хронологический, системно-структурный и основополагающие аналитические (анализ, синтез, сравнение) методы.*

Результаты. *На основе источников, которые впервые вводятся в научный оборот, в статье раскрыты проблемы, с которыми столкнулись предприятия, производившие фосфоритную муку в послевоенные годы. Это позволило объективно оценить основные направления развития данной отрасли химической промышленности, в том числе выявить имевшиеся трудности и недостатки.*

Вывод. *Несмотря на жесткое государственное регулирование деятельности предприятий, обеспечить их эффективное функционирование только административно-командными методами оказалось невозможно. Участие в осуществлении контрольно-распорядительных прерогатив представителей центрального аппарата партии помогало выявлять организационные проблемы, а не искоренять их. Отсутствие материальной заинтересованности и исполнительской дисциплины на всех уровнях становилось главной причиной вскрывавшихся недостатков.*

Ключевые слова: *промышленность; фосфоритная мука; минеральные удобрения; фосфориты; завод; рудник.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Головин Е. А. Проблемы послевоенного восстановления и модернизации отечественной химической промышленности (на примере предприятий по производству фосфоритных удобрений) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 231–243. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-231-243.

Поступила в редакцию 24.06.2022 Принята к публикации 28.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Головин Е. А., 2022

Problems of Post-War Reconstruction and Modernization of the Domestic Chemical Industry (on the Example of Enterprises Producing Phosphorous Fertilizers)

Evgeny A. Golovin[1]✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: golovin007@mail.ru

Abstract

Relevance. *In modern conditions, the economic sovereignty of the state is associated with its ability to ensure the production of necessary products within the country. As practice shows, the processes of globalization in the economy do not satisfy the needs of the population in demand for material goods. Therefore, the domestic experience of state regulation of economic development, especially during the post-war reconstruction and modernization of industry, is of particular interest. As a subject of research, the author has chosen the activities of chemical industry enterprises that produced fertilizers for agriculture as an example of a rational integration approach to the organization of the production of significant products. Taking into account the identified organizational problems of the functioning of the industry will help to avoid repeating the mistakes of the past in our days.*

The purpose *is to study the problems of restoration and modernization of the domestic chemical industry on the example of enterprises producing phosphorous fertilizers.*

The objectives *of the study are to characterize, on the basis of the sources identified in the RGASPI, the activities of the authorities that regulated the work of chemical industry enterprises in the post-war years.*

Methodology. *The author of the article used the principles of historicism, scientific objectivity and consistency in the study of this topic. In addition, when writing the article, problem-chronological, system-structural and fundamental analytical (analysis, synthesis, comparison) methods were used.*

Results. *Based on the sources that are being introduced into scientific circulation for the first time, the article reveals the problems faced by enterprises that produced phosphorous flour in the post-war years. This made it possible to objectively assess the main directions of development of this branch of the chemical industry, including identifying existing difficulties and shortcomings.*

Conclusion. *Despite the strict state regulation of the activities of enterprises, it turned out to be impossible to ensure their effective functioning only by administrative and command methods. Participation in the exercise of control and administrative prerogatives of representatives of the central apparatus of the party helped to identify organizational problems, and not to eradicate them. The lack of material interest and performance discipline at all levels became the main reason for the revealed shortcomings.*

Keywords: *industry; phosphate rock; mineral fertilizers; phosphorites; factory; mine.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Golovin E. A. Problems of Post-War Reconstruction and Modernization of the Domestic Chemical Industry (on the Example of Enterprises Producing Phosphorous Fertilizers). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 231–243. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-231-243.

Received 24.06.2022 Accepted 28.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

Исследование опыта организации производственной деятельности предприятий отечественной промышленности имеет принципиальное значение в современных условиях в связи с необходимостью обеспечить потребности российского государства востребованной продукцией. Особый интерес вызывает практика деятельности смежных отраслей аграрного и индустриального секторов экономики, результаты которой позволяют удо-

влетворять потребительский спрос на продукты питания. Объемы производимых страной продовольственных ресурсов во многом зависят от использования высокоэффективных технологий. Типичным примером такой интеграции может служить участие предприятий химической промышленности страны в обеспечении сельскохозяйственных производителей ценными минеральными удобрениями. Для рассмотрения специфики их работы был выбран наиболее сложный и противоречивый период послевоенного восстановления и модернизации предприятий отрасли на рубеже 1940–1950-х гг.

Методология

В данной работе автор использовал комплекс научных методов и принципов, благодаря чему удалось достичь установленной цели и решить поставленные задачи. Проведенное исследование основано на принципах историзма, научной объективности и системности, что предполагает всестороннее и взвешенное исследование изученных архивных документов. При написании статьи применялись: проблемно-хронологический метод, способствовавший отражению процесса восстановления промышленных предприятий химической индустрии в поступательном развитии; системно-структурный метод, предоставивший возможность показать функционирование государственного механизма регулирования экономики во взаимосвязи и взаимодействии образующих его структурных элементов; основополагающие аналитические (анализ, синтез, сравнение) методы, позволившие объективно оценить проблемы послевоенного восстановления и модернизации отечественной химической промышленности.

Результаты и их обсуждение

Проведенный при подготовке данной публикации историографический анализ свидетельствует о том, что в отечественной исторической науке уделялось особое внимание характеристике социально-экономических процессов, но проблемы послевоенного восстановления и модернизации отечественной химической промышленности не получили должного освещения.

Советская историография рассматриваемой проблемы представлена обобщающими трудами, системно характеризующими историю развития промышленности СССР [1; 2; 3]. Ряд ученых, таких как М. Г. Васильев, Ю. Т. Лившиц [4], Н. Н. Калмыков, С. А. Вайсбейн [5], Л. А. Костандов [6], П. М. Лукьянов [7], В. А. Андриенко [8], сосредоточились на вопросах развития химической индустрии. При этом, как правило, в их работах отражались лишь научно-производственные достижения, без объективной оценки состояния отрасли. Возникновение крупных химических производств отражено с технической точки зрения в исследовании Р. М. Нагимуллина [9].

Касаемо специальных работ, характеризовавших деятельность предприятий химической промышленности, производивших удобрения для сельского хозяйства, необходимо отметить публикацию А. В. Фролова [10], в которой получили освещение проблемы производства фосфоритной муки.

В региональной историографии необходимо обратить внимание на работы В. В. Коровина и его соавторов [11; 12; 13; 14], исследовавших послевоенное индустриальное развитие Курской области как одного из типичных регионов Центрально-Черноземного экономического района, где промышленность длительное время оставалась в тесной связи с аграрным сектором экономики, оказывая на его состояние противоречивое влияние. Становление химической промышленности Курской области рассмотрено в публикациях С. С. Коптева [15; 16] и М. З. Антоновой [17].

Необходимо отметить, что в 1940–50-х гг. одним из самых дешевых по производственным затратам минеральных

удобрений являлась фосфоритная мука. В отечественном сельском хозяйстве данное удобрение применялось под зерновые и овощные культуры, а также для выращивания многолетних трав [18, л. 2], что значительно повышало их урожайность. По оценке, данной в середине XX в. действительным членом Академии сельскохозяйственных наук П. А. Барановым, фосфоритная мука «является самым ценным удобрением и может быть использована не только в нечерноземной зоне, но и в зоне выщелоченных черноземов» [18, л. 3].

Как правило, производство фосфоритной муки осуществлялось на предприятиях, располагавшихся в непосредственной близости от мест добычи фосфоритной руды. Разведка месторождений фосфоритных руд и создание на их базе фосфоритных предприятий начинались в 20–30-е годы XX века. Примером тому служит Щигровский фосфоритный завод, располагавшийся в Курской области.

По состоянию на 7 августа 1941 г. указанное предприятие вырабатывало фосфоритную муку в необходимом для сельского хозяйства страны количестве. Но завод прекратил производство продукции в связи с начавшимися военными действиями. Осенью 1941 г. на предприятии было демонтировано резервное и основное оборудование, а в ноябре этого же года на заводы Урала были отправлены эшелоны с демонтированным оборудованием и людьми. Оставшиеся здания и сооружения находились на территории, временно оккупированной войсками противника. Основная часть промышленных помещений и сооружений были уничтожены, чтобы немецкие оккупанты не могли воспользоваться ими [19, с. 80].

С освобождением Курской области от немецко-фашистской оккупации начались работы по рассмотрению вопроса о восстановлении предприятия. К восстановлению Щигровского фосфоритного завода Министерство химической промышленности приступило в 1944 г. Во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны от 11 сентября 1944 г. и приказа по Наркомату химической промышленности от 17 сентября 1944 г. Щигровский фосфоритной завод должен был не только восстанавливаться, но и расширяться. В перспективе предполагалось за счет модернизации производственной линии освоить на предприятии выпуск пластмассовых изделий [20, л. 107].

Сырьевой базой Щигровского фосфоритного завода являлось Щигровское фосфоритное месторождение, состоявшее из трех участков: Щигровского, Щигорчинского и Немцевского. Наиболее приемлемым для промышленного освоения признавались Щигорчинский и Немцевский участки, из них в предвоенный период эксплуатировался только Щигорчинский участок [12, с. 85].

В соответствии с приказом Министра химической промышленности № 49/с от 22 апреля 1948 г. восстановленный рудник и обогатительная фабрика, мощностью выработки 60 000 тонн фосфоритной муки в год, должны были вводиться в эксплуатацию в первом квартале 1948 г., с последующим расширением производства до 100 000 тонн фосфоритной муки к первому кварталу 1950 г. [12, с. 82]

Щигровский фосфоритный завод был принят в эксплуатацию комиссией Министерства химической промышленности СССР в сентябре 1949 г. Архивные данные свидетельствуют о том, что с 1944 по 1950 г. в строительство и восстановление предприятия было вложено 24,6 млн рублей, или 77,3% от полной сметной стоимости. Ввиду неподготовленности энергетической и сырьевой базы Щигровский фосфоритный завод работал неудовлетворительно и приносил убытки. Так, на предприятии, рассчитанном на выпуск 100 000 тонн фосфоритных удобрений в год, государственный план 1949 г. был выполнен лишь на 1,6%, а за 8 месяцев 1950 г. – на 7,6%. Сверхплановые убытки

за это время определялись суммой свыше 2,6 млн рублей [21, л. 56].

28 сентября 1950 г. Курский обком ВКП(б) обратился к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову с информацией о ходе восстановления Щигровского фосфоритного завода, отметив, что устранение недоделок и окончание строительства предприятия производятся медленно. Так, Строительно-монтажное управление № 3 «Горхимпромстроя» Министерства химической промышленности СССР не было обеспечено необходимыми строительными механизмами и фондовыми материалами (цемент, металл, лес, кровля). Принимаемые Министерством химической промышленности меры по улучшению работы Щигровского фосфоритного завода и строительной организации за счет поставки некомплектных, физически и морально изношенных дизелей для электростанции и выделения незначительного количества фондовых материалов положительных результатов не дали. Завод продолжал работать на уровне 12–13% выполнения месячного плана, а строительная организация длительное время тормозила выполнение работ на важнейших участках (рудники, флотационная фабрика, жилье и подсобные цеха завода) [21, л. 56–57].

В связи в указанными обстоятельствами Курский обком ВКП(б) в своем письме просил ЦК ВКП(б) обязать Министерство химической промышленности: 1) создать надежную энергетическую и сырьевую базу, для чего построить на Щигровском фосфоритном заводе ТЭЦ мощностью 2000 кВт и ввести ее в эксплуатацию в 1952 г.; 2) в 4 квартале 1950 г. выделить и установить взамен старых два новых дизеля; 3) закончить строительство флотационной фабрики на полную проектную мощность; 4) механизировать процессы добычи руды на действующем руднике; 5) в первом полугодии 1951 г. сдать в эксплуатацию механизированный рудник Немцевского участка; 6) укрепить строительно-монтажную организацию СМУ-3 квалифицированными инженерно-техническими работниками, строительными механизмами, обеспечить фондовыми материалами и металлом; 7) ускорить строительство подсобных цехов завода, жилищного фонда, пекарни, бани, больницы, магазина и школы [21, л. 57].

Указанное письмо секретаря Курского обкома ВКП(б) В. И. Тищенко было направлено для рассмотрения в Отдел тяжелой промышленности ЦК ВКП(б). Спустя месяц, 31 октября 1950 г., его заведующий В. И. Алексеев, получив разъяснения заместителя министра химической промышленности СССР Т. Б. Митрохина, доложил Г. М. Маленкову, что Минхимпромом намечено строительство ТЭЦ мощностью 2000 кВт на Щигровском фосфоритном заводе со сроком окончания в 1952 г., для строительства ТЭЦ на 1951 г. предусматривается ассигнование в сумме 1,5 млн рублей.

В целях обеспечения окончания строительства флотационной фабрики, Немцевского рудника, а также проведения механизации добычи руды и форсирования строительства жилого фонда объем капитальных работ монтажно-строительному управлению на 1950 г. был увеличен на 1 млн рублей, на 1951 г. на эти же цели предусматривались капиталовложения в сумме 7 млн рублей. Кроме того, Г. М. Маленкову было доложено о том, что на Щигровском фосфоритном заводе выделенные фонды на металл и другие строительные материалы вполне обеспечивают необходимую потребность строительства (задержка в реализации их произошла из-за отсутствия средств у строительно-монтажного управления для оплаты, но Минхимпромом приняты меры к пополнению управления оборотными средствами). Для укрепления кадрового состава строительно-монтажного управления Министерство химической промышленности СССР в 4-м квартале 1950 г. планировало направить на строительство Щигровского фос-

форитного завода четырех инженеров. Помимо этого, бюро по химии и электростанциям Совета Министров СССР в октябре 1950 г. приняло решение о выделении в 1 квартале 1951 г. Щигровскому фосфоритному заводу двух новых дизелей. Отметим, что Курский обком ВКП(б) был проинформирован о принимаемых мерах [21, л. 58].

В связи с имевшимися серьезными недостатками в работе горно-химических предприятий Министерства химической промышленности, выпускавших фосфориты для сельского хозяйства, в сентябре 1951 г. Отдел тяжелой промышленности ЦК ВКП(б) проводил проверку выполнения Постановления Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. «О развитии производства минеральных удобрений». По результатам указанной проверки выяснилось, что Щигровский фосфоритный завод продолжал работать неудовлетворительно. Так, заведующий отделом тяжелой промышленности ЦК ВКП(б) В. И. Алексеев информировал секретаря ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко о том, что Щигровский фосфоритный завод Министерства химической промышленности, расположенный в Курской области, план 1950 г. выполнил на 16%, за 8 месяцев 1951 г. (несмотря на снижение годового плана) – на 35%. Причинами такого положения во многом являлось то, что данное предприятие было сдано в эксплуатацию с большими недоделками и некачественным исполнением строительно-монтажных работ, неподготовленными сырьевой и энергетической базами, существенным дефицитом квалифицированных кадров. В этой связи отдел тяжелой промышленности ЦК ВКП(б) командировал инструктора отдела К. А. Бельского на Щигровский фосфоритный завод для «проверки работы предприятия на месте и оказания помощи парторганизации в улучшении партийно-политической работы» [22, л. 82].

Необходимо отметить, что в конце 1940 – начале 1950-х гг. многие предприятия, выпускавшие фосфоритную муку, работали также неэффективно. В письме заведующего отделом тяжелой промышленности ЦК ВКП(б) В. И. Алексеева от 18 января 1952 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова отмечалась нерентабельная работа фосфоритных предприятий Министерства химической промышленности: «…Производственные мощности фосфоритных предприятий используются неудовлетворительно, за последние 4 года (1948–1951) предприятия Главгорхимпрома систематически не выполняют план по выпуску фосфоритной муки…» [18, л. 2].

По состоянию на январь 1952 г. Министерство химической промышленности имело 5 действующих предприятий по выработке фосфоритной муки общей мощностью 775 тыс. тонн в год. Промышленные запасы фосфоритов составляли около 200 млн тонн. Основные месторождения фосфоритов были расположены в Кара-Тау (Казахская ССР), Верхне-Камске (Кировская обл.), а также в Московской, Курской, Брянской и других областях. По производственным затратам фосфоритная мука оставалась самым дешевым минеральным удобрением.

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. «О развитии производства минеральных удобрений» Министерство химической промышленности СССР обязывалось довести мощности фосфоритных предприятий в 1950 г. до 1160 тыс. тонн фосфоритной муки в год, но фактически на 1 января 1952 г. их мощность составила всего 775 тыс. тонн (67% от плановой), в том числе 467 тыс. тонн фосфоритной муки, применяемой непосредственно в качестве удобрения, и 308 тыс. тонн использовалось в качестве сырья для производства суперфосфата [18, л. 2–3].

Из приведенных данных видно, что Министерство химической промышленности СССР фактически не выполнило постановление правительства в части наращивания мощностей по производ-

ству фосфоритной муки. Наряду с этим имевшиеся мощности по производству фосфоритов использовались нерационально. Архивные данные свидетельствуют о том, что фосфоритные предприятия в течение ряда лет систематически не выполняли производственную программу. Так, выпуск фосфоритной муки по предприятиям «Главгорхимпрома» составил: в 1948 г. – 83%, в 1949 г. – 75%, в 1950 г. – 60%, в 1951 г. – 80% плана [18, л. 4].

Ввиду значительного отставания производства фосфоритной муки от задания правительства и недостаточного обеспечения сельского хозяйства фосфорными удобрениями, двое сотрудников отдела тяжелой промышленности ЦК ВКП(б) были отправлены в командировку для проверки работы основных фосфоритных предприятий.

Проверкой было установлено, что Министерство химической промышленности и Госплан СССР недооценивали развитие производства фосфоритной муки как минерального удобрения и выделяли недостаточно средств на строительство фосфоритных предприятий. При росте производства всех видов минеральных удобрений в 1951 г. почти в 2 раза к довоенному 1940 г. выработка фосфоритной муки в 1951 г. составила лишь 93% от довоенного уровня, тогда как затраты на строительство заводов и себестоимость фосфоритной муки значительно ниже суперфосфата, и при ее производстве не требовалась дефицитная серная кислота, применяемая для выработки суперфосфата.

Как следует из выявленных и проанализированных документальных источников, в рассматриваемый период на фосфоритных предприятиях страны не уделялось должного внимания вопросам организации труда и поиску оптимальных способов достижения основных технико-экономических показателей, в результате чего задание по снижению себестоимости и повышению производительности труда систематически не выполнялось. Например, производительность труда за 10 месяцев 1951 г. по Щигровскому фосфоритному заводу составила 58%, а по комбинату Кара-Тау – 78,3% к плану; себестоимость продукции за тот же период превысила план по Верхне-Камскому руднику на 11,3% и комбинату Кара-Тау – на 9%. Убытки по фосфоритным предприятиям «Главгорхимпрома» за 10 месяцев 1951 г. составили 3,5 млн рублей [18, л. 3-4].

В послевоенные годы восстановление фосфоритных рудников происходило крайне низкими темпами. В соответствии с решением Правительства Министерство химической промышленности обязывалось в 1950 г. дополнительно восстановить фосфоритные рудники: Полпинский (мощностью 100 тыс. тонн фосфоритной муки в год) и Актюбинский (мощностью 150 тыс. тонн фосфоритного концентрата). Полпинский рудник восстанавливался Министерством химической промышленности хозяйственным способом в течение трех лет, однако объем работ на нем был выполнен за этот срок только на 20%, а восстановление Актюбинского фосфоритного рудника по состоянию на январь 1952 г. даже не было начато.

На горно-химическом комбинате Кара-Тау, расположенном в Казахской ССР, систематически не выполнялся план горно-подготовительных и горно-капитальных работ. С 1947 по 1950 г. планом предусматривалось произвести горно-капитальных работ в объеме 558 тыс. кубометров, фактически в это время было отработано лишь 350 тыс. кубометров (63% от плана). Неполная реализация горно-подготовительных и горно-капитальных работ привела к полному истощению запасов руды, готовых к выемке, что также отрицательно повлияло на выполнение предприятием производственных планов и качество выпускаемой продукции. Проведенные в 1951 г. горно-подготовительные и горно-капитальные работы обеспечивали предприятие подго-

товленными запасами руды только на 7 месяцев при установленной норме в 24 месяца, готовыми к выемке в течение двух месяцев при норме 5 месяцев. В 1951 г. горно-химический комбинат Кара-Тау в связи с добычей более бедных руд значительно ухудшил качество выпускаемой продукции, снизив содержание полезного вещества (фосфорного ангидрида) в фосфоритной муке. «Главгорхимпром» и Институт горно-химического сырья, зная об этом, не приняли своевременных мер по организации обогащения бедных руд, в результате чего комбинат Кара-Тау продолжал выпускать нестандартную фосфоритную муку, что привело к снижению качества минеральных удобрений [18, л. 4–5].

Несмотря на то, что горно-химический комбинат Кара-Тау был оснащен достаточным количеством механизмов и оборудованием, это имущество использовалось крайне нерационально. В горном цехе из 10 экскаваторов, как правило, в работе находились только 5, и те использовались не более 50–60% рабочего времени, остальные экскаваторы вследствие поломок, неправильной эксплуатации и отсутствия самосвалов большой грузоподъемности часто простаивали. Из 6 станков канатно-ударного бурения в работе находились в основном 3–4 станка, коэффициент использования последних не превышал 70%. Аналогичное положение с использованием паровозов узкой колеи в горном цехе. За 10 месяцев 1951 г. паровозы простояли 3,5 тыс. паровозочасов. Из-за технических неполадок и низкой трудовой дисциплины энергопоезд и дизельная электростанция работали с большими перебоями, что приводило к частым простоям оборудования на комбинате. В дробильно-размольном цехе оборудование также использовалось неудовлетворительно. Только в октябре 1951 г. из-за поломок оборудования, несвоевременной подачи на размол руды и необеспеченности электроэнергией шаровые мельницы простояли 486 часов. Всего за 10 месяцев 1951 г. простои шаровых мельниц составили 4173 часа, и по этим причинам предприятие не выработало около 62 тыс. тонн фосфоритной муки, что составляло 26% годового плана комбината Кара-Тау [18, л. 5].

Таким образом, даже наличие необходимого оборудования при отсутствии его квалифицированного обслуживания не могло обеспечить выполнение предприятием производственных показателей. Низкий уровень профессиональной подготовки технического персонала продолжал оказывать негативное влияние на развитие отрасли.

Как отмечалось выше, Щигровский фосфоритный завод систематически не выполнял план по выпуску фосфоритной муки. К примеру, по итогам 11 месяцев 1951 г. годовое плановое задание было реализовано лишь на 40%. Вследствие неполадок в работе дизельной электростанции Щигровский фосфоритный завод систематически простаивал. На руднике этого завода по состоянию на январь 1952 г. не выполнена механизация, предусмотренная проектом. Работа по отбойке руды, погрузке на скрепер большей частью производилась вручную. Принятые в 1949–1951 гг. Министерством химической промышленности меры по улучшению работы Щигровского фосфоритного завода являлись малоэффективными. Предприятие по состоянию на январь 1952 г. не имело надежной энергетической базы. Строительно-монтажные работы на заводе производились неудовлетворительно. Многие объекты были сданы с большими недоделками и низким качеством выполненных работ. Так, градирня для дизельной электростанции, построенная с отступлением от проекта, подлежала переделке. По главному корпусу завода некачественно были выполнены железобетонные перекрытия, а все элементы металлического каркаса здания также были изготовлены с большими отступлениями от проекта. Кровля промышленных зданий была вы-

полнена некачественно и требовала капитального ремонта [18, л. 6]. Как видим, основная причина подобного положения на предприятии заключалась в том же отсутствии профессионализма как среди строителей, производивших ремонтно-строительные и монтажные работы, так и среди управленческого персонала.

Совет Министров СССР в постановлении от 19 апреля 1948 г. обязал Министерство внешней торговли закупить и поставить в 1949 г. для восстановления электростанций Щигровского фосфоритного завода и комбината Кара-Тау 6 дизелей с генераторами и пусковой аппаратурой мощностью по 690 лошадиных сил каждая. Несмотря на то, что Совет Министров СССР 18 июня 1949 г. вторично обязал Министерство внешней торговли произвести закупку и поставку указанного оборудования, это решение по состоянию на январь 1952 г. не было выполнено и на предприятиях не созданы необходимые энергетические мощности. Приведенный пример свидетельствует о низкой исполнительской дисциплине и на уровне высших эшелонов административно-командной системы.

На Верхне-Камском фосфоритном руднике также неудовлетворительно обстояло дело с наращиванием мощностей и выполнением производственного плана по фосфоритной муке. За 4 года (с 1948 по 1951 г. включительно) рудник ни разу не выполнил производственного плана [18, л. 6]. Подобная малоэффективная работа предприятий отрасли свидетельствует о проявлении в ней признаков системного кризиса.

Одним из условий повышения качества фосфоритной муки и более полного использования запасов фосфоритного сырья являлось развитие и внедрение обогащения фосфоритной руды. Внедрение совершенных методов обогащения способствовало увеличению содержания полезного вещества в фосфоритной муке с 16–20% до 28%, что повышало эффективность применения в сельском хозяйстве этого вида удобрения. Но в послевоенные годы Министерство химической промышленности и «Главгорхимпром» отличились не в лучшую сторону и по указанному направлению деятельности, игнорируя реализацию необходимых мер по внедрению передовых методов обогащения фосфоритов. Так, по состоянию на январь 1952 г. не был решен вопрос о строительстве опытной установки по обогащению фосфоритов на комбинате Кара-Тау, оставались невыполненными распоряжения Совета Министров СССР о строительстве опытной установки по обогащению на Егорьевском фосфоритном руднике, а также в течение двух лет простаивала обогатительная фабрика Щигровского фосфоритного завода [18, л. 6–7].

Анализ архивных документов свидетельствует о том, что в послевоенный период Управление руководящих кадров Министерства химической промышленности и «Главгорхимпром» самоустранились от эффективного решения проблемы укомплектования фосфоритных предприятий квалифицированными кадрами. Ряд ответственных участков на предприятиях был доверен малоквалифицированным и не соответствующим должностным требованиям работникам (дизельные электростанции, горные, дробильно-размольные цехи и другие объекты). Например, на комбинате Кара-Тау руководство дизельной электростанцией было поручено не обладавшему должной квалификацией технику Ушкалову, а начальниками цехов и отделов комбината работала «группа лиц, отбывших наказания, в том числе за политические преступления».

Проверкой работы горно-химического комбината Кара-Тау и Щигровского

фосфоритного завода было установлено, что руководители этих предприятий не изучали причин низкоэффективной работы цехов, не принимали действенных мер по устранению имеющихся недостатков, игнорировали возможности производственного соревнования, допуская в его организации сплошной формализм. Рабочие этих предприятий не получали индивидуальные задания, а смены и участки не соревновались между собой. Производственный опыт передовых рабочих не обобщался в коллективе и не распространялся среди коллег [18, л. 7].

По результатам проверок сотрудники отдела тяжелой промышленности ЦК ВКП(б) для повышения эффективности работы заводов, производящих фосфоритные удобрения, вполне обоснованно обратились к Г. М. Маленкову с предложениями обязать министра химической промышленности СССР С. М. Тихомирова устранить выявленные недостатки.

В числе предлагаемых мер отмечалась необходимость добиться выполнения производственного плана фосфоритными предприятиями и полного использования имеющегося на них оборудования и механизмов. От министра требовалось ликвидировать отставание горно-подготовительных и горно-капитальных работ, а также непроизводительные простои мощных экскаваторов, выделить три автосамосвала и начать строительство обогатительной фабрики на горно-химическом комбинате Кара-Тау, форсировать строительство Полпинского фосфоритного рудника. В кратчайшие сроки предлагалось направить для укрепления основных цехов на фосфоритные предприятия 10 квалифицированных инженерно-технических работников. Одновременно нужно было решить вопрос с обеспечением дизельной электростанции Щигровского фосфоритного завода новыми дизелями взамен изношенных и принять необходимые меры к ремонту имеющихся дизелей. В кратчайшие сроки Министерству предлагалось рассмотреть вопрос о возможности дополнительного выделения средств в 1952 г. на строительство фосфоритных предприятий и внести необходимые предложения в Совет Министров СССР [18, л. 7–8].

Выводы

Таким образом, как показал анализ документальных источников, предприятия по производству фосфоритных удобрений в послевоенные годы восстанавливались медленно и работали, не соответствуя возлагаемым на них обязательствам. Фосфоритные предприятия в течение ряда лет систематически не выполняли производственную программу. На низком уровне оставалась научная организация труда и отсутствовал действенный механизм реализации технико-экономических показателей. Эти и многие другие недостатки отрицательным образом сказывались на деятельности отечественных предприятий, специализировавшихся на производстве фосфоритных удобрений. Но несмотря на перечисленные проблемы, химическая промышленность, пусть и не в полном объеме, обеспечивала сельское хозяйство страны таким необходимым в то время минеральным удобрением, как фосфоритная мука.

Список литературы

1. Алексеев В. В., Сапоговская Л. В. Исторический опыт промышленной политики в России (краткий научно-практический очерк). Екатеринбург: Академкнига, 2000. 100 с.

2. Пянкевич В. Л. Восстановление экономики СССР (1941 – середина 1950-х гг.). Историография. СПб.: Нестор, 2001. 430 с.

3. Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001. 304 с.

4. Васильев М. Г., Лившиц Ю. Т. Основные направления развития химической промышленности. М.: Об-во Знание, 1981. 40 с.

5. Калмыков Н. Н., Вайсбейн С. А. Экономика, организация и планирование в химической промышленности. М.: Химия, 1973. 328 с.

6. Костандов Л. А. Химическая промышленность – народному хозяйству. М.: Химия, 1981. 120 с.

7. Лукьянов П. М. Краткая история химической промышленности СССР. М.: Наука, 1959. 464 с.

8. Андриенко В. А., Васильев Н. Г., Дедов А. Г. Повышение эффективности производства в химической промышленности. М.: Изд-во Химия, 1980. 91 с.

9. Нагимуллин Р. Х. История возникновения крупных химических предприятий на Востоке России (На примере Уфимского химического завода): дис. … канд. техн. наук. Уфа, 2005. 115 с.

10. Фролов А. В. Фосфоритная мука. Пути повышения качества. М.: НИИТЭХим, 1986. 32 с.

11. Коровин В. В., Головин Е. А., Манжосов А. Н. Индустриальный прорыв: промышленность Курской области в 1950–1965 годах / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2015. 328 с.

12. Предприятия химической индустрии Курского края в XX веке: опыт становления и организации производственной деятельности / В. В. Коровин, Е. А. Головин, С. С. Коптев, А. Н. Манжосов / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2014. 219 с.

13. Коровин В. В., Головин Е. А. Архивные документы о развитии отечественной промышленности в 1950–1960-е гг. (по материалам Курской области) // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 87–99.

14. Коровин В. В., Воронцов Р. С., Головин Е. А. Пищевая индустрия Курской области в послевоенные годы: проблемы восстановления и модернизации / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2021. 304 с.

15. Коптев С. С. Возникновение химической промышленности в Курской области // Казанская наука. 2010. № 10. С. 92–94.

16. Коптев С. С. Развитие химического производства на базе Щигровского фосфоритного месторождения // Научные труды молодежной секции Курского отделения РОИА: сборник статей. Вып. 5. Курск: РОИА, 2013. С. 24–27.

17. Антонова М. З. Химическая промышленность Курской области. (В помощь лектору). Курск: Курская правда, 1968. 42 с.

18. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 134. Д. 203.

19. Коптев С. С. Становление и развитие предприятий химической промышленности Курской области в 1930-е – начале 1990-х гг.: дис. … канд. ист. наук. Курск, 2013. 260 с.

20. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-1062. Оп. 1. Д. 160.

21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 134. Д. 90.

22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 134. Д. 145.

References

1. Alekseev V. V., Sapogovskaya L. V. Istoricheskij opyt promyshlennoj politiki v Rossii (kratkij nauchno-prakticheskij ocherk) [Historical experience of Industrial policy in Russia (short scientific and practical essay)]. Ekaterinburg, Akademkniga Publ., 2000. 100 p.

2. Pyankevich V. L. Vosstanovlenie ekonomiki SSSR (1941 – seredina 1950-h gg.). Istoriografiya [Economic recovery of the USSR (1941 – mid-1950s). Historiography]. St. Petersburg, Nestor Publ., 2001. 430 p.

3. Danilov A. A., Pyzhikov A. V. Rozhdenie sverhderzhavy: SSSR v pervye poslevoennye gody [The birth of a superpower: the USSR in the first post-war years]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 304 p.

4. Vasil'ev M. G., Livshic Yu. T. Osnovnye napravleniya razvitiya himicheskoj promyshlennosti [The main directions of development of the chemical industry]. Moscow, Ob-vo Znanie, 1981. 40 p.

5. Kalmykov N. N., Vajsbejn S. A. Ekonomika, organizaciya i planirovanie v himicheskoj promyshlennosti [Economics, organization and planning in the chemical industry]. Moscow, Khimiya Publ., 1973. 328 p.

6. Kostandov L. A. Himicheskaya promyshlennost' – narodnomu hozyajstvu [Chemical industry – to the national economy]. Moscow, Khimiya Publ., 1981. 120 p.

7. Luk'yanov P. M. Kratkaya istoriya himicheskoj promyshlennosti SSSR [A brief history of the chemical industry of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1959. 464 p.

8. Andrienko V. A., Vasil'ev N. G., Dedov A. G. Povyshenie effektivnosti proizvodstva v himicheskoj promyshlennosti [Improving production efficiency in the chemical industry]. Moscow, Khimiya Publ., 1980. 91 p.

9. Nagimullin R. H. Istoriya vozniknoveniya krupnyh himicheskih predpriyatij na Vostoke Rossii (Na primere Ufimskogo himicheskogo zavoda). Diss. kand. tekhn. nauk [The history of the emergence of large chemical enterprises in the East of Russia (On the example of the Ufa Chemical Plant). Cand. eng. sci. diss.]. Ufa, 2005. 115 p.

10. Frolov A.V. Fosforitnaya muka. Puti povysheniya kachestva [Phosphorous flour. Ways to improve quality]. Moscow, NIITEHim Publ., 1986. 32 p.

11. Korovin V. V., Golovin E. A., Manzhosov A. N. Industrial'nyj proryv: promyshlennost' Kurskoj oblasti v 1950–1965 godah [Industrial breakthrough: the industry of the Kursk region in 1950–1965]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2015. 328 p.

12. Korovin V. V., Golovin E. A., Koptev S. S., Manzhosov A. N. Predpriyatiya himicheskoj industrii Kurskogo kraya v XX veke: opyt stanovleniya i organizacii proizvodstvennoj deyatel'nosti [Chemical industry enterprises of the Kursk region in the twentieth century: the experience of formation and organization of production activities]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2014. 219 p.

13. Korovin V. V., Golovin E. A. Arhivnye dokumenty o razvitii otechestvennoj promyshlennosti v 1950–1960-e gg. (po materialam Kurskoj oblasti) [Archival documents on the development of domestic industry in the 1950s and 1960s (based on materials from the Kursk region)]. *Vestnik arhivista = Archivist 's Bulletin*, 2016, no. 4, pp. 87–99.

14. Korovin V. V., Voroncov R. S., Golovin E. A. Pishchevaya industriya Kurskoj oblasti v poslevoennye gody: problemy vosstanovleniya i modernizacii [The food industry of the Kursk region in the post-war years: problems of restoration and modernization]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2021. 304 p.

15. Koptev S. S. Vozniknovenie himicheskoj promyshlennosti v Kurskoj oblasti [The emergence of the chemical industry in the Kursk region]. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*, 2010, no. 10, pp. 92–94.

16. Koptev S. S. [Development of chemical production on the basis of Shchigrovsky phosphorite deposit]. *Nauchnye trudy molodezhnoj sekcii Kurskogo otdeleniya ROIA. Sbornik statej* [Scientific works of the youth section of the Kursk branch of the ROIA. Collection of articles]. Issue 5. Kursk, ROIA Publ., 2021, pp. 24–27.

17. Antonova M. Z. Himicheskaya promyshlennost' Kurskoj oblasti. (V pomoshch' lektoru) [Chemical industry of the Kursk region. (To help the lecturer)]. Kursk, Kurskaya pravda Publ., 1968. 42 p.

18. RGASPI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii) [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 17, op. 134, d. 203.

19. Koptev S. S. Stanovlenie i razvitie predpriyatij himicheskoj promyshlennosti Kurskoj oblasti v 1930-e – nachale 1990-h gg. Diss. kand. ist. nauk [Formation and development of chemical industry enterprises of the Kursk region in the 1930s – early 1990s. Cand. hist. sci. diss.]. Kursk, 2013. 260 p.

20. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-1062, op. 1, d. 160.

21. RGASPI, f. 17, op. 134, d. 90.

22. RGASPI, f. 17, op. 134, d. 145.

Информация об авторе / Information about the Author

Головин Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: golovin007@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0199-7423

Evgeny A. Golovin, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: golovin007@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0199-7423

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-244-257

(cc) BY 4.0

Профессионально-творческое направление деятельности региональных отделений Всероссийского театрального общества в эпоху позднего социализма (1964–1985 годы)

С. А. Заельская[1] ✉

[1]Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская 14, г. Оренбург 460014, Российская Федерация

✉ e-mail: sv_a_z@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Обращение к историческому опыту деятельности общественных организаций в сфере профессионального искусства является значимым и актуальным в свете становления институтов гражданского общества на современном этапе общественного развития. Немаловажным обстоятельством является преодоление духовного – эстетического кризиса в современном обществе посредством извлечения позитивных уроков из разнообразных аспектов деятельности творческих общественных организаций по развитию театральной культуры.*

Целью *исследования является изучение профессионально-творческого направления деятельности уральских отделений Всероссийского театрального общества в условиях социально-политической реальности позднего советского периода.*

Задачи: *определить политико-идеологические условия и их воздействие на функционирование Всероссийского театрального общества, его региональных отделений; проанализировать основные аспекты профессионально-творческой активности творческих союзов, их влияние на развитие театральной культуры Урала.*

Методология. *Исследование выполнено на основе системно-исторического подхода. В основе лежат принципы историзма, объективности, системности, следование которым способствовало достижению поставленной цели. При изучении профессионально-творческого направления деятельности применялись историко-системный, ретроспективный, сравнительно-исторический методы в сочетании с универсальными логическими методами анализа, синтеза, моделирования.*

Результаты*. Региональные отделения Всероссийского театрального общества являлись структурными элементами театральной культуры. Деятельность творческих организаций находилась под контролем партийно-государственных органов, которые регламентировали и направляли их работу в нужное идеологическое русло. В изучаемый период этот контроль приобретал все более формальный характер. Разноплановые аспекты профессионально-творческого направления в деятельности региональных отделений Всероссийского театрального общества способствовали развитию советского театрального искусства, повышению профессионализма работников сцены, расширению театрального пространства за счет вовлечения сельского жителя в орбиту своей активности и приобщения молодежи посредством осуществления мер по эстетическому воспитанию населения.*

Вывод. *В условиях несколько ослабленного партийно-государственного контроля региональные отделения Всероссийского театрального общества на Урале осуществляли действенную работу в профессионально-творческой сфере, способствуя развитию театральной культуры в регионе.*

Ключевые слова: *общественные творческие организации; Всероссийское театральное общество; эпоха позднего социализма; работники сцены; театральное искусство;*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Заельская С. А. Профессионально-творческое направление деятельности региональных отделений Всероссийского театрального общества в эпоху позднего социализма (1964–1985 гг.) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 244–257. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-244-257.

Поступила в редакцию 20.06.2022 Принята к публикации 25.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Заельская С. А., 2022

Professional and Creative Direction of Activity of the Regional Branches of the All-Russian Theater Society in the era of Late Socialism (1964–1985)

Svetlana A. Zaelskaya[1] ✉

[1] Orenburg State Pedagogical University
14 Soviet Str., Orenburg 460014, Russian Federation

✉ e-mail: sv_a_z@mail.ru

Abstract

Relevance. *Appeal to the historical experience of the activities of public organizations in the field of professional art is significant and relevant in the light of the formation of civil society institutions at the present stage of social development. An important circumstance is overcoming the spiritual and aesthetic crisis in modern society by drawing positive lessons from various aspects of the activities of creative public organizations for the development of theatrical culture.*

The purpose *of the study is to study the professional and creative activities of the Ural branches of the All-Russian Theater Society in the context of the socio-political reality of the late Soviet period.*

Objectives: *to determine the political and ideological conditions and their impact on the functioning of the All-Russian Theater Society, its regional branches; to analyze the main aspects of professional and creative activity of creative unions, their influence on the development of theatrical culture of the Urals.*

Methodology. *The study was carried out on the basis of a system-historical approach. It is based on the principles of historicism, objectivity, consistency, following which contributed to the achievement of the goal. When studying the professional and creative direction of activity, historical-systemic, retrospective, comparative-historical methods were used in combination with universal methods of analysis, synthesis, and modeling.*

Results. *Regional branches of the All-Russian Theater Society were structural elements of theatrical culture. The activities of creative organizations were under the control of party and state bodies, which regulated and directed their work in the right ideological direction. During the period under study, this control acquired an increasingly formal character. Diverse aspects of the professional and creative direction in the activities of the regional branches of the All-Russian Theater Society contributed to the development of Soviet theatrical art, increasing the professionalism of stage workers, expanding the theater space by involving the villager in the orbit of their activity and involving young people through the implementation of measures for the aesthetic education of the population.*

Conclusion. *In the conditions of a somewhat weakened party and state control, the regional branches of the All-Russian Theater Society in the Urals carried out effective work in the professional and creative sphere, contributing to the development of theatrical culture in the region.*

Keywords: *public creative organizations; All-Russian Theater Society; era of late socialism; stage workers; theatrical art.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Zaelskaya S. A. Professional and Creative Direction of Activity of the Regional Branches of the All-Russian Theater Society in the era of Late Socialism (1964–1985). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 244–257. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-244-257.

Received 20.06.2022 Accepted 25.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

Всероссийское театральное общество (далее – ВТО) представляло собой общественную творческую организацию, объединяющую представителей театральных профессий, основной целью деятельности которой являлось развитие театрального искусства, оказание профессионально-

творческой и социальной помощи и поддержки деятелям российской сцены. Общество имело региональные отделения, подчинявшиеся его решениям и способствующие осуществлению их в масштабах театрального пространства своей области или автономной республики.

Интерес к вопросу развития общественных организаций в сфере театрального искусства в условиях советской реальности нашел свое выражение в ряде исследований, посвященных разнообразным аспектам деятельности Всероссийского театрального общества. Агитационно-пропагандистское и просветительское направление деятельности Челябинского отделения Всероссийского театрального общества изучено в трудах Т. В. Арефьевой [1; 2; 3]. Ряд работ посвящены исследованию деятельности творческой интеллигенции российской провинции в контексте функционирования изучаемых организаций [4; 5]. Содержательная сторона работы секции критики при Кемеровском отделении указанной организации проанализирована в монографии А. И. Бураченко [6]. Деятельность региональных отделений творческих союзов по обучению и повышению профессионального мастерства представителей творческой интеллигенции Хабаровского края проанализирована в работе В. С. Белоусовой [7; 8]. Истоки объединения гуманитарной интеллигенции Башкирской автономной республики в общественные организации по творческим профессиям выявлены Ю. С. Воронцовой [9]. Автор констатирует огосударствление общественных организаций гуманитарной интеллигенции, установление строгого контроля над ними со стороны партийно-государственных органов.

Экономические аспекты деятельности общественных организаций в сфере культуры с позиции социальной самоорганизации исследованы В. Ю. Музычук. Автор приходит к выводу, что в советский период своей активности изучаемые организации носили «квазиобщественный характер, так как создавались под чутким руководством партии и правительства, а не в рамках низовой общественной инициативы» [10]. Вопросы приобщения членов общества к театральной культуре посредством библиотеки Союза театральных деятелей раскрыты в статье Л. Ю. Сидоренко [11].

Ряд работ посвящен изучению процесса деятельности творческих общественных организаций в различных сферах культуры и искусства [12; 13; 14; 15; 16]. Данные исследования представляют интерес с точки зрения изучения среды функционирования общественных творческих организаций, специфики их работы в сложившихся политико-идеологических условиях.

Исследователями были изучены различные аспекты активности советских общественных творческих организаций, даны оценка и анализ их работы в различных территориальных и хронологических масштабах. Вместе с тем историческая реконструкция деятельности уральских отделений Всероссийского театрального общества в хронологических рамках позднего советского периода нуждается в комплексном изучении с целью извлечения уроков из опыта их практической деятельности для преодоления кризисных тенденций в духовной сфере современного общества, развития полноценного пространства функционирования профессионального искусства.

Предметом исследования является функционирование уральских отделений Всероссийского театрального общества в системе театрального искусства в период позднего социализма. *Цель исследования:* изучить профессионально-творческое направление деятельности уральских отделений ВТО в условиях социально-политической реальности позднего советского периода.

Методология

Исследование выполнено на основе системно-исторического подхода. В основе лежат принципы историзма, объек-

тивности, системности, предполагающие использование соответствующих методов исторического познания. Раскрытие внутренних и внешних механизмов функционирования Всероссийского театрального общества происходило посредством применения историко-системного метода. Ретроспективный метод позволил последовательно реконструировать прошлое, выявив причины трансформационных процессов в советском театральном искусстве. Сравнение различных направлений профессионально-творческого аспекта деятельности ВТО стало возможным при использовании сравнительно-исторического метода. Логический метод анализа позволил выявить строение изучаемого объекта, обнаружить противоречивые тенденции в деятельности общества. Применение логического метода синтеза способствовало реконструкции объекта от существенного к многообразию его проявлений в исторической ретроспективе. Метод моделирования позволил установить взаимосвязи между региональными отделениями театрального общества и политико-идеологической средой. Применение всех вышеназванных методов научного исследования в совокупности позволило достичь поставленной цели.

Источниковой базой исследования являлись опубликованные документы и неопубликованные делопроизводственные материалы, извлеченные из региональных архивохранилищ Урала.

Результаты и их обсуждение

Изучаемые общественно-творческие организации выступают важнейшими элементами в структуре Всероссийского театрального общества, которое, в свою очередь, является подсистемой сложной театральной культуры, функционирующей в особой идеологизированной заорганизованной среде позднесоветского периода.

Доминирующими функциями ВТО являлись профессионально-творческая, социальной поддержки работников сцены, идеологического обеспечения политики партии и государства. Функция идеологического обеспечения, выполняемая указанным обществом, ставит под сомнение истинно общественный характер данной организации и одновременно демонстрирует специфику социального развития в период позднего социализма, когда создавалась видимость независимой общественной инициативы, налицо было желание власти контролировать любое ее проявление. Осуществлению этих и ряда иных функций была подчинена деятельность изучаемой общественной организации и ее региональных отделений.

Основополагающей целью практической работы Всероссийского театрального общества являлось всестороннее содействие развитию советского театрального искусства.

Осуществление работы региональных творческих организаций проходило в условиях идеологизированной политики Советского государства, что наложило отпечаток на средства и методы работы общества и специфику его активности. Исследуемая историческая реальность характеризовалась контролем партийных органов за активностью творческих союзов, регламентацией их деятельности. Партийные постановления призывали творческие союзы «проявлять повсеместное внимание к творческим проблемам развития литературы и искусства, повышать идейно-теоретический уровень и профессиональное мастерство членов союзов, воспитывать высокую ответственность у деятелей искусства за свой труд перед обществом, активно укреплять содружество творческих работников с производственными коллективами» [17, с. 359]. В республиках и областях Урала обкомы КПСС контролировали деятельность общественных организаций, принимали соответствующие постановления. Так, 26 апреля 1977 г. бюро Удмуртского обкома КПСС принимает постановление «О мерах дальнейшего улучшения дея-

тельности творческих союзов и учреждений искусства республики». Выполняя постановление обкома, отдел пропаганды и агитации, Ижевский, Сарапульский горкомы, Индустриальный, Октябрьский, Первомайский райкомы партии разработали серию мероприятий по улучшению партийного руководства творческими союзами и учреждениями искусства, совершенствованию из деятельности. Задачи, вытекающие из вышеназванного партийного постановления, были обсуждены на партийных собраниях творческих союзов, театральных коллективов, министерства культуры автономной республики. Два раза в год на заседании отдела пропаганды и агитации Удмуртского обкома КПСС заслушивались отчеты художественного руководства театров и творческих союзов о текущей работе и планах на будущее [18, л. 63].

Отделы культуры обкомов уральских регионов получали соответствующие инструкции по руководству творческими союзами, в которых содержались требования «улучшить качество спектаклей и концертных программ, обеспечить повышение идейно-художественного уровня репертуара, включить в него произведения местных авторов». Далее следовало указание о том, что «центральное место в репертуаре должны занимать спектакли, музыкальные произведения, ярко раскрывающие руководящую и направляющую роль КПСС, наши достижения за годы советской власти, нерушимое единство партии и народа, братскую дружбу народов СССР, интернационализм и социалистический образ жизни» [19, л. 49–50]. Свердловскому отделению ВТО партийным постановлением обкома КПСС от 24 декабря 1974 г. предписывалось усилить творческие связи с театральными коллективами, организуя общественные обсуждения и консультации специалистов [20, л. 13]. В советскую эпоху партийные органы стремились установить детальный контроль за деятельностью творческих союзов. В изучаемый поздний советский период они продолжили линию на усиление принципиальности и глубины анализа сути работы творческих коллективов, идейно-художественного уровня создаваемых произведений, спектаклей, концертных программ. Вместе с тем контроль партийных органов в изучаемый период все больше приобретал формальный характер, ослаблялась, но не исключалась полностью глубина и сила административного координирования.

Анализ партийных делопроизводственных материалов позволяет сделать вывод о стремлении партии не только подчинить своему волеизъявлению работу творческих союзов, но и направить ее в нужное идеологическое русло. Указанное обстоятельство усиливало значимость творческих организаций в среде советского искусства. За общественными творческими организациями строго следили партийные органы, но и они сами имели существенное влияние на культурный процесс, осуществляя общественный контроль за работой учреждений культуры, задавая учреждениям культуры определенную идейно-идеологическую планку в творческой работе, но прежде всего стремились реализовать свою профессиональную функцию в условиях партийного контроля, приобретавшего все более формальный характер в эпоху позднего социализма.

В профессионально-творческой деятельности региональных отделений ВТО, как свидетельствуют архивные делопроизводственные документы, отчетливо прослеживались следующие основные направления: повышение идейно-теоретического уровня работников театров; участие отделения в формировании репертуара, оказание помощи театрам по выпуску новых спектаклей; повышение профессионального мастерства; идейно-творческое воспитание молодежи; эстетическое воспитание подрастающего поколения; обслуживание сельского жителя; помощь театральной самодеятельности; теат-

ральная критика и различного рода организационные вопросы [21, л. 134–146].

Творческим союзам предписывалось проводить значимые мероприятия, приуроченные к партийным съездам и юбилейным памятным датам в истории Советского государства и общества с целью повышения идейно-теоретического уровня работников театров. В период после XXIII Съезда КПСС в Удмуртской автономной республике состоялось три республиканских конференции ВТО, предметом обсуждения на которых стали планы по подготовке театров к 50-летию советской власти, 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, итоги проделанной работы [22, л. 2]. В дни работы XXVI Съезда КПСС по инициативе кабинета национальных театров автономных республик СССР в столице Удмуртии прошла зональная конференция «Наш современник на сцене автономных республик». В рамках работы мероприятия театральные деятели Татарии, Башкирии, Чувашии, Марийской АССР, московские критики подытожили сделанное за десятую пятилетку, обсудили задачи на будущее. Участники зональной конференции наметили мероприятия, призванные стимулировать рост и развитие театров [21, л. 130].

Идейно-теоретический уровень работников театров был важным показателем их лояльности к советской власти и стержневой идеологической опорой в их практической деятельности. В изучаемую эпоху этот аспект работы творческих организаций приобрел показательно-формальный, ритуальный характер. Окружающая советская реальность с ее господствующей идеологией, являвшейся базой советского общества, диктовала общественным организациям правила, без соблюдения которых их существование было немыслимо. Выполняя нормативные указания, четко следуя утверждённому регламенту, творческие союзы имели возможность существовать и осуществлять работу, направленную на совершенствование профессионального мастерства работников сцены.

Творческие союзы как авторитетные организации в сфере театрального искусства принимали непосредственное участие в процессе формирования репертуара, оказывали помощь театрам по выпуску новых спектаклей. В соответствии с Положением о порядке формирования и контроля за качеством спектаклей, драматических и музыкальных театров, концертных программ и цирковых представлений, утвержденным Министерством культуры СССР 25 декабря 1966 г., в состав репертуарной комиссии входили в том числе и региональные отделения Всероссийского театрального общества. В компетенцию репертуарной комиссии совместно с коллегией управления культуры включалось предварительное знакомство с предлагаемым репертуаром, участие в его формировании, обсуждение и утверждение, просмотр новых спектаклей [23, л. 49].

Основные усилия творческих союзов были сосредоточены на оказании практической помощи театрам Урала по формированию репертуара. Репертуарная политика театров, находившаяся под партийным контролем, регламентированная свыше, ориентировалась на заданные идеологические установки. На сценах театров Урала воплощались в жизнь произведения, отражающие процессы социалистической реальности, современности, раскрывающие нравственные вопросы, производственные и общественные взаимоотношения людей, проблемы жизни тружеников села, героику и романтику жизни людей социалистической формации. Существенное место в репертуаре занимали произведения, посвященные жизни и деятельности В. И. Ленина, темам Гражданской и Великой Отечественной войн, такие как «Бахтигарей» А. Мирзагитова, «Лунные вечера Айслу» И. Абдуллина, «Мы вернемся» А. Карная в Башкирском академическом театре драмы им. М. Гафури, «Шестое июля»

И. Шатрова, «Прости меня» В. Астафьева в Республиканском Русском драматическом театре, «Максимка» В. Терентьева в Башкирском государственном театре оперы и балета [24, с. 116].

Обязательным условием реализации успешной репертуарной политики были сценические постановки в период подготовки к партийным съездам. Так, в Башкирской АССР в период подготовки к XXVI съезду КПСС были поставлены спектакли «Отчий дом» А. Коломийца, «Твой современник» Е. Габриловича и А. Райзмана, «Колос ржи» Ф. Исангулова, «Тринадцатый председатель» А. Абдуллина, «Комедия об Искремасе» А. Митты, С. Дунского и В. Фрида, что являлось свидетельством идейной и творческой зрелости театральных коллективов республики [24, с. 116].

Осуществление контроля и одновременно оказание помощи театрам над процессом формирования репертуара, соответствующего как идеологическим установкам, так и эстетически высоким представлениям, являлось важным компонентом в профессионально-творческой деятельности общества.

Региональные отделения способствовали повышению профессионального мастерства работников сцены. По инициативе отделений главные специалисты театров и театральные критики занимались в творческих лабораториях ведущих мастеров сценического искусства страны. В целях повышения мастерства артистов Удмуртским отделением ВТО в 1976–1978 гг. были проведены занятия по актерскому мастерству (в количестве 111 часов), сценической речи (89 часов), сценическому движению (156 часов), вокалу (305 часов). Занятия вели специалисты ВТО из Москвы, Ленинграда и Свердловска, а также опытные режиссеры и актеры местных театров. Существенную роль в повышении квалификации членов творческих союзов играли регулярно проводимые творческие отчеты, в том числе и в трудовых коллективах, обсуждения новых произведений на заседаниях правлений и советов по работе с молодежью [25, л. 63–64].

Для пополнения специалистами творческого состава театров в Удмуртской автономной республике в городах Перми, Уфе, Свердловске были созданы национальные студии, где в 1977 г. обучалось 34 человека. Ежегодно в вузы и средние учебные заведения культуры направлялись более 200 работников сцены республики [18, л. 64].

Изучаемые творческие общества организовывали театральные лекции и университеты, курсы, семинары и стажировки, способствующие повышению квалификации руководителей театров, творческих работников. Так, в Башкирской АССР только за годы десятой пятилетки было направлено в Центральный и Всесоюзный институты повышения квалификации более 100 творческих работников [24, с. 116].

Челябинское отделение Всероссийского театрального общества занималось вопросами профессиональной учебы актеров, режиссеров, художников, бутафоров. К выполнению данной миссии были привлечены как местные профессионалы (Н. Ю. Орлов, П. И. Кулешов, В. И. Панферов), так и специалисты со стороны (Т. П. Кулиш, Р. В. Маркова) [26, л. 67].

Параллельно с процессом повышения профессионального уровня творческих работников региональные отделения проявляли заботу об идейно-творческом воспитании молодежи. Известно, что ни одна творческая организация не может полноценно существовать без постоянного пополнения ее рядов одаренной творческой молодежью. Систематически один раз в два года в Челябинской области проводился семинар творческой молодежи, в том числе и театральной. Очередной семинар состоялся в январе 1984 г., в рамках которого молодые артисты отчитались о своей работе, поделились творческими планами, высказали свои пожелания и замечания. В работе семинара

принимали участие работники обкома КПСС, специалисты из Москвы и Челябинска, искусствоведы, критики ВТО [26, л. 68].

Региональные отделения творческих организаций имели существенный вес и влияние на развитие театральной культуры в идеологически заданном партией и государством русле. Так, региональные отделения, совместно с художественными советами при министерствах культуры региональных образований, при непосредственном участии работников отделов пропаганды и агитации обкомов КПСС, проводили обсуждение репертуарных планов, спектаклей театров, творческих семинаров и совещаний по проблемам театрального искусства, организовывали творческие командировки актеров и других работников сцены в столичные театры и творческие лаборатории ведущих режиссеров страны, проводили фестивали, смотры театров, конкурсы молодых актеров.

Повысилась роль театральных коллективов в эстетическом воспитании трудящихся. Ведущее место в репертуаре театров занимали спектакли советских авторов. Значительную работу по воспитанию юношества и детей проводил в Свердловской области Театр юного зрителя им. Ленинского комсомола и Театр кукол. Все спектакли области, реализуя это направление деятельности общества, осуществили постановку специальных спектаклей для детей, вели существенную работу по шефству над воинами Советской армии [27, л. 75].

Работники театров, члены регионального Оренбургского отделения ВТО проводили встречи с учащимися школ, содействуя эстетическому воспитанию обучающихся [28, л. 53]. Творческие работники Оренбургского драматического театра имени М. Горького регулярно проводили мероприятия по эстетическому воспитанию рабочих коллективов, вели активную военно-шефскую работу. Особенно часты были встречи со зрителями заслуженного артиста РСФСР А. С. Солодилина, регулярно выступавшего перед публикой с авторскими программами и беседами о театре [29, л. 20–21].

Театральные коллективы Башкирской Автономной республики только за вторую половину 1970-х гг. организовали и провели свыше 10 тыс. мероприятий в частях Советской армии, на промышленных предприятиях, в учебных заведениях, нацеленных на повышение эстетического уровня населения. В городах, районных центрах и селах республики проводились театральные фестивали, декады, смотры, конкурсы («Театральная весна», «Театры республики – рабочему классу»), недели театра для детей [24, с. 116].

Художественная интеллигенция, входящая в состав региональных обществ, вела большую работу, средствами театрального искусства способствуя формированию человека нового коммунистического общества. Деятели театра создали ряд ярких произведений, посвященных советской современности, героическому труду советского человека, сценически воплотили образ строителя коммунизма.

В исследуемый период обслуживанию сельского жителя было уделено существенное внимание и партийным руководством в его постановлениях, и учреждениями культуры и искусства. Творческие союзы активно включались в плодотворную работу по обслуживанию сельского жителя, повышению его культурного уровня, обогащению содержательной, эстетической составляющей досуга сельских трудящихся.

Творческие союзы Урала осуществляли значительную работу в этом направлении. Возросли количественные показатели работы театров на селе за счет увеличения числа спектаклей и концертов для сельских тружеников. Качественные аспекты деятельности общества заметны при оказании методической и режиссерской помощи коллективам худо-

жественной самодеятельности, народным театрам, университетам культуры, художественным студиям. Члены региональных отделений ВТО выезжали на село, проводили семинары, консультации, встречи с участниками художественной самодеятельности, читали лекции, вели занятия в университетах культуры.

Уральские отделения театрального общества оказывали существенную помощь народным театрам, художественной самодеятельности. Режиссеры и артисты профессиональных театров систематически работали в коллективах народных театров, участвовали в приеме спектаклей, помогали в их подготовке, проводили разбор пьес, занятия по сценической речи, мастерству актера, гриму, сценическому действию. Так, Оренбургским отделением Всероссийского театрального общества на базе областного драматического театра были созданы и функционировали лаборатории режиссеров и художников народных театров [27, л. 23], что являлось большим творческим подспорьем для развития театральной художественной самодеятельности.

В Свердловской области прочные творческие связи были установлены Театром юного зрителя, Свердловским драматическим театром с Талицким народным театром, с Красноуфимским народным театром и Театром кукол с Шалинским любительским театром [30, л. 7]. В начале 1980-х гг. в Челябинской области действовало двадцать филиалов театров на селе. Все театральные коллективы области были закреплены за своим филиалом и оказывали шефскую помощь ряду сельских районов [26, л. 67].

Оренбургское отделение ВТО в феврале – марте 1964 г. провело семинар с руководителями сельской художественной самодеятельности. В Сорочинске артисты Бронский, Соколова провели семинар руководителей народных театров [31, л. 25]. Некоторые творческие работники Оренбургского государственного драматического театра руководили художественной самодеятельностью. Артист В. Н. Антонов управлял драматическим коллективом Дома работников просвещения, В. Г. Шатилов занимался с самодеятельными артистами сельскохозяйственного института. Большое внимание уделял театр молодежному зрителю, включая в репертуар спектакли на молодежные темы. Большим успехом у зрителя пользовались сказки, поставленные специально для детской аудитории [29, л. 21]. Оказание шефской помощи сельской художественной самодеятельности имело особое значение для развития и расширения театрального пространства Урала. Сельские жители, проживающие территориально удаленно от культурных центров, благодаря шефской помощи получили возможность приобщиться к высоким эстетическим ценностям не только посредством просмотра гастрольных постановок, но и при помощи личного участия в сельской самодеятельности под чутким руководством профессиональных артистов.

Выводы

Таким образом, творческие союзы находились под пристальным контролем партийных органов, их деятельность регламентировалась соответствующими постановлениями. В отношении региональных отделений Всероссийского театрального общества планировались и проводились различного рода организационные мероприятия, призванные направить работу отделений союза в идеологически выверенное русло. В изучаемый хронологический период происходит ослабление партийного контроля над творческими организациями, планируемые мероприятия идеологического плана носили по большей части формальный характер.

Профессионально-творческое направление в работе региональных отделений являлось центральной составляющей в функционировании общества, подразумевало несколько компонентов, проистекающих из вектора социально-полити-

ческих реалий изучаемого периода. Участие отделения в формировании репертуара и оказание помощи театрам по выпуску новых спектаклей вело к повышению качества создаваемых театральными коллективами сценических произведений, способствовало грамотному осуществлению репертуарной политики. Региональные отделения общества организовывали курсы повышения квалификации, отправляли работников сцены на обучение в соответствующие учебные заведения страны с целью повышения их профессионального мастерства. Театральное общество принимало участие в создании условий для повышения художественного уровня произведений, организуя общественные обсуждения и консультации специалистов. Региональными отделениями систематически проводилась работа по эстетическому воспитанию молодежи, приобщению их представителей к высоким эстетическим ценностям. Шефская помощь сельской художественной самодеятельности и участие представителей общества в обслуживании села способствовали вовлечению сельских тружеников в культурный процесс, развитию самодеятельного искусства на более качественном эстетическом уровне.

Список литературы

1. Арефьева Т. В. Агитационно-пропагандистское направление деятельности Челябинского отделения Всероссийского театрального общества в 46–70 годах XX века // Альманах современной науки и образования. 2009. № 12, ч. 2. С. 8–10.

2. Арефьева Т. В. Организация культурно-шефской работы Челябинским отделением Всероссийского театрального общества в 1946–1970-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1(5). С. 25–29.

3. Арефьева Т. В. Просветительская деятельность Челябинского отделения Всероссийского театрального общества в 1940–1970-е гг. // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: сборник материалов пятой Южно-Уральской межвузовской научно-практической конференции. Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т, 2008. С. 107–115.

4. Иванова А. Г., Заельская С.А. Вклад творческой интеллигенции Оренбуржья в социально-культурное развитие советского общества во второй половине 1980-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 4(85). С. 24–27.

5. Цыц В. С. Союзы творческой интеллигенции в идеологической системе Советского государства (на примере Хабаровского отделения Всероссийского театрального общества) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2011. Т. 2, № 6. С. 14–20.

6. Бураченко А. И. Феномен театральной критики в провинции. Кемеровский театр драмы в отражении областной газеты «Кузбасс» (1930–1980-е годы). Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2012. 243 с.

7. Белоусова В. С. Культурно-просветительская деятельность творческих союзов Юга Дальнего Востока в зоне строительства Байкало-Амурской магистрали в 1970–1980-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23), ч. 1. С. 41–44.

8. Белоусова В. С. Формирование системы подготовки специалистов творческих профессий в Хабаровском крае (1930–1980-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20), ч. 1. С. 31–34.

9. Воронцова Ю. С. Структура и задачи профессиональных и творческих союзов гуманитарной интеллигенции в 30-е годы XX века (на материалах БАССР) // Российский электронный научный журнал. 2014. № 3(9). С. 49–58.

10. Музычук В. Ю. Общественные организации в сфере культуры России: потенциал самоорганизации... // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 7–30. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_5_7_30.

11. Сидоренко Л. Ю. Библиотека Союза театральных деятелей РФ: построение триединой документной модели истории театра // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе: сборник статей по материалам научно-практического семинара. М.: Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, 2017. С. 185–189.

12. Астраханские писатели и обком партии: путь от литературного объединения к областной писательской организации (начало 1960-х годов) / С. В. Карпенко, В. В. Новоселова, Н. А. Пугачева, Е. П. Шалацкая // Новый исторический вестник. 2018. № 1(55). С. 150–180. https://doi.org/10.24411/2072-9286-2018-00008.

13. Ткачев В. В. К вопросу об управлении творческим процессом в Иркутском областном Союзе советских художников в 1930 годы // Молодой исследователь Дона. 2020. № 4(25). С. 111–117.

14. Кузеванов В. С. Формирование Омского отделения Союза советских архитекторов в 1930–1950-е гг. // Баландинские чтения. 2014. Т. 9. № 3. С. 107–117.

15. Козлова Д. Т. Историография творческих союзов Республики Коми // Социально-политические, экономические, культурные и демографические процессы на Европейском Севере России: историографический и источниковедческий обзор. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2018. С. 85–92.

16. Кузнецова Н. А. Творческие союзы среднего Поволжья в послевоенные годы 1946–1953 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 156–159.

17. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1971. Т. 10. Изд. 8-е, доп. и испр. М.: Политиздат, 1972.

18. ЦГАНИУР (Центральный государственный архив новейшей истории Удмуртской Республики). Ф. 16. Оп. 1. Д. 12372.

19. ЦГАНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13637.

20. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 83. Д. 32.

21. ЦГАНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13188.

22. ЦГАНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11048.

23. ОГАОО (Объединенный государственный архив Оренбургской области). Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 775.

24. История культуры Башкортостана. Вып. 5. Культурная жизнь в Башкортостане: сборник документов и материалов. 1960–1994 гг. Уфа: Гилем, 1995. 330 с.

25. ЦГАНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 12558.

26. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. П-288. Оп. 268.

27. ОГАОО. Ф. Р-2558. Оп. 1. Д. 781.

28. ОГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1079.

29. ОГАОО. Ф. Р-1469. Оп. 2. Д. 341.

30. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 2053. Оп. 1. Д. 351.

31. ОГАОО. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 463.

References

1. Aref'eva T.V. Agitatsionno-propagandistskoe napravlenie deiatel'nosti Cheliabinskogo otdeleniia Vserossiiskogo teatral'nogo obshchestva v 46–70 godah XX veka [Agitation and propaganda activities of the Chelyabinsk branch of the All-Russian Theater Society in 46–70 years. XX century]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia = Almanac of modern science and education*, 2009, no. 12, pt. 2, pp. 8–10.

2. Aref'eva T. V. Organizatsiia kul'turno-shefskoi raboty Cheliabinskim otdeleniem Vserossiiskogo teatral'nogo obshchestva v 1946–1970-kh gg. [Organization of cultural and patronage work by the Chelyabinsk branch of the All-Russian Theater Society in the 1946–1970s.] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2010, no. 1(5). pp. 25–29.

3. Aref'eva T. V. [Educational activities of the Chelyabinsk branch of the All-Russian Theater Society in the 1940s–1970s.]. *Traditsii i novatsii v otechestvennoi dukhovnoi kul'ture. Sbornik materialov piatoi IUzhno-Ural'skoi mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Traditions and innovations in domestic spiritual culture. Collection of materials of the fifth South Ural interuniversity scientific and practical conference]. Cheliabinsk, Iuzhno-Ural'skii gosudarstvennyi universitet (natsional'nyi issledovatel'skii universitet), 2008, pp. 107–115.

4. Ivanova A. G., Zael'skaya S. A. Vklad tvorcheskoi intelligentsii Orenburzh'ia v sotsial'no-kul'turnoe razvitie sovetskogo obshchestva vo vtoroi polovine 1980-kh gg. [The contribution of the creative intelligentsiya of the Orenburg region to the socio-cultural development of Soviet society in the second half of the 1980s]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of the Oryol State University*, 2019, no. 4(85), pp. 24–27.

5. Tsyts V. S. Soyuzy tvorcheskoi intelligentsii v ideologicheskoi sisteme sovetskogo gosudarstva (na primere Khabarovskogo otdeleniya Vserossiiskogo teatral'nogo obshchestva) [Unions of creative intelligentsia in the ideological system of the Soviet state (on the example of the Khabarovsk branch of the All-Russian Theater Society)]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University*, 2011, vol. 2, no. 6, pp. 14–20.

6. Burachenko A. I. Fenomen teatral'noi kritiki v provintsii. Kemerovskii teatr dramy v otrazhenii oblastnoi gazety "Kuzbass" (1930–1980-e gody) [The phenomenon of theater criticism in the provinces. Kemerovo Drama Theater in the reflection of the regional newspaper "Kuzbass" (1930–1980s)]. Kemerovo, Kemerovskii gos. univ. kul'tury i iskusstv Publ., 2012, 243 p.

7. Belousova V. S. Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' tvorcheskikh soyuzov Yuga Dal'nego Vostoka v zone stroitel'stva Baikalo-Amurskoi magistrali v 1970–1980-kh gg. [Cultural and educational activities of the creative unions of the South of the Far East in the construction zone of the Baikal-Amur Mainline in the 1970–1980s.]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2012, no. 9 (23) pt. 1, pp. 41–44.

8. Belousova V. S. Formirovanie sistemy podgotovki spetsialistov tvorcheskikh professii v Khabarovskom krae (1930 – 1980-e gg.) [Formation of a system for training specialists in creative professions in the Khabarovsk Territory (1930 – 1980s)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2012, no. 6 (20), pt. I, pp. 31–34.

9. Vorontsova Yu. S. Struktura i zadachi professional'nykh i tvorcheskikh soiuzov gumanitarnoi intelligentsii v 30-e gody XX veka (na materialakh BASSR) [The structure and tasks of

professional and creative unions of the humanitarian intelligentsia in the 30s of the twentieth century (on the materials of the BASSR)]. *Rossiiskii elektronnyi nauchnyi zhurnal = Russian electronic scientific journal,* 2014, no. 3(9), pp. 49–58.

10. Muzychuk V. Yu. Obshchestvennye organizatsii v sfere kul'tury Rossii: potentsial samoorganizatsii... [Public organizations in the field of culture in Russia: the potential for self-organization...]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,* 2021, no. 5, pp. 7–30.

11. Sidorenko L. Yu. [Library of the Union of Theater Workers of the Russian Federation: building a triune documentary model of theater history]. *Transformatsii muzeev-bibliotek-arkhivov i informatsionnoe obespechenie istoricheskoi nauki v informatsionnom obshchestve. Sbornik statei po materialam nauchno-prakticheskogo seminara* [Transformation of museums-libraries-archives and information support of historical science in the information society. Collection of articles based on materials of a scientific and practical seminar]. Moscow, Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2017, pp. 185–189. (In Russ.).

12. Karpenko S. V., Novoselova V. V., Pugacheva N. A., Shalatskaya E. P. Astrakhanskie pisateli i obkom partii: put' ot literaturnogo obedineniia k oblastnoi pisatel'skoi organizatsii (nachalo 1960-kh godov) [Astrakhan writers and the regional party committee: the path from a literary association to a regional writers' organization (early 1960s)]. *Novyi istoricheskii vestnik = New historical bulletin,* 2018, no. 1(55), pp. 150–180.

13. Tkachev V. V. K voprosu ob upravlenii tvorcheskim protsessom v Irkutskom oblastnom Soyuze sovetskikh khudozhnikov v 1930 gody [On the issue of managing the creative process in the Irkutsk Regional Union of Soviet Artists in the 1930s]. *Molodoi issledovatel' Dona = Young Researcher of the Don,* 2020, no. 4(25), pp. 111–117.

14. Kuzevanov V. S. Formirovanie Omskogo otdeleniya Soyuza sovetskikh arkhitektorov v 1930-1950-e gg. [Formation of the Omsk Branch of the Union of Soviet Architects in the 1930s-1950s.]. *Balandinskie chteniya = Balandinsky readings,* 2014, vol. 9, no. 3, pp. 107–117.

15. Kozlova D. T. Istoriografiya tvorcheskikh soyuzov Respubliki Komi [Historiography of creative unions of the Komi Republic]. Sotsial'no-politicheskie, ekonomicheskie, kul'turnye i demograficheskie protsessy na Evropeiskom Severe Rossii: istoriograficheskii i istochnikovedcheskii obzor [Socio-political, economic, cultural and demographic processes in the European North of Russia: historiographical and source study review]. Syktyvkar, Institut iazyka, literatury i istorii Komi NTS UrO RAN, 2018, pp. 85–92.

16. Kuznetsova N. A. Tvorcheskie soyuzy srednego Povolzh'ia v poslevoennye gody 1946–1953 gg. [Creative unions of the middle Volga region in the post-war years 1946–1953.]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoy akademii nauk = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,* 2011, vol. 13, no. 3, pp. 156–159.

17. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov, konferentsiy i plenumov TsK [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow, Politizdat Publ., 1972, vol. 10, 605 p.

18. TsDOOSO (Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti) [Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region], f. 16, op. 1, d. 12372.

19. TSGANIUR, f. 16, op. 1, d. 13637.

20. TsDOOSO (Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti) [Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region], f. 4, op. 83, d. 32.

21. TSGANIUR, f. 16, op. 1, d. 13188.

22. TSGANIUR, f. 16, op. 1, d. 11048.

23. OGAOO (Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti) [United State Archives of the Orenburg Region], f. R-2568, op. 1, d. 775.

24. Istoriya kultury Bashkortostana. Vyp. 5. Kulturnaya zhizn' v Bashkortostane. Sbornik dokumentov i materialov. 1960 – 1994 gg. [The history of culture of Bashkortostan. Issue 5. Cultural life in Bashkortostan. Collection of documents and materials. 1960–1994]. Ufa, Gilem Publ., 1995. 330 p.

25. TSGANIUR, f. 16, op. 1, d. 12558.

26. OGAChO (Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti) [United State Archives of the Chelyabinsk Region], f. P-288, op. 268.

27. OGAOO, f. R-2558, op. 1, d. 781.

28. OGAOO, f. R-1014, op. 4, d. 1079.

29. OGAOO, f. R-1469, op. 2, d. 341.

30. GASO (Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti) [State Archives of the Sverdlovsk Region], f. 2053, op. 1, d. 351.

31. OGAOO, f. R-2568, op. 1, d. 463.

Информация об авторе / Information about the Author

Заельская Светлана Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Российская Федерация,
e-mail: sv_a_z@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6559-5402

Svetlana A. Zaelskaya, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Science, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation,
e-mail: sv_a_z@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6559-5402

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-258-269

(cc) BY 4.0

Создание художественной интеллигенцией Байкальской Сибири научно-промышленных выставок во второй половине XIX – начале XX века

В. В. Ткачев[1] ✉

[1] Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса 1, г. Иркутск 664003, Российская Федерация

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Резюме

Актуальность *работы состоит в том, что представлена история участия художественной интеллигенции городов Байкальской Сибири в создании научно-промышленных выставок во второй половине XIX – начале XX века. Статья раскрывает особенности составления выставочных проектов, оформление павильонов и сбора предметов. Статья показывает то, как художественная интеллигенция через предметы искусства, этнографические материалы представила историю региона.*

Цель *исследования – используя выявленные в архивах свидетельства, восстановить историю участия художественной интеллигенции Байкальской Сибири в создании научно-промышленных выставок во второй половине XIX – начале XX века.*

Задачи*: выявить и изучить материалы иркутских архивов по истории создания научно-промышленных выставок, как международных, так и региональных; проследить, как художественная интеллигенция и общественные объединения участвовали в организации выставок; определить особенности сбора предметов искусства для павильонов; рассмотреть содержание программ научно-промышленных выставок.*

Методология. *Обозначен историзм как основной принцип при написании работы. Применяются такие методы, как проблемно-хронологический и историко-генетический.*

Результаты. *По результатам исследования и включения новых материалов из иркутских архивов восстановлена история создания художественной интеллигенцией из городов Байкальской Сибири научно-промышленных выставок во второй половине XIX – начале XX века. Доказано то, что просветительская деятельность художников и коллекционеров была направлена на популяризацию культурного и научного наследия региона.*

Выводы. *Городское общество Байкальского региона дореволюционного времени проявляло большой интерес к художественным мероприятиям, которые планировали и проводили разные учреждения культуры. Увлечение наукой в процессе знакомства с результатами исследований сибирских учёных давало возможность расширять знания об отдалённых территориях, природных богатствах и культурных особенностях местных народов. Пополнив фонды музеев новыми материалами, члены Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, музейные сотрудники, представляли предметы для просветительских проектов, которые реализовывались с большой интенсивностью в изучаемый период.*

Ключевые слова: *Байкальская Сибирь; городская культура; городское общество; просвещение; художественная интеллигенция.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Ткачев В. В. Создание художественной интеллигенцией Байкальской Сибири научно-промышленных выставок во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 258–269. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-258-269.

Поступила в редакцию 24.06.2022 Принята к публикации 27.07.2022 Опубликована 31.08.2022

© Ткачев В. В., 2022

Creation of Scientific and Industrial Exhibitions by the Artistic Intelligentsia of Baikal Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

Vitaliy V. Tkachev[1] ✉

[1] Irkutsk State University
1 K. Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Abstract

The relevance *of the work lies in the fact that the history of the participation of the artistic intelligentsia of the cities of Baikal Siberia in the creation of scientific and industrial exhibitions in the second half of the 19th – early 20th centuries is presented. The article reveals the features of the preparation of exhibition projects, the design of pavilions and the collection of objects. The article shows how the artistic intelligentsia presented the history of the region through art objects, ethnographic materials.*

The purpose *of the study is to restore the history of the participation of the artistic intelligentsia of Baikal Siberia in the creation of scientific and industrial exhibitions in the second half of the 19th - early 20th centuries using the evidence found in the archives.*

Objectives: *to identify and study the materials of the Irkutsk archives on the history of the creation of scientific and industrial exhibitions, both international and regional; trace how the artistic intelligentsia and public associations participated in the organization of exhibitions; determine the features of collecting art objects for pavilions; consider the content of the programs of scientific and industrial exhibitions.*

Methodology. *Historicism is designated as the main principle in writing the work. Methods such as problem-chronological and historical-genetic are used.*

Results. *Based on the results of the study and the inclusion of new materials from the Irkutsk archives, the history of the creation of scientific and industrial exhibitions by the artistic intelligentsia from the cities of Baikal Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries has been restored. It is proved that the educational activities of artists and collectors were aimed at popularizing the cultural and scientific heritage of the region.*

Conclusions. *The urban society of the Baikal region of the pre-revolutionary period showed great interest in artistic events that were planned and carried out by various cultural institutions. Passion for science in the process of getting acquainted with the results of research by Siberian scientists made it possible to expand knowledge about remote territories, natural resources and cultural characteristics of local peoples. Having replenished the funds of museums with new materials, members of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society, museum employees, presented objects for educational projects, which were implemented with great intensity during the period under study.*

Keywords: *Baikal Siberia; urban culture; urban society; education; artistic intelligentsia.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tkachev V. V. Creation of Scientific and Industrial Exhibitions by the Artistic Intelligentsia of Baikal Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(4): 258–269. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-258-269.

Received 24.06.2022 Accepted 27.07.2022 Published 31.08.2022

***

Введение

Современные исследования направлены на выявление новых архивных документов по истории создания научно-промышленных выставок во второй половине XIX – начале XX в. В Байкальском регионе научные и общественные организации проводили исследования природных богатств, истории развития торговых отношений с разными территориями, взаимоотношение представителей

власти с коренными народами и т.д. В результате экспедиционной работы учёными и художниками собирался исторический, этнографический материал, который в дальнейшем передавался на хранение в фонды музеев. Выявленные предметы подробно изучали, по ним составляли каталоги и публиковали статьи в местных журналах. Также по результатам экспедиций проводились конференции, круглые столы. При планировании международных и региональных мероприятий многие материалы отбирали для экспозиций, чтобы их продемонстрировать научному сообществу. Так уникальные и ценные экспонаты музеев можно было увидеть на площадках научно-промышленных выставок. В процессе взаимодействия посетителей с музейными предметами, которые подробно представляли результаты наблюдений и исследований известных сибирских учёных, предполагалось формирование у жителей особого образа региона и определение направления развития художественного пространства городов Байкальского региона.

Таким образом, для понимания культурных процессов прошлого и восстановления дореволюционных событий необходимо подробное изучение истории участия представителей городского общества в создании выставочных павильонов. Так сибирское купечество собирало уникальные предметы искусства, которые включали в состав фондов научных, общественных, частных музеев и галерей, демонстрировались на общедоступных выставках, которые раскрывали основные этапы экономического, культурного, политического освоения Байкальского региона. Сохранённые до настоящего времени материалы в архивах о деятельности выставочных комиссий, в состав которых входило сибирское купечество, деятели искусства и науки, дают представление об основных принципах организации сбора необходимых экспонатов для научно-промышленных выставок. Выявленные свидетельства, возросший интерес современного сообщества к науке и научным открытиям прошлого представил возможность рассмотреть в отдельном исследовании сюжеты по созданию и оформлению художественной интеллигенцией региональных и международных выставочных павильонов.

Сибирская отечественная историография постоянно пополняется новыми работами, которые представляют подробно историю создания региональных и международных научно-промышленных выставок. В последнее время сибирские историки обращают своё внимание на особенности участия купеческого сословия в просветительской сфере, благотворительности [1; 2; 3; 4; 5]. Раскрытию проблем коллекционирования и создания музейных собраний посвящены исследования музейных работников, искусствоведов [6, с. 81–82; 7, с. 8–13; 8, с. 15–20]. Отдельные сюжеты по истории культуры региона и деятельности общественности в разных мероприятиях были опубликованы в научных трудах историков [9, с. 148–154; 10, с. 16–18; 11, с. 348–349; 12, с. 21–26; 13, с. 18–22; 14, с. 39–48]. Отдельные исследования проводились по организации научно-промышленных выставок иркутскими учёными, по результатам которых были выпущены подробные монографии [15, с. 25–30; 16, с. 60–78].

Необходимо упомянуть также то, что труды прошлых лет по выявлению новых документов, связанных с выставочной деятельностью общественных, научных организаций, остаются ценными для современных исследователей, т. к. они объясняют то, как осуществлялся процесс сбора предметов искусства [17, с. 19–20; 18, с. 12–13; 19, с. 51–54].

Художественное пространство, художественные выставки Иркутской губернии в начале XX в. изучал иркутский историк Ю. П. Лыхин [20, с. 35–38; 21, с. 51–91]. Исследователь анализировал документы сибирских архивов, что давало возможность объяснить принятые ре-

шения руководящих лиц по оформлению павильонов. Также особенности создания художественных выставок, исторические источники о художественной жизни продолжает изучать настоящий автор [22].

Таким образом, сибирские исследователи постепенно восстанавливали и продолжают восстанавливать историю создания научно-промышленных выставок, но большинство сюжетов, связанных с процессом построения просветительской работы в регионе, включения предметов из музейного собрания и частных коллекций в состав экспозиций на рубеже XIX – XX вв., не изучены полностью. Настоящая работа, анализируя новые, выявленные архивные материалы, определяет особенности оформления павильонов и сбора экспонатов для региональных и международных научно-промышленных выставок.

Методология

При написании статьи использовались основные принципы проведения исторических исследований, благодаря которым была восстановлена история участия художественной интеллигенции в создании научно-промышленных выставок на рубеже XIX – XX вв. В исследование включён системный подход, в результате которого изучены подробно исторические материалы, которые были выявлены в фондах архива художественного музея Иркутска и Государственного архива Иркутской области. Использование историко-генетического метода предоставило возможность проследить процесс организации выставочной деятельности художественной интеллигенцией Байкальской Сибири, что даёт более чёткое представление об особенностях формирования художественной жизни региона. В работе используется проблемно-хронологический метод, в результате которого прослеживается история создания выставочных павильонов, деятельность художественной интеллигенции в процессе организации выставок, на которых были представлены уникальные предметы, этнографические материалы, полученные в результате экспедиций в отдалённые территории Байкальского региона.

В исследовании анализируются материалы Государственного архива Иркутской области, дела известной в дореволюционный период научной организации – Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). Также используется отдельная папка по истории музейной работы деятелей искусства, которые участвовали в создании выставок, из фондов архива художественного музея Иркутска. В обозначенных собраниях были выявлены и включены в работу документы, раскрывающие историю создания научно-промышленных выставок по результатам экспедиционной работы ВСОИРГО. Выявлены отдельные дела по выставочным проектам. Данные источники подтверждают то, что художественная интеллигенция (художники и коллекционеры) принимала участие в оформлении пространств, в сборе уникальных предметов искусства для общественных событий на рубеже XIX – XX вв.

Результаты и их обсуждение

Исторические источники иркутских архивов подтверждают то, что городское пространство на рубеже XIX – XX вв. постоянно совершенствовалось и развивалось. Также появлялись новые возможности для творческого роста, проведения научных исследований. В изучаемый отрезок времени появляются научные и образовательные центры, где сосредоточивается сибирская интеллигенция, развивается общественная мысль и художественная жизнь. В данном случае это влияло и усиливало движение по реализации идей, проведению научных исследований, в том числе и в культурной среде. Многие представители художественной интеллигенции были заинтересованы научными открытиями и вместе с сибир-

скими учёными участвовали в освоении, изучении окрестностей и создании выставочных пространств, где возможно было познакомить жителей с произведениями искусства, традиционным укладом народов Байкальского региона. Проявление интереса городского общества к развитию культурных и образовательных центров можно объяснить тем, что многие обращались к научным трудам, получали новые знания, общались с другими представителями общественности из Европейской России (Москвы и Петербурга). Благодаря быстрому распространению информации, строительству железной дороги к обсуждению актуальных исторических и политических проблем настоящего времени присоединялась большая часть купцов, учёных, преподавателей, художников и многих других. Увлечение определённым видом занятий направляло их на то, чтобы на местах создавать свои собственные музеи, библиотеки и галереи, которые служили центрами интеллектуального развития.

Письма, проколы, положения, отчёты, которые сохранились в архивах Иркутска, будут приведены в данной работе. Они дают возможность понять, как реализовывались выставочные проекты на разных площадках как в Сибири, так и за рубежом. Также данные документы объясняют и то, как горожане Байкальского региона принимали участие в организации мероприятий, где демонстрировались достижения настоящего времени в разных областях науки. Материалы описывают не только существующие экспозиции, но и то, как жители посещали данные выставки и оставляли свои отзывы. Исторические источники сообщают о том, что проводились международные, всероссийские, региональные события: Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка 1887 г., Всероссийская выставка в Нижнем Новгороде 1896 г., Парижская Всемирная выставка 1900 г., Иркутская научно-промышленная выставка 1903 г., Иркутская промышленно-сельскохозяйственная выставка 1911 г. и многие другие.

Городское общество и известные его представители: деятели искусства, учёные, преподаватели учебных заведений и многие другие – поддерживали международные выставки и предлагали лучшие экспонаты из фондов музеев научных организаций представлять профессиональному экспертному сообществу на конкурс по исследовательской работе. Таким образом, редкие и ценные находки появлялись на выставочных площадках Европы, в результате которых жители зарубежных стран знакомились с уникальными природными явлениями Байкальского региона.

В период подготовки к проведению Всемирной выставки в Париже организаторам удалось собрать материалы, благодаря которым была представлена история изучения традиционной культуры и памятников природы Байкальской Сибири. Данное мероприятие являлось масштабным научным и просветительским для всей широкой общественности. В Иркутском архиве сохранились записи о том, как организовывалось событие общественностью и научным объединением: «Выставка будущего 1900 года в Париже привлекает всеобщее внимание тою характерною особенностью, что она должна представить всему образованному миру итоги умственного движения человечества за истекающее столетие накануне нового наступающего XX века» [23].

Источники, которые представлены в собрании архива и музея, подтверждают то, что члены ВСОИРГО и большая часть интеллигенции направляли средства для создания площадок международной выставки. Данная организация поддерживала значимые проекты, направленные на развитие городского общества. Также осуществлялся сбор новых материалов в процессе исследования. В этом активно принимали участие известные учёные, общественные деятели, сотрудники музеев. Они не только руководили процессом

выявления ценных и редких предметов, но и обращали внимание на их сохранность, создания необходимых условий для поддержания благоприятных условий, включение в музейные экспозиции, выставки. В результате формировалась обширная коллекция по истории, экономике, минералогии, геологии, этнографии и другим научным областям. Исторические документы фиксируют то, что в создании выставки приняли участие известные общественные деятели, учёные, художники и предприниматели: А. П. Богословский, А. П. Артюшков, В. А. Комаровский, А. В. Тихвин и др.

О начале сбора предметов для выставки свидетельствует письмо канцелярии Иркутского военного генерал-губернатора от 23 августа 1899 г. В документе сообщалось, что управление Генерального комиссара русского отдела на Всемирной выставке 1900 г. в Париже уведомляло канцелярию о том, что: 1) сборно-приёмным пунктом для экспонатов Иркутского генерал-губернаторства (за исключением Минусинского музея и Якутского губернатора, с которыми Управление имеет непосредственные сношения) назначается г. Санкт-Петербург; 2) в удостоверениях на льготный привоз экспонатов Петербург должен значиться также пунктом назначения (адрес, по которому должны быть направлены экспонаты: Петербургская сухопутная таможня, члену таможни Коллежскому советнику Суходольскому); 3) оплату перевозки экспонатов, по правилам выставки, необходимо производить на месте отправления; 4) удостоверения на льготную перевозку экспонатов составлены на трёх языках, но заполнению на местах отправления экспонатов подлежат только удостоверения на русском языке; 5) на всех препровождённых в отделе фактурах, ярлыках и удостоверениях поставлен номер 1472; этот номер приурочен ко всем экспонатам Иркутского генерал-губернаторства и сообщён французской администрации выставки; по нему можно определить информацию об иркутских экспонатах; 6) фактуры должны быть заполнены особенно подробно, так как, помимо значения их для сохранности экспонатов, по этим фактурам французское таможенное ведомство будет производить соответствующий контроль; 7) фактуры пишутся каждая в четырёх экземплярах (необходимо было подготовить три копии документов) и все высылаются почтой по адресу сборно-приёмного пункта; удостоверения (при каждой отправке отдельное) вручаются официальному лицу, принявшему груз для перевозки; 8) экспонаты из Иркутска, кроме пересылаемых почтой, должны быть посланы с таким расчётом, чтобы они прибыли в Петербург, по возможности, к последним числам сентября месяца настоящего года; 9) упоминаемые в правилах о перевозке экспонатов вопросные листы, квитанции и таможенные заявления к пересылке иркутских экспонатов отношения не имеют [24, л. 5].

В документе от 1899 г. поднимается вопрос о том, как доставить экспонаты на выставку. Обозначено одно предложение о финансировании пересылки собираемых предметов: «Сообщая об изложенном в дополнение к отношению от 21 сего августа за № 4787, канцелярия, согласно отзыву Управления Генерального комиссара, считает долгом присовокупить, что, если в распоряжении отдела уже не имеется сумм, ассигнованных для целей выставки, то оплату пересылки экспонатов до Петербурга следует произвести из других источников, доведя об этом до сведения канцелярии для сношения с Управлением относительно возмещения израсходованной суммы» [24, л. 10].

Продолжает раскрывать особенности сбора экспонатов документ, который сохранился в собрании архива Иркутска: «Восточно-Сибирскому отделу Императорского Русского Географического общества предложено взять на себя организацию сбора коллекций для Русского отдела Всемирной выставки 1900 года в Париже. На долю Отдела при этом выпа-

дает сбор коллекций в пределах Енисейской и Иркутской губернии и Якутской области. Дело заведывания этим сбором поручено Выставочной комиссии при Отделе, которая пригласила в свою среду между прочим и фотографов-любителей г. Иркутска. По указанию последних Выставочная комиссия отдела обращается к Вам, Милостивый Государь, с просьбою о возможном содействии» [24, л. 18].

Трудности при организации выставки представлялись в обращениях к руководству. Так, в письме от 3 августа 1899 г. можно встретить то, как осложнялась работа во время сбора экспонатов: «Выставочная комиссия заключила условие с А. И. Кирилловым, по которому он собрался доставить комиссии чучела известных зверей и птиц. Часть заказа он исполнил, но часть за его поздним возвращением в Иркутск не может быть выполнена. Комиссия обращается теперь к Распорядительному комитету с просьбой разрешить ей отослать на выставку из имеющихся в музее чучела следующих птиц и животных, удержать за это у выставочных средств 200 рублей на расходы по выставлению выданных коллекций. Комиссии желательно получить: 1) горностая, курну, косулю, выдру, гоголя, чернулу, кряковую, сporую, косатую, уток, чирят двух, кроншнер, бекаса. Кроме того, комиссии ходатайствовали о разрешении послать на выставку чучело нерпы, принадлежащее музею, оставить 150 рублей на приобретение нового чучела. Комиссия просит членов комитета написать на настоящем месте о своём несогласии на ходатайство комиссии» [24, л. 20].

Письмо канцелярии Иркутского генерал-губернатора от 3 июля 1899 г. в ВСОИРГО предлагало решить ещё одну важную задачу по сбору необходимых экспонатов из разных регионов: «Канцелярия г. Генерал-губернатора, по признанию его высокопревосходительства имеет честь уведомить отдел, что в числе экспонатов от Енисейской губернии на Парижскую выставку будет представлено инженером Кнорре, как извещает Енисейский губернатор, модель Енисейского моста. Вместе с тем, канцелярия покорнейше просит отдел уведомить её для доклада г. генерал-губернатору, были ли переведены отделом какие-либо суммы Красноярской группы, предполагавшей образовать отдел Географического общества, из 500 рублей, предназначавшихся для Красноярской группы, и переведённых Генерал-губернатором отделу, ввиду отказа группы от самостоятельного ведения дела, 20/23 ноября 1898 г., в общем числе 1500 рублей» [24, л. 28].

Интерес городского общества к международным событиям, выставочной деятельности возможно понять, восстанавливая сюжеты о том, как коллекционеры осуществляли просветительскую работу в рамках реализации проектов. Увлечение историей региона направляло многих собирателей редких предметов на взаимодействие с другими представителями художественной интеллигенции. Так, совместные научные исследования были направлены на раскрытие культурных, экономических, политических сторон жизни горожан настоящего времени. Формирование постоянных связей между разными городами позволяло эффективно проводить мероприятия, собирать и создавать новые разделы в экспозициях. Так фонды музеев пополнялись рукописями, книгами, минералами, монетами, скульптурами, картинами, тканями и другими предметами. Сотрудники учреждений проводили описание данных коллекций, а лучшие экспонаты отбирали на международные и региональные мероприятия.

Историю создания научно-промышленной выставки в Иркутске в 1903 г. восстанавливает документ «Доклады выставочной комиссии представлены общему собранию ВСОИРГО от 1903 г.» [25, л. 14] В источнике представлен проект положения о Сибирской научно-промышленной выставке в г. Иркутске.

Данный документ сообщает то, что для ознакомления с результатами научных исследований Сибири, с её естественными богатствами и с состоянием её промышленности и торговли, ВСОИРГО проводит в Иркутске научно-промышленную выставку.

Правила сбора предметов дают представление о принципах создания и структуре будущего павильона: «На выставку принимаются: 1) предметы, относящиеся к географическому, естественно-историческому, этнографическому и экономическому изучению Сибири; 2) произведения её горнозаводской, сельскохозяйственной, лесной, фабрично-заводской, ремесленной и кустарной промышленности; 3) произведения печати и искусств, и 4) предметы вывозной и ввозной торговли Сибири. Открытие выставки последует 15 мая 1905 года, а закрытие 1 сентября того же года. Средствами для покрытия расходов, вызываемых устройством и содержанием выставки, служат: 1) добровольные пожертвования общественных и других учреждений и частных лиц; 2) плата, взимаемая с экспонентов за места, занятые их экспонатами на выставке; 3) плата за вход на выставку; 4) суммы, какие могут быть выручены от арендных на выставке статей: буфетов, права торговли экспонатами и разными предметами, права вывешивания и раздачи объявлений, афиш и т.п.; 5) суммы от продажи каталогов, планов, жетонов и т. п.; 6) сборы с гуляний, концертов, спектаклей и т. п., устраиваемых администрацией выставки; 7) фонд обеспечения для пополнения предполагаемого дефицита» [25, л. 31].

Фонд обеспечения выставки образовывался путём добровольной подписки. Каждый, изъявивший согласие принять на себя денежную ответственность в части расходов по выставке, давал в том обязательство по особо установленной форме с обозначением суммы, уплату которой он принимал на себя, если доходов выставки окажется недостаточно для покрытия вызванных выставкой расходов. В случае дефицита недостающая сумма распределялась между участниками в фонде обеспечения пропорционально размерам принятых ими на себя обязательств. Так осуществлялось финансирование научно-промышленной выставки членами ВСОИРГО [26].

Выводы

Исследование подтвердило то, что жители городов Байкальского региона участвовали в разных выставочных проектах. Для обсуждения новых мероприятий приглашали городскую общественность. В дискуссиях по составлению планов развития участвовали специалисты многих профессий и разных специальностей, которые понимали основные принципы построения экспозиций и размещения экспонатов в необходимых местах для сосредоточения внимания посетителей. Они использовали существующие материалы о том, как проводить общедоступные события для горожан. При написании основных положений правил по сбору предметов для выставки специалисты указывали свои собственные предложения о финансировании, сборе необходимых средств для поддержания проектов. Указанные положения давали возможность представить собрания не только музеев, но и частные коллекции сибирского купечества. Также источники иркутских архивов отмечали и трудности, которые постепенно появлялись: недостаточно было средств для перемещения экспонатов от одного города к другому в случае проведения мероприятий на разных площадках, многие коллекционеры не предоставляли вовремя необходимых и отобранных ранее музейными экспертами и учёными предметов, осложнялась работа по сохранению отдельных частей собраний и т.д.

Исследование даёт представление о том, что просветительская деятельность художественной интеллигенции была направлена на создание научно-промыш-

ленных выставок на рубеже XIX – XX вв. На организуемых площадках представлялись научные достижения, уникальные предметы искусства и многие другие материалы. В Государственном архиве Иркутской области и архиве художественного музея в Иркутске сохранились документы, свидетельствующие о выставках ВСОИРГО. В делах отражен процесс сбора предметов, экономическое сопровождение (доходы и расходы от мероприятия), работа отдельных коллекционеров и художников. Данные источники в полной степени восстанавливают историю региональных и международных научно-промышленных выставок. Чтобы определить и понять значимость городских художественных событий, необходимо изучить в отдельных исследованиях отражение в периодической печати, дневниках и письмах впечатления современников, которые давали оценку. Привлечение в работе новых документов представит то, как городское общество реагировало на научные достижения, результаты в исследованиях традиционной культуры региона.

Список литературы

1. Шахеров В. П. Исторический опыт участия иркутского купечества в эффективном развитии сибирской экономики XIX в. // Сибиряковские чтения: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 210-летию со дня рождения Н. Н. Муравьева-Амурского и 170-летию со дня рождения А. М. Сибирякова. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 143–156.

2. Шахеров В. П. Роль купечества в становлении художественной жизни городов Байкальской Сибири в конце XVIII–XIX вв. // Материалы научной конференции «Сукачевские чтения – 2020». Иркутск: Изд-во ИОХМ, 2020. С. 14–22.

3. Гаврилова Н. И. Купеческий род Сибиряковых: страницы истории / Иркутский национальный исследовательский технический университет. Музей истории г. Иркутска им. А. М. Сибирякова. Иркутск: Оттиск, 2017. 151 с.

4. Комлева Е. В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск: Параллель, 2018. 397 с.

5. Комлева Е. В. «Тузы-капиталисты»: образ сибирского купца в региональной периодической печати второй половины XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 24. С. 36–45.

6. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель: в 2-х т. / авт.-сост. В. Ф. Чирков. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2014. Т. 1. С. 81−82.

7. Завещано потомкам: художественная коллекция В. П. Сукачева в Иркутске: художественный альбом / Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачева. Иркутск: Артиздат, 2009. 237 с.

8. Судьба моя – Иркутск: к 360-летию города Иркутска: альбом-каталог / сост. Н. С. Сысоева. Иркутск: ИРО ВТОО «Союз художников России»: ИОХМ им. В. П. Сукачева, 2021.

9. Паликова Т. В. Формирование музейного пространства городов Забайкалья рубежа XIX–XX веков // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1. С. 148–154.

10. Паликова Т. В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. 258 с.

11. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.

12. Ларева Т. Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX – начала XXI века. Иркутск: Принт Лайн, 2015. 616 с.

13. Манзырева Е. С. Развитие художественной культуры в городах Восточной Сибири (XIX – начало XX вв.) // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 2 (7). С. 18–22.

14. Гаврилова Н. И. Покинувшие Сибирь. Территориальная мобильность иркутского купечества во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурные аспекты (к постановке проблемы) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2016. Т. 18. С. 39–48.

15. Выставки и краеведческая деятельность ВСОРГО. 1851–1931 гг. / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, В. А. Левченко и др. Иркутск: ВостСибкнига, 2012. С. 25−30.

16. Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: ВостСибкнига, 2012. 80 с.

17. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 187 с.

18. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 112 с.

19. Фатьянов А. Д. Владимир Сукачев: [Основатель первой в Сибири картинной галереи]. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. 344 с.

20. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. 334 с.

21. Лыхин Ю. П. Хроника художественных событий в Иркутске (XVII век – 1899 год) // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Вып. 3 / отв. ред. Ю. П. Лыхин. Иркутск: ИП Макаров С. Е., 2004. С. 51−91.

22. Ткачев В. В. Организация художественных мероприятий Восточно-Сибирским отделом Императорского русского географического общества во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 216–227.

23. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 293. Оп. 1. Д. 282. Л. 10.

24. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 162.

25. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 229.

26. Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева (ИОХМ). Дело по истории Иркутского областного художественного музея. Л. 12.

References

1. Shaherov V. P. [Historical experience of Irkutsk merchants' participation in the effective development of the Siberian economy of the XIX century]. *Sibiryakovskie chteniya. Materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 210-letiyu so dnya rozhdeniya N. N. Murav'eva-Amurskogo i 170-letiyu so dnya rozhdeniya A. M. Sibiryakova* [Sibiryakovsky readings. Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 210th anniversary of the birth of N. N. Muravyov-Amursky and the 170th anniversary of the birth of A.M. Sibiryakov]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020, pp. 143–156.

2. Shaherov V. P. Rol' kupechestva v stanovlenii hudozhestvennoj zhizni gorodov Bajkal'skoj Sibiri v konce XVIII–XIX vv. [The role of merchants in the formation of the artistic life of the cities of Baikal Siberia at the end of the XVIII–XIX centuries]. *Materialy nauchnoj konferencii "Sukachevskie chteniya – 2020"* [Materials of the scientific conference "Sukachev readings – 2020"]. Irkutsk, IOHM Publ., 2020, pp. 14–22.

3. Gavrilova N. I. Kupecheskij rod Sibiryakovyh: stranicy istorii [Merchant family of Sibiryakovs: pages of history]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017. 151 p.

4. Komleva E. V. Sibirskoe kupechestvo: vklad v hozyajstvennoe osvoenie i izuchenie Severo-Vostochnoj Evrazii (konec XVIII – XIX vek) [Siberian merchants: contribution to the

Economic development and study of Northeast Eurasia (late XVIII – XIX century)]. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2018. 397 p.

5. Komleva E. V. "Tuzy-kapitalisty": obraz sibirskogo kupca v regional'noj periodicheskoj pechati vtoroj poloviny XIX v. ["Aces-capitalists": the image of a Siberian merchant in the regional periodical press of the second half of the XIX century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Izvestiya Irkutsk State University. Series: History*, 2018, vol. 24, pp. 36–45.

6. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII – nachala XXI vv. [Fine art of Siberia of the XVII – early XXI centuries]; ed. by V. F. Chirkov. Tobol'sk, Vozrozhdenie Tobol'ska, 2014, vol. 1, pp. 81−82.

7. Zaveshchano potomkam: hudozhestvennaya kollekciya V. P. Sukacheva v Irkutske [Bequeathed to descendants: art collection of V. P. Sukachev in Irkutsk]. Irkutsk, Artizdat Publ., 2009. 237 p.

8. Sud'ba moya – Irkutsk: k 360-letiyu goroda Irkutska [My destiny is Irkutsk: to the 360th anniversary of the city of Irkutsk]; ed. by N. S. Sysoeva. Irkutsk, IRO VTOO "Soyuz hudozhnikov Rossii", IOHM im. V. P. Sukacheva, 2021.

9. Palikova T. V. Formirovanie muzejnogo prostranstva gorodov Zabajkal'ya rubezha XIX–XX vekov [Formation of the museum space of the cities of Transbaikalia of the turn of the XIX–XX centuries]. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of socio-economic development of Siberia*, 2020, no. 1, pp. 148–154.

10. Palikova T. V. Razvitie kul'tury gorodov Zabajkal'skoj oblasti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Development of the culture of the cities of the Trans-Baikal region (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. Ulan-Ude, Buryat St. Univ. Publ., 2008. 258 p.

11. Koshman L. V. Gorod i gorodskaya zhizn' XIX stoletiya: social'nye i kul'turnye aspekty [The city and urban life of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 446 p.

12. Lareva T. G. Istoriya izobrazitel'nogo iskusstva Pribajkal'ya XX – nachala XXI veka [The history of fine art of the Baikal region of the XX – beginning of the XXI century]. Irkutsk, Print Lajn Publ., 2015. 616 p.

13. Manzyreva E. S. Razvitie hudozhestvennoj kul'tury v gorodah Vostochnoj Sibiri (XIX – nachalo XX vv.) [Development of artistic culture in the cities of Eastern Siberia (XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv = Bulletin of the East Siberian State Academy of Culture and Arts*, 2014, no. 2 (7), pp. 18–22.

14. Gavrilova N. I. Pokinuvshie Sibir'. Territorial'naya mobil'nost' irkutskogo kupechestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: sociokul'turnye aspekty (k postanovke problemy) [Those who left Siberia. Territorial mobility of Irkutsk merchants in the second half of the XIX – early XX century: socio-cultural aspects (to the formulation of the problem)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Izvestiya Irkutsk State University. Series: History*, 2016, vol. 18, pp. 39–48.

15. Gimel'shtejn A. V., Dameshek L. M., Levchenko V. A., eds. Vystavki i kraevedcheskaya deyatel'nost' VSORGO. 1851–1931 gg. [Exhibitions and local history activities of VSORGO. 1851–1931]. Irkutsk, VostSibkniga Publ., 2012, pp. 25−30.

16. Irkutskij kraj. Chetyre veka: istoriya Irkutskoj gubernii (oblasti) XVII–XXI vv. [Irkutsk region. Four centuries: the History of Irkutsk province (region) of the XVII– XXI centuries]; ed. by L. M. Dameshek. Irkutsk, VostSibkniga Publ., 2012. 80 p.

17. Fat'yanov A. D. Hudozhniki, vystavki, kollekcionery Irkutskoj gubernii [Artists, exhibitions, collectors of Irkutsk province]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1995. 187 p.

18. Fat'yanov A. D. Sud'ba sokrovishch [The fate of the treasure]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1967. 112 p.

19. Fat'yanov A. D. Vladimir Sukachev: Osnovatel' pervoj v Sibiri kartinnoj galerei [Vladimir Sukachev: Founder of the first art gallery in Siberia]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1990. 344 p.

20. Lyhin Yu. P. Hudozhestvennaya zhizn' Irkutska (pervaya chetvert' XX veka) [The artistic life of Irkutsk (the first quarter of the XX century)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy", 2002. 334 p.

21. Lyhin Yu. P. Hronika hudozhestvennyh sobytij v Irkutske (XVII vek – 1899 god) [Chronicle of artistic events in Irkutsk (XVII century – 1899)]. Izvestiya Arhitekturno-etnograficheskogo muzeya "Tal'cy" [News of the Architectural and Ethnographic Museum "Taltsy"], is. 3; ed. by Yu. P. Lyhin. Irkutsk, IP Makarov S. E., 2004, pp. 51−91.

22. Tkachev V. V. Organizaciya hudozhestvennyh meropriyatij Vostochno-Sibirskim otdelom Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Organization of artistic events by the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in the second half of the XIX – early XX century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 216–227.

23. GAIO (Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti) [The State Archive of the Irkutsk region], f. 293, op. 1, d. 282, l. 10.

24. GAIO, f. 293, op. 1, d. 162.

25. GAIO, f. 293, op. 1, d. 229.

26. Arhiv Irkutskogo oblastnogo hudozhestvennogo muzeya im. V. P. Sukacheva (IOHM). Delo po istorii Irkutskogo oblastnogo hudozhestvennogo muzeya [Archive of the Irkutsk Regional Art Museum named after V. P. Sukachev (IOHM). The case of the history of the Irkutsk Regional Art Museum], l. 12.

Информация об авторе / Information about the Author

Ткачев Виталий Викторович, аспирант кафедры истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1057-3270

V. Vitaliy Tkachev, Post-Graduate Student of the Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1057-3270

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

> УДК 004.9:519.8
>
> **Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия**
>
> **А.Л. Иванов**[1] ✉
>
> [1]Юго-Западный государственный университет
> ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация
>
> ✉ e-mail: ivanov@gmail.com
>
> **Актуальность**. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.
> ...
> **Ключевые слова:** агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/**